ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЁННОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

РАВНЮШКИН

Александр Викторович

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ГРАЖДАН ОТ СЕМЕЙНОГО НАСИЛИЯ

Диссертация

на соискание ученой степени доктора юридических наук

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

(юридические науки)

Научный консультант:

доктор юридических наук, профессор

Ухов Владимир Юрьевич

Санкт-Петербург – 2026

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ..... 4

Глава 1. Научно-методологические основы административно-правового обеспечения прав граждан на защиту от семейного насилия……..35

§ 1. Сущностные свойства семейного насилия в междисциплинарном измерении и их административно-правовая проекция ……..35

§ 2. Административно-научное осмысление категории семейного насилия...65

§ 3. Семейное насилие по законодательству зарубежных стран (Австрия, Беларусь, Великобритании, Германия (ФРГ), Казахстан, Норвегия, США, Узбекистан)…….91

Глава 2. Административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия……..139

§ 1. Понятие и структура административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия……..139

§ 2. Административно-правовое регулирование механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия ……163

§ 3. Субъекты административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия: понятие, система и классификация..... 187

§ 4. Административно-правовые средства обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия: материальный и процессуальный аспект ……...207

Глава 3. Характеристика и сравнительно-правовые аспекты систем обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия в зарубежных странах…….235

§ 1. Характеристика систем обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия в странах дальнего зарубежья (*США, Австрия, Норвегия, Китай*)…….235

§ 2. Характеристика систем обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия в странах ближнего зарубежья (*Беларусь, Казахстан, Узбекистан)* …..280

§ 3. Сравнительно - правовая характеристика систем обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, функционирующих в зарубежных странах и в Российской Федерации ……...313

Глава 4. Институциональные дефекты административно-правовой защиты от семейного насилия и векторы оптимизации правоприменительной модели (механизма) ……339

§ 1. Правоприменение системы ценностных ориентиров (целей, принципов и приоритетов) в административно-правовом обеспечении защиты от семейного насилия…….339

§ 2. Дефекты межведомственного взаимодействия субъектов административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия……...375

§ 3. Модель совершенствования административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия..... ……..404

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 436

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ……447

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ…….....449

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК…….……456

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1 485

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2 488

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3 494

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4 506

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5 509

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6 539

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7……...556

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Поддержка и укрепление института семьи является важнейшей задачей современного государства в рамках реализации сразу двух стратегических приоритетов по сбережению народа России и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, определенных в стратегии национальной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400»[1]. В соответствии с частью 1 статьи 38 Конституции Российской Федерации «семья находится под защитой государства».

С развитием гуманистических идей и норм международного права в течение XX – начале XXI века концепция достоинства личности, недопустимости жестокого обращения и безусловной противоправности насилия в семье претерпела значительные изменения: семейное насилие рассматривается как безусловное противоправное деяние.

Однако семья остается и зоной высоких социальных рисков. В одном из актов ООН говориться о том, что «ребенок, подвергшийся насилию, более склонен к жестокому обращению с другими людьми во взрослом возрасте, так что насилие передается из поколения в поколение. Поэтому крайне важно разорвать этот цикл насилия и тем самым создать позитивные последствия для многих поколений»[2].

Особую остроту проблеме придаёт её глубокое внутреннее противоречие с провозглашённым на высшем государственном уровне курсом на сбережение народа, укрепление семьи и защиту традиционных духовно-нравственных ценностей. Семья, призванная быть пространством безопасности и гармоничного развития личности, для тысяч российских граждан продолжает оставаться территорией страдания, унижения и смертельного риска. Ежегодно десятки тысяч детей становятся свидетелями или непосредственными жертвами насилия со

---

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 10.10.2023).

[2] Жестокое обращение с детьми. Основные факты. ООН. URL: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/child-maltreatment (дата обращения: 10.05.2026).

стороны близких, что формирует предпосылки для повторения агрессивных действий в будущем.

Масштаб проблемы подтверждается официальной статистикой и данными социологических исследований. Согласно статистическим данным ГИАЦ МВД России, начиная с 2022 г. показатели насильственной преступности в сфере семейно-бытовых отношений ежегодно снижаются: в 2022 г. зарегистрировано 42165 преступлений, в 2023 г. – 39312 (–6,8 %), в 2024 г. – 33307 (–15,3 %), в 2025 г. 26806 (–19,5 %)[1].

Несмотря на снижение показателей, общее количество обращений граждан в органы внутренних дел Российской Федерации в виде заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях по фактам насилия в сфере семейно-бытовых отношений остаётся на высоком уровне:

2023 год – 1348055 (-2,5%); 2024 год – 1443199 (+7,1%); 2025 год – 1093431 (-24,2 %), из них обращения совершены повторно 64881 (+0,9%), 75151 (+15,8%) и 78165 (+4,0%) соответственно.

В то же время положительная тенденция, отраженная в официальной правоохранительной статистике, не снижает значимость исследования при складывающихся современных социально-политических обстоятельствах. Часть жертв семейного насилия обращается за помощью в кризисные центры и отделения, которые «за первое полугодие 2026 года они обслужили 11 753 человека (для сравнения: за весь 2025 год — 18 445 человек, из них 7 737 женщин и 7 982 ребёнка)»[2].

2025 год «прервал десятилетнюю тенденцию снижения преступности несовершеннолетних. Число совершённых ими деяний увеличилось

---

[1] Сводный отчет по России (полугодие) О профилактической работе органов внутренних дел (сформирован с учетом требований приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429). Раздел 2. Сведения о преступлениях, совершенных на бытовой почве совершенных в сфере семейно-бытовых отношений январь-декабрь 2023 года ф. 578 кн.1, январь-декабрь 2024 года ф. 578 кн.1, январь-декабрь 2025 ф.578 кн. 1.

[2] Глава комитета Госдумы по защите семьи, вопросам отцовства, материнства и детства Нина Останина направила председателю правительства Михаилу Мишустину пакет предложений по защите пострадавших от семейно-бытового насилия. Письмо депутата есть в распоряжении RTVI. Россия. Общество. 27.08.2026. URL: https://rtvi.com/news/ostanina-poprosila-rasshirit-polnomochiya-policzii-i-subsidirovat-krizisnye-czentry/ (дата обращения: 03.09.2026).

на 10 процентов, в том числе особо тяжких – почти наполовину.... Причину роста подростковой преступности мы, как правило, связываем с просчётами субъектов профилактики. Но сегодня эти оценки не могут базироваться только на прежних стандартах»[1].

По данным Аналитического центра ВЦИОМ, «в 2025 году 10% россиян сообщили о случаях домашнего насилия в своей семье, около 30% сталкивались с такими ситуациями в окружении. 55% респондентов заявили, что даже однократное применение силы в семье недопустимо»[2].

Резонансные трагедии в семьях с летальным исходом, предшествовавшие им многократные обращения за помощью, которые не привели к действенной защите, обнажают кризис доверия общества к способности государства гарантировать конституционное право на жизнь и неприкосновенность. При этом высокая латентность насилия, поддерживаемая культурой замалчивания и страхом перед оглаской, превращает официальную статистику лишь в видимую вершину айсберга, за которой скрывается подлинный масштаб гуманитарной проблемы, разворачивающейся за закрытыми дверями. В этих условиях сохранение фрагментарного и реактивного правового механизма, не способного обеспечить эффективную превенцию и оперативную защиту, означает не что иное, как фактическое попустительство насилию, что вступает в непримиримый конфликт с национальными целями сбережения народа и создания безопасной социальной среды, а потому требует незамедлительных научно обоснованных системных решений.

Сложившееся административно-правовое регулирование вопросов противодействия семейному насилию характеризуется фрагментарностью и

---

[1] Из выступления Генерального прокурора Российской Федерации действительного государственного советника юстиции А.В. Гуцана на расширенном заседании коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации 19 марта 2026 г. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/79360 (дата обращения: 20.04.2026).

[2] Семейные тайны: мониторинг. Терпимость общества к семейному насилию снижается, его распространенность — тоже. Аналитический центр ВЦИОМ представляет результаты опроса россиян о семейно-бытовом насилии. 25 сентября 2025 г. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semeinye-tainy-monitoring?ysclid=mujy9apwue988335676 (дата обращения: 10.12.2025).

концептуальной несбалансированностью. Правовые нормы, регламентирующие предупредительную и правозащитную деятельность, рассредоточены по различным отраслям законодательства. Отсутствие единого понятийного аппарата и четкой иерархии целей (публичный интерес, автономия семьи, право личности на безопасность) порождает правовую неопределенность и дефекты правоприменения.

В этих условиях следует выработать научно обоснованную концепцию административно-правового обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия. Необходимо осуществить переосмысление целей, принципов и приоритетов правоприменения, а также разработку сбалансированной модели, способной обеспечить реальную защиту потерпевших при сохранении реабилитационного потенциала семьи и соблюдении принципов правового государства.

Степень разработанности темы исследования. У истоков изучения семейного насилия в России стояли исследователи различных сфер общественной жизни XIX века: мыслители, исследователи обычного права, этнографы, юристы такие как П.Е. Березанский[1], Н.А. Иваницкий[2], И.М. Красноперов[3], С.В. Пахман[4], и другие.

Изначально вопросы административно-правовой защиты личности от семейного насилия не являлись предметом самостоятельных исследований ученых-административистов, а ее отдельные аспекты рассматривались в рамках

---

[1] Березанский, П. Е. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии: [Соч., представл. на степень кандидата] / [Соч.] Канд. Павла Березанского. - [Киев : Унив. тип., 1880]. -[2], VI, 244 с.

[2] Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. / Н. А. Иваницкий // Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России — [Москва: Т-во скоропечатни Левенсон, 1890]. — II, 4, 236 с.

[3] Красноперов, И. М. Крестьянские женщины перед волостным судом // Сборник правоведения и общественных знаний. Труды юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете. Т. 1. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1893. – 389 с. URL: http://vsepravo.narod.ru/oglav/6727.htm.

[4] Пахман, С. В. Обычное гражданское право в России. Юридические очерки. Том II. Семейные права, наследство и опека. С.-Петербург. – 1879. – 447с. [Электронный ресурс] // URL: http:// www.pravo.vuzlib.net/book_z1261_page_13.html. 19. Березанский, П. Обычное уголовное право крестьян Тамбовской губернии [Текст] / П. Березанский. – Киев, 1880. – 244 с.

охраны общественного порядка, административной ответственности и нашли отражение в трудах ученых-юристов А.П. Алёхина, Д.Н. Бахраха, В.М. Безденежных, О.И. Бекетова, К.С. Бельского, И.И. Веремеенко, А.М. Воронова, В.В. Денисенко, А.С. Дугенца, М.И. Еропкина, А.И. Каплунова, Ю.М. Козлова, А.М. Кононова, П.И. Кононова, А.П. Коренева, М.Я. Масленникова, Л.Л. Попова, Б.В. Россинского, Н.Г. Салищевой, В.Е. Севрюгина, А.В. Серёгина, Ю.П. Соловья, Ю.Н. Старилова, А.И. Стахова, Ю.А. Тихомирова, В.В. Черникова, А.П. Шергина.

В 2015 году автором данного исследования была подготовлена и защищена кандидатская диссертация на тему: «Административно-правовые средства предупреждения и пресечения органами внутренних дел правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений», в которой исследовались понятие административно-правовых средств предупреждения и пресечения органами внутренних дел (далее – ОВД) правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, были выявлены пробелы административно-правового регулирования вопросов предупреждения и пресечения обозначенных правонарушений, проанализирована деятельность ОВД в этой сфере, и сформулированы предложения по совершенствованию регулирования и деятельности ОВД[1].

Отдельно следует выделить диссертационную работу О.А. Дизера, в которой были исследованы понятие общественной нравственности, административно-правовые функции органов публичной власти по защите общественной нравственности от угроз, исходящих от пьянства и алкоголизма, бродяжничества и попрошайничества[2]. В отмеченном исследовании обозначено, что семейно-бытовая среда выступает как наиболее уязвимая для деформации под

---

[1] Равнюшкин, А.В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения органами внутренних дел правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.14 / Равнюшкин Александр Викторович; [Место защиты: Акад. упр. МВД РФ]. — Москва, 2015. — 26 с.

[2] Дизер, О. А. Административно-правовая защита общественной нравственности: специальность 12.00.14 "Административное право; административный процесс»: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Дизер Олег Александрович. – Омск, 2019. – 475 с.

воздействием обозначенных угроз: пьянство и алкоголизм не только разрушают личность, но и являются ведущими источниками семейного насилия.

В рамках монографического исследования А.А. Гайдуковым [1] была осуществлена комплексная теоретико-прикладная разработка вопросов, связанных с деятельностью участковых уполномоченных полиции по предупреждению и пресечению правонарушений в семейно-бытовой сфере. В.А. Струковым в рамках кандидатской диссертации «Административно-правовое регулирование деятельности участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений» [2], изучены, помимо прочего, административные правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений.

Определенный интерес представляет исследование на материалах Республики Казахстан, проведенное Е.С. Акимжановым[3], в которой было изучены сущность и содержание административно-правовой защиты от домашнего насилия в Республике Казахстан, разработана система административно-правовой защиты от домашнего насилия.

Также разработке научно обоснованных теоретических положений о семейно-бытовом насилии, практических выводов и рекомендаций по совершенствованию законодательства Республики Казахстан, устанавливающего административно-правовые меры профилактики семейно-бытового насилия, и

---

[1] Гайдуков, А.А. Административно-правовое регулирование деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению и пресечению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений / А. А. Гайдуков. – Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования "Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2021. – 130 с.

[2] Струков В.А. Административно-правовое регулирование деятельности участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки. — Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя. — Москва, 2023. — 225 с.

[3] Акимжанов Е. С. Административно-правовая защита от домашнего насилия в Республике Казахстан: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 5.1.2. / Акимжанов Ерик Серикович; [Место защиты: ФГКОУ ВО «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации» - Москва, 2023. - 24 с.

деятельности сотрудников полиции по реализации указанных мер посвящена кандидатская диссертация А.У. Сейдахметовой[1].

Решением проблем административно-правового регулирования деятельности органов внутренних дел Республики Таджикистан в сфере профилактики насилия в семье занимался П.Р. Шарифзода[2]. В целом данные научные исследования сосредоточены на защите членов семей от актов семейно-бытового насилия, повышении оперативности реагирования на факты семейно-бытового насилия, ограждении членов семьи от действий.

Дефиниция «семейно-бытовое насилие» впервые в российском административном праве легла в основу объекта и предмета диссертационного исследования А.В. Краснова на тему «Административно-правовое регулирование профилактики семейно-бытового насилия в Российской Федерации»[3].

Вместе с тем до настоящего времени отсутствовало комплексное монографическое исследование, посвященное административно-правовому механизму обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия как целостной системе. Не были сформированы научные представления о его структуре, элементах, закономерностях функционирования и дефектах. Остаются неразработанными вопросы взаимодействия всех субъектов этого механизма. За рамками научных исследований зачастую находятся латентные формы насилия, такие как насилие между детьми или подростковое насилие в отношении родителей. Отсутствует концептуальное осмысление конфликта целей и принципов правоприменения в данной сфере, а также целостная, научно обоснованная модель его оптимизации. Не были исследованы проблемы

---

[1] Сейдахметова А.У. Административно-правовые основы деятельности сотрудников полиции по профилактике семейно-бытового насилия (по материалам Республики Казахстан): автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 5.1.2 / Сейдахметова Асемгуль Уахитовна; [Место защиты: "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»]. – Санкт-Петербург, 2025. - 31 с.

[2] Шарифзода П. Р. Административно-правовое регулирование деятельности органов внутренних дел Республики Таджикистан в сфере профилактики насилия в семье: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. - 277 с.

[3] Краснов А. В. Административно-правовое регулирование профилактики семейно-бытового насилия в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2025. - 186 с.

организации взаимодействия субъектов противодействия семейному насилию, прежде всего, между органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе административно-правового обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия.

Предмет исследования - семейное насилие как сложное социально-негативное явление и совокупность правовых норм, регламентирующих административно-правовое обеспечение защиты прав граждан от такого насилия; акты правоприменительных органов; научные труды по исследуемой проблематике, а также зарубежный опыт.

Цель диссертационного исследования заключаются в разработке концепции административно-правового обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, и формулировании теоретических положений и практических рекомендаций, направленных на совершенствование структуры, содержания и повышения эффективности функционирования соответствующего административно - правового механизма в целях последовательного сопровождения каждого случая семейного насилия и принятия мер социальной реабилитации потерпевших.

Задачи диссертационного исследования:

1. Провести анализ научно-методологических подходов к категории «семейное насилие» в междисциплинарном контексте, раскрыть её сущностные характеристики и определить их значение для административно-правового регулирования и правоприменительной практики органов публичной власти.

2. Дать и раскрыть административно-правовую характеристику семейного насилия, определив его понятие и юридически значимые признаки, позволяющие отграничить данную категорию (как административно-противоправное деяние) от смежных составов правонарушений.

3. Проанализировать понятие, признаки и виды семейного насилия по законодательству зарубежных стран, выявить основные модели правового

регулирования и определить пределы рецепции позитивного опыта в российскую правовую систему.

4. Раскрыть сущность, сформулировать понятие и проанализировать структуру действующего административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия.

5. Провести системный анализ правовых норм, образующих основу функционирования исследуемого механизма, классифицировав их по функциональной роли и выявив пробелы и коллизии в правовом регулировании.

6. Классифицировать и охарактеризовать субъекты административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, определить роль и место органов внутренних дел, а также обосновать необходимость расширения субъектного состава.

7. Исследовать административно-правовые средства (материальные и процессуальные), применяемые в рамках рассматриваемого механизма защиты, и выявить закономерности их действия.

8. Провести сравнительно-правовой анализ систем обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия в зарубежных странах (США, Австрия, Норвегия, Китай, Узбекистан, Казахстан, Беларусь) и в Российской Федерации, выделив типичные модели правового регулирования.

9. Проанализировать систему целей, принципов и приоритетов правоприменения и на этой основе выявить проблемы функционирующего административно-правового механизма обеспечения прав граждан от семейного насилия.

10. Изучить практику межведомственного взаимодействия субъектов административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия с целью выработки решений по устранению имеющихся дефектов действующего административно-правового механизма.

11. Разработать концепцию совершенствования административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, предложив изменения в законодательство и правоприменительную практику.

Научная новизна исследования заключается в том, что оно представляет монографическое исследование, в котором на основе междисциплинарного подхода разработана концепция административно-правового обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, а также сформулированы предложения по совершенствованию соответствующего правового механизма. Концепция переводит проблему из плоскости «реагирования на правонарушение» в плоскость «управления социальной безопасностью», где государство выступает не карателем, а гарантом безопасности и субъектом восстановления социального благополучия. В работе получены следующие научные результаты, обладающие новизной:

1. Выявлены сущностные свойства семейного насилия как объекта научного познания (биопсихологическая детерминированность, цикличность и эскалация, тесная связь с семейным конфликтом, амбивалентность) и определена их административно-правовая проекция, сформулировано авторское определение административно-противоправного семейного насилия.

2. Обоснована и введена в научный оборот категория «административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия», раскрыты его содержание как динамичной системы.

3. Предложена авторская классификация субъектов исследуемого механизма по функциональным этапам (стадиям) противодействия семейному насилию, позволяющая выделить шесть основных групп (от субъектов первичного реагирования до субъектов экспертно-аналитической деятельности), обоснована нетождественность этого понятия категории «субъект профилактики правонарушений», а также доказана необходимость расширения субъектного состава с усилением роли специализированных социальных служб.

4. Сформулировано понятие и дана развернутая характеристика административно-правовых средств защиты, включая материальные и процессуальные. Выявлена и обоснована закономерность цикличности их применения при устойчивом насильственном поведении, выражающаяся в последовательной смене процессуальных циклов: от административной

ответственности (ст. 6.1.1 КоАП РФ) к уголовной (ст. 116.1 УК РФ) и далее к административному надзору. Данная закономерность имеет общетеоретическое значение.

5. На основе сравнительно-правового анализа систем противодействия семейному насилию в странах дальнего и ближнего зарубежья (Австрия, Белоруссия, Казахстан, Китай, Норвегия, США, Узбекистан) выделены модели правового регулирования: либерально-грантовая, проактивно-полицейская, интегративно-детоцентричная, патерналистско-воспитательная и смешанная (постсоветская). Определены направления и пределы рецепции позитивного опыта в российскую правовую систему.

6. Диагностированы системные (концептуальные) дефекты российского механизма: выявлена и обоснована несбалансированность целеполагания, выражающаяся в отсутствии законодательно закрепленной иерархии между публичным интересом, принципом автономии семьи и правом личности на безопасность. Охарактеризован «парадокс парадигмы» в правоприменении, проявляющийся в гибридном «реактивном» характере российской модели.

7. Введена в научный оборот категория «информационная асимметрия» в контексте публичного управления в сфере противодействия семейному насилию, характеризующаяся состояние разобщенности ведомственных систем учета (МВД России, Минздрав России, Минтруд России, Судебный департамент при Верховном Суде России). Выявлены и описаны негативные феномены «переложения ответственности» и «регистрационного вакуума», препятствующие комплексному сопровождению случая семейного насилия (последовательная реакция и действия уполномоченных субъектов от стадии выявления случая насилия до стадии оказания реабилитационных услуг жертве).

8. Разработаны предложения по совершенствованию административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия:

- по расширению применения административно-правовых средств обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия;

- по изменению архитектуры межведомственного взаимодействия на основе принципов координации, непрерывности и технологии «управления случаем семейного насилия» (case management);

- по созданию единого федерального реестра случаев семейного насилия с дифференцированным доступом;

- по разработке системы мер, включающую коррекционные программы для агрессоров, развитие сети кризисных центров временного проживания, а также новые межведомственные критерии эффективности деятельности субъектов исследуемого механизма (KPI).

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие науки административного права, обогащая ее понятийный аппарат и теоретические конструкции.

1. Разработанная автором научная концепция административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия расширяет и углубляет теоретические представления о публичном управлении в социально-чувствительной сфере, о пределах вмешательства государства в частную жизнь, а также о балансе публичных и частных интересов в деятельности органов исполнительной власти.

2. Введенные в научный оборот категории и понятия («административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия», «информационная асимметрия», «цикличность применения административно-правовых средств») развивают теорию административного права и могут служить методологической основой для дальнейших исследований в сфере публичного управления, охраны общественного порядка и защиты прав граждан.

3. Предложенная классификация субъектов административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия по функциональным этапам противодействия и обоснование нетождественности понятий «субъект профилактики» и «субъект механизма» углубляют научные представления о системности и структуре правоохранительной деятельности, о

роли и месте различных органов и организаций в едином процессе защиты прав граждан.

4. Выявленная закономерность цикличности применения административно-правовых средств при устойчивом насильственном поведении имеет общетеоретическое значение и может быть экстраполирована на иные правовые механизмы противодействия правонарушениям, обогащая теорию юридической ответственности и правоприменения.

5. Разработана концепция совершенствования механизма, интегрирующая публично-правовые и частноправовые начала, обосновывающая необходимость перехода от реактивной модели к проактивной, основанной на технологии «управления случаем семейного насилия», и которая развивает теорию административного процесса и учение об административных процедурах.

Практическая значимость исследования определяется его направленностью на выработку предложений по решению актуальных проблем правотворчества и правоприменения, а также возможностью использования полученных результатов в различных сферах юридической деятельности:

1. В правотворческой деятельности: разработанные автором предложения могут быть использованы при подготовке проекта федерального закона «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию», а также при внесении изменений и дополнений в федеральные законы и иные нормативные правовые акты.

2. В деятельности федеральных органов исполнительной власти: результаты исследования могут быть использованы МВД России, Минтрудом России, Минздравом России, Минпросвещения России при разработке ведомственных и межведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок выявления случаев семейного насилия, межведомственного взаимодействия, оказания помощи пострадавшим и организации коррекционной работы с агрессорами. Предложенные автором модель межведомственного взаимодействия и критерии оценки эффективности деятельности субъектов исследуемого механизма (KPI) могут быть внедрены в практику этих субъектов.

3. В правоприменительной практике: полученные выводы и рекомендации могут быть использованы в деятельности территориальных органов МВД России, других федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, органов социальной защиты населения, кризисных центров, медицинских и образовательных организаций для повышения эффективности их работы по профилактике семейного насилия, защите прав пострадавших и обеспечению межведомственного взаимодействия.

4. В учебном процессе: материалы диссертации могут быть использованы в образовательных организациях высшего образования юридического профиля при преподавании дисциплин «Административное право», «Административно-процессуальное право», «Основы управления в органах внутренних дел», «Деятельность участкового уполномоченного полиции», а также при разработке и преподавании специальных курсов по проблемам профилактики правонарушений, защиты прав граждан и организации деятельности публичной администрации.

Методология и методы исследования. Для достижения цели и решения задач исследования были использованы общенаучные и иные методы познания, применение которых обусловлено спецификой объекта и предмета исследования. Методологической основой выступает диалектический метод, позволивший рассмотреть семейное насилие и административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от него в развитии, выявить внутренние противоречия правового регулирования и правоприменения, а также обосновать необходимость перехода к качественно новой модели публичного управления в исследуемой сфере.

Дедуктивный метод применен для изучения сущностных свойств семейного насилия, выделения его признаков, формирования целостного представления о структуре административно-правового механизма защиты. Системно-структурный метод – ключевой для исследования системы субъектов механизма, выявления связей между ними и обоснования целостности предлагаемой концептуальной модели. Функциональный метод позволил определить направления деятельности

субъектов противодействия семейному насилию на разных этапах (от реагирования до реабилитации).

Метод абстрагирования использовался при построении теоретических конструкций («административно-правовой механизм», «цикличность применения правовых средств») и разработке авторских дефиниций. Формально-юридический метод применён для анализа содержания правовых норм, выявления пробелов и дефектов юридических конструкций. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления российского законодательства с зарубежными моделями противодействия семейному насилию (защитное предписание, оценка риска, межведомственное взаимодействие). Историко-правовой метод позволил проанализировать эволюцию отношения общества и государства к семейному насилию. Метод юридического моделирования использован при разработке концептуальной модели совершенствования механизма (новые институты, процедуры взаимодействия). Контент-анализ применён для изучения судебных постановлений по делам об административных правонарушениях (ст. 6.1.1 КоАП РФ).

Анализ статистических данных использован при обработке официальных данных МВД России, Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, Генпрокуратуры РФ, опросов ВЦИОМ и других источников.

Теоретическую основу исследования составили фундаментальные труды отечественных и зарубежных ученых в области теории государства и права, конституционного, административного, уголовного, семейного права, криминологии, а также психологии и социологии, посвященные проблемам прав человека, механизмам обеспечения защиты прав, профилактике правонарушений, природе насилия и противодействию ему.

Необходимо выделить доктринальные труды отечественных ученых *в области общей теории права*: Ю.В. Анохина, С.С. Алексеева, Г.С. Беляевой, Н.В. Витрука, А.В. Малько, *конституционного права:* С.А. Авакьяна, П.А. Астафичева, Д. С. Велиевой, И.В. Гончарова, В.Д. Зорькина, М.В. Преснякова, К.Е. Сигалова, *административного права:* И.А. Адмираловой

О. И. Бекетова, М.А. Бучаковой, А.М. Воронова, О.А. Дизера, А.С. Дугенца, А.И. Каплунова, А.В. Мартынова, В.Е. Севрюгина, В.Д. Сорокина, Ю.Н. Старилова, А.И. Стахова, Ю.В. Степаненко, В.Е. Степенко, М.Е. Труфанова, В.В. Черникова, А.П. Шергина, *уголовного права и криминологии* Н.Ю. Волосовой, П.Н. Кобец, В. С. Харламова, Д.А. Шестакова, а также семейного права и социологии.

Нормативную основу диссертационного исследования составили:

Конституция Российской Федерации, федеральные законы, документы стратегического планирования в сфере национальной безопасности, сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей, устанавливающие национальные цели развития Российской Федерации, другие подзаконные нормативные правовые акты федерального уровня (указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, приказы, инструкции и иные нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти), законы субъектов Российской Федерации, акты органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных органов власти.

Также нормативную основу исследования составили международные акты и нормативные правовые акты иностранных государств (Австрия. Великобритания. Германия (ФРГ), Китай (КНР), Норвегия, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Республика Кыргызстан, Республика Узбекистан, США).

Эмпирическую базу исследования составили постановления Конституционного Суда Российской Федерации, решения Верховного Суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции, данные судебной статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, ГИАЦ МВД России, территориальных органов МВД России, Генеральной прокуратуры Российской Федерации, социологических опросов Всероссийского центра исследований общественного мнения (ВЦИОМ), докладов Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Кроме того, были изучены эмпирические данные международных и иностранных источников, судебная практика.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Разработана концепция административно-правового обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия - система взглядов и научных представлений о сущности, структуре, принципах функционирования и направлениях совершенствования административно-правового механизма обеспечения безопасности личности, - которая предусматривает переход от реактивной модели реагирования на уже совершившиеся акты насилия к проактивной модели управления социальной безопасностью, в рамках которой государство выступает гарантом безопасности и субъектом восстановления социального благополучия. К числу основных элементов этой концепции относятся:

1) совокупность представлений о семейном насилии, позволяющих его идентифицировать как публично значимый феномен и объект административно-правового регулирования;

2) административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия как динамическая система;

3) институциональная архитектура межведомственного взаимодействия субъектов административно-правового механизма;

4) система административно-правовых средств обеспечения защиты от семейного насилия;

5) предложения по совершенствованию законодательства, регламентирующего функционирование исследуемого механизма.

2. Сформулированы представления о семейном насилии, позволяющие его идентифицировать как публично значимый феномен и объект административно-правового воздействия.

Феномен «семейное насилие» представляет собой сложное, многоаспектное явление и объект правового регулирования. Насилие обладает биопсихологической обусловленностью, цикличностью, конфликтной природой и амбивалентностью. Семейное (домашнее) насилие как противоправное и

наказуемое деяние представляет собой совершенный физический и психологический или отдельно психологический акт агрессора (одноразовый или повторный/цикличный) при семейно-бытовом конфликте, направленный на причинение физического и психологического вреда лицу, проживающему совместно с агрессором в качестве члена семьи, сожителя (лиц, ведущих совместное хозяйство), использующего знания о наиболее уязвимых и незащищенных сторонах личности жертвы, ее ценностях с целью реализации своих личных устремлений или в целях освобождения от различных притязаний при возникновении/обострении объективных негативных факторов или без таковых.

Под наказуемым административно противоправным насилием, в том числе совершаемом в сфере семейно-бытовых отношений, понимается нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, в том числе причинивших физическую боль, но не повлекших уголовно-наказуемых последствий, а также акты психологического насилия (угрозы причинения насилия, не опасного для жизни или здоровья, нарушение спокойствия граждан в семье, унижение человеческого достоинства, создание конфликтной ситуации, умышленное повреждение имущества члена семьи), которые выражены, как правило, на фоне семейно-бытового конфликта и причиняют ущерб нравственности, оказывают деморализующее и психотравмирующее воздействие на членов семьи и лиц, совместно проживающих и ведущих с агрессором общее хозяйство.

Включение в российский административно-научный оборот зарубежного подхода к определению семейного насилия, охватывающего разнородные по своей правовой природе деяния, не отвечает принципу правовой определённости, необходимому для установления чётких критериев административной противоправности. Российская правовая система опирается на дифференцированное регулирование видов насилия в рамках соответствующих отраслей права, что исключает необходимость заимствования комплексных

межотраслевых конструкций в административно-правовой терминологический аппарат.

3. В качестве правовой категории и элемента концепции сформулированы представления о том, что в сфере обеспечения прав граждан от семейного насилия в Российской Федерации функционирует недостаточно сформированный административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, под которым понимается основанная на нормах конституционного и административного права динамическая система, в которой уполномоченные и иные субъекты осуществляют процедурно-процессуальные и иные действия, направленные на противодействие фактам семейного насилия, привлечения виновных лиц к административной ответственности, защиты прав потерпевших, реализации правовых и социальных гарантий, и также гарантированная правовыми основами и контрольно-надзорными структурами на соблюдение законности в деятельности субъектов обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия.

Административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия в отличие от иных правовых механизмов (гражданско- правового и уголовно-правового) имеет определенные преимущества. В Российской Федерации в целях защиты традиционных духовно-нравственных ценностей должен оставаться в приоритете подход применения профилактических мер и административных наказаний.

4. В целях систематизации, раскрытия внутренней структуры, дальнейшего выявления уровня функциональной соподчиненности и скоординированности деятельности субъектов сформулировано представление о субъектах механизма административно-правового обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, понимаемая как многоуровневая, иерархически и функционально связанная система; разработана классификация этих субъектов в зависимости от наиболее релевантного критерия - по функциональным этапам (стадиям) обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия. Это субъекты:

- первичного реагирования и экстренной помощи;
- индивидуальной профилактики и административного надзора;
- административной юрисдикции;

- восстановительных процедур (медиации), оказания социально-правовой защиты и реабилитации;

- государственного и общественного контроля за законностью;

- экспертно-аналитической и научной деятельности.

Классификация обеспечивает целостное видение механизма, выявляет функциональную роль каждого элемента.

5. Обосновано, что определенное значение для концепции имеет представление о том, что в структуру исследуемого административно-правового механизма в качестве самостоятельного системного элемента должны быть включены субъекты, осуществляющие экспертно-аналитическую и научную деятельность, которые традиционно не рассматриваются в качестве субъектов системы обеспечения прав граждан от правонарушений.

К ним относятся экспертные советы при уполномоченных по правам человека и ребенка, научно-исследовательские организации, рабочие группы при Правительственной комиссии по профилактике правонарушений, отдельные ученые и специалисты. Деятельность данных субъектов, направленная на анализ правоприменительной практики, подготовку научно обоснованных рекомендаций и экспертизу проектов нормативных актов, является необходимым условием для устойчивого развития и адаптации механизма защиты от семейного насилия к меняющимся социальным условиям и вызовам. Качество работы этой группы субъектов напрямую детерминирует эффективность функционирования всех остальных элементов механизма.

6. Элементом концепции является сформулированное теоретическое представление о взаимодействии субъектов административно-правового механизма противодействия семейному насилию, что нашло свое отражение в сформулированном понятии, и под которым предлагается понимать урегулированную административно-правовыми нормами совместную деятельность организационно самостоятельных органов исполнительной власти и иных уполномоченных субъектов, основанную на принципах координации, непрерывности и интеграции, осуществляемую посредством применения

согласованных процедур выявления, пресечения, учета, обмена информацией и социального сопровождения, направленную на обеспечение безопасности жертвы и минимизацию криминогенных факторов в семье. Данная дефиниция, в отличие от существующих (ориентированных на правоохранительный аспект), акцентирует приоритет защиты прав потерпевшего лица и необходимость непрерывного административного сопровождения случаев семейного насилия.

7. В результате сравнительного анализа зарубежных систем обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия обосновано выделение двух основных подходов к юридической фиксации семейного насилия: казуистического (при котором отдельные составы правонарушений распределены по уголовному и административному законодательству, как в ФРГ, скандинавских странах и ряде штатов США) и интегративного (предполагающего наличие специального закона, содержащего легальное определение и комплексный механизм защиты, как в Австрии, Великобритании, Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане). При этом в странах СНГ (Казахстан, Беларусь, Узбекистан) наблюдается формирование смешанной модели, сочетающей элементы публичного (выявительного) начала в возбуждении дел с развитием институтов социально-правовой защиты (кризисные центры, охранные ордера), что свидетельствует о поиске баланса между охраной публичного порядка, автономией семьи и защитой прав личности.

На основе сравнительно-правового анализа систем обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия в странах дальнего и ближнего зарубежья (США, Австрия, Норвегия, Китай, Узбекистан, Казахстан, Беларусь) выделены модели правового регулирования: либерально-грантовая, проактивно-полицейская, интегративно-детоцентричная, патерналистско-воспитательная и смешанная (постсоветская).

Определяется невозможность прямого заимствования зарубежных моделей (рецепции) без учета особенностей российской правовой системы и традиционных ценностей, что, однако, не исключает рецепции отдельных доказавших свою эффективность институтов (защитные предписания, специализированные субъекты профилактики, межведомственное

взаимодействие) в российский административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия.

8. Органы внутренних дел выполняют системообразующую функцию, действуя практически на всех этапах противодействия. Это обусловлено их широкой компетенцией по пресечению правонарушений и производству по делам об административных правонарушениях. Однако гипертрофированная роль полиции свидетельствует о недостаточном развитии иных, специализированных звеньев системы — социальных служб, кризисных центров, института медиации, органов опеки, экспертных сообществ.

9. Установлено, что элемент концепции - административно-правовой механизм обеспечения прав граждан от семейного насилия в Российской Федерации характеризуется фундаментальным недостатком своей архитектуры — концептуальной несбалансированностью целеполагания. Данный недостаток выражается в отсутствии законодательно закрепленной и соподчиненной иерархии между тремя равно значимыми, но разнонаправленным объектами государственного воздействия: публичным интересом (охрана правопорядка и неотвратимость наказания), принципом автономии семьи, и правом личности на физическую и психологическую безопасность.

Данная несбалансированность является результатом фрагментарного и непоследовательного формирования системы (посредством точечных изменений в отраслевое законодательство) при несформированности единой концептуальной основы. Российская модель реагирования на семейное насилие, будучи формально основанной на публичном начале административной ответственности, фактически функционирует как реактивная, сочетая пассивность правоохранительных органов (обусловленную социокультурной установкой на невмешательство) с отсутствием легальных механизмов примирения. Данный гибридный характер порождает правовую неопределенность, произвольное усмотрение правоприменителя и высокую латентность насилия, не обеспечивая ни реальную защиту жертвы, ни неотвратимость наказания. Отсутствие правовой определенности в вопросе о том, какая из ценностей (сохранение семьи или безопасность ее члена) имеет

приоритет в конфликтной ситуации, порождает внутреннюю конфликтность целей и обуславливает их разрешение на усмотрение правоприменителя. Это приводит вариативности практики (широкому усмотрению) — от полного бездействия до избыточного репрессивного вмешательства, что дискредитирует принцип неотвратимости ответственности и не обеспечивает реальной защиты жертв.

Необходимо законодательное закрепление иерархии целей публичного управления в этой сфере, основанной на приоритете безопасности личности над автономией семьи при наличии признаков насилия. Формирование целостной концептуальной основы, определяющей, что защита жизни, здоровья и достоинства личности является основанием для активного государственного вмешательства, исключающим двусмысленность в выборе средств реагирования.

10. Концепцией рассмотрено значение критериев эффективности межведомственного взаимодействия субъектов действующего административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, где ключевые показатели эффективности их деятельности (KPI) (полиции, соцзащиты, здравоохранения и др.) не синхронизированы и ориентированы на внутриведомственные, а не на общие конечные результаты (обеспечение безопасности жертвы и коррекция поведения агрессора, отсутствие повторных инцидентов, улучшение социального статуса семьи).

Это порождает «феномен перекладывания ответственности» и исключает возможность комплексного ведения случая, что подтверждается анализом ведомственных статистик и судебной практики прекращения дел по ст. 6.1.1 КоАП РФ в связи с пассивностью потерпевшего.

Обоснована необходимость смены парадигмы административно-правового регулирования взаимодействия - от фрагментарной, реактивной модели, основанной преимущественно на постфактумном обмене информацией, к системно-интегративной, проактивной модели, базирующейся на принципах координации, непрерывности и технологии «управления случаем семейного насилия».

Также следует ввести межведомственные показатели эффективности противодействия семейному насилию (KPI), такие как:

- отсутствие повторных инцидентов в семье в течение года после вмешательства.

- количество семей, переведенных из категории «социально опасное положение» в категорию «благополучные» по итогам совместной работы.

- доля жертв, получивших полный комплекс услуг (медицинских, психологических, социальных) в соответствии с индивидуальной программой.

Показатели должны быть закреплены в государственных программах («Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [1], «Социальная поддержка граждан» [2]) и в ведомственных приказах о порядке оценки деятельности территориальных органов МВД России[3].

11. Выявлена и введена в научный оборот категория концепции «информационная асимметрия» в контексте публичного управления в сфере противодействия семейному насилию. Данная категория характеризует состояние разобщенности ведомственных систем учета (МВД России, Минздрав России, Минтруд России, Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации), при котором формируются «регистрационные вакуумы» и становится невозможным проследить полный цикл работы над конкретным случаем насилия.

Обоснована необходимость создания единого федерального реестра случаев семейно-бытового насилия с дифференцированным доступом (оперативный, социальный, статистический уровни) для преодоления данной асимметрии при соблюдении баланса с правом на неприкосновенность частной жизни.

---

[1] Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности: постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 345 // Собрание законодательства Российской Федерации, №18 (ч. IV), 05.05.2014, ст. 2188.

[2] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан»: постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 296 // Собрание законодательства Российской Федерации №: 53 от 15 апреля 2014 года.

[3] Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 // официально опубликован не был.

12. Концепцией подтверждается значимость наделения действующих координационные органов исследуемого механизма реальными властными полномочиями. Установлено, что в современной системе субъектов механизма координационные органы практически осуществляют свою деятельность без наделения их реальными властными полномочиями. Подобные структуры, выполняя экспертно-консультативные функции, de facto не способны обеспечить согласованные действия всех субъектов системы профилактики (полиции, здравоохранения, образования, социальных служб) в силу:

а) подчиненности одному ведомству; б) отсутствия права принятия обязательных для исполнения решений; в) невозможности оперативного вмешательства в конкретные случаи (отсутствия механизма «ведения случая семейного насилия»).

В целях обеспечения эффективного межведомственного взаимодействия предлагается законодательно или подзаконно (на уровне высшего исполнительного органа субъекта РФ) закрепить обязательное наличие единого координационного органа, который:

- создается при высшем исполнительном органе государственной власти субъекта Российской Федерации (Правительстве), что обеспечит распространение его решений на все органы исполнительной власти субъекта Российской Федерации;

- возглавляется должностным лицом, обладающим властью над всеми субъектами профилактики – заместителем высшего должностного лица субъекта РФ (вице-губернатором);

- принимает решения, носящие общеобязательный характер для всех территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (по согласованию), исполнительных органов государственной власти субъекта и органов местного самоуправления в пределах их компетенции, касающейся вопросов профилактики;

- имеет прямо закрепленную задачу – координацию деятельности субъектов профилактики именно в сфере предупреждения семейного насилия и реабилитации, а не в рамках общей профилактики;

- в структуре имеет экспертно-консультативный совет (созданный из представителей научного сообщества и некоммерческих организаций), обеспечивающий научную обоснованность принимаемых решений и обратную связь от институтов гражданского общества.

13. В качестве правовой категории концепции и элемента исследуемого механизма представлены административно-правовые средства обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, под которыми предлагается понимать взятое в единстве системное образование, включающее правовые установления (материальные нормы, запреты, дозволения, стимулы, санкции) и формы правореализационной практики (административные процедуры, процессуальные действия, акты применения права), реализуемые специализированными субъектами административно-правового механизма в целях противодействия семейному насилию, восстановления нарушенных прав потерпевших и достижения удовлетворительного состояния защищенности граждан.

Данный подход, в отличие от узкоинструментального, позволяет раскрыть регулятивный потенциал средств на всех этапах административной деятельности: выявления, предупреждения, пресечения, реабилитации и контроля.

14. Сформулировано авторское определение административно-процессуальных средств в общем теоретико-административном значении — это формализованные в административно-процессуальных нормах, актах применения административного права и административно-процессуальных действиях способы и приемы воздействия, применяемые уполномоченными субъектами в целях решения административно-процессуальных задач, направленных на реализацию прав граждан, общества и государства и приводящие к юридически значимым последствиям. В рамках административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия данные средства приобретают специализированное значение, определяемое целевой направленностью

(достижение удовлетворительного состояния защищенности граждан от семейного насилия) и субъектным составом (субъекты исследуемого механизма).

При устойчивой направленности лица на применение насилия в сфере семейно-бытовых отношений материальные и процессуальные административно-правовые средства применяются циклично, что выражается в последовательной смене процессуальных циклов: административная ответственность по статье 6.1.1 КоАП РФ → уголовная ответственность по статье 116.1 УК РФ (при повторном деянии) → уголовная ответственность по части 2 статьи 116.1 УК РФ (при наличии судимости за насильственное преступление) → административный надзор (по отбытии наказания). Цикличность представляет собой закономерность, обусловленная природой семейного насилия как повторяющегося (рецидивного) деяния, и требует учета при конструировании системы административно-правовых средств и определении стратегии правоприменения.

15. Концепцией обоснована необходимость повышения профилактического эффекта противодействия семейному насилию посредством вмешательства субъектов противодействия семейному насилию на самой ранней стадии развития семейно-бытового конфликта. Для этого целесообразно в КоАП РФ включить статью об ответственности за психологическое насилие и, тем самым, создать связанную систему норм: ст. 6.1.1 (физическое насилие без причинения вреда здоровью, физическая боль) - ст. 6.1.2 (психологическое насилие, угрозы) - соответствующие статьи УК РФ). Это позволило бы создать комплексный и эффективный административно-правовой инструментарий для противодействия семейному насилию во всех его проявлениях, выработать правовую оценку деструктивному поведению в семье, которое существует без надлежащей юридической оценки со стороны субъектов реагирования на акты семейного насилия.

16. Установлено, что при обеспечении защиты граждан от семейного насилия в Российской Федерации доминирует карательный подход над превентивным и правозащитным. Это обусловлено, среди прочего, недостаточностью действующих видов административно-правовых средств,

прежде всего, административно-предупредительных и охранных. Правовые акты, регламентирующие деятельность полиции и иных субъектов профилактики, содержат широкий арсенал мер административного пресечения (доставление, задержание, привод), и наказания, однако законодательно и процедурно не предусматривают применение срочных защитных предписаний и охранных ордеров в отношении жертвы.

Для устранения имеющегося дисбаланса превентивных и карательных административно-правовых средств противодействия семейному насилию и усиления социально-правовых гарантий защиты жертв этого насилия поддерживается предложение о разработке административно-предупредительных и охранных административно-правовые средств (срочные защитные предписания и охранные ордера).

17. Подчеркивается значение для концепции единообразной практики правоприменения норм, связанных с производством по делам об административных правонарушениях. Установлено, что имеется дефект в виде разрыва между императивным предписанием закона о безусловном проведении административного расследования по делам о побоях (ст. 28.7 КоАП РФ во взаимосвязи со ст. 6.1.1 КоАП РФ) и фактическим правоприменением, при котором возбуждение дела ставится в зависимость от субъективного усмотрения должностного лица.

Для преодоления указанного разрыва обоснована необходимость законодательной конкретизации обстоятельств, при наличии которых должностное лицо обязано возбудить дело об административном правонарушении по ст. 6.1.1 КоАП РФ и провести производство по делу независимо от иных факторов. В качестве таких обстоятельств, исключающих усмотрение, предлагается закрепить исчерпывающий перечень объективных признаков, указывающих на событие правонарушения и подлежащих обязательной фиксации: 1) наличие у потерпевшего телесных повреждений, зафиксированных в медицинском заключении (акте судебно-медицинского освидетельствования); 2) совершение деяния в присутствии несовершеннолетнего; 3) совершение деяния в

состоянии алкогольного или наркотического опьянения, подтвержденном результатами освидетельствования; 4) наличие реальной угрозы применения насилия, подтвержденной материалами проверки (показаниями свидетелей, потерпевших и иных доказательств).

18. В целях комплексного решения обозначенных в диссертации проблем необходимо реализовать ряд правотворческих инициатив посредством принятия комплексного законодательного акта, который станет концептуальной основой для дальнейшего совершенствования отраслевого законодательства и подзаконного нормотворчества в исследуемой сфере.

В связи с этим обосновывается необходимость разработки и принятия проекта федерального закона «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию». Данный закон должен стать базовым системообразующим актом, определяющим государственную политику в исследуемой сфере. Принятие этого закона потребует внесения изменений и дополнений в действующие законодательные акты в целях их гармонизации и создания непротиворечивой системы правового регулирования. В связи с этим обосновывается необходимость принятия законодательных новелл в другие законодательные акты и подзаконные акты.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность полученных выводов и рекомендаций обеспечивается использованием репрезентативной нормативной и эмпирической базы, применением апробированных методов научного познания, корректной интерпретацией результатов анализа правоприменительной практики, а также обсуждением результатов работы на заседаниях кафедры административного права Санкт-Петербургского университета МВД России, в научной печати и на научных конференциях. Основные теоретические положения и практические рекомендации, содержащиеся в диссертации, нашли отражение в *32 научных публикациях* автора, в том числе в *20 статьях* в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ и *двух монографиях*.

Результаты исследования докладывались на международных и всероссийских научно-практических конференциях: посвящённых памяти профессора В. Д. Сорокина «Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права» (Сорокинские чтения) (г. Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России, 2016 – 2022, 2024-2026); всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы совершенствования деятельности служб и подразделений полиции в области охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности» (Москва, 19 октября 2015 г. Академия управления МВД России); всероссийской научно-практической конференция с международным участием «Состояние, динамика и тенденции преступности в семейно-бытовой сфере» (г. Горно-Алтайск, 08–09 ноября 2016 года, Горно-Алтайский государственный университет); международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями» (г. Барнаул, Барнаульский юридический институт МВД России (2016, 2017, 2019, 2021); всероссийской научно-практической конференции «Служба участковых уполномоченных полиции: вчера, сегодня, завтра…» (к 95-летию образования) (Барнаул, 16 ноября 2018 г., Барнаульский юридический институт МВД России, 2018); всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы права и правоприменения) (г. Ставрополь, Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, 20 октября 2017); международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня образования Омской академии МВД России «Актуальные проблемы полицейского права» (г. Омск, 01 июня 2020 г. Омская академия МВД России); международной научно-практической конференции «Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия» (г. Воронеж, 11 февраля 2025 г., Воронежский институт МВД России); V Саратовском юридическом форуме, посвященному празднованию 95-летия ФГБОУ ВО «СГЮА «95 лет служения праву государства и государству права» («Публичная власть: реальность и перспективы» (Манохинские чтения)),

(г. Саратов, 20–24 апреля 2026 г. Саратовская государственная юридическая академия, Саратовский филиал Института государства и права РАН).

Отдельные положения работы внедрены в практическую деятельность ГУОООП МВД России, ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, в Комитет по вопросам законности, правопорядка и безопасности Правительства Санкт-Петербурга, а также в учебный процесс Санкт-Петербургского университета МВД России.

Структура диссертации обусловлена целью, задачами и логикой проведенного исследования и состоит из введения, четырех глав, включающие четырнадцать параграфов, заключения, библиографии, а также приложений.

Глава 1. Научно-методологические основы административно-правового обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия

§ 1. Сущностные свойства семейного насилия в междисциплинарном измерении и их административно-правовая проекция

На всем протяжении развития человека его сопровождали агрессивные явления: конфликты и насилие. При этом конфликты и явления в одних случаях сопряжены друг с другом (насилие в семье на почве семейного конфликта) либо не сопряжены (насилие без конфликта или конфликт без насилия). Однако наиболее разрушительное воздействие на здоровье человека оказывают именно насильственные действия. Насилием охватываются практически все сферы жизнедеятельности людей. Это сподвигнуло людей к изучению феномена насилия. О признании насилия как сопутствующего человечество явления показывает и одна из теорий происхождения государства – теория насилия, основоположниками которой являются: китайский мыслитель Шан Ян (390-330 до н.э.), немецкий философ Карл Евгений Дюринг (1833- 1921), австрийский правовед и социолог Людвиг Гумплович (1838-1909)[1] и немецкий философ Карл Каутский (1854-1938)[2]. В основе обозначенной теории лежат взгляды о внешнем насилии - насильственном завоевании сильными племенами более слабых и создания для их управления государства, и внутреннем – сравнительно небольшая группа людей подчиняет большинство населения, захватывает практически все

[1] Гумплович, Л. (1910). Общее учение о государстве (пер. со 2-го нем. изд. со вступ. очерком, примеч. и доп. ст. Ив. Н. Неровецкого). Санкт-Петербург: Тип. Т-ва “Обществ. польза”. URL: http://elib.shpl.ru/ru/nodes/81953-gumplovich-l-obschee-uchenie-o-gosudarstve-spb-1910 (дата обращения: 30.05.2024).

[2] Каутский, К. (1931) Материалистическое понимание истории [Текст]. - Москва; Ленинград: Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. - 1 т.; 23 см. Т. 2: Государство и развитие человечества. Т. 2 [Текст]. - 1931. - VII, 851 с.

блага и материальные ценности и господствует на основе системы государственного принуждения.

Современное государство является монополистом в вопросах регулирования применения принуждения, включая насилия и наказания. Именно оно определяло и определяет условия, порядок и пределы применения обозначенных средств воздействия. Ход исторического развития России показывает, что вопрос о внутрисемейных отношениях и методах воспитания детей относился к числу немаловажных аспектов регулирования.

Так, в историческом документе «Домострой», автором которого считается сподвижник Ивана IV Грозного протопоп Сильвестр, указывалось, что дети должны воспитываться в духе послушания, в том числе посредством физического воздействия. Детям предписывалась любить отца и мать, непослушных наказывать («не ослабляли, бия младенца», п. 22)[1].

Архиепископ Феофан Прокопович (1681–1736) также выступал за применение наказаний, в том числе и телесных. В труде «Духовный регламент», в основе которых были заложены идеи Петра I и Феофана Прокоповича об устройстве Церкви, предоставлялось право преподавателям на применение наказаний[2].

Другой видный деятель российского государства В.Н. Татищев (1686–1750), автор «Истории Российской», будучи представителем светского направления в русской педагогике XVIII в., в инструкции «О порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах»[3] 1736 года не исключал в образовательном процессе телесные наказания учеников.

Что касается наказания лиц крестьянского сословия (крепостных), самого многочисленного слоя населения России, то вопрос об их наказании решался

---

[1] Домострой. Редакция Сильвестра. Опубл.: середина XVI века. Источник: Домострой / Изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская — СПб: Наука, 1994. — С. 88-133. URL: // https://ru.wikisource.org/wiki/Домострой_(Сильвестр)/1994_(СО) (дата обращения: 26.06.2024).

[2] Духовный регламент 1721 года. ПСЗ. Т. 6. № 3718 URL // https://runivers.ru/bookreader/book9814/#page/337/mode/1up. (дата обращения: 22.07.2024).

[3] Инструкция В. Н. Татищева о порядке преподавания в школах при уральских казенных заводах. 1950. С. 166-178. [Электронный ресурс] // URL: http://tatischev.lit-info.ru/tatischev/text/o-poryadke-prepodavaniya-v-shkolah.htm (дата обращения: 22.07.2024).

помещиком. Нельзя однозначно утверждать, что крестьяне не были субъектами российской правовой системы того времени. Свидетельством тому, к примеру, служит норма, предусмотренная статьей 2075 раздела № 11 «О преступлениях против прав семейственных» «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» (далее – Уложение). Согласно этой нормы за «жестокое обращение с женою, обстоятельствами доказанное, особливо в случае нанесения ей увечья или ран, муж, по жалобе супруги или ее родителей подвергается наказаниям в виде «лишения всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на заводах на время от четырех до семи лет, а если он от телесных наказаний не изъят, то к наказанию плетьми через палачей в мере, определенной статьей 21 сего Уложения для седьмой степени наказаний сего рода с наложением клейм или же, по лишению всех прав состояния, к ссылке в Сибирь на поселение»[1]. Эта норма распространялась и на крестьян.

Не маловажное значение о наказании крестьянина имели решения крестьянской общины, что было определено так называемым крестьянским обычным правом. По мнению П.А. Гладких, «в дореволюционной России в крестьянстве было распространено семейное насилие над женщинами. Можно отметить, что насилие именно над крестьянскими женами считалось абсолютно нормальным явлением в XIX веке»[2].

Данный автор произвел исследование научных работ 19 века, которые показали тяжелое положение женщин-крестьянок в семье. В качестве примера он приводит слова этнографа Н. А. Иваницкого, написанные в 1880 году: «Не признавая женщину за человека и отвергая в ней душу, крестьянин обращается с

[1] 13. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Спб., 1845. // URL: http://www.twirpx.com/file/281022/ (дата обращения: 22.07.2024).

[2] Гладких, П. А. Развод и семейное насилие в русской деревне в XIX веке / П. А. Гладких // Тульская историческая весна - 2021: Социальное пространство и время прошлого: вызовы и ответы истории : Материалы II Всероссийской научной конференции молодых учёных с международным участием, Тула, 18–19 марта 2021 года. – Тула: Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, 2021. – С. 117.

женщиной хуже, чем с лошадью и коровой. Бить женщину считается необходимостью»[1].

После отмены крепостного права и проведения судебной реформы (1866–1899 г.г.) некоторые женщины, потерпевшие от насилия со стороны мужей, пытались найти управу на мужей в волостных судах[2].

Важно отметить, что одни исследователи того времени считали судебную практику волостных судов малоэффективной (по 118 случаям побоев мужьями своих жен суды приговорили к наказаниям только четырех виновных, да и то, не столько за побои, сколько за дебоширство и пьянство)[3], а другие, напротив, считали ее эффективной. Так, В.Б. Брезгин отмечает, что «по мере роста крестьянского самосознания в целом и эмансипации сельских женщин в частности к концу XIX в. в волостных судах заметно увеличилось число дел о семейных побоях»[4].

Однако данная практика кардинально не изменила сложившееся положение женщин в крестьянских семьях. «Можно сказать, что при рассматривании бракоразводных дел в судах или мировыми судьями, на первое место выходила именно юридическая формальность, а не добрая и ладная жизнь супругов. И потому, суд любыми способами старался сохранить брак, закрывая глаза на жестокие побои, так как союз мужчины и женщины, закреплявшийся духовно, может вытерпеть все преграды. Политика отказа от развода в крестьянской семье была распространена повсеместно»[5].

---

[1] Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии. / Н. А. Иваницкий // Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России — [Москва: Т-во скоропечатни Левенсон, 1890]. — II, 4, С. 53.

[2] Равнюшкин, А. В. Понятие "дебоширство" в отечественном праве: в XIX веке и на современном этапе / А. В. Равнюшкин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 1(45). – С. 222.

[3] Красноперов, И. М. Крестьянские женщины перед волостным судом // Сборник правоведения и общественных знаний. Труды юридического общества, состоящего при Императорском Московском университете. Т. 1. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1893. – 389 с. URL: // http://vsepravo.narod.ru/oglav/6727.htm. (дата обращения: 22.07.2024). С. 273.

[4] Брезгин В.Б. Крестьянка в волостном суде // Вестник восстановительной юстиции. - 2017. - № 14. – С. 37.

[5] Гладких, П. А. Указ. соч. С. 119.

Разнообразие в теоретико-методологических подходах относительно знаний о категории насилия, в том числе семейного, формировалось в России под влиянием европейской научной мысли. Насилие человека над человеком, причинение телесных повреждений стало рассматриваться в качестве видового.

Внутреннее насилие (внутривидовое и видовое) рассматривается как предмет биологического (антропологического) направления в понимании насилия, основоположником которого считается врач и психиатр Чезаре Ломброзо (1835–1909). Последователи данного направления считают, что причины совершения преступления и насилия заключены в морфологических особенностях человека по устройству мозга и черепа, скелета, наличия отдельных аномалий (телесные и психические аномалии). Однако ими выделяются и социальные факторы: наличие у преступников-насильников страданий нервной системы, низкое умственное развитие, склонность к пьянству, страсть к играм[1].

Уже в русском предисловии к изданию труда «Новейших успехов науки о преступнике» Л. М. Берлин (1854-1935) [2] недвусмысленно заявил, что «Ч. Ломброзо переключил научное внимание с преступления на преступника: «собран необъятный, неопровержимый материал, доказывающий, что и преступление, и преступник продукты тех условий, в которых рождается, живет и погибает современный человек; отсюда прямой и неизбежный вывод, что аномалия души, называемая преступлением, должна воплощаться в аномалии тела»[3].

Однако антропологический подход не является самодостаточным, так как используемые его сторонниками доводы не объясняют тот факт, почему у

---

[1] Ломброзо Ч. Новѣйшіе успѣхи науки о преступникѣ. С.-Петербургъ: Типо-Литографія С.М. Николаева и Кº, 1892.- С. 39-46.

[2] Берлин Лев Моисеевич (5 дек. 1854, Витебск - 3 окт. 1935, Брюссель). Адвокат; магистр уголовного права. До эмиграции жил в Санкт-Петербурге. Председатель Союза русских адвокатов в Бельгии. Принимал активное участие в общественной жизни русской эмиграции в Бельгии. Масон. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917-1997. Том 1. А-В. 1999 // https://pomnirod.ru/materialy-k-statyam/zahoroneniya/materialy-i-dokumenty-po-kladbishham-i-zahoroneniyam/люксенбург/незабытые-могилы-российское-зарубежье-некрологи-1917-2001-г.г/незабытые-могилы.-российское-зарубежье-некрологи-1917-1997.-том-1.-а-в.-1999.html.

[3] Ломброзо Ч. Указ. соч. - С. 4.

родителей-преступников дети далеко не во всех случаях встают на преступный путь. Устройство мозга, черепа, скелета не могут указывать на насильственную направленность развития человека.

Человеческая агрессивность и насилие стали предметом многих исследований и выделения нескольких направлений. Помимо биологического (антропологического), рассмотрим иные научные подходы относительно насилия, в том числе семейного.

Основателем психологического направления деструктивного поведения человека и совершения насилия считается Л. фон Берталанфи, слова которого цитировал в своей работе Эрих Фромм: «в человеческой психике, без сомнения, есть некоторые деструктивные тенденции, которые похожи на биологические задатки. Однако самые угрожающие формы агрессивности далеко выходят за рамки проблемы самосохранения и саморазрушения. Они коренятся в собственно человеческой форме жизни, которая выше биологической и специфика которой обусловлена способностью к абстрактному мышлению, к созданию особого символического мира мысли, речи и общения»[1].

Психологическое направление о насилии было представлено в трудах З. Фрейда. Автор отмечает, что «человеку присуще два влечения – эротическое (эрос) и к смерти. Возникновение жизни является причиной дальнейшего продолжения жизни, но одновременно причиной стремления к смерти, а сама жизнь - борьбой и компромиссом между двумя указанными стремлениями»[2].

З. Фрейд пришел к убеждению, что с помощью мускулатуры влечение к смерти нейтрализуется, переходя в состояние инстинкта разрушения, направленного против внешнего мира и других живых существ. По мнению З. Фрейда, «коль эти два рода влечений смешиваются, то они и разъединяются на противоположности этих двух родов влечений – полярность любви и ненависти»[3].

---

[1] Анатомия человеческой деструктивности / Эрих Фромм; [Пер. с нем. Э. Телятниковой]. - Москва: АСТ, 2004. -. С. 163.

[2] Фрейд З. Я и Оно / Пер. с нем. В.Ф. Полянского; под ред. А.А. Франковского. Л.: ACADEMIA, 1924. С. 39.

[3] Фрейд З. Указ. соч., С. 40-41.

Далее, З. Фрейд отмечает, что «ненависть является не только неожиданно постоянным спутником любви (амбивалентность), не только часто предшествует последней в человеческих отношениях, но что в известных случаях ненависть также превращается в любовь, а любовь в ненависть»[1].

К числу последователей З. Фрейда долгие годы относился Э. Фромм. Однако в 50-е годы 20 века Э. Фромм осознал, что невозможно объяснить различные типы агрессии только одним инстинктивной основой человеческой агрессии. В основе идеи сущности насилия и человеческой агрессии Э. Фромм определяет эволюционный социобиологический принцип историзма. В работе «Анатомия человеческой деструктивности» (с 1968 по 1973 г.) ученый обозначает, что «человек – это единственная особь среди млекопитающих, способная к садизму и убийству в огромных масштабах»[2].

Далее автор отмечает также, что «только человек подвержен влечению мучить и убивать и при этом может испытывать удовольствие, и то единственное живое существо, способное уничтожать себе подобных без всякой для себя пользы или выгоды»; «злокачественная агрессия свойственна исключительно человеку и что она не порождается животными инстинктами»[3].

По мнению автора, такие человеческие страсти, как любовь, нежность, стремление к справедливости, независимости и правде, ненависть, садизм, мазохизм и нарциссизм являются чертами характера, влияющими на поведение человека.

Однако вызывает живой научный интерес для исследователя слова автора о том, что человек нуждается не только в отдыхе, но и в некотором количестве волнения (возбуждения). Потребительский рынок с рекламой поставляют массу стимуляторов возбуждения и источников волнений: «современное индустриальное общество ориентировано почти исключительно на такого рода

---

[1] Фрейд З. Указ. соч., С. 41.

[2] Анатомия человеческой деструктивности / Эрих Фромм; [Пер. с нем. Э. Телятниковой]. - Москва: АСТ, 2004. - С. 83, С. 163.

[3] Там же, С. 199.

«простые стимулы»: секс, накопительство, садизм, нарциссизм и деструктивность»[1].

Далее автор отмечает, что «вывел закономерность в отношении разных видов стимулирования: чем «проще» стимул, тем чаще нужно менять его содержание или интенсивность; чем утончённее стимул, тем дольше он сохраняет свою привлекательность и интерес для воспринимающего субъекта. Оказывается, у человека гораздо более сильное возбуждение (волнение) вызывают гнев, бешенство, жестокость или жажда разрушения, чем любовь, творчество или другой какой-то продуктивный интерес»[2].

Данные такие состояния человека ярче всего проявляются в семейных конфликтах, где человек дает волю своим эмоциям.

На достижениях Э. Фромма развитие научной мысли о сущностных характеристиках человека не остановилось. Психологическая наука предлагаем нам новые результаты исследований. В их числе следует отметить научные исследования американской ученой Ленор Уолкер (Lenore E.Walker), Занимая должность штатного психолога в школьной системе Нью-Йорка, Л. Уокер выявила модель поведения некоторых проблемных детей, и связала это с жестоким обращением в семье. Встретившись с матерями этих детей, она заметила, что у них проявляются некоторые из тех же симптомов, что и у детей. Данный ученый разработала «теорию цикла насилия» (1978-1981) в семье, которая была представлена в книге «*Избитая женщина».*

По представлению Ленор Уолкер, домашнее насилие является повторяющимся циклом действий, включающий в себя 4 стадии:

1. Возникновение конфликтной ситуации.

2. Насильственный инцидент (семейный конфликт). Конфликт между супругами находится в горячей стадии, на которой его зачинщик высказывает обвинения, угрозы, оскорбления, и в отдельных случаях применяет физическое насилие.

---

[1] Анатомия человеческой деструктивности… С. 215.

[2] Там же

3. Примирительная стадия.

4. Стадия «медового месяца», на котором отношения между супругами восстановлены, характеризуются как дружелюбные и любовные, а насильственный конфликт исчезает из памяти.

Данный цикл действий со временем повторяется, и если его не разорвать, то он может быть в будущем более острым и причинять более вредные последствия. Цикличный характер домашнего насилия затрудняет прекращение его применения со стороны агрессора[1].

Домашнее насилие воспроизводится лицом, у которого сформирована модель поведения, которая характеризуется «жестоким» мышлением. Именно глубинные психологические качества человека стали предметом научных интересов американского ученого Ланди Бэнкрофта (Lundy Bancroft), который с конца 1990 годов начал исследовать причины агрессии и насилия в семьях.

По мнению данного ученого «проблема семейного насилия лежит в мировоззрении и системе ценностей мужчины, в которой жестокая личность имеет гораздо более широкие права и полномочия. Данный тип людей Ланди Бэнкрофта называет абьюзерами, которые начинают формироваться таковыми с раннего возраста, учится манипулированию или контролирующему поведению. Проявляющаяся жестокость абьюзера вознаграждается, и схемы жестокого поведения закрепляются. Со временем у мужчины растет привязанность к набору удобств и привилегий»[2].

Далее автор раскрывает понятие насилия, под которым он понимает «поведение, которое наносит физические повреждения, или пугает Вас, или использует контакт с вашим телом для контроля над вами или запугивания; лишает Вас свободы движения: например, когда вас запирают в комнате или не дают выйти из машины; вызывает у Вас уверенность, что Вам будут нанесены

---

[1] Walker, Lenore E. The battered woman / Lenore E. Walker. — New York etc.: Harper & Row, Cop. 1979. — XVIII, 270 p. (На английском языке).

[2] Бэнкрофт Л. Почему он делает это? Кто такой абьюзер и как ему противостоять: пер. с англ. М.: Эксмо, 2020. - С. 64.

физические повреждения; принуждает Вас вступать в сексуальный контакт или любую другую нежелательную физическую близость»[1].

Ланди Бэнкрофт поясняет, что в случае если женщина нанесла мужчине (абьюзеру) пощечину и иные подобные действия, которые не причинили ему повреждений, не напугали его или не были проявлением контроля с стороны женщины, то действия женщины не подпадают под определение насилия[2].

Однако попытки Ланди Бэнкрофта в полной мере завуалировать насильственные действия женщин беспочвенны и противоречат результатам иных исследований. Так, один из авторитетных американских ученых в области семейного насилия Мюррей А. Страус (Straus, M. A.) (США), изучив более 70 научных работ в данной сфере, пришел к выводу, что, «во-первых, женщины так же физически агрессивны или даже более агрессивны, чем мужчины, в своих отношениях. Данные социологических исследований показало, что половина женщин сообщили, что в ходе конфликта нанесли удар первыми»[3].

Занижение информации о нападениях на партнеров со стороны женщин как о преступлении или угрозе безопасности, заключается в том, что они часто воспринимаются мужчинами как шутка, поскольку риск получения у мужчин травмы и, следовательно, страх перед травмой относительно невелик[4].

В западной литературе показывается, что хотя насилие со стороны интимного партнера часто описывается как физические действия (побои, пощечины, пинки, принудительный секс), однако психологическое насилие (например, унизительные, угрожающие и устрашающие слова, страх из-за гнева партнера или угрозы причинить вред жертве или членам семьи, а также

---

[1] Там же, С. 67.

[2] Там же.

[3] Straus, M. A. (1999). The dispute about domestic violence by women: a methodological, theoretical and sociological scientific analysis. In X. B. Arriaga and S. Oskamp (Eds.), Violence in intimate relationships (pp. 1-32). Thousand Oaks, California: Sage. // Доступно по адресу: http://www.vaeteraktuell.de/haeusliche_gewalt/The_Controversy_about_Domestic_Violence_by_Women.pdf. S. 16.

[4] Там же, S. 32.

контролирующее поведение, такое как отказ в доступе к друзьям, семье, деньгам, к базовым ресурсам) также связаны с ухудшением состояния здоровья[1].

Так называемый абьюзер предъявляет своей партнерше единолично принятые необоснованные требования, чрезмерный характер которых неизбежно приведет у последней к самым серьёзным внутренним конфликтам. В свою очередь стремление партнерши выразить несогласие и стремление к равноправным отношениям наталкивается на психологическое давление (манипуляцию), а в дальнейшем физическое насилие.

В Толковом словаре С.И. Ожегова. под насилием понимается применение физической силы, принудительное воздействие на кого-то, а также притеснение, беззаконие[2].

Данные работы существенно повлияли на дальнейшие исследования проблем семейного (домашнего) насилия, в том числе российских.

Рассмотрим научные работы отечественных ученых из области психологии, позволяющие комплексно сгенерировать и перечислить свойства семейного насилия с их позиций.

Так, Е.А. Кучумова и С.А. Овчаренко отмечают, что «проблему насилия в семье необходимо изучать в рамках целостной системы, с учетом всего многообразия возможных взаимосвязей законодательных, гендерных, социальных и других аспектов»[3].

---

[1] Bensley, L., Van Eenwyk, J., & Simmons, K. W. (2003). Childhood family violence history and women's risk for intimate partner violence and poor health. American // *Journal of Preventive Medicine*, 25(1), 38-44. Doi: 10.1016/s0749-3797(03)00094-1; Tollestrup, K., Sklar, D., Frost, F. J., Olson, L., Weybright, J., Sandvig, J., & Larson, M. (1999). Health indicators and intimate partner violence among women who are members of a managed care organization // *Preventive Medicine*, 29, 431-440. Doi: 10.1006/pmed.1999.0552.; Mccaw, Brigid & Golding, Jacqueline & Farley, Melissa & Minkoff, Jerome. (2007). Domestic Violence and Abuse, Health Status, and Social Functioning // *Women & health.* 45. 1-23. Doi: 10.1300/J013v45n02_01.

[2] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений. М.: Азъ. 1994. Режим доступа: URL: https://gufo.me/dict/ozhegov/ (дата обращения: 19.06.2025).

[3] Кучумова Е.А., Овчаренко С.А. Теоретико-практические подходы к изучению социальной проблемы насилия в семье // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2011. № 2 (8). С. 40-41.

Данные ученые видят в семейном насилии как «одну из форм технологий негативного управления взаимоотношениями между членами семьи (или совместно проживающими в семье людьми) в их повседневной жизнедеятельности. Семейное насилие – это достижение власти и контроля со стороны одного (нескольких) человека (насильника) в отношении других, что влечет за собой повторяющиеся случаи физической жестокости, морально-психологического давления, сексуального насилия, ущемления прав, подавления свободы личности»[1].

При исследовании причин семейного насилия применяются различные подходы. И.С. Клецина, как и ряд других авторов, применяла гендерный подход при анализе причин этого насилия, опираясь на такое свойство мужчин как маскулинность[2].

Автор отмечает, что «когда мужчина не соответствует одному из аспектов традиционной мужской роли (профессиональная успешность, достойный социальный статус, материальное благополучие), он демонстрирует преувеличенную мужественность в другой области, тем самым компенсируя свою несостоятельность. Если мужчины чувствуют свою беспомощность в обыденной жизни и их маскулинность оказывается под угрозой из-за ощущения бессилия, то вероятность проявления насилия очень велика»[3].

Далее автор обозначает, что «мужчина, который не доволен своей маскулинностью, своими отношениями с женщинами, часто использует насилие как способ компенсации возникшей неудовлетворенности»[4].

Насилие как психологический феномен рассмотрено Е. П. Ильиным. Автор определяет понятие насилия «как преднамеренное и принудительное физическое

---

[1] Там же.

[2] Маскули́нность (от лат. *masculinus*, мужской) - совокупность телесных (вторичных половых признаков), психических и поведенческих особенностей, рассматриваемых как мужские (то есть внешне отличающих мужчину от женщины или самца от самки у животных), как противоположное женственность.

[3] Клецина, И. С. Гендерный подход в анализе причин проявления насилия в близких отношениях между мужчинами и женщинами / И. С. Клецина, Е. В. Иоффе // Женщина в российском обществе. – 2015. – № 1(74). – С. 9.

[4] Там же, С. 10.

или психологическое воздействие одного человека (группы, общества) на другого человека (группу, общество). Главная цель насилия — заставить человека что-то испытать (например, чувство унижения, страха) или совершить действие или поступок (или не дать это сделать) против его желания»[1].

Автор не разделяет мнение ученых, которые в качестве самостоятельных видов насилия выделяют физическое или сексуальное насилие, «с психологической точки зрения чисто физического и сексуального насилия не бывает»[2].

Представляется, что сексуальное насилие является подвидом физического насилия. Для избегания широкого и безмерного толкования насилия как человеческого явления данный автор предлагает учитывать несколько факторов.

Во-первых, насилие обладает таким свойством как принудительность (принуждение). Однако не всякое принуждение является противоправным. Во многом это зависит от цели применения принуждения. Принуждение может носить как деструктивных, так и конструктивный характер. Словесное (психологическое) принуждение к совершению полезных для развития человека действий может и является насилием. Человек не должен воспитываться на принципах вседозволенности, и должен понимать, что имеются ограничения и запреты как границы поведения.

Для каждой личности определяются сферы дозволенности, которые зависят от многих факторов: вида государства проживания с наличием определенного законодательства, обычаи, нравы и традиции общества и семьи, особенности этикета в общения, степень и характер разумной религиозности общества и семьи. Человеку необходимо подчиняться в своем поведении, когда такое подчинение оправданно естественным распределением ролей.

Во-вторых, акт насилия должен быть преднамеренным (умышленным) и восприниматься потерпевшим как именно насилие (субъективный фактор восприятия потерпевшего).

---

[1] Ильин, Е. П. Насилие как психологический феномен / Е. П. Ильин // Universum: Вестник Герценовского университета. - 2013. - № 1. - С. 168.

[2] Там же.

В-третьих, следует отметить и субъективный фактор восприятия своего насильственного поведения виновным (кем, с какой целью, насколько регулярно применяется насилие)[1].

Согласиться с утверждением о том, что «насилие – это принуждение, направленное на ущемление (нарушение, ограничение) ценностных интересов личности, находящейся в кровнородственных или семейно-брачных отношениях с субъектом насилия» [2], возможно только в том случае, когда личность (потерпевший) выполняет и соблюдает социальные предписания, адекватные требования и просьбы членов семьи, и ценностные интересы личности не входят в конфликт с интересами общества.

Е.П. Ильин верно подчеркивает, что «западное понятие абьюза включает в себя широкий спектр, начиная от неодобрения и бестактности, не говоря уже об оскорблении или издевательстве, и заканчивая крайним физическим и сексуальным насилием. О насилии же говорят лишь при крайней степени выраженности абьюза, причем сопряженного с физическим воздействием»[3].

Также данный автор справедливо указывает на диспропорцию данных о фактах семейного насилия, совершенного в западных странах и в России, «что создает иллюзию, что мы живем в обстановке всеобщего насилия»[4].

Недопустимо все случаи насмешек, недоброжелательных и унизительных замечаний, грубость, которые вызывают обиду, относить к насилию.

В этой связи следует согласиться с мнением, что «некоторые из этих действий, на самом деле, неприемлемы и неблагоприятно воздействуют на личность, но они носят скорее аморальный характер, а не противозаконный и тем более уголовный»[5].

Специалистами неюридического профиля проводятся социологические исследования состояния семейного насилия. Приведем один из примеров

---

[1] Ильин, Е. П. Насилие как психологический феномен … С. 169.
[2] Кучумова Е.А., Овчаренко С.А. Указ. соч., С. 40.
[3] Ильин, Е. П. Указ. соч., С. 169.
[4] Ильин, Е. П. Указ. соч., С. 169.
[5] Магомедов А.А. Закон о семейно-бытовом насилии в России // Пробелы в российском законодательстве. - 2022. - Том 15.- № 6. - С. 277.

социологического опроса, в котором были представлены, на их взгляд, формы семейного насилия. Так, большинство перечисленных так называемых «разных видов и форм супружеского насилия», которые представлены А.И. Ефимовой и О.С. Калачиной, а именно:

«1. Ограничивал в покупке одежды, карманных деньгах, питании;

2. Заставлял делать что-то против Вашего желания за вознаграждение, деньги;

3. Запрещал посещения концертов, кино, клубов и пр.;

4. Запрещал общение с друзьями, подругами;

5. Запрещал видеться с родственниками (родителями), настраивал против них;

6. Запрещал пользоваться компьютером, гаджетом, Интернетом;

7. Переставал разговаривать, пренебрегал, игнорировал Вас» [1] , более относятся к аспектам семейной жизни, нарушения этики семейных отношений, которые демонстрируют состояние личных взаимоотношений между супругами, сожителями. Их следует признать либо аморальными, либо неприемлемыми, когда взаимоотношения следует расторгнуть. Но считать их в качестве актов семейного насилия более чем спорно.

Поэтому определить, какие действия действительно являются неправомерными, влекущими юридические последствия, может определить только юридический подход к семейному насилию. Безусловно, при разработке определения понятия семейного насилия в рамках юридического подхода необходимо учитывать достижения других рассмотренных выше подходов. Это должно быть сделано по той причине, что достижения правовой науки внедряются в правотворческом процессе и в последующем влекут правовые последствия, и поэтому на специалистов правовой науки лежит большая доля ответственности в выработке различных предложений.

---

[1] Ефимова, А.И. Супружеское насилие в фокусе социологического исследования / А.И. Ефимова, О.С. Калачина // Мир науки. Социология, филология, культурология. - 2023. - Т. 14. - № 4. - С. 4.

В целом специалисты юридической науки соглашаются с тем, что насилие в семье применяется с целью доминирования над другими членами семьи.

Термин «домашнее насилие» в современном контексте впервые прозвучал в обращении к парламенту Соединенного Королевства в 1973 году и предложен Джеком Эшли. Он оценивал насилие в семье как акт дискриминации по признаку пола в отношении женщин[1].

Е. В. Левченко, И. Е. Патрушев под домашним насилием понимают «умышленное деяние (действие или бездействие) одного лица в отношении другого (других) лиц, совершенное в сфере семейно-бытовых отношений, если это деяние нарушает права и свободы человека, и (или) причиняет ему физическую боль, и (или) наносит вред здоровью, и (или) причиняет нравственные страдания, и (или) причиняет ему имущественный вред. Семейно-бытовое насилие может совершаться в форме физического, психологического, сексуального и экономического насилия»[2].

Так, Е. В. Матвеева и Н. М. Пинегина отмечают, что «домашнее насилие – это повторяющийся с увеличением частоты цикл физических, словесных, сексуальных, эмоциональных и экономических действий по отношению к своим близким, которые совершаются против их воли с целью обретения над ними власти и контроля»[3].

Важно отметить, что семейное насилие применяется не только в целях обретения над членами семьи власти и контроля, но и в целях освобождения от различных притязаний от члена/членов семьи.

При определении домашнего насилия следует отталкиваться от ее его основного признака – субъектов данных общественных отношений. В Семейном Кодексе РФ понятие семья не раскрывается, но представлено в статье 1

---

[1] Волосова Н.Ю. Понятие семейного (домашнего) насилия: дискуссионные вопросы терминологического соответствия // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10. – №. 11-1. – С. 89.

[2] Левченко, Е. В. Профилактика домашнего насилия / Е. В. Левченко, И. Е. Патрушев // Вопросы российской юстиции. - 2019. - № 4. - С. 356.

[3] Матвеева, Е. В. Домашнее насилие: проблема, факторы его определяющие и последствия у женщин, жертв домашнего насилия / Е. В. Матвеева, Н. М. Пинегина // Научный альманах. - 2021. - № 12-2(86). - С. 98-99.

Федерального закона «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», в котором под семьей понимается «объединение лиц, которые связаны родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство»[1].

Понятие семьи охватывает собой членов семьи, и лиц, находящихся в свойствах родства, а также тех лиц, которые формальными узами брака не связаны, но ведут общее хозяйство, например, сожители и др.

Другие ученые называют рассматриваемое «объединение людей в качестве семейной системы как динамический многофункциональный организм, объединяющий супругов, детей, других родственников. Каждая личность, каждый индивид, вовлеченный в семейные отношения, наделен биологическими, психическими и социальными системообразующими компонентами»[2].

В юридической науке уже были предприняты попытки комплексно подойти к изучению понятия семейного насилия на основе достижений различных направлений науки. Такие шаги в исследовании сделаны Н.В. Летовой, определившая на основе комплексного подхода свойства семейного насилия. Она отмечает, что «именно длительные, внутренние отношения в семье, наличие постоянного взаимодействия между членами семьи провоцируют и формируют определенное поведение насильника[3].

Одним из факторов, усугубляющих тяжесть психического вреда при семейном насилии, является высокая степень информированности агрессора о психологическом профиле жертвы, приобретённая в ходе совместного проживания и бытового взаимодействия. Данная информированность позволяет наносить целенаправленный психический вред с использованием персонализированных рычагов воздействия, недоступных при насилии со стороны постороннего лица. По данной причине семейное насилие является более

---

[1] О прожиточном минимуме в Российской Федерации: федеральный закон от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 октября 1997 г. № 43 ст. 4904.

[2] Очередько В.П., С.П. Ломтев С.П., Харламов В.С. География криминального супружеского насилия в современной России // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Том 11, № 4. С. 670.

[3] Летова, Н. В. Общие предпосылки насилия в семье, его видовые признаки и особенности / Н. В. Летова // Социально-политические науки. - 2019. - № 1. - С. 73.

осознанным, продуманным, основанным на сформировавшемся отношении к члену семьи. Однако справедливо мнение и о том, что именно семья является основным декриминализирующим фактором[1].

Н.В. Летова обозначает, что «последствия насилия, осуществляемого в отношении членов семьи, безусловно, имеют более тяжкие последствия именно по причине наличия кровной связи или личной связи насильника и жертвы, поэтому оценка данного преступления должна определяться с учетом этого квалифицирующего признака»[2].

Самой распространенной формой совершаемого насилия в РФ является причинение побоев, ответственность за которое установлена статьей 6.1.1 КоАП РФ. Однако ни состав данного административного правонарушения, ни другие противоправные деяния, в том числе закрепленные в Уголовном Кодексе РФ, не содержат прямого указания на психологическое насилие как составляющей элементов законодательной конструкции в деяниях, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений. Психологическое расстройство указано в статье 111 УК РФ как последствие тяжкого вреда здоровью, но только как последствие.

В этой связи вызывает определенный интерес мнение А.А. Магомедова, который считает, что если государство признает в качестве последствия преступного деяния психологическое расстройство, то необходимо и отдельно выделить в качестве самостоятельного вида психологическое насилие. Причиной тому служит психологического насилие. Так, в п. 5 Приказа Минздравсоцразвития РФ от 24.04.2008 № 194н указывается, что «под вредом здоровью понимается нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей в результате воздействия физических, химических, биологических и психогенных факторов внешней среды»[3].

---

[1] Шестаков Д.А. Семейная криминология (криминофамилистика). СПб., 2-е издание, перераб. и доп. Юридический центр Пресс, 2003. - С. 171.

[2] Летова, Н. В. Указ. соч., - С. 73.

[3] Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 24 апреля 2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Российская газета от 5 сентября 2008 г. № 188.

Это значит, что среди причин психического расстройства являются психогенные факторы, которые и являются выражателями психологического насилия. Однако в том же подзаконном правовом акте под вредом здоровью считается лишь одновременное нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей. Союз «и» показывает, что данные последствия должны наступить одновременно. Известно, что психологическое насилие без физического не могут вызвать нарушение анатомической целостности органов и тканей, нарушается лишь их физиологическая функция. По мнению данного автора, следует устранить имеющуюся коллизию в рассматриваемом акте, заменив в рассматриваемом предложении союз «и» на «или». «В таком случае, пишет автор, вредом здоровью не будет считаться лишь одновременное нарушение анатомической целостности и физиологической функции органов и тканей»[1].

Таким образом, «учет только телесных повреждений или смерти сужает понимание воздействия акта насилия на отдельное лицо, общину или все общество»[2].

Чтобы признать психологическое насилие самостоятельной формой семейного насилия необходимо выделить его конкретные формы внешнего выражения. В этом качестве могут являться действия виновного лица, связанные с выражением угроз применения насилия, не опасного для жизни и здоровья, преследование жертвы (сталкинг), психологический шантаж, отправление электронных сообщений жертве, оказывающих вредное психологическое воздействие. К противоправным формам преследования допустимо включить:

- отправку нежелательных сообщений, в том числе в социальных сетях, электронных писем и открыток;

- совершение непристойных, угрожающих, назойливых или беззвучных телефонных звонков;

---

[1] Магомедов А.А. Указ. соч., С. 279.

[2] Там же.

- настойчиво пытается связаться с жертвой, ждёт или слоняется без дела возле дома, школы или рабочего места жертвы;

- слежка за респондентом лично;

- публичное высказывание оскорбительных или унизительных комментариев в адрес жертвы, в том числе в социальных сетях;

- публикация фотографий, видео или сугубо личной информации о респонденте.

Чтобы признать данные акты противоправным, необходимо проведение соответствующих экспертиз.

Дискуссия относительно признания/непризнания психологического насилия в качестве самостоятельной формы семейного насилия в российской науке идет давно, однако имеются очевидные доводы в пользу ее объективного проявления.

Кроме того, сам законодатель обозначает, что акты физического насилия могут быть охвачены единым умыслом, проявляться как системное выражение целенаправленного совершения психологического и физического насилия. На это указывает находящаяся в Уголовном кодексе РФ статья 117 «Истязание», предусматривающей ответственность за систематическое давление на одного из супругов, причинение физических или психических страданий, путем систематического нанесения побоев.

Несмотря на наличие определенных достижений в отечественной и зарубежной науке относительно понятия и свойств семейного (домашнего) насилия, в российском обществе не сложилось единого отношения к нему. Дискуссия относительно направлений развития законодательства в сфере профилактики семейного насилия не прекращается. В конце 2019 года в общественности начал широко обсуждаться проект закона «О профилактике семейно-бытового насилия»[1], положения которого вызывают научный интерес и в настоящее время.

[1] Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия. Обсуждение концепции законопроекта на официальном сайте Совета Федерации, как и было предусмотрено, продолжалось две недели. – URL: http://council.gov.ru/services/discussions/ themes/110611/ (дата обращения: 11.03.2024).

Сторонники принятия этого закона апеллируют тем, что в Российской Федерации отсутствуют достаточные механизмы привлечения лиц, применивших насилие в семье, к ответственности; отмечают некомпетентность правоохранительных органов при реагировании на сообщения о случаях семейного насилия и связанную с этим вынужденность пострадавших обращаться к иным субъектам защиты прав. Лица, разделяющие мнение о принятии названного законопроекта, считают, что институт охранных ордеров может эффективно защитить потерпевших от повторных актов насилия. Кроме того, они обосновывают необходимость принятия рассматриваемого закона тем, что подобные законы о противодействии семейному (домашнему) насилию приняты в большинстве стран мира[1].

Противоположная сторона, к которой примыкают просемейные и религиозные организации (всего более 180), обратились к главе государства с призывом не допустить принятие этого закона[2].

Противники принятия рассматриваемого законопроекта убеждены в том, что необходимости его принятия нет, так как в Российской Федерации действует ряд других законов, направленных на противодействие семейному насилию. Они обращают внимание общественности на то, что не соблюдены правила юридической техники при разработке имеющихся в нем правовых дефиниций, а также отмечают манипулирование сторонниками законопроекта статистическими данными о количестве совершенных правонарушений в семейной сфере. Противники законопроекта видят в нем угрозу традиционным ценностям, и считают, что его положения являются посягательством на конституционные нормы, гарантирующие право на неприкосновенность частной жизни, жилища, частной собственности.

---

[1] Более 70 правозащитных организаций и благотворительных фондов потребовали принять закон о домашнем насилии. Открытое письмо // Новая газета. – 2019. – 9 сентября. – URL: https://novayagazeta.ru/news/2019/ 09/09/155147-pravozaschitniki-potrebovali-prinyat-zakon-o-domashnem-nasilii (дата посещения: 28.03.2024).

[2] Более 180 организаций выступили против закона о профилактике «семейного насилия // МОО «За права семьи». – 2019. – 14 октября. — URL: http://profamilia.ru/read/1427 (дата обращения: 28.03.2024).

Ни одна из сторон не мотивирована понимать другую. Скорее, каждая стремится навязать свою точку зрения.

Лица, совершающие преступления и административные правонарушения насильственного характера в отношении других лиц, находящихся с ним в семейно-бытовых отношениях, как правило, членов семьи, в Российской Федерации юридически не имеют статуса особого субъекта уголовной или административной ответственности. Выделение семейно-бытовой сферы в качестве элемента, влияющего на квалификацию правонарушений в Российской Федерации, является как минимум спорной проблемой.

В научной литературе отмечается, что для выделения сферы семейно-бытовых отношений, в которой совершаются правонарушения, отсутствуют основания. А.В. Швабауер отмечает, что «не приведено данных, которые доказывали бы особую криминогенность семьи» [1]. Напротив, считается, что «нормальная семья, по общему правилу, является антикриминогенным фактором»[2].

Действительно, необходимо поставить вопрос, на каком основании лицо, к примеру, причинившее побои своей супруге, должен нести более строгую ответственность, чем иное лицо, которое совершило подобное, «обычное» правонарушение, т.е. в отношении другого лица, не связанного с ним семейными отношениями?

Государство осуществляет управление социальными процессами, направленными на противодействие семейному насилию, в рамках реализации государственной политики, образующейся из семейной, уголовной, из политики в области охраны здоровья граждан, гарантий и защиты материнства, отцовства и детства и других направлений нормотворчества.

В Российской Федерации была предпринята попытка в нормативно-правовом регулировании выделить рассматриваемые отношения посредством

---

[1] Швабауэр А. В. Угрозы и истоки законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2020. - №1 (56). - С. 15-16.

[2] Шестаков Д.А. Семейная криминология (криминофамилистика). СПб., 2-е издание, перераб. и доп. Юридический центр Пресс, 2003. С. 171.

установления уголовной ответственности за причинении побоев в отношении близких людей, под которыми согласно примечанию к статье 116 УК РФ были определены «близкие родственники (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные (удочеренные) дети, родные братья и сестры, дедушки, бабушки, внуки) опекуны, попечители, а также лица, состоящие в свойстве с лицом, совершившим деяние, предусмотренное настоящей статьей, или лица, ведущие с ним общее хозяйство»[1].

Однако в феврале 2017 г. данная законодательная инициатива, в результате которой была установлена уголовная ответственность за причинение побоев в отношении близких, была признана ошибкой[2], и федеральным законом № 8 данная новелла была отменена[3] при сохранении уголовной ответственности за причинение побоев при наличии квалифицирующих признаков (хулиганские и экстремистские побуждения).

В итоге причинение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших причинение легкого вреда здоровью, стало административно-противоправным деянием, ответственность за которое предусмотрено статьей 6.1.1 КоАП РФ.

В случае если лицо, подвергнутое административному наказанию за аналогичное деяние (по статье 6.1.1 КоАП РФ) совершит его еще раз, то оно подлежит уголовной ответственности согласно части 1 статьи 116.1 УК РФ. В случае же причинения побоев или совершения иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших причинение легкого вреда здоровью, лицо при наличии судимости за преступление, совершенное с

---

[1] Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Собрании законодательства Российской Федерации от 4 июля 2016 г. № 27 (часть II) ст. 4256.

[2] В.В. Володин считает ошибкой уголовное наказание за избиение близких. Новости от 24 января 2017 г. URL: http://www.vesti.ru/doc.html?id=2846638.

[3] Федеральный закон от 07 февраля 2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрании законодательства Российской Федерации от 13 февраля 2017 г. № 7 ст. 1027.

применением насилия (в том числе тяжких преступлений), то оно понесет уголовную ответственность по части 2 статьи 116.1 УК РФ.

Исходя из этого, следует, что законодатель в данном случае отказался от учета свойств семейно-бытовых отношений, отношений между близкими людьми, ведущими совместное хозяйство, а предусмотрел механизм противодействия повторным случаям причинения побоев или совершения иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших причинение легкого вреда здоровью, усилив за них виды и размеры наказаний. При этом следует отметить, что состав преступления, предусмотренного часть 2 статьи 116.1 УК РФ, образуется не только лицом имеющим судимость по преступлению, предусмотренному по части 1 статьи 116.1 УК РФ, но и по другим насильственным преступлениям, включая, например, такие как разбой (статья 162 УК РФ)[1], (причинение тяжкого вреда здоровью (статья 111 УК РФ)[2].

В совокупности количество преступлений, совершенных по части 2 статьи 116.1 УК РФ (в 2023 году осуждено 4 168 граждан) многократно превышает количество совершенных преступных деяний, предусмотренных частью 1 статьи 116.1 УК РФ (в 2023 году осуждено 1 612 граждан)[3].

Имеются и немало случаев, когда виновное лицо привлекается к уголовной ответственности за совершение преступления, предусмотренного частью 2 статьи 116.1 УК РФ, когда имеет судимость за совершение ранее двух преступлений, предусмотренных то же частью 2 статьи 116.1 УК РФ и одного преступления, предусмотренного частью 1 статьи 119 УК РФ[4].

В 2014 году Правительством РФ была утверждена Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. (далее – Концепция), в которой было отмечено, что «в основе государственной семейной

---

[1] См., напр., приговор Ильинского районного суда (Пермский край) № 1-9/2024 от 28 февраля 2024 г. по делу № 1-9/2024 // https://sudact.ru/regular/doc/4GKaci2ctVgl/.

[2] См., напр., приговор Нолинского районного суд (Кировская область) № 1-15/2024 от 28 февраля 2024 г. по делу № 1-15/2024 // https://sudact.ru/regular/doc/HBA9uVHd8ixw/

[3] Судебная статистика РФ за 2023 год // https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17.

[4] См., напр. Апелляционное постановление Челябинского областного суда (Челябинская область) № 10-1090/2024 от 28 февраля 2024 г. по делу № 1-335/2023. — URL: https://sudact.ru/regular/doc/u8Wdwc3QAqNs/.

политики Российской Федерации положены принципы, следи которых можно выделить:

- презумпцию добросовестности родителей в осуществлении родительских прав и повышение авторитета родительства в семье и обществе;

- обеспечение доступности адресной, своевременной и эффективной помощи для нуждающихся в ней семей, в особенности отнесенных к группам социального риска, а также равного доступа к социальным услугам для всех семей»[1].

Первый принцип провозглашает положение о том, что родители де-юре добросовестны в осуществлении своих родительских прав, однако умалчивает об их добросовестности относительно исполнения родительских обязанностей. Но тем не менее, государство провозглашает, что без достаточных оснований ограничивать родительские права и вторгаться в жизнедеятельность отдельных семей не следует.

Второй рассматриваемый принцип гарантирует оказание помощи семьям, оказавшихся в группе социального риска, в том числе и с обстоятельствами, связанными с семейным насилием.

В качестве основных задачам государственной семейной политики в Концепции определено «развитие жизнеохранительной функции семьи и создание условий для обеспечения здоровья ее членов; профилактика семейного неблагополучия, детской безнадзорности и беспризорности; повышение эффективности системы социальной защиты семей с несовершеннолетними детьми, вовлеченными в сферу гражданского, административного и уголовного судопроизводства».

Реализуемую правовую политику в сфере профилактики семейного насилия обсуждают на различных дискуссионных площадках [2], в них отмечаются

---

[1] Об утверждении Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г.: распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р // Официальный интернет-портал правовой информации (http://www.pravo.gov.ru) 29 августа 2014 г.

[2] См., напр., Овчинников А.И. Правовая политика государства и ее стратегические приоритеты в сфере профилактики семейного насилия // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. - 2020. - №1. - С. 126-129.

имеющиеся взгляды на функционирующую систему профилактики семейного насилия.

Таким образом, в российском обществе сложились два устойчивых мнения относительно семейного насилия: первое, называемое традиционным, заключается в том, что административно-правовое и иное регулирование противодействия этому насилию находится на достаточном уровне и принятия специального закона, направленного на его противодействие не требуется, а второе, более либеральное, заключается в том, что имеющиеся правовые средства для противодействия семейному насилию недостаточны, и для совершенствования противодействия этому насилию требуется принятие специального федерального закона, в который следует включить новые правовые средства, применяемые во многих зарубежных странах. К числу основных преткновений между сторонниками противоположных позиций относятся формулировка и содержание понятия семейного (домашнего) насилия и виды мер, которые направлены на его противодействие.

В целях преодоления имеющихся расхождений во взглядах, сложившемся в российском обществе, предлагаются следующие результаты проведенного исследования.

Понятие семейного насилия включает в себя не только физическое насилие, за совершение актов которого в России установлена административная и уголовная ответственность, но и психическое насилие, которое как сопряжено с физическим, так и может выступать в качестве самостоятельной формы насилия. Остальные формы насилия не могут являться самостоятельными, так как сопряжены с физическим насилием или психическим. Признание психического насилия как формы семейного насилия должна иметь градацию на основе знаний их психологии, медицины и психиатрии.

На основе комплексного подхода можно выделить следующие признаки семейного насилия:

- источник насилия – человек как биологий вид, живой организм, обладающий набором психологических свойств (страсти, волнения, потребность в

возбуждении и т.п.), выступающих в качестве отличительных особенностей человека от других живых существ;

- индивидуальный характер человека, степень его устойчивой «жесткости», тип поведения человека, его преднамеренность и мотивация к совершению актов семейного насилия в отношении близкого/родного человека. Повышенная информативность агрессора о жертве, его наиболее незащищенных и уязвимых сторонах личности и ее поведения, о наиболее важных для нее ценностях.

Мотивация имеет две противоположных направленности: стремление к подавлению воли жертвы, ее подчинение либо совершение актов семейного насилия как крайней возможности освобождения от агрессивных действий члена семьи, сожителя;

- при повторном совершении акта семейного насилия оно приобретает цикличность. Каждый цикл имеет стадию семейного конфликта, на котором и причиняется наибольший вред жертве.

Также важно отметить, что из общего количества рассмотренных заявлений, сообщений о преступлениях, административных правонарушениях, а также обращений граждан (за исключением направленных по территориальности), по фактам насилия в сфере семейно-бытовых отношений выявлено сотрудниками ОВД - 37665 (в том числе участковыми уполномоченными полиции – 13799) по фактам повторного совершения правонарушения одним и тем же лицом в течение одного года[1].

Из приведенных данных следует, что каждое 18-е правонарушение насильственного характера в сфере семейно-бытовых отношений совершается повторно одним и тем же лицом;

- объективные причины и условия, поводы и основания конфликтов (обострение материальных проблем, безработица, пьянство и алкоголизм,

[1] Сводный отчет по России (полугодие) «О профилактической работе органов внутренних дел» (сформирован с учетом требований приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429) за январь-июнь 2023 г. Раздел 4. Сведения о результатах работы органов внутренних дел по рассмотрению заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (январь-июнь 2023 г.) Ф.578 КН.46

наркомания, измена и т.п.). Несомненно, что акты семейного насилия могут совершаться и без внешних объективных причин;

- при наличии доказанного в установленном порядке в рамках производства по уголовным делам или делам об административных правонарушениях вреда потерпевшему такое насилие должно быть оценено как противоправное и наказуемое.

Среди последних законотворческих инициатив, направленных на принятие федерального закона о противодействии семейному насилию, следует обозначить проект закона «О профилактике семейно-бытового насилия» [1], положения которого вызывают научный интерес и в настоящее время. Среди немалого количества его дефектов следует отметить и понятие семейно-бытового насилия, в котором его авторы по неизвестным соображениям исключили совершение акта такого насилия, влекущего административную и уголовную ответственность, предусмотрев только лишь угрозу причинения физического и (или) психического страдания и (или) имущественного вреда. Неужели семейное насилие охватывает только угрозы такового, а сами деяния, предусмотренные уголовным законом и КоАП РФ, не являются насилием?

Очевидно, что и сами противоправные и наказуемые деяния насильственного характера также образуют семейное насилие.

Результаты проведенного социологического опроса (анкетирования) показывают, что общественное сознание уже фиксирует не только физическое, но и психологическое насилие, что коррелирует с выводом о необходимости расширения правовой характеристики этого явления. Так, на вопрос: «Какие, по-Вашему мнению, формы образуют семейное (домашнее) насилие? Раскройте, что под этими формами понимается», более 92 % опрошенных обозначили психическое насилие как вид семейного насилия (абьюз, травля, принижение

[1] *Проект* закона о профилактике семейно-бытового насилия. Обсуждение концепции законопроекта на официальном сайте Совета Федерации, как и было предусмотрено, продолжалось две недели …— URL: // http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611 (дата обращения: 08.08.2023).

другого пола, словесные унижения, запугивания, угрозы, трепание нервов, шантаж и др.) (Приложение № 3, ответ на вопрос 2).

Таким образом, проведенный межотраслевой анализ генезиса и сущности семейного насилия позволяет констатировать, что данный феномен представляет собой особое явление и сложный, многоаспектный объект правового регулирования, находящийся на стыке нескольких наук. Семейное насилие как объект научного познания не может быть адекватно осмыслено в рамках какой-либо одной научной дисциплины. Исторический экскурс, обзор психологических и социологических концепций свидетельствуют о том, что данный феномен имеет глубокие антропологические, психические и социальные корни. В этой связи обращение к междисциплинарному измерению позволяет выявить устойчивые, инвариантные свойства изучаемого явления, которые затем подлежат правовой оценке и нормированию. Только синтез знаний о человеке как биологическом виде, о механизмах его психической регуляции и о закономерностях социального взаимодействия в малой группе (семье) создаёт полноценную основу для понимания сущности семейного насилия.

В результате проведённого анализа в системе социально-гуманитарного знания выявлены следующие *сущностные свойства семейного насилия*:

- свойство биопсихологической детерминированности, выражающееся в том, что предрасположенность к агрессивному поведению коренится как в видовых особенностях человека (теории насилия, антропологический подход), так и в его индивидуально-психологических чертах, включая потребность в возбуждении, деструктивные влечения и сформированные модели «жестокого» мышления (абьюз);

- свойство цикличности и поступательной эскалации, которое проявляется в повторяющейся последовательности фаз конфликта, собственно насильственного инцидента и временного примирения (теория цикла насилия Л. Уолкер). Данное свойство указывает на то, что единичный акт насилия часто является не изолированным случаем, а звеном в повторяющемся паттерне поведения, что подтверждается статистикой рецидивом;

- свойство тесной связи с семейным конфликтом, при котором насилие выступает либо как способ его разрешения, либо как инструмент подавления воли, при этом агрессор, как правило, обладает повышенной информативностью об уязвимых сторонах жертвы;

- свойство объективной и субъективной амбивалентности, заключающееся в том, что насильственные действия могут быть обусловлены как внешними негативными факторами (материальные проблемы, алкоголизация), так и внутренними установками агрессора, при этом их восприятие и оценка различаются у виновного, потерпевшего и общества.

Семейное (домашнее) насилие как противоправное и наказуемое деяние представляет собой совершенный физический и психологический или отдельно психологический акт агрессора (одноразовый или повторный/цикличный) при семейно-бытовом конфликте, направленный на причинение физического и психологического вреда лицу, проживающему совместно с агрессором в качестве члена семьи, сожителя (лиц, ведущих совместное хозяйство), использующего знания о наиболее уязвимых и незащищенных сторонах личности жертвы, ее ценностях с целью реализации своих личных устремлений или в целях освобождения от различных притязаний при возникновении/обострении объективных негативных факторов или без таковых.

Выявленные сущностные свойства формируют необходимую доказательственную и теоретическую базу для перехода к их административно-правовой проекции. Именно эти характеристики — биопсихологическая обусловленность, цикличность, конфликтная природа и амбивалентность — должны быть положены в основу административно-научного осмысления понятия семейного насилия. В следующем параграфе предстоит определить, каким образом данные свойства трансформируются в юридически значимые признаки противоправного деяния, как они учитываются (или должны учитываться) в конструкциях составов административных правонарушений и в каких пределах возможно и необходимо публично-правовое вмешательство в семейно-бытовую сферу с учётом её специфики.

§ 2. Административно-научное осмысление категории семейного насилия

Административно-правовая характеристика семейного насилия основывается на более общей, которая представлена в предыдущем параграфе (как производная от совокупности биологического, психологического, правового и иных подходов), содержит их общие черты. В то же время административно-правовая дефиниция семейного насилия является видом правовой дефиниции этого негативного явления (как совокупности представленных результатов научных исследований в области криминологии, уголовного, семейного и административного права). Характеристики семейного насилия как совокупность признаков (биопсихологическая обусловленность, цикличность, конфликтная природа и амбивалентность) должны быть положены в основу административно-научного осмысления понятия семейного насилия. В имеющейся системе «общее – частное – особенное» административно-правовая дефиниция семейного насилия определяется как особенное. Кроме того, не должен оставаться без научного внимания тот факт, что Верховный Суд РФ указал, что проявление физического и психического семейного насилия выражается «в совершении умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи» [1].

Из приведенных слов постановления следует, что административно-противоправные деяния, образующие семейное насилие, также являются умышленными, направленными против здоровья члена семьи.

5 сентября 2025 г. «Аналитический центр ВЦИОМ» представил результаты опроса россиян о семейно-бытовом насилии. Результаты этого исследования

---

[1] О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 № 44 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 1.

показывают, что «каждый десятый россиянин сообщил, что в их семье бывают ситуации, когда конфликты выходят за рамки слов и доходят до применения силы. Молодежь (особенно поколение цифры) и россияне среднего возраста чаще фиксируют наличие проблемных ситуаций в собственных семьях (а поколение цифры и младшие миллениалы и в семьях окружения). Тогда как старшие поколения чаще других утверждают, что подобных случаев нет. Наблюдается смена культурных кодов: новые поколения, выросшие в условиях большей открытости к теме, снижении стигматизации вокруг семейных конфликтов и активном дискурсе прав человека, стали менее терпимы к авторитарным моделям семьи» [1] (приложение № 2). Также из 486 граждан Российской Федерации, проанкетированных в рамках исследования, 431 (88,6 %) гражданин ответил, что проблема семейного (домашнего) насилия в России является актуальной (приложение № 3, ответ на вопрос № 1).

Выделить, исследовать, разработать и представить административно-правовую характеристику семейного насилия представляется возможным на основе проведенных ранее научных исследований этого явления учеными-административистами и непосредственного проведения анализа административно-правовых норм, прямо или косвенно предусматривающих административную ответственность за совершение актов семейного насилия. Тем самым исследуется вопрос о состоянии степени административно-правового регулирования исследуемой проблематики.

Наукой административного права не представлена комплексная административно-правовая характеристика семейному насилию. Исследуя семейное насилие, ученые-административисты, как правило, рассматривают административные правонарушения, предусмотренные статье 6.1.1 КоАП РФ «Побои»[2], либо в редких случаях данное правонарушение является основным содержанием научных исследований диссертационного характера[1].

---

[1] Подробно о результатах смотрите по адресу: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semeinye-tainy-monitoring

[2] Рачицкая, В.А. Административные правонарушения в сфере семейного насилия и проблемы их профилактики / В.А. Рачицкая // Виктимология. – 2020. – № 4(26). – С. 37-45;

Представляется, что помимо традиционного рассмотрения основного вида административно-противоправного деяния, совершаемого в семье – побоев (статья 6.1.1 КоАП РФ), и таких образующих его компонентов, как насильственные действия (непосредственно побои) и физическая боль, необходимо исследовать и другие сопутствующие и (или) образующие его элементы.

Следует отметить, что на современном этапе законодательство об административных правонарушениях динамично изменяется. Учеными акцентируется внимание на стремительном росте количества рассмотренных дел об административных правонарушениях, изменениях субъектного состава привлекаемых лиц, распространенности определенных правонарушений и эффективности отдельных административных наказаний[2].

Первое. Как известно, что в большинстве случаев при акте семейного насилия присутствуют несовершеннолетние лица. В отечественной административной науке практически не исследована проблема о такой выступающей составляющей семейного насилия части (совершаемое при побоях), как причинение побоев в присутствии детей.

Евсикова Е. В., Тихомаева В. С. Некоторые особенности осуществления производства по делам об административных правонарушениях в сфере домашнего насилия и проблемы их разрешения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. №3-2. – С. 13-21 https://doi.org/10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)- 13-21; Волосова, Н. Ю. Проблема ответственности за побои и профилактика семейного (домашнего) насилия: административно-правовой аспект / Н. Ю. Волосова, В. И. Баловнева // Административное право и процесс. – 2021. – № 4. – С. 51-53. – DOI 10.18572/2071-1166-2021-4-51-53; Эффективность современных административно-правовых средств профилактики домашнего (семейного) насилия: российский и зарубежный опыт / Ю. В. Помогалова, А. А. Антонов, И. А. Симакина, О. В. Шкеля // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2021. – № 4. – С. 205-214.

[1] Недоступенко Т.А. Административная ответственность за побои : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 5.1.2. / Недоступенко Татьяна Александровна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»; Диссовет 24.2.435.03 (24.2.435.03)]. - Белгород, 2023. - 31 с.

[2] Дугенец, А. С. Актуальные вопросы привлечения к административной ответственности в Российской Федерации / А. С. Дугенец, Н. Г. Канунникова // Административное право и процесс. – 2023. – № 4. – С. 27.

Однако изучения вопроса, связанного с правовой оценкой присутствия несовершеннолетних в случаях, когда при семейно-бытовых конфликтах применяется насилие в отношении совершеннолетнего члена семьи, в частности при побоях, фактически не проведено.

Однако факт присутствия детей при семейно-бытовых конфликтах, в ходе которых причиняются побои, остается малоизученным в Российской Федерации. Думается, что в осмыслении многих сложных проблем, связанных с противодействием семейному (домашнему) насилию и насилию, совершаемому в отношении детей, может способствовать исследование зарубежного законодательства.

Такие факты, как причинение побоев (ст. 6.1.1 КоАП РФ), совершенных в отношении несовершеннолетнего и (или) совершеннолетнему (родителю или иному законному представителю) в присутствии несовершеннолетнего, следует признать в качестве отягчающих административное наказание обстоятельств и предусмотреть квалифицированный состав. В ст. 6.1.1 КоАП РФ следует добавить часть вторую следующего содержания: «Те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего и (или) совершеннолетнего лица в присутствии несовершеннолетнего, влекут наложение административного штрафа в размере от десяти до шестидесяти тысяч рублей либо административный арест на срок от пятнадцати до тридцати суток, либо обязательные работы на срок от ста двадцати до двухсот сорока часов». Думается, что сделанные выводы и представленное предложение позволят в определенной степени изменить общественное сознание и правосознание, а также модель поведения лиц, намеревающихся совершить насильственные правонарушения (побои), совершаемые в присутствии несовершеннолетних (и в целом), в сторону отказа от их совершения[1].

Второе. К числу источников семейного насилия относится насилие со стороны братьев и сестер (сиблингов). В настоящее время известно, что

[1] Равнюшкин, А. В. О добавлении в статью 6.1.1 КоАП РФ "Побои" квалифицированного состава (те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего и (или) совершеннолетнего лица в присутствии несовершеннолетнего) / А. В. Равнюшкин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 1(52). – С. 172.

воздействие детской травмы наносит немедленный физический ущерб (например, травма), но также вызывает длительные биологические и психологические изменения.

Подростки, ставшие жертвами брата или сестры, имеют больше проблем с психическим здоровьем и более склонны к экстернализирующему поведению и правонарушениям. Кроме того, насилие между братьями и сестрами усиливает родительский стресс, увеличивая вероятность применения жестких и дисфункциональных стратегий воспитания[1].

В Российской Федерации проблема насилия старших братьев и сестер над младшими не вызывает интереса у широкого круга общественности, ученых, должностных лиц органов власти и высшего руководства страны. Однако данный вид насилия в стране существует, что было исследовано в одной из научных статей автора[2].

По российскому законодательству, ответственность за побои наступает с 16 лет. Если побои (уголовно или административно противоправные) причиняются лицами, не достигшими этого возраста, то дело не будет возбуждено из-за отсутствия состава правонарушения. И многие факты подобного рода правонарушений остаются безнаказанными по причине высокой латентности.

Родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться об их здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии (ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ.

Родительская забота о детях предполагает соответствующую степень ответственности за допущенные негативные последствия в отношении детей. В 2009 году Институт социологии РАН провел исследование на тему: «Семья и родительство в современной России», в которой определяется категория

---

[1] Van Berkel Sh. R., Tucker C. J., Finkelhor D. The Combination of Sibling Victimization and Parental Child Maltreatment on Mental Health Problems and Delinquency // Child Maltreatment. 2018. Vol. 23, iss. 3. P. 244–253. DOI: https://doi.org/10.1177/1077559517751670.

[2] Равнюшкин, А. В. Административная ответственность за насилие в сиблинговых отношениях / А. В. Равнюшкин // Сибирское юридическое обозрение. – 2023. – Т. 20, № 4. – С. 388.

заботливых родителей, куда «входят, как правило, те, кто уделяет ребенку повышенное внимание, следит за его здоровьем, за тем, чтобы ребенок «был не хуже других», но при этом недостаточно занимается развитием его характера, духовной жизни». Однако родительство должно быть и ответственным. «Ответственное родительство – это, прежде всего, сбалансированность разных сторон воспитания, высокая степень интимности в отношениях с ребенком, способность и желание поддерживать его материально, но не в ущерб его образованности, развития, его личностным качествам»[1].

Учеными из Всероссийского научно-исследовательского института МВД России подготовлено научно-практическое пособие, в котором рассматриваются аспекты профилактики семейного неблагополучия и формирования основ ответственного родительства. В работе отмечено, что «ответственные родители должны нести ответственность за своих детей, не должны их бросать, бить, подвергать физическому или психологическому унижению, а также быть личным положительным примером. Духовное воспитание также является неотъемлемой частью ответственного родительства»[2].

В другой работе освещаются вопросы внедрение новых форм и методов профилактики семейного неблагополучия и формирования основ ответственного родительства при непосредственном участии заинтересованных органов системы профилактики правонарушений несовершеннолетних[3]

Думается, что родительская забота и ответственное родительство должны охватывать и пресечение случаев насилия, исходящих от старших братьев и сестер. В противном случае пассивное поведение родителей и иных законных

---

[1] Семья и родительство в современной России. Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Отчет о результатах исследования Института социологии РАН. 2009. URL: https://fond-detyam.ru/upload/iblock/ea0/Семья%20и%20родительство%20в%20современной%20России.pdf?ysclid=mufcfmkvzx879476626 (дата обращения: 29.06.2025).

[2] Профилактика семейного неблагополучия и формирование основ ответственного родительства (на примере эффективных региональных практик): научно-практическое пособие / М. В. Анисифорова, Т. А. Петрова, М. П. Банаева, Н. Ю. Венецкая. – Москва: ВНИИ МВД России, 2024. – С. 15.

[3] Петрова, Т. А. Современная практика профилактики семейного неблагополучия и формирования основ ответственного родительства / Т. А. Петрова, М. П. Банаева // Научный портал МВД России. – 2024. – № 3(67). – С. 20-27.

представителей будет оцениваться как пренебрежение правами детей, что является нарушением ст. 65 Семейного кодекса Российской Федерации, согласно которой способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей. Так, «законодатель устанавливает ответственность различного рода как за неисполнение родителями своих обязанностей, так и за пренебрежительное отношение или злоупотребление родительскими правами»[1].

Однако пренебрежение со стороны родителей и других законных представителей будет носить административно-противоправный характер лишь в том случае, когда кто-либо из братьев или сестер, не достигших возраста юридической ответственности, причиняет побои либо другие насильственные правонарушения другому ребенку в семье, как правило, младшему, а родители бездействуют. В данном случае предусматривается состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Ситуация еще более обостряется если насилие причиняется совершеннолетними лицами в отношении своих несовершеннолетних братьев и сестер.

В качестве примера можно привести случай, когда 18-летний сын отселился от родителей, проживает отдельно, но пристрастился к наркотикам, появляется в доме родителей в наркотическом опьянении и в их отсутствии совершает акты насилия в отношении младших брата или сестры. В данных случаях их родители или иные законные представители уже не несут ответственность за действия своих взрослых детей, причиняющих насилие, но обязаны принять меры по защите своих несовершеннолетних детей, выступая в роли их законных представителей. Однако это делается не всегда. Данные правонарушения обладают высокой степенью латентности.

Третье. Латентными являются и правонарушения, предусмотренные статьей 6.1.1 КоАП РФ, совершаемые подростками и более зрелыми детьми в отношении

---

[1] Алманова А. М. Возникновение негативных последствий для ребенка вследствие неисполнения родителями обязанностей по воспитанию // Ленинградский юридический журнал. - 2013. - № 2 (32). - С. 194.

своих родителей. Наблюдается рокировка лиц в связи «жертва–преступник»: если в случаях домашнего насилия и жестокого обращения с детьми суд защищает жертву-ребенка, то в случае подросткового насилия в отношении родителей преступником является ребенок, а жертвой – взрослый, и это значительно усложняет осуществление правосудия. Латентность рассматриваемого негативного явления усиливает тот фактор, что многие родители не хотят, чтобы их ребенок подвергся уголовному пре следованию или был подвергнут административному наказанию[1].

Распространению насилия в семье способствуют такие негативные факторы как «пропаганда наркотиков, нетрадиционных сексуальных отношений, педофилии, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства и т.д. Материалы подобного содержания активно распространяются в сети и представляют существенную общественную опасность»[2]. Они в определённой степени могут явиться причиной семейно-бытовых конфликтов, в том числе насилия повзрослевших детей в отношении родителей. Поэтому подчеркивается важность психолого-педагогического просвещения родителей как фактора профилактики правонарушающего поведения несовершеннолетних[3]

Наряду с наиболее известными видами семейного насилия (над женщинами и стариками, взрослыми над детьми) обозначенные выше виды семейного насилия также должны признаваться общественностью, руководством страны и научной

---

[1] Равнюшкин, А. В. Подростковое насилие над родителями как форма семейного (домашнего) насилия: вопрос расширения объекта государственно- правовой защиты личности в семье / А. В. Равнюшкин // Российский девиантологический журнал. – 2023. – № 3(2). – С. 212.

[2] Дугенец, А. С. Актуальные проблемы противодействия административным правонарушениям, совершаемым с использованием информационных технологий / А. С. Дугенец, Н. Г. Канунникова // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 25.

[3] Дугенец, А. С. Психолого-педагогическое просвещение родителей как фактор профилактики правонарушающего поведения несовершеннолетних / А. С. Дугенец, Л. В. Павлова // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : Научно-практическое ежеквартальное издание. Том Выпуск 1. – Москва : ФКУ НИИ ФСИН России, ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2023. – С. 238-242.

средой для выработки и выполнения мер, направленных на комплексное противодействие всем без исключения видам этого насилия.

Далее. Следует отметить, что об административно-противоправном насилии как явлении федерального уровня стало возможным говорить с того момента, когда законодатель в 2017 г. декриминализовал ответственность за побои и установил ответственность за их нанесение в ст. 6.1.1 КоАП РФ[1]. Однако в КоАП РФ предусмотрены другие административные правонарушения, которые могут быть прямо или косвенно связаны с семейным насилием. Рассмотрим их подробнее.

Так, к их числу следует отнести правонарушение, предусмотренной статьей 5.62 КоАП РФ «Дискриминация», в диспозиции которой закрепляется административная ответственность, среди прочего, и за нарушение прав, свобод и законных интересов человека в зависимости от семейного положения. Дискриминация включает среди прочих пренебрежительное отношение к члену семьи, игнорирование его прав и интересов.

Дискриминационные действия могут носить психических и физический характер, которые допустимо в отдельных случаях соотносить с формами семейного насилия – психическим и физическим насилием. Дискриминация в семье может являться причиной семейно-бытовых конфликтов, и в то же время выражаться в форме психического насилия. На фоне дискриминационных действий возникают семейно-бытовые конфликты, которые могут сопровождаться актами физического насилия, например, нанесением побоев (ст. 6.1.1 КоАП РФ). Привлечение виновных лиц к административной ответственности за дискриминацию в семье может являться профилактикой совершения актов семейного насилия. Однако в Российской Федерации не ведется официальной статистики совершения административных правонарушений,

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно - процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»: федер. закон от 3 июля 2017 г. № 326-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 27. – Ст. 3952.

совершенных по семейным мотивам. Думается, что их доля в совокупном показателе – общего количества совершенных административных правонарушений, предусмотренных статьей 5.62 КоАП РФ, незначительная. Несомненно, что обозначенные административные правонарушения обладают высокой степенью латентности, которая, в свою очередь, превышает названный показатель другого правонарушения, нередко совершаемого в семьях, но трудно выявляемого – побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ).

Косвенно к числу административных правонарушений, закрепленных на федеральном уровне, относятся правонарушения, предусмотренные статьей 5.61 КоАП РФ «Оскорбление». Однако оно не носит прямого насильственного характера, но может послужить причиной семейно-бытовых конфликтов, совершения дискриминационных действий и административно-наказуемых побоев. Целесообразно предположить, что оскорбительные действия могут охватываться психическим насилием в отношении члена семьи. Важно отметить, что доля оскорблений членов семьи в общем количестве низко выявляемых в целом оскорблений еще более ничтожная, чем у других рассмотренных выше правонарушений. Можно также предположить и то, что исключительное право прокурора по возбуждению обозначенной категории дел об административных правонарушениях затрудняет работу должностных лиц полиции по выявления оскорблений, в том числе совершаемых в отношении членов семьи.

Рассмотрев административные правонарушения, закрепленные на федеральном уровне как дискриминация и оскорбление, возникает вопрос о степени информированности граждан о возможности привлечения своих обидчиков за обозначенные правонарушения и какой вклад в эту информированность вносят сотрудники полиции, осуществляя реагирование на факты семейного насилия.

Признавая проблему выявления и пресечения насильственных правонарушений, совершаемых в отношении членов семьи и считая необходимым более эффективно проводить профилактику этих правонарушений, в некоторых субъектах Российской Федерации приняты и применяются нормы об

административной ответственности за совершение насильственных действий как физического, так и психологического характера. Рассмотрим некоторые из них.

В первом случае в качестве примера можно обозначить ст. 13.8 «Семейно-бытовое дебоширство» закона Республики Башкортостан № 413-з, которой установлена ответственность за совершение рукоприкладства, ругательств, иных действий, посягающих на здоровье, честь и достоинство членов семьи, а также совместно проживающих лиц (семейно-бытовое дебоширство)[1].

В данной случае рукоприкладство указывает на физическое насилие в отношении члена семьи, других совместно проживающих лиц.

Во втором– ст. 1.18 закона Вологодской области от 8 декабря 2010 г. № 2429-ОЗ, предусматривающую административную ответственность за семейно-бытовое дебоширство, т. е. совершение в жилом помещении (домовладении) действий, выражающих явное неуважение к окружающим, в том числе к члену (членам) семьи, сопровождающихся нарушением спокойствия граждан, унижением человеческого достоинства и (или) нецензурной бранью, если эти действия не содержат признаков другого административного правонарушения или уголовно наказуемого деяния[2].

В Республике Мордовия установлена административная ответственность за «Бытовое дебоширство», что означает «буйство скандал, устраивание беспорядка, сопровождающиеся шумом и (или) нецензурной бранью, нарушением покоя лиц, совместно проживающих в жилом помещении, и унижением человеческого достоинства»[3]. Закон Калужской области от 11 января 2009 г. №518-ОЗ «О профилактике правонарушений в Калужской области» содержит норму в статье

---

[1] Кодекс Республики Башкортостан об административных правонарушениях : закон Респ. Башкортостан от 23 июня 2011 г. № 413-з // Электрон. фонд правовых и норматив.-техн. документов. URL: https://docs.cntd. ru/document/450366898 (дата обращения: 30.06.2023).

[2] Об административных правонарушениях в Вологодской области : закон Вологод. обл. от 8 дек. 2010 г. № 2429-ОЗ // Электрон. фонд правовых и норматив.-техн. документов. URL: https://docs.cntd.ru/ document/895282822 (дата обращения: 30.06.2023).

[3] Об административных правонарушениях в Республике Мордовия: закон Республики Мордовия от 12.07.2002 № 25-3 // Ведомости Государственного Собрания Республики Мордовия, 2023, № 18–19 (47).

13.1 «Профилактика и предупреждение конфликтов в сфере семейно-бытовых отношений».

Подобные нормы об административной ответственности предусмотрены в ряде субъектов РФ.

Например, «по статье 7 «Семейно-бытовое дебоширство» Закона Республики Алтай от 10.11.2015 № 69-РЗ на территории города Горно-Алтайска вынесено в 2022 г. 174 постановления по делам об административных правонарушениях о назначении административного наказания, в 2023 г. – 164 аналогичных постановления. Рассмотрим фабулы, содержащиеся в протоколах по названным административным правонарушениям:

«… в месте проживания устроил скандал, кричал, выражался нецензурной бранью, пытался учинить драку…»;

«… произошел словесный конфликт, в ходе которого последний начал вести себя неадекватно, кричать, материться и разбрасывать вещи, высказывать слова угрожающего характера в адрес ФИО… однако каких-либо действий для осуществления угроз не предпринимал»[1].

Данные действия виновных лиц в определенной мере также характеризуют насильственные действия административного характера, совершаемые в отношении членов семьи как психическое и физическое насилие.

Однообразного понимания перечня и характера действий, образующих объективную сторону правонарушений, установленных законами субъектов РФ в рассматриваемой сфере, не сложилось, но они приняты и действуют для достижения общей цели – предупреждения насилия и его тяжких последствий, причиняемых в сфере семейно-бытовых отношений.

При тщательном анализе данных правонарушений допустимо предположить, что они являются завуалированными формами дискриминации и оскорбления, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений. Правоприменителя скорее удобнее усматривать в действиях семейных

[1] Материалы из монографии Юридическая ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: современное состояние и тенденции развития / *Гришаков А.Г., Кузнецова Л.В., Тырышкин В.В*. [и др.]. - Барнаул, 2025. –. С. 27.

правонарушителей составы правонарушений, предусмотренных законами субъектов РФ, чем доказывать, что в данных случаях имеют место дискриминация и оскорбление.

Учитывая сложившуюся практику административно-правового регулирования отдельных субъектов РФ, направленного на противодействие семейному насилию, и в целях устранения имеющихся недостатков в формулировании диспозиций статей и других элементов норм и составов правонарушений, автором данного диссертационного исследования был представлен ряд предложений. Среди них предлагалась норма, устанавливающая ответственность за нарушение прав граждан в сфере семейно-бытовых отношений от семейного насилия, для включения ее в КоАП РФ – статья 5.61.1 «Нарушение прав в сфере семейно-бытовых отношений», в которой рекомендовалось установить административную ответственность за «Угрозу применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, повреждения или уничтожения имущества, насильственное принуждение к чему-либо, нецензурная брань , нарушение покоя и тишины, выраженные на почве семейно-бытового конфликта в месте проживания (пребывания), а также в местах общего пользования жилых помещений»[1].

Однако данное предложение на законодательном уровне принято не было. Законодатель пошел по иному пути, декриминализировав в определенной степени побои. Но эта законодательная мера не решила вопрос о повышении эффективности противодействия семейному насилию. Одним из свидетельств наличия нерешенной проблемы является вновь инициированные предложения, направленные на совершенствование административно-правового регулирования противодействия семейному насилию.

Обладая правом законотворческой инициативы Верховный Суд Российской Федерации предпринял попытку в декабре 2015 г. декриминализации уголовной ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью

[1] Равнюшкин А.В. Административно-правовые средства предупреждения м пресечения участковыми уполномоченными полиции правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений / А.В. Равнюшкин. – Барнаул, 2018 – С. 64.

(статья 119 УК РФ)[1], однако этого не произошло. Затем Верховный Суд Российской Федерации предпринял попытку о включении в КоАП РФ статьи 6.1.2 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью»[2], однако во втором чтении данную инициативу исключили. При этом осталось предложение о включении в КоАП РФ известной статьи 6.1.1 КоАП РФ «Побои». Следующая попытка инициировалась Законодательным Собранием Красноярского края в конце 2023 года об установлении административной ответственности по статье 6.1.2 КоАП РФ под ранее обозначенным названием, где угроза убийством или причинением тяжкого вреда причиняли нравственные страдания потерпевшему[3], но и эта инициатива стала безуспешной.

Таким образом, на федеральном и региональном уровнях обозначена потребность в совершенствовании административно-правовых средств противодействия посягательствам на жизнь, здоровье, телесную и личную неприкосновенность, спокойствие граждан, их честь и достоинство. Однако что касается вышерассмотренных предложений о включении в КоАП РФ статьи об угрозе убийством, то одной из причин непринятия данных инициатив является то, что не решена проблема разграничения уголовно-наказуемых угроз убийством или причинения тяжкого вреда здоровью от административно-наказуемых. При этом автором настоящего исследования предлагался иной подход, а именно установить административную ответственность не за угрозу убийством или

---

[1] Законопроект № 953369-6 «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Система обеспечения законотворческой деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество».

[2] Законопроект № 953398-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации.

Уголовный Кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» // Система обеспечения законотворческой деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество».

[3] Проект законодательной инициативы № 8-497 «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части ответственности за посягательства на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность // /Система обеспечения законотворческой деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество».

причинением тяжкого вреда здоровью, а за угрозу применения насилия, не опасного для жизни или здоровья.

Запрос на совершенствование административно-правовых средств противодействия правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений остается актуальным. Это подтверждается, помимо прочего, и предпринимаемыми действиями основного субъекта административно- правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия – МВД России, а конкретно структурного подразделения его центрального аппарата – Главного управления по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Так, в адрес Барнаульского юридического института МВД России в 2023 году была направлена заявка на проведение научно-исследовательской работы на тему «Модернизация юридической ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» (исх. № 12/11163 от 28.09.2023). В качестве обоснования необходимости проведения востребованной научной-исследовательской работы послужило следующее: *«совершенствование профилактики правонарушений по предупреждению бытового насилия не утрачивает значимости на протяжении многих дет. В условиях существующих уголовно-правовых и административно-правовых запретов в полной мере гарантировать защиту личности от угроз жизни или здоровью путем психического воздействия, зачастую предшествующих тяжким и особо тяжким преступлениям в быту, затруднительно. Внедрение в законодательство инновационных охранительных норм, к примеру административной ответственности за угрозу убийством в условиях, исключающих уголовную ответственность, позволит сотрудникам полиции осуществлять превентивную работу в отношении лиц, допускающих подобные деяния, и потенциально снизит риски наступления тяжких последствий от конфликтов в сфере семейно-бытовых отношений. Для реализации данной инициативы необходима выработка научно-обоснованных предложений на основе анализа практической деятельности территориальных органов МВД России, а также опыта субъектов Российской Федерации и иностранных государств»*[1].

[1] Заявка одобрена на заседании научно-практической секции ГУОООП МВД России (протокол НПС № 4 от 14 сентября 2023 года).

Коллектив авторов из Барнаульского юридического института МВД России провели данное исследование посредство решения определенных задач, среди которых необходимо отметить как обобщить и проанализировать эмпирические данные территориальных органов МВД России о совершении тяжких и особо тяжких преступлений лицами, в отношении которых ранее было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по статье 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» УК РФ.

Результаты данного исследования были представлены в ГУОООП МВД России в виде отчета, а основные материалы опубликованы в виде монографии[1].

Авторами обозначенного исследования была проведена колоссальная работа, в том числе по получению и обработке эмпирических данных. Авторами отмечается, что «несмотря на указанные сложности, отдельные территориальные органы МВД России предоставили достаточно полные сведения, которые способствовали формулированию конкретных выводов»[2].

Коллективом авторов отмечается, что количество вынесенных постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел по преступлениям, предусмотренных статьей 119 УК РФ, высокое. Так, «согласно данным, полученным из ГУ МВД России по г. Санкт-Петербург и Ленинградской области (Северо-Западный федеральный округ), в 2020 г. общее количество отказных по ст. 119 УК РФ составило 1972. Из них 1053 постановления об «угрозах» отнесены к бытовой сфере (53,4%). В 2023 году их число в абсолютных цифрах составило 1476 и 810 решений соответственно. То есть доля «бытовой сферы», в которых были совершены угрозы, составила 54,9%»[3].

В другом территориальном органе – УМВД России по Камчатскому краю (Дальневосточный федеральный округ) аналогичные показатели еще выше. Там «в 2020 году было вынесено 230 постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 119 УК РФ, из них 171 решение отнесено к бытовой сфере

---

[1] Юридическая ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: современное состояние и тенденции развития / *Гришаков А.Г., Кузнецова Л.В., Тырышкин В.В*. [и др.]. - Барнаул, 2025. – 152 с.

[2] Там же, С. 19.

[3] Юридическая ответственность за угрозу … С. 19.

(или 74,3%). В 2023 году зарегистрировано 221 и 160 постановлений соответственно. Доля «бытовой сферы», в которой были совершены угрозы, равна 72,4%»[1].

Одним из итогов рассматриваемого исследования является вывод о том, что подтвердилась гипотеза, согласно которой лица, в отношении которых ранее было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 119 УК РФ, в последующем совершают тяжкие и особо тяжкие преступления. Обозначенных вывод подтверждается данными, представленными территориальными органами МВД России по всем федеральным округам[2].

Далее авторы на основе полученных данных с «34 территориальных органов МВД России сформулировали вывод о том, что механизмы административно-правового воздействия на лиц, в отношении которых вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ст. 119 УК РФ, связанного с бытовой сферой, на региональном уровне неэффективны»[3].

Действительно, при отсутствии признаков реальности данной угрозы лица, угрожавшие расправой, не понесли никакой юридической ответственности, и состояние безнаказанности способствовало совершению ими более тяжких противоправных деяний[4].

В итоге авторы рассматриваемой монографии, изучив также и научные работы, посвященные решению вопроса об установлении административной ответственности за угрозу убийством и причинением тяжкого вреда здоровью, пришли к убеждению, что такую ответственность установить необходимо, и представили предложение в следующем виде:

«С учетом этого мы предлагаем дополнить КоАП РФ статьей 6.1.2 следующего содержания:

«Статья 6.1.2. Угроза совершения насильственных действий,

---

[1] Там же.
[2] Там же, С. 19-22.
[3] Там же, С. 25.
[4] Равнюшкин А.В. Семейно-бытовое правонарушение: понятие и состав // Труды Академии управления МВД России. - 2012. - № 1 (21). - С. 119.

1. Угроза совершения насильственных действий, если эти действия не содержат уголовно-наказуемого деяния, -

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей либо административный арест на срок до пяти суток.

2. Те же действия, сопряженные с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если эти действия не содержат уголовно-наказуемого деяния, -

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от семи тысяч до пятнадцати тысяч рублей либо административный арест на срок до десяти суток.

3. Угроза совершения насильственных действий, если эти действия не содержат уголовно-наказуемого деяния, содержащиеся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации либо совершенная публично с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», -

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пяти тысяч до двадцати тысяч рублей либо административный арест на срок до пятнадцати суток.

Примечание. Под угрозой совершения насильственных действий в настоящей статье понимаются умышленные действия лица, направленные на угрозу причинения смерти, тяжкого вреда здоровью, средней тяжести вреда здоровью, легкого вреда здоровью, побоев»[1].

По данному предложению можно сказать следующее.

Во-первых, оно может быть приемлемо, если из УК РФ будет удалена статья 119 УК РФ. Если это не будет сделано, то отличить противоправность (уголовная или административная) практически будет невозможно.

Во-вторых, содержание примечания вызывает вопрос: чем угроза причинения смерти отличается от угрозы убийством? Ведь в обоих случаях представления о желаемом результате и характер общественной опасности деяния одинаковые. Авторы монографии не дают разъяснения по данному поводу.

Думается, что целесообразнее следовало бы не осуществлять декриминализацию статьи 119 УК РФ.

---

[1] Юридическая ответственность за угрозу убийством … С. 60-61.

В этой связи представляется более конструктивным иной подход, предложенный ранее, и остается актуальным в настоящее время в рамках настоящего исследования. Вместо попытки создать «облегченный» дубликат ст. 119 УК РФ, целесообразно ввести в КоАП РФ новый состав, ориентированный на иную, более широкую и практически значимую категорию противоправного поведения. Речь идет об установлении административной ответственности за угрозу применения насилия, не опасного для жизни или здоровья.

Данное понятие («насилие, не опасное для жизни или здоровья») уже устоялось в правовой доктрине и практике (например, оно используется при разграничении побоев и вреда здоровью). Угроза применить такое насилие (например, «я тебя изобью», «получишь в глаз», «вышибу дух») является типичным элементом бытовых конфликтов и мощным инструментом психологического давления. В настоящее время такие угрозы остаются полностью безнаказанными, если не сопровождаются действиями, подпадающими под ст. 6.1.1 КоАП РФ.

Авторское предложение заключается в дополнении КоАП РФ новой статьей (логично разместить ее в главе 6 «Административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность», под статьей 6.1.2 «Угроза применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, совершение иных форм психического насилия». Диспозиция этой статьи могла бы предусматривать ответственность не только за «угрозу применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, но и за иные умышленные действия, систематически нарушающие личное спокойствие и унижающие достоинство члена семьи в месте совместного проживания: нецензурную брань, шум в ночное время с целью психологического воздействия, угроза умышленного повреждения имущества члена семьи».

Преимущества данного подхода:

- правовая определенность: четкое отграничение от ст. 119 УК РФ по объекту посягательства (не опасное для жизни/здоровья насилие;

- профилактический эффект: позволит правоохранительным органам (прежде всего, участковым уполномоченным полиции) вмешиваться на самой ранней стадии развития конфликта, проводить профилактические беседы, выносить официальное предупреждение или привлекать к ответственности, не дожидаясь реальных побоев или более тяжких угроз;

- заполнение правового вакуума: даст правовую оценку тому массиву деструктивного поведения в семье, который сегодня существует в «серой зоне», вне права;

- системность: создаст связанную систему норм: ст. 6.1.1 (физическое насилие без последствий) – ст. 6.1.2 (психологическое насилие, угрозы) – соответствующие статьи УК РФ (тяжкие последствия, реальные угрозы убийством).

Таким образом, реализация данного предложения позволила бы создать комплексный и эффективный административно-правовой инструментарий для противодействия семейному насилию во всех его проявлениях.

Проведенное исследование позволяет сформулировать систему выводов и предложений, направленных на углубление понимания административно-правовой сущности семейного насилия и совершенствование механизмов борьбы с ним.

С учетом вышеизложенного, административно-правовая характеристика семейного насилия представляется на основе результатов анализа научных работ, изученных видов административных правонарушений (федерального и регионального уровней) и практической деятельности правоприменителя.

Семейное насилие в аспекте административного права представляет собой сложное, многогранное явление, которое не может быть сведено исключительно к физическому насилию в форме побоев. Его административно-правовая характеристика должна включать: а) умышленный характер деяний; б) многообразие субъектного состава (агрессором и жертвой может быть любой член семьи или совместно проживающее лицо); в) сочетание физического и психического насилия; г) высокую степень латентности; д) цикличность.

Действующее федеральное законодательство (в лице ст. 6.1.1 КоАП РФ) демонстрирует явную недостаточность, фокусируясь лишь на одной, далеко не всегда первоначальной, форме насилия. Существенным пробелом является отсутствие квалифицированного состава, учитывающего совершение побоев в присутствии несовершеннолетних, что требует законодательной коррекции.

Такие формы насилия, как сиблинговое насилие и подростковое насилие в отношении родителей, остаются на периферии административно-правового регулирования. Борьба с ними требует комплексного подхода, сочетающего возможное привлечение родителей к ответственности за неисполнение обязанностей (ст. 5.35 КоАП РФ) с развитием сети специализированных социально-психологических служб для работы с несовершеннолетними агрессорами.

Региональный опыт установления административной ответственности за совершение «семейно-бытового дебоширства» подтверждает объективную потребность в юридической оценке психологического насилия и деструктивной конфликтной обстановки в семье. Этот опыт, несмотря на свои недостатки, является важным ориентиром для федерального законодателя и свидетельствует о необходимости унификации подобных норм на общегосударственном уровне.

Ключевой нерешенной проблемой является отсутствие административной ответственности за угрозы, не содержащие признаков ст. 119 УК РФ. Статистика отказных постановлений и последующей криминальной эскалации доказывает, что существующий правовой вакуум несет прямую угрозу безопасности граждан. При этом попытки ввести ответственность за «угрозу убийством» на административном уровне тупиково из-за проблемы разграничения с уголовным законом.

В качестве оптимального пути совершенствования законодательства предлагается введение в КоАП РФ новой специальной нормы (ст. 6.1.2), устанавливающей административную ответственность за угрозу применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, а также за иные систематические действия, унижающие достоинство и нарушающие спокойствие в сфере семейно-

бытовых отношений. Это создаст непрерывную и логичную шкалу юридического реагирования, усилит профилактический потенциал полиции и позволит пресекать насилие на самых ранних стадиях его генезиса.

Таким образом, формирование эффективной системы административно-правового противодействия семейному насилию требует перехода от фрагментарных и реактивных мер к построению целостной, превентивно ориентированной правовой модели, адекватно отражающей всю сложность и многообразие этого социально-правового явления.

Большая часть из агрессоров совершает и намерена совершать насильственные действия только административно-противоправного характера. Практически семейное насилие начинается с психического, как правило, при семейно-бытовых конфликтах. Грань между психическим и физическим насилием очень тонкая, и в большинстве случаев они сочетаются. Некоторая часть агрессоров совершает физическое насилие уголовно-противоправного характера, минуя административно-противоправный этап. Большинство опрошенных граждан, считают, что из видов семейного насилия (физическое, психическое (психологическое), экономическое, сексуальное, иные) именно физическое и психическое составляют более 90 % семейного насилия (см. ответ на вопрос 2 приложение № 3).

К семейному насилию относятся все признаки и черты, которые исследованы и представлены учеными из разных видов науки, рассмотренные в предыдущем параграфе. У лиц, совершающих акты насилия два и более раза, психическое отношения к совершаемым деяниям характеризуется твердой устойчивостью направленности умысла на причинение вредных последствий. Насилие с их стороны носит цикличный характер.

Административно-противоправное насилие носит еще более латентный характер, чем уголовно-наказуемое, так как в большей части только более высокая степень материальных последствий в виде причинения вреда здоровью (от легкого до особо тяжкого и смерти) позволяют выявить и обнаружить противоправное деяние. В нередких случаях жертвы в силу «малозначительности» последствий

(побои, физическая боль, рукоприкладство, психическое насилие (угрозы, конфликты, пренебрежение, дискриминация, оскорбления, повреждение имущества и т.п.) не желают обращаться в правоохранительные органы с заявлением о привлечении агрессора к ответственности.

Обозначенные выводы подкрепляются данными, полученными в ходе социологического опроса. Так, на вопрос 5: «Допускается ли физическое (телесное) наказание как средство воздействия на детей в случаях, когда отсутствует их положительная реакция на родительское веление, сочетаемое с родительской строгостью?», более 50 % опрошенных ответили «нет», более 20 % - «да» и более 28 % опрошенных воздержались от ответа (приложение № 3, ответ на вопрос № 5). Также на вопрос № 6 анкеты: «Применяли родители по отношению к Вам физическое (телесное) наказание?», более 44 % ответили «да», более 43 % - «нет» и более 12 % воздержалось от ответа (приложение № 3, ответ на вопрос № 6).

И на вопрос № 7: «Если «да», то считаете ли Вы сейчас, что телесное наказание в детстве имело негативное воздействие на Вашу личность и причинило вред или, наоборот, способствовало выработке дисциплинированности и других положительных качеств?», 50 % опрошенных воздержалось от ответа, более 36% согласились с тем, что телесное наказание способствовало выработке дисциплинированности и других положительных качеств, и 13% - имело негативное воздействие (приложение № 3, ответ на вопрос № 7).

Представленные результаты подтверждают тезис о существовании в российском обществе разных парадигм (традиционной и правозащитной) и о негативных последствиях насилия, и иллюстрируют глубину проблемы и сложность ее восприятия.

Для формирования целостного административно-правового понимания семейного насилия необходимо выделить его особенные признаки, которые проявляются именно в рамках конкретных составов административных правонарушений (федеральных и региональных) и отличают его от общих признаков насилия как социального явления:

1. Связь с семейно-бытовым конфликтом как обязательной или факультативной характеристикой объективной стороны.

Административно-противоправное семейное насилие практически всегда возникает на фоне длящегося межличностного конфликта между членами семьи или совместно проживающими лицами. Это подтверждается региональными составами (например, «семейно-бытовое дебоширство»), где конфликтная обстановка является контекстом правонарушения. Даже при побоях (ст. 6.1.1 КоАП РФ) семейно-бытовой характер конфликта выступает обстоятельством, отягощающим вину и требующим особой профилактической работы;

2. Совершение в месте совместного проживания (пребывания) и в отношении лиц, связанных родством/свойством, совместным ведением хозяйства.

Объективная сторона правонарушений, как правило, локализована в жилом помещении (доме, квартире), где агрессор и жертва ведут общее хозяйство. Это создает особую сложность для выявления и пресечения, так как жилище является приватной зоной. Данный признак также учитывается в региональных законах (например, ст. 13.8 Закона Республики Башкортостан прямо указывает на совершение действий в отношении членов семьи и совместно проживающих лиц);

3. Административная ответственность родителей за насилие между детьми

Особенностью является возможность привлечения к ответственности родителей за бездействие при насилии между детьми (по ст. 5.35 КоАП РФ), что расширяет традиционное представление о субъекте насилия;

4. Высокая степень латентности и специфика доказывания.

Административные правонарушения в семье характеризуются еще большей латентностью, чем преступления, из-за «малозначительности» последствий для жертвы (побои, боль, психологическое давление) и нежелания выносить конфликт вовне. Это требует особых процедур сбора доказательств (показания соседей, рапорты участковых, акты медицинского освидетельствования) и активной роли правоохранителей в выявлении таких деяний;

5. Наличие квалифицированных признаков, связанных с присутствием или участием несовершеннолетних.

Характеристика административно-противоправного понятия семейного насилия показывает, что оно часто совершается в присутствии детей, что не только усугубляет психологическую травму последних, но и может образовывать самостоятельный квалифицирующий признак (что и предлагается дополнить в ст. 6.1.1 КоАП РФ). Это отражает биопсихологическую обусловленность насилия, так как дети усваивают модели агрессивного поведения;

6. Сочетание физического и психического насилия в одном событии или длящемся процессе.

В рамках одного правонарушения или их системы (цикличность) часто наблюдаются как акты физического воздействия (побои), так и психического (угрозы, оскорбления, дискриминация, шум с целью запугивания). Действующее федеральное законодательство не позволяет комплексно оценить такое сочетание, тогда как региональные составы («семейно-бытовое дебоширство») пытаются охватить оба аспекта.

Выводы по параграфу\

С учетом вышеизложенного, административно-правовая характеристика семейного насилия представляется на основе результатов анализа научных работ, изученных видов административных правонарушений (федерального и регионального уровней) и практической деятельности правоприменителей.

Исходя из представленной административно-правовой характеристики семейного насилия, формулируется следующее ее понятие.

Под наказуемым административно противоправным насилием, в том числе совершаемом в сфере семейно-бытовых отношений, понимается нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, в том числе причинивших физическую боль, но не повлекших уголовно-наказуемых последствий, а также акты психологического насилия (угрозы причинения насилия, не опасного для жизни или здоровья, нарушение спокойствия граждан в семье, унижение человеческого достоинства, создание конфликтной ситуации, умышленное повреждение имущества члена семьи), которые выражены, как правило, на фоне семейно-бытового конфликта и причиняют ущерб

нравственности, оказывают деморализующее и психотравмирующее воздействие на членов семьи и лиц, совместно проживающих и ведущих с агрессором общее хозяйство.

Административно-противоправное семейное насилие как деяние (действие/бездействия):

- выражаются в нанесении побоев, совершении иных насильственных действий, причиняющих физическую боль, но не влекущих уголовно-наказуемых последствий;

- либо заключаются в угрозах применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, систематическом унижении человеческого достоинства, нарушении спокойствия, дискриминации, оскорблениях, создающих психотравмирующую обстановку;

- характеризуются цикличностью, амбивалентностью отношений между субъектами и повышенной латентностью, обусловленной нежеланием жертв предавать огласке внутрисемейные конфликты;

- а также могут быть квалифицированы по признаку совершения в присутствии несовершеннолетних или в отношении них, что усиливает их общественную вредность и требует применения специальных мер административно-правовой профилактики.

Данное понятие позволяет отграничить административно-противоправное семейное насилие от смежных составов (бытовое хулиганство, уголовно наказуемые деяния) и служит основой для разработки специализированных норм, учитывающих всю сложность и многогранность этого явления в сфере семейно-бытовых отношений.

Данная совокупность представлений о семейном насилии позволяет его идентифицировать как публично значимый феномен и объект административно-правового регулирования.

§ 3. Семейное насилие по законодательству зарубежных стран (Австрия, Беларусь, Великобритании, Германия (ФРГ), Казахстан, Норвегия, США, Узбекистан)

В Англии и Уэльсе [1], Шотландии [2] и Северной Ирландии [3] (в целом Великобритании[4]), в США и в других странах англосаксонской правовой системы широкое распространение получило нормативное регулирование сферы, связанное с противодействием семейному насилию, прежде всего, в виде принятия отдельных (тематических) законов, направленных на противодействие семейному (домашнему) насилию. Практика этих стран оказывает влияние и на осуществления правового регулирования обозначенной сферы в странах романо-германской правовой системы, в иных странах с сильным традиционным укладом жизни (например, Индия, Китай). На сегодняшний день 162 страны приняли законы о домашнем насилии. При этом в некоторых случаях данные акты не в полном объеме соответствуют международным документам, регулирующим данную сферу общественных отношений, а также не всегда соблюдаются[5].

В Великобритании Закон о домашнем насилии 2021 года (Domestic Abuse Act 2021) содержит законодательное определение домашнего насилия, которое включает в себя «физическое или сексуальное насилие; агрессивное или

---

[1] The Domestic Violence, Crime and Victims Act 2004. // URL: https://www.gov.uk/government/publications/the-domestic-violence-crime-and-victims-act-2004 (дата обращения: 24.07.2025).

[2] Domestic Abuse (Scotland) Act 2018) Закон о домашнем насилии в Шотландии // URL: https://www.legislation.gov.uk/asp/2018/5/contents(дата обращения: 24.07.2025).

[3] Domestic Abuse and Civil Proceedings Act (Northern Ireland) 2021 (Закон о домашнем насилии и гражданском судопроизводстве (Северная Ирландия) 2021 года) // URL: https://www.legislation.gov.uk/nia/2021/2/contents (дата обращения: 24.07.2025).

[4] Domestic Abuse Act 2021 // URL: https://www.gov.uk/government/publications/domestic-abuse-act-2021 (дата обращения: 01.05.2025).

[5] Факты и цифры: искоренение насилия в отношении женщин. URL: https://eca.unwomen.org/ru/stories/explainer/2023/12/fakty-i-cifry-iskorenenienasiliya-v-otnoshenii-zhenschin (дата обращения: 01.05.2025).

угрожающее поведение; контролирующее или принудительное поведение; экономическое насилие; психологическое, эмоциональное или иное насилие»[1].

Однако он не предусматривает правонарушений, связанных с этим определением. Вместо этого уже существующие правонарушения делают некоторые формы домашнего насилия противоправными. Закреплённые в Законе о домашнем насилии формы семейного (домашнего) насилия отражены в ранее принятых и действующих нормативно-правовых актах Великобритании. Например, Закон об уголовном правосудии 1988 г. устанавливает уголовную ответственность за обычное нападение и побои, под которым понимается деяние, совершаемое лицом, которое заставляет другое лицо опасаться немедленного применения незаконного насилия со стороны обвиняемого[2]. Обычное нападение и нанесение побоев являются правонарушениями, за которые предусмотрено наказание в виде штрафа в размере, не превышающем 5-й уровень по стандартной шкале, или лишения свободы на срок, не превышающий шести месяцев, либо и того, и другого[3].

Нарушение запрета на домогательства предусмотрено Законом о домашнем насилии, преступлениях и жертвах 2004 года[4], Закон о тяжких преступлениях 2015 года предусматривает ответственность за контролирующее или насильственное поведение в интимных или семейных отношениях[5] и других актах.

В законах и нормативных актах Великобритании термин «домашнее насилие» обычно используется для обозначения различных форм домашнего

---

[1] Domestic Abuse Act 2021. UK Parliament. 29 April 2021. p. 1. // https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2021/17/part/1/enacted (дата обращения: 24.10.2025).

[2] Соединённое Королевство. Закон об уголовном правосудии 1988 года, 29 июля 1988 года (The Criminal Justice Act. — URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/33/contents/ni (дата обращения: 26.10.2025);

[3] «Закон об уголовном правосудии 1988 года: статья 39» ("The Criminal Justice Act of 1988: article 39"), *legislation.gov.uk*, Национальный архив, 1988 г., № 33 (ст. 39) — URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/33/section/39 (дата обращения: 25.10.2025).

[4] Закон о домашнем насилии, преступлениях и жертвах 2004 года (Domestic Violence, Crime and Victims Act 2004 (Act). UK Parliament. 2004). — URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/9/section/76/enacted (дата обращения: 26.10.2025).

[5] Закон о тяжких преступлениях 2015 года (Закон). Парламент Великобритании. 2015. (Serious Crime Act 2015) — URL: // https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/9/section/76/enacted (дата обращения: 25.10.2025).

насилия. Некоторые конкретные формы домашнего насилия и жестокого обращения являются уголовными деяниями. Домашнее насилие или домогательства могут быть физическими, психологическими, сексуальными, финансовыми или эмоциональными.

Английское общее право ещё в XVIII веке признавало право мужей на физическое наказание своих жён. Бёрн Стедман в 1917 году писал, что «согласно старому общему праву, муж имел право на умеренное физическое наказание своей жены при условии, что он использовал, как утверждали некоторые старые авторитеты, трость не толще его большого пальца. Не совсем понятно, почему большой палец должен был быть эталоном размера для инструмента, который мог использовать муж»[1].

Оно действовало также среди английских и других переселенцев в Северной Америке (сначала в английских колониях, а затем в североамериканских штатах). В дальнейшем лидерство у Великобритании по социально-экономическому развитию в мире перехватили США, у которых также стал обостряться вопрос, связанный с семейным насилием.

Сложившееся американское общее право по состоянию на начало XIX века позволяло мужчине наказывать свою жену, «не подвергая себя необоснованному судебному преследованию за нападение и нанесение побоев, что привело бы к дискредитации и позору всех заинтересованных сторон». Некоторые ограничения права на наказание возникли в результате судебных разбирательств, которые определили тип, степень тяжести и время допустимого избиения жён...[2].

---

[1] Стедман, Б. Право мужа наказывать жену // *Юридический регистр Вирджинии*, Новая серия, том 3, № 4 (август 1917 г.), стр. 241–248 // https://doi.org/10.2307/1106112 (Stedman B. Right of Husband to Chastise Wife // The Virginia Law Register. New Series, Vol. 3, No. 4 (Aug., 1917), pp. 241-248 (8 pages) https://doi.org/10.2307/1106112. (дата обращения: 27.10.2025).

[2] Finesmith, B. Police Response to Battered Women: Critique and Proposals for Reform, 14 Seton Hall L.Rev. p. 74-79 (1983). P. 79 Файнсмит, Б. Реакция полиции на избиение женщин: критика и предложения по реформированию, 14 Сетон Холл Л., ред., стр. 74-79 (1983). С. 79 - Файнсмит, Б. К., Реакция полиции на случаи домашнего насилия в отношении женщин: критика и предложения по реформированию. *Обзор законодательства Сетон-Холл*, 14, 1983 С. 79 // https://scholarship.shu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2532&context=shlr. (дата обращения: 27.10.2025).

Домашнее насилие стало одной из актуальных проблем в США, которая обострилась в XIX веке. Практически каждый штат США разрешал вопросы с этим видом насилия по собственному усмотрению, и роль федеральных органов власти в этом вопросе была незаметной.

Штаты Алабама, Массачусетс и Теннеси (1850) были первыми штатами, запретившими «избиение жён». В 1882 году Мэриленд объявил это преступлением[1].

Однако этот процесс шёл противоречиво, о чем свидетельствует судебная практика. Так, в 1864 году Верховный суд Северной Каролины в деле «штат Северная Каролина против Джесси Блэка» вынес следующее решение: «Муж несёт ответственность за поступки своей жены, и он обязан управлять своим домом, и с этой целью закон позволяет ему применять к своей жене такую силу, которая необходима для того, чтобы обуздать непокорный нрав и заставить её вести себя подобающим образом; и если не будет нанесено какое-либо непоправимое увечье, не будет проявлено чрезмерное насилие или жестокость, которая свидетельствует о том, что это делается для удовлетворения его собственных дурных наклонностей, закон не будет вторгаться в семейную жизнь или заглядывать за занавес»[2].

Как и в предыдущих случаях, суд утвердил, что право мужа наказывать свою жену вытекает из его обязанности управлять всем в своём доме, а жена является частью его дома. Суд подтвердил, что правительству не подобает «вмешиваться в семейные дела».

Но в 1870-х годах судебная практика стала меняться. В 1871 году в Алабаме было отменено право мужчин избивать своих жён: «… в наши дни не считается

---

[1] Ассоциация окружных прокуроров штата Массачусетс. Руководство для прокуроров штата Массачусетс: домашнее насилие и сексуальное домогательство. Краткая история законодательства о домашнем насилии. Massachusetts District Attorneys Association the massachusetts prosecutors' manual: domestic violence & sexual assault. A Brief History of Domestic Violence Law // URL: https://muhaz.org/massachusetts-district-attorneys-association-the-massachusetts.html?page=3 (дата обращения: 27.10.2025).

[2] Верховный Суд Северной Каролины, Рэли. Штат против Джесса Блэка. 60 N.C. 266. Июнь 1864 года // The Supreme Court of North Carolina, Raleigh. The State vs. Jesse Black. 60 N.C. 266. June 1864 // URL: https://la.utexas.edu/users/jmciver/357L/60NC266.html. (дата обращения: 27.10.2025).

необходимым использовать розгу, которую можно просунуть сквозь обручальное кольцо, чтобы научить жену её долгу и послушанию мужу. Следовательно, закон не оправдывает и не разрешает мужу использовать такое или любое другое оружие для её умеренного наказания. Жену нельзя считать рабыней мужа. И привилегия, какой бы древней она ни была, бить её палкой, дёргать за волосы, душить, плевать ей в лицо, швырять ее на пол, или подвергать её подобным унижениям, в настоящее время не признаётся нашим законом»[1].

Однако местные правоохранительные органы редко применяли эти законы. Другими словами, большинство местных полицейских органов считали недопустимым вторгаться в семейную сферу, даже если законы штата и решения судов это предусматривали.

Успешные коллективные иски в суды против полиции за бездействие и отказ в аресте привели к изменениям в политике и законодательстве. Одним из первых дел следует отметить дело «Скотт против Харта», где иск был подан против полиции Окленда, штат Калифорния, в 1976 году[2].

В другом судебном решении, вынесенном по делу *Бруно против Кодда* (иск 1977 года против Департамента полиции Нью-Йорка)[3], обязывало полицию сократить время реагирования и увеличить количество арестов по жалобам на домашнее насилие.

Однако коренным переломом в усилении состояния защищенности женщин от семейного насилия послужило следующее судебное решение.

В 1984 году в деле *«Турман против города Торрингтон»* федеральное жюри присяжных в Коннектикуте присудило избитой женщине 2,3 миллиона долларов на том основании, что полиция не смогла защитить её от супруга. В период с начала октября 1982 года по 10 июня 1983 года истец Трейси Турман, проживающая в городе Торрингтон, и другие лица от её имени уведомили

---

[1] Верховный суд Алабамы. Фулхэм против штата. Июньский срок, 1871. Supreme Court of Alabama. Fulgham v. the state. June Term, 1871. *(*46 Ala. 146, 146-47 (1871). // URL: https://flaglerlive.com/wp-content/uploads/Fulghamv.State_.pdf (дата обращения: 27.10.2025).

[2] Scott v. Hart, No. C-76-2395 (N.D. Cal. Filed Oct. 28, 1976).

[3] Bruno v. Codd. New York Supreme Court 396 N.Y.S.2d 974 (1977) // URL: https://www.quimbee.com/cases/bruno-v-codd. (дата обращения: 28.10.2025).

ответчика, город Торрингтон, через сотрудников полиции города о неоднократных угрозах в адрес её жизни и жизни её ребёнка, истца Чарльза Дж. Турмана-младшего, со стороны её бывшего мужа Чарльза Турмана. Попытки истца Трейси Турман подать жалобу на своего бывшего мужа в ответ на его угрозы убить её или покалечить были проигнорированы или отклонены указанными ответчиками (полицейскими) и ответчиком «город»[1].

Политика полицейских департаментов и управлений, заключавшаяся в отказе от ареста семейных агрессоров, была признана дискриминацией по половому признаку. В результате судебной практики полицейские департаменты и управления, законодательные органы по всей территории США начали заменять политику отказа от ареста и невмешательства политикой вмешательства в семейные конфликты и предотвращения семейного насилия.

Первым шагом часто было предоставление полиции законных полномочий для проведения ареста на месте преступления. В 1984 году Генеральный прокурор США рекомендовал проводить аресты домашних агрессоров в соответствии со стандартной полицейской процедурой[2].

На данное решение Генерального прокурора повлияло обозначенное выше судебное решение, а также результаты проведенного в Миннеаполисе эксперимента.

В ходе эксперимента по изучению домашнего насилия в Миннеаполисе (MDVE)[3] оценивалась эффективность различных полицейских мер реагирования на случаи домашнего насилия в Миннеаполисе, штат Миннесота.

---

[1] 595 F. Supp. 1521 (1984). Трейси Турман и др. против города Торрингтон и др. Гражданский иск № H-84-120. Окружной суд Соединённых Штатов, округ Коннектикут. 23 октября 1984 года. (595 F. Supp. 1521 (1984) Tracey Thurman, et al. v. City of Torrington, et al. Civ. No. H-84-120. United States District Court, D. Connecticut. October 23, 1984 URL https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/595/1521/1683702/ (дата обращения: 27.10.2025).

[2] Attorney General's Task Force on Family Violence: final report / 1984, Dept. of Justice, [Supt. of Docs., U.S. G.P.O., 157 p. URL https://openlibrary.org/books/OL3001132M/Attorney_General's_Task_Force_on_Family_Violence (дата обращения: 27.10.2025).

[3] The Minneapolis Domestic Violence Experiment (MDVE). Police foundation reports. April 1984. By Lawrence W. Sherman and Richard A. Berk // URL:

Этот эксперимент проводился в 1981–1982 годах Лоуренсом У. Шерманом, директором по исследованиям в Полицейском фонде, и полицейским управлением Миннеаполиса. Согласно плану исследования, из числа лиц, совершивших домашнее насилие и в отношении которых имелись достаточные основания для ареста, сотрудники правоохранительных органов должны были случайным образом выбрать треть для проведения ареста, треть - для беседы (консультации и посредничество в разрешении споров), и треть - для изоляции от партнёра по бытовым отношениям (Отошлите обидчика подальше на восемь часов – «отправить погулять по кварталу»). Исследование длилось около 17 месяцев и включало 330 случаев реагирования полиции на сообщения о домашнем насилии. Участвовал в реагировании 51 патрульный офицер полиции. По окончании эксперимента было установлено, что арест является наиболее эффективным мерой реагирования со стороны полиции. Исследование показало, что у правонарушителей, которых арестовали, уровень повторных правонарушений был ниже, чем у правонарушителей, с которыми провели беседу/консультацию или временно изолировали от партнера (повторные правонарушения: 19 % для арестованных, 37 % для получивших консультацию и 34 % для временно изолированных от партнера/семьи). Многие американские полицейские департаменты и управления отреагировали на результаты исследования, приняв политику обязательного ареста в случаях супружеского насилия при наличии уважительной причины. Результаты исследования, показавшие сдерживающий эффект от арестов, оказали, по мнению американских ученых, практически беспрецедентное влияние на изменение тогдашней полицейской практики[1].

Однако кардинальные изменения, вызванные судебными решениями о защите потерпевших лиц от домашнего насилия, последовавшие постепенные изменения в законодательстве штатов США об установлении запрета на акты

---

https://web.archive.org/web/20070705011333/http://www.policefoundation.org/pdf/minneapolisdve.pdf. (дата обращения: 27.10.2025).

[1] Domestic Violence: The Criminal Justice Response / E. S Buzawa, C. G. Buzawa. 1990. 157 p. pp. 94–99. Насилие в семье: ответные меры уголовного правосудия / Э. С. Бузава, К. Г. Бузава. 1990. 157 с. С. 94-99.

домашнего насилия и юридической ответственности, а затем рекомендации Генерального прокурора США (Уильям Френч Смит) о расширении арестов для семейный агрессоров, сподвигнули законодателей штатов США и федеральных законодателей работать над установлением обязательного ареста домашних насильников.

Американскими учеными отмечается, что в течение восьми лет 15 штатов и округ Колумбия приняли новые законы о домашнем насилии, которые требовали ареста лиц, совершивших насильственные действия в семье [1].

Также американские ученые выяснили, что «к 2005 году в 23 штатах и округе Колумбия был введён обязательный арест за домашнее насилие без ордера, при условии, что у сотрудника правоохранительных органов есть достаточные основания для задержания, и независимо от того, был ли сотрудник свидетелем преступления».[2]

По данным Министерства юстиции США «полиция стала чаще производить аресты в случаях домашнего насилия. В 2000 году около 50 % случаев насилия со стороны интимного партнёра заканчивались арестом, в то время как в 1970-х и 1980-х годах этот показатель составлял от 7 до 15 %»[3].

В настоящее время во всех 50 штатах разрешены аресты без ордера, хотя в законах по-разному определяется степень свободы действий полицейского.

Судебные решения в штатах США об удовлетворении исков потерпевших от актов семейного насилия оказал влияние на законодателей, которые тем самым были сподвигнуты на осуществление нормативно-правового регулирования вопросов противодействия семейному насилию, а также и на органы управления полицией, которые были вынуждены все более активно вмешиваться в семейные

---

[1] Schmidt, Janell D. & Lawrence W. Sherman (1993). "Does Arrest Deter Domestic Violence?". *American Behavioral Scientist*. **36** (5): 601–609. doi:10.1177/0002764293036005005.

[2] Hoctor, M. (1997). "Domestic Violence as a Crime against the State". California Law Review. 85 (3): 643–700. doi:10.2307/3481154 (дата обращения: 27.10.2025).

Хоктор, М. (1997). «Насилие в семье как преступление против государства». California Law Review. 85 (3): 643–700. doi:10.2307/3481154. JSTOR 3481154.

[3] Аресты могут быть эффективным средством борьбы с насилием со стороны интимного партнёра (домашним насилием) Arrests Can Be an Effective Intervention for Intimate Partner (Domestic) Violence. URL: https://nij.ojp.gov/topics/articles/arrests-can-be-effective-intervention-intimate-partner-domestic-violence. (дата обращения: 28.10.2025).

конфликты, в которых применялись акты насилия. В штатах США такое регулирование осуществлялось и осуществляется на современном этапе по-разному, что демонстрируется при исследовании понятия семейного насилия, понимаемого как на федеральном уровне, так и на уровне штатов США.

Единого легального определения домашнему насилию в США не имеется.

В 1994 году Конгресс США принял Закон о насилии в отношении женщин («VAWA») [1] , был переиздан несколько раз. В этом законе в Главе 2. «Правоохранительная деятельность и судебное преследование. Гранты на сокращение числа насильственных преступлений против женщины», в секции 2003 Определения (1) (SEC. 2003. DEFINITIONS (1)) дается определение: «термин («domestic violence») "домашнее насилие" (насилие в семье) включает тяжкие преступления или мелкие правонарушения, связанные с насилием, совершенные нынешним или бывшим супругом жертвы, лицом, с которым у жертвы есть общий ребенок, лицом, которое сожительствует с жертвой или ранее сожительствовало с ней в качестве супруга, лицом, находящимся в аналогичном положении с жертвой, супругом жертвы в соответствии с законами о бытовом или семейном насилии данной юрисдикции, получающим денежные гранты, или любым другим взрослым лицом в отношении жертвы, которая защищена от действий этого лица в соответствии с законами о бытовом или семейном насилии данной юрисдикции. законы о семейном насилии в юрисдикции, получающей денежные гранты»[2].

В «Своде законов США» представлено следующее определение семейному (домашнему) насилию: «Термин «насилие в семье» означает любое действие или угрозу применения насилия, включая любое насильственное задержание лица, которое —

(A) приводит или может привести к физическому повреждению; и

---

[1] Violence Against Women Act (“VAWA”). URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-103hr3355enr/pdf/BILLS-103hr3355enr.pdf (дата обращения: 28.10.2025).

[2] Violent Crime Control and Law Enforcement Act of 1994. Title IV. Violence against women chapter («Violence Against Women Act of 1994»). Chapter 2. Part T. Sec. 2003. Definitions (1). - URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-103hr3355enr/pdf/BILLS-103hr3355enr.pdf. (дата обращения: 27.10.2025).

(B) совершается одним лицом в отношении другого лица (в том числе пожилого), с которым такое лицо —

(i) состоит в кровном родстве;

(ii) состоит или состояло в браке или состоит или состояло в ином законном родстве; или

(iii) проживает или проживало на законных основаниях»[1].

При этом в этом сводном законе понятия «насилие в семье», «домашнее насилие» и «насилие в отношениях» образуют единое вышеназванное понятие.

В рассматриваемом Своде законов США предусмотрено выделение грантов различного характера, связанного с противодействием семейному насилию:

1. § 10405. Выделение средств;
2. § 10406. Гранты по формуле для штатов;
3. § 10408. Субгранты и использование средств;
4. § 10409. Гранты для индейских племён;
5. § 10411. Гранты для государственных коалиций по борьбе с домашним насилием;
6. § 10413. Национальный грант для горячей линии по вопросам домашнего насилия.

В 1996 году в США был принят «Закон о запрете на владение оружием для лиц, совершивших насилие в семье» («поправка Лаутенберга»). В нем запрещается лицам, признанным виновным в любом суде в правонарушении, связанном с домашним насилием, отправлять или перевозить в между штатами или в международных перевозках, а также хранить или использовать в перевозках любое огнестрельное оружие или боеприпасы; или получать любое огнестрельное

[1] U.S. Code - Title 42 «The public health and welfare» - § 10402(4) - Chapter 110 «Family violence prevention and Services» (§§ 10401 – 10421) - § 10402. Definitions. URL: https://www.law.cornell.edu/definitions/uscode.php?width=840&height=800&iframe=true&def_id=42-USC-1067482071-662618551&term_occur=999&term_src=title:42:chapter:110:section:10401. (дата обращения: 27.10.2025).

оружие или боеприпасы, которые были отправлены или перевезены между штатами или международных перевозках»[1].

Также важно отметить, что в сферу семейного (домашнего) насилия попадает широкий круг лиц: супруги, бывшие супруги, родители совместных детей, сожители, партнеры по свиданиям или бывшие партнеры по свиданиям, любое другое лицо, находящееся в аналогичном положении с супругом, на которого распространяются законы о домашнем или семейном насилии штата или племенной юрисдикции, в которой произошло правонарушение или где проживает жертва. Всех обозначенных лиц «Закон о защите жертв домашнего насилия и преследования от 2021 года» называет единым понятием «интимный партнёр». Как указано в самом названном законе, основная цель которого «защитить жертв преследования от насилия с применением огнестрельного оружия»[2].

Рассматриваемым законом уточняется термин «мелкое правонарушение, связанное с преследованием», означающее преступление, которое является—

(i) мелкое правонарушение, связанное с преследованием, предусмотренное федеральным, государственным, муниципальным или племенным законодательством; и

«(ii) преследование, запугивание или слежка за другим лицом, которые...

«(I) подвергает это лицо обоснованному риску причинения существенного вреда здоровью или безопасности...», если

«(aa) этот человек;

«(бб) ближайший родственник (согласно определению в разделе 115) этого лица;

«(cc) член семьи этого человека; или

«(dd) супруг или близкий партнёр этого человека; или

---

[1] U.S. Code – Title 18 — Crimes and criminal procedure - Part I - Congressional, cabinet, and supreme court assassination, kidnapping, and assault - § 922 - Unlawful acts, (g)9 (Gun Ban for Individuals Convicted of a Misdemeanor Crime of Domestic Violence"(18 U.S.C. § 922(g)(9)). URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/922#g_9. (дата обращения: 27.10.2025).

[2] Protecting Domestic Violence and Stalking Victims Act of 2021. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/senate-bill/527/text. (дата обращения: 28.10.2025).

«(II) вызывает, пытается вызвать или, как можно обоснованно ожидать, вызовет эмоциональный стресс у лица, описанного в пунктах (aa), (bb), (cc) или (dd) подпункта (I)»[1].

В Разделе 3 обозначенного закона установлен «Запрет на владение огнестрельным оружием для преследователей»[2].

Министерство юстиции США на своем официальном сайте дает следующую трактовку: «Домашнее насилие — это модель агрессивного поведения в любых отношениях, которая используется одним из партнёров для получения или сохранения власти и контроля над другим партнёром. Домашнее насилие может проявляться в физической, сексуальной, эмоциональной, экономической, психологической или технологической агрессии, угрозах или других моделях принудительного поведения, которые влияют на другого человека в отношениях с интимным партнёром. Сюда входит любое поведение, которое запугивает, манипулирует, унижает, изолирует, пугает, терроризирует, принуждает, угрожает, обвиняет, причиняет боль, наносит травмы или ранит кого-либо»[3].

Далее на этом сайте отмечено, что «домашнее насилие происходит как в отношениях между представителями противоположного пола, так и в однополых отношениях и может случиться с интимными партнёрами, которые состоят в браке, живут вместе, встречаются или имеют общего ребёнка»[4].

Один из основных субъектов противодействия семейному насилию - Управление по борьбе с насилием в отношении женщин Министерства юстиции США - руководствуется данными понятиями.

При всей важности федерального регулирования вопросов противодействия семейному насилию, основная его часть осуществляется законодательством штатов США.

---

[1] Protecting Domestic Violence and Stalking Victims Act of 2021...

[2] Там же.

[3] Justice.gov. Office on Violence Against Women (OVW). Focus Areas Domestic Violence. URL: https://www.justice.gov/ovw/domestic-violence (дата обращения: 12.06.2024).

[4] Там же.

По мнению одного из американских ученых – Нила Миллера, «в период с 1997 по 2003 год было принято более 700 новых законодательных актов, связанных с бытовым насилием, включая как поправки к старым законам, так и принятие в 38 штатах новых законов, таких как введение новой категории преступлений, связанных с бытовым насилием»[1].

По мнению того же американского ученого, «в штатах приняты самые разные законодательные модели, которые в некоторых случаях отражают твердое намерение законодателей защитить жертв домашнего насилия; в других случаях законы, возможно, отражают скорее компромисс, чем стремление к нему»[2].

Данный автор обозначил ключевые показатели глубины предлагаемой законодательной защиты в различных штатах США, к которым относятся:

- строгость наказания за семейное насилие, нарушение судебных постановлений и преследование;

- степень, в которой уголовный кодекс штата предусматривает ответственность за преступления, связанные с бытовым насилием, такие как изнасилование в браке или сексуальный терроризм;

- широта и объем (например, обязательные или дискреционные, временные ограничения) полномочий полиции по аресту без ордера правонарушителей (на основании вероятной причины), обвиняемых в бытовом насилии, преследовании или нарушении общественного порядка;

- объем обязанностей, не связанных с арестом, возложенных на сотрудников полиции в целях оказания помощи жертвам, таких как информирование о правах, транспортировка в медицинское учреждение или убежище или помощь в изъятии в присутствии агрессора личного имущества потерпевшего;

---

[1] Миллер Н. Насилие в семье: обзор законодательства штатов, определяющего обязанности и полномочия полиции и прокуратуры (2004) URL: http://www.ilj.org/publications/docs/Domestic_Violence_Legislation.pdf. P.3. 668p. (дата обращения: 12.06.2024). Neal Miller. Domestic Violence: A Review of State Legislation Defining Police and Prosecution Duties and Powers (2004) URL: http://www.ilj.org/publications/docs/Domestic_Violence_Legislation.pdf. P.3. (12.06.2024).

[3]Там же, С. 4.

- уделение особого внимания обучению сотрудников полиции и прокуратуры вопросам, связанным с насилием в семье, включая преследование и сексуальные посягательства;

- насколько законодательство штата допускает оценку усилий полиции и прокуратуры с помощью таких методов, как обязательное представление отчетов в полицию и составление таблиц по случаям насилия в семье;

- ограничения на освобождение арестованных до первой явки в суд;

- полномочия уголовного суда издавать охранные приказы, аналогичные тем, которые издаются судом по семейным делам[1].

Важно отметить, что в штатах США в уголовном праве выделены преступления общего характера, на которые часто ссылаются в связи с инцидентами, связанными с насилием в семье, включают в себя убийства, нападения и побои, сексуальное насилие и незаконное проникновение на территорию. Практически в каждом штате предусмотрены уголовные наказания за убийство, нападение и побои, т.е. преступления общеуголовной направленности. Все штаты, за исключением нескольких, наказывают за незаконное проникновение на территорию жертвы семейного насилия. И определение и применение ответственности за так называемое семейное (домашнее) насилие зависит от законодательства штата. Так, по мнению Сьюзан Бакнер, «В некоторых штатах, например в Орегоне, нет специальных законов, регулирующих домашнее насилие. В этих штатах физическое насилие или сексуальное насилие являются частью других преступлений. Например, нападение на члена семьи является административным правонарушением. Оно отличается от нападения на незнакомого человека возможными наказаниями»[2].

---

[1] Миллер Н. Насилие в семье: обзор законодательства штатов, определяющего обязанности и полномочия полиции и прокуратуры (2004) г., URL: http://www.ilj.org/publications/docs/Domestic_Violence_Legislation.pdf. P. 5-7. (дата обращения: 27.10.2025).

[2] *Buckner S.,* State Domestic Violence Law/ The application and definition of domestic violence laws varies by state. URL: https://www.findlaw.com/state/family-laws/domestic-violence.html. (дата обращения: 13.06.2024).

Данный автор выделяет следующие виды семейного насилия в штатах США:

- физическое насилие, избиение, пощёчины, щипки, толчки; а также отказ в медицинской помощи, еде, воде и других видах ухода;
- сексуальное насилие, такое как изнасилование в браке, насилие в отношениях, принудительный секс и другие сексуальные домогательства;
- эмоциональное насилие, унижение, принижение, домогательства. Это может включать в себя нанесение ущерба отношениям бывшего супруга с его детьми;
- психологическое насилие. Угрозы, запугивание, «газлайтинг» (заставление партнёра сомневаться в своём психическом здоровье), угрозы или жестокое обращение с домашними животными и детьми, принудительная изоляция, угрозы самоубийства или убийства;
- экономическое насилие. Контроль над способностью партнёра зарабатывать или копить деньги, ограничение доступа к деньгам, несправедливый контроль над совместными экономическими ресурсами, использование угроз или мошенничества для получения контроля над семейным бюджетом[1].

В некоторых штатах США (Калифорния, Орегон и др.) отсутствуют специальные законы о предотвращении семейного насилия.

В штате Калифорния в Уголовном кодексе содержится официальное определение домашнего насилия (*«Domestic violence»*, которое означает жестокое обращение со взрослым или несовершеннолетним лицом, являющимся супругом, бывшим супругом, сожителем, бывшим сожителем или лицом, от которого у подозреваемого есть ребёнок или с которым у подозреваемого были или есть отношения, основанные на свидании или помолвке. Для целей настоящего подраздела «сожитель» означает двух не состоящих в родстве взрослых лиц, проживающих вместе в течение значительного периода времени, что приводит к некоторой стабильности отношений. Факторы, которые могут определять,

[1] Buckner S., State Domestic Violence Law/ The application and definition of domestic violence laws varies by state. URL: https://www.findlaw.com/state/family-laws/domestic-violence.html. (дата обращения:14.06.2024).

являются ли лица сожителями, включают, помимо прочего, (1) сексуальные отношения между сторонами при совместном проживании, (2) совместное разделение доходов или расходов, (3) совместное использование имущества или владение им, (4) представление друг друга как супругов, (5) постоянство отношений и (6) продолжительность отношений[1].

Следует отметить, что в Калифорнии закреплены два основных правонарушения, связанных с домашним насилием:

1. Нанесение телесных повреждений супругу или сожителю — PC 273.5, то есть нанесение видимых повреждений интимному партнеру. Это может быть правонарушением или преступлением, за которое предусмотрено до четырех лет лишения свободы.

Нарушение статьи 273.5 является неоднозначным, то есть прокуратура может предъявить обвинение за совершение правонарушения (misdemeanor conviction) или преступления (felony conviction), как показано в следующей таблице:

Penal Code 273.5 PC Conviction /Уголовный кодекс 273.5 УК. Признание виновным	Possible Penalty / Предусмотренное наказание
Misdemeanor conviction / Осуждение за мелкое правонарушение	• Up to 1 year in county jail and/or / До 1 года лишения свободы в окружной тюрьме и/или • Up to $6,000 / штраф до 6000 долларов
Felony conviction / Обвинительный приговор по преступлению	• 2, 3 or 4 years in state prison and/or /2, 3 или 4 года лишения свободы и/или • Up to $6,000 / штраф до 6000 долларов Though depending on your criminal record, penalties can be as much as 5 years in prison and up to $10,000 / Однако в зависимости от Вашей криминальной истории наказание может достигать 5 лет лишения свободы и штрафа в размере до 10 000 долларов[2]

[1] California Penal Code § 13700 PC – Domestic Violence Definitions // URL: https://law.onecle.com/california/penal/13700.html. (дата обращения: 14.06.2024).

[2] In California, misdemeanor crimes carry up to 364 days in county jail and $1,000 in fines. A misdemeanor is more serious than an infraction but less serious than a felony (В Калифорнии правонарушения влекут за собой до 364 дней заключения в окружной тюрьме и штраф в размере 1000 долларов. Правонарушение является более серьёзным, чем нарушение, но менее серьёзным, чем уголовное преступление).

2. Нанесение побоев в семье — PC 243(e)(1), то есть применение силы или насилия в отношении интимного партнера, даже если видимых повреждений нет: «*Если побои нанесены супругу, лицу, с которым обвиняемый проживает в одной семье, лицу, являющемуся родителем ребенка обвиняемого, бывшему супругу, жениху или невесте, а также лицу, с которым обвиняемый в настоящее время или ранее состоял в отношениях или был помолвлен, побои наказываются штрафом в размере не более двух тысяч долларов ($2000) или лишением свободы в окружной тюрьме на срок не более одного года, либо и штрафом, и лишением свободы»*[1]

В «Инструкции для присяжных по уголовным делам штата Калифорния (CALCRIM) 841» изложены признаки домашнего насилия. Чтобы обвинить лицо по статье PC 243(e)(1), прокуроры должны доказать наличие следующих трёх признаков:

1. Лицо умышленно причинило кому-то вред или нанесли оскорбление (что является «простым нанесением побоев»),

2. Лицо было интимным партнёром, и

3. Лицо действовало не в целях самообороны или защиты кого-то другого лица[2].

Авторы с одного из юридических сайтов США отмечают, что «даже лёгкого прикосновения может быть достаточно, чтобы совершить это правонарушение, если оно совершается в грубой или агрессивной форме.

Пример: «Бекки так разозлилась на своего мужа Стива, что толкнула его. Поскольку он крупнее, он почти не сдвинулся с места и не получил травм. В данном случае Бекки могут обвинить в домашнем насилии. Хотя Стив не

---

[1] California Penal Code Section 243 (e)(1) URL:// https://law.onecle.com/california/penal/243.html. (дата обращения: 15.06.2024).

[2] CALCRIM No. 841 – Simple Battery: Against Spouse, Cohabitant, or Fellow Parent. Judicial Council of California Criminal Jury Instructions (2024 edition). P. 567-569 (CALCRIM № 841. Непреднамеренное нанесение побоев: в отношении супруга, сожителя или родителя (Pen. Code, § 243(e)(1)). Инструкция для присяжных по уголовным делам от Судебного совета Калифорнии (издание 2025 года). URL: https://www.justia.com/criminal/docs/calcrim/800/841/ (дата обращения: 28.10.2025).

отреагировал на действия Бекки, она прикоснулась к нему в гневе и с применением силы.

Обратите внимание, что Вас могут обвинить в домашнем насилии, даже если вы прикоснулись к партнеру косвенно. Это значит, что Вы: прикоснулся к другому человеку или предмету, и этот человек или предмет коснулся «жертвы».

Пример: во время ссоры на званом ужине Дэвид бросается на свою жену Кэрол, но не прикасается к ней. Вместо этого он сталкивается с другим гостем, который падает на Кэрол. В этом случае Дэвида могут обвинить в домашнем насилии, поскольку из-за него гость упал на его жену»[1].

Несколько по-иному рассматривается семейное насилие законом штата Массачусетс.

В Своде законов штата в разделе «Общие законы» в гл. 209A § 1 дается определение семейного насилия: «Насилие» — совершение любого из следующих действий в отношении членов семьи или домочадцев:

а) попытка причинить физический вред или причинение физического вреда;

(б) создание у другого лица страха перед неминуемым причинением серьёзного физического вреда;

(с) принуждение другого лица (к вступлению в сексуальные отношения с применением силы, угрозы или принуждения;

(г) принудительный контроль.

При этом «принудительный контроль» по закону обозначенного штата означает как модель поведения, так и единичный насильственный акт.

- (а) *модель поведения*, направленная на то, чтобы угрожать, запугивать, преследовать, изолировать, контролировать, принуждать или заставлять члена семьи или домохозяйства подчиняться, что вызывает у этого члена семьи или домохозяйства обоснованные опасения по поводу физической безопасности или снижает чувство физической безопасности или самостоятельности, включая, помимо прочего:

[1] Penal Code § 243(e)(1) PC – Domestic Battery – California Law. Criminal Defense // URL: https://www.shouselaw.com/ca/defense/penal-code/243e1 (дата обращения: 28.10.2025).

- (i) изоляция семьи или отдельного члена семьи от друзей, родственников или других источников поддержки;
- (ii) лишение семьи или члена семьи предметов первой необходимости;
- (iii) контроль, регулирование или мониторинг деятельности, общения, передвижения, финансов, экономических ресурсов или доступа к услугам членов семьи или домохозяйства, в том числе с помощью технологических средств;
- (iv) принуждение члена семьи или домочадца к отказу от определённого поведения или деятельности или к участию в них, включая участие в преступной деятельности;
- (v) угроза причинения вреда ребёнку, родственнику или члену семьи;
- (vi) угроза жестокого обращения или насилия в отношении животного, принадлежащего семье или домохозяйству;
- (vii) умышленное повреждение имущества, принадлежащего семье или домохозяйству;
- (viii) угроза опубликовать конфиденциальную личную информацию, касающуюся члена семьи или домочадца, в том числе изображения сексуального характера; или
- (ix) неоднократные обращения в суд, которые, по мнению суда, не были обоснованы действующим законодательством или добросовестностью; или

• (б) *единичное действие*, направленное на то, чтобы угрожать, запугивать, преследовать, изолировать, контролировать, принуждать или заставлять члена семьи или домохозяйства подчиниться, в результате чего член семьи или домохозяйства обоснованно опасается физического вреда или испытывает снижение чувства физической безопасности или самостоятельности в отношении:

- (i) причинение вреда или попытка причинить вред ребёнку, родственнику или члену семьи;
- (ii) совершение или попытка совершения жестокого обращения с животным, принадлежащим члену семьи или домохозяйства; или
- (iii) публикация или попытка публикации изображений сексуального характера с участием членов семьи или домочадцев.

В рассматриваемом разделе раскрыто и понятие «Члены семьи или домохозяйства» — это лица, которые:

- (а) состоят или состояли в браке друг с другом;
- (б) проживают или проживали вместе в одном домохозяйстве;
- (с) состоят или состояли в кровном или брачном родстве;
- (г) наличие общего ребёнка независимо от того, состояли ли они в браке или жили вместе; или
- (е) состоят или состояли в серьёзных отношениях или помолвке, которые должны быть подтверждены окружным судом, судом по наследственным делам или муниципальным судом Бостона с учётом следующих факторов:
  - (1) продолжительность отношений; (2) тип отношений; (3) частота взаимодействия между сторонами; (4) если отношения были прекращены по инициативе одной из сторон, то продолжительность периода с момента прекращения отношений[1].

Теперь рассмотрим штат США, в котором принят специальный закон о противодействии семейному насилию. В качестве примера можно привести раздел «Закон о домашнем насилии» законов штата Миннесота (518B.01 Domestic abuse act). В секции 2 представлено определение «Насилия в семье»:

«(а) «Насилие в семье» означает следующее: если оно совершается одним членом семьи или домохозяйства в отношении другого члена семьи или домохозяйства:

(1) физический вред, телесные повреждения или нападение;

(2) создание страха перед неминуемым физическим вредом, телесными повреждениями или нападением; или

(3) террористические угрозы в значении раздела 609.713, подраздел 1; преступные действия сексуального характера в значении разделов 609.342, 609.343, 609.344, 609.345 или 609.3451; сексуальное вымогательство в значении

[1] Mass. General Laws c.209A § 1 (Массачусетс. Общие законы гл. 209A § 1) // URL: https://www.mass.gov/info-details/mass-general-laws-c209a-ss-1 (дата обращения: 28.10.2025).

раздела 609.3458; или вмешательство в экстренный вызов в значении раздела 609.78, подраздел 2.

(б) «Члены семьи или домохозяйства» означает:

(1) супруги и бывшие супруги;

(2) родители и дети;

(3) лица, связанные кровным родством;

(4) лица, которые в настоящее время проживают вместе или проживали вместе в прошлом;

(5) лица, у которых есть общий ребёнок, независимо от того, состояли ли они в браке или проживали ли вместе;

(6) мужчина и женщина, если женщина беременна, а мужчина предположительно является отцом, независимо от того, состояли ли они в браке или проживали ли вместе; и

(7) лица, состоящие в значимых романтических или сексуальных отношениях»[1].

В 13 штатах ужесточены наказания за нарушения закона о насилии в семье, совершенные в присутствии несовершеннолетнего[2]. Разберем на конкретных примерах.

Законодательный орган штата Миннесота в разделе 2 [626.5552] «Ребенок, подвергшийся воздействию насилия в семье» статутов штата Миннесота содержит несколько закрепленных случаев. Считается, что ребенок подвергся насилию в семье, когда:

– родитель или другое лицо, ответственное за уход за ребенком, демонстрирует насильственное поведение, которое неизбежно или серьёзно угрожает физическому или психическому здоровью ребенка;

---

[1] 2024 Minnesota Statutes. Chapter 518B. Section 518B.01. DOMESTIC ABUSE ACT // URL: https://www.revisor.mn.gov/statutes/cite/518B.01 (дата обращения: 14.06.2024).

[2] Равнюшкин, А. В. Насильственные действия как признак объективной стороны составов правонарушений, предусмотренных статьей 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьей 156 Уголовного кодекса Российской Федерации / А. В. Равнюшкин // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 310-321. – DOI 10.19073/2658-7602-2022-19-3-310-321. С. 318.

– родитель или другое лицо, ответственное за уход за ребенком, участвует в повторном домашнем насилии;

– ребенок был свидетелем неоднократных случаев бытового насилия»[1].

Аналогичным образом данное обстоятельство расценивается и в законодательном акте штата Колорадо, в котором также наказание усиливается, если «ответчик неоднократно угрожал причинением вреда или смертью ребенку или значимому лицу в жизни ребенка, какие угрозы были сделаны в присутствии ребенка; обвиняемый совершил продолжающуюся серию актов насилия в семье, как эта серия актов насилия определена в разделе 18-6-800.3, в присутствии ребенка»[2].

Так, согласно разделу 18-904 «Наказание за нанесение побоев» законодательного акта штата Айдахо такое деяние «наказывается штрафом, не превышающим одной тысячи долларов (1000 долларов), или тюремным заключением в окружной тюрьме, не превышающим шести (6) месяцев, или и тем, и другим»[3].

В другой норме акта штата Айдахо законодатель усиливает наказание: «При этом максимальное наказание, предусмотренное настоящей статьей, удваивается, если акт бытового насилия или побоев, за который лицо осуждено или признает себя виновным, имел место в присутствии ребенка. Для целей этого раздела “в присутствии ребенка” означает физическое присутствие ребенка или знание того, что ребенок присутствует и может видеть или слышать акт домашнего насилия

[1] 2000 Minnesota Statutes. Section 626.5552 Child exposed to domestic violence // Minnesota Legislature. URL: https://www.revisor.mn.gov/statutes/2000/cite/626.5552 (дата обращения: 28.10.2025).

[2] 2020 Colorado Revised Statutes Title 18 – Criminal Code Article 6. Offenses Involving the Family Relations Section 18-6-401. Child abuse – definition. E (IV) // Justia. URL: https://law.justia.com/codes/colorado/2020/ title-18/article-6/section-18-6-401. (дата обращения: 15.06.2024).

[3] 2021 Idaho Code Title 18 – Crimes and Punishments Chapter 9 – Assault and Battery Section 18-904 – Battery – Punishment // Justia. URL: https://law.justia.com/codes/idaho/2021/title-18/chapter-9/section-18-904. (дата обращения: 14.06.2024).

или избиения. Для целей настоящего раздела “ребенок” означает лицо, не достигшее шестнадцатилетнего (16) возраста»[1].

Вывод, представленный в американской научной литературе, ярко демонстрирует состояние исследуемой проблемы в американской обществе: «Быть свидетелем домашнего насилия – это обычное явление среди детей, но лишь недавно оно было признано особой формой жестокого обращения»[2].

Таким образом, законы штатов по-разному рассматривают случаи домашнего насилия в зависимости от характера правонарушения. Однако все штаты обеспечивают защиту жертв домашнего насилия. Широкое понимание семейного насилия (прежде всего, видов нарушений и потерпевших) увеличило круг общественных отношений, связанных с ним, и это расширило сферу деятельности различных субъектов механизма противодействия этому насилию. Статистический материал исследовательского центра «Bedbible» (США) за 2023 год показывает, что в США 20 человек в минуту подвергаются физическому насилию со стороны интимного партнера. Ежедневно более 20 000 телефонных звонков поступает на горячие линии по борьбе с насилием в семье по всей стране. Экономические издержки домашнего насилия со стороны интимного партнера в США составили 3,6 трлн долларов»[3].

В научной среде и в американском обществе идет дискуссия о понятии и структуре семейного (домашнего) насилия[4]. Фактически безграничная трактовка

---

[1] 2021 Idaho Code Title 18 – Crimes and Punishments Chapter 9 – Assault and Battery Section 18-918 – Domestic Violence. (4) // Justia. URL: https://law.justia.com/codes/idaho/2021/title-18/chapter-9/section-18-918. (дата обращения: 15.06.2024).

[2] Dodaj A. Children Witnessing Domestic Violence // Journal of Children’s Services. 2020. Vol. 15, no. 3. P. 161–174. DOI: http://dx.doi.org/10.1108/JCS-04-2019-0023 P. 161.

[3] Статистика насилия в семье – сколько жертв? Статистический материал Исследовательского центра Bedbible. URL: https://bedbible.com/domesticviolence-statistics. (дата обращения: 30.06.2024).

[4] Равнюшкин, А. В. О некоторых аспектах североамериканской модели обеспечения прав граждан на защиту от семейного (домашнего) насилия / А. В. Равнюшкин // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения) : Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Сорокина Валентина Дмитриевича в связи со 100-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 29 марта 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 1194.

семейного (домашнего) насилия в США отражается и на статистике совершенных актов этого насилия. Ряд американских ученых, среди которых Мюррей А. Страус, отмечают, что представители определенных политического сил и активистки-феминистки для мобилизации ресурсов в противодействии мужскому влиянию используют общую цифру о 1800000 женщинах, подвергающихся всеми формами насилия ежегодно (часто представляемую как избиение женщины каждые 15 секунд)[1].

В то же время они также используют статистику полиции, данные криминалистических опросов и отделений неотложной медицинской помощи, чтобы показать, что раненых женщин-жертв гораздо больше, чем жертв-мужчин. Мюррей А. Страус называет сложившееся положение ложной дихотомией[2].

Таким образом, принятие на федеральном уровне закона VAWA 1994 года явилось отражением признания на федеральном уровне проблемы семейного насилия в США, что стало следствием, прежде всего, сложившейся судебной практики. Удовлетворенные иски в суды на большие суммы денег от потерпевших от актов семейного насилия, где в качестве ответчиков были определены не сами агрессоры, а органы власти, которые бездействовали, не оказывая помощь и не принимая необходимых мер по их защите (городские власти и полиция), сподвигнули законодателей штатов и органы полиции перестроиться и стать на защиту потерпевших от этого насилия.

Изменившаяся с 1970-х годов судебная практика по рассмотрению исков по фактам семейного насилия побудила другие органы власти (сначала в отдельных штатах США, а затем практически во всех США) изменить государственную политику относительно проблемы семейного насилия.

---

[1] Национальное обследование по проблеме насилия в отношении женщин (NVAWS): Ежегодная распространенность женщин, ставших жертвами со стороны интимных партнеров, составила 13 на 1000 в случае физического насилия (1 309 061 женщина) и 18 на 1000 (1 812 546 женщин) во всех формах виктимизации // URL: https://what-whenhow.com/interpersonal-violence/national-family-violence-surveys/. (дата обращения: 30.06.2024).

[2] Straus, M. A. (1999). The dispute about domestic violence by women: a methodological, theoretical and sociological scientific analysis. In X. B. Arriaga and S. Oskamp (Eds.), Violence in intimate relationships (pp. 1- 32). Thousand Oaks, California: Sage. // URL: http://www.vaeteraktuell.de/haeusliche_gewalt/The_Controversy_about_Domestic_Violence_by_Women.pdf. P. 27.

Только спустя более чем столетие после принятия первых законов 1870-х годов в отдельных штатах США, лишавших мужей права применять телесные наказания к своим жёнам, американское общество отказалось следовать канонам римского права и английского обычного права,

Именно тогда были приняты новые законы о домашнем насилии, а государственные и местные органы власти издали акты, обязывающие полицию вмешиваться в семейные дела. Произошел переход от социально приемлемого семейного насилия к социально неприемлемому.

Насильственные действия в отношении членов семьи признались правонарушениями (преступлениями и иными противоправными проступками) во всех 50 штатах США, и запрещено как федеральными законами, так и законами штатов. Юридическое определение домашнего насилия может немного отличаться в зависимости от штата, но в целом оно относится к любому поведению, направленному на контроль или причинение вреда близкому партнёру или члену семьи. В целом следует отметить, что в США понятие семейного насилия получило самое широкое толкование и носит практически всеобъемлющий характер. Во многих штатах домашнее насилие включает в себя физическое насилие, сексуальное насилие и эмоциональное насилие. В некоторых штатах финансовое насилие также считается формой домашнего насилия. Семейное насилие может быть квалифицировано как правонарушение или преступление в зависимости от тяжести насилия и от того, использовалось ли оружие.

Одной из целей принятия закона VAWA 1994 года и других федеральных законов США, направленных на противодействие насилию как в отношении женщин, так и других членов семьи, стало стремление сподвигнуть как сами штаты США, их государственные органы, так и некоммерческие организации к участию в деятельности по выявлению, пресечению актов семейного насилия, по работе с участниками семейных конфликтов, к участию в разработке различных инициатив и программ, в том числе связанных с приютами и предоставлением иных услуг для лиц, подвергшихся насилию, программ юридического образования и профессиональной подготовки.

Федеральное финансирование (выделение грантов) для субъектов противодействия семейному насилию способствовало расширению направлений этой деятельности и количества ее участников (субъектов). Данное финансирование лежит в основе всей системы США по противодействию семейному насилию.[1]

Все это комплексно способствовало скоординированному реагированию американского сообщества на случаи домашнего насилия (с привлечением системы уголовного правосудия, социальных служб и неправительственных организаций), установлению юридической ответственности за пересечение границ между штатами США с целью совершения акта такого насилия, созданию национальной горячей линии по вопросам домашнего насилия и реализации других инициатив. Домашнее насилие может быть квалифицировано как правонарушение или уголовное преступление в зависимости от тяжести насилия и от того, использовалось ли оружие.

Среди европейских государств Австрия первая приняла закон, направленный на противодействие семейному насилию (вступил в силу в 1997 году), а в 2009 году он претерпел некоторую редакцию [2],

Обозначенное редактирование состояло во внесении дополнений и поправок в ряд федеральных законов Австрии, что отражается в их наименовании (Федеральный закон, изменяющий Исполнительный кодекс, Гражданско–процессуальный кодекс, Закон о разрешении споров, Закон о возбуждении судебных дел 1962 года, Уголовный кодекс, Уголовно - процессуальный кодекс

---

[1] Помимо закона VAWA 1994 года и других продлевающих его действие законов выделение грантов предусмотрено нормами Свода законов США, например, 42 U.S. Code Chapter 110 - FAMILY VIOLENCE PREVENTION AND SERVICES Свод законов США, глава 110 — Предотвращение насилия в семье и оказание помощи. URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/42/chapter-110. (дата обращения: 28.10.2025).

[2] Das Bundesgesetz, mit dem die Exekutionsordnung, die Zivilprozessordnung, das Außerstreitgesetz, das Gerichtliche Einbringungsgesetz 1962, das Strafgesetzbuch, die Strafprozessordnung 1975, das Strafvollzugsgesetz, das Tilgungsgesetz 1972, das Staatsanwaltschaftsgesetz, das Verbrechensopfergesetz, das Strafregistergesetz, das Sicherheitspolizeigesetz und das Allgemeine Bürgerliche Gesetzbuch geändert werden (Zweites Gewaltschutzgesetz – 2. GeSchG) URL: https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblAuth/BGBLA_2009_I_40/BGBLA_2009_I_40.pdfsig (дата обращения: 28.10.2025).

1975 года, Закон об исправительных учреждениях, Закон о возмещении ущерба 1972 года, Закон о прокуратуре, Закон о жертвах преступлений, Закон о судимости, Закон о полиции безопасности и Общий гражданский кодекс (Второй Закон о защите от насилия - 2. GeSchG).

Он защищает лиц, подвергшихся насилию в семейной сфере, независимо от возраста, пола, семейного положения и отношений с лицом, подвергающимся риску. Основная цель закона состоит в том, чтобы дать жертвам возможность оставаться в собственном доме и защитить их от насилия. Нормы рассматриваемого закона не устанавливают, а вносят некоторые поправки по юридической ответственности за акты семейного насилия.

Этим законом дополнительно определяется статус некоторых участников процесса, например, психосоциальный сопровождающий в судебном процессе занимает положение доверенного лица в ходе судебного разбирательства.

В этом законе обозначены случаи, которые суд может признать неприемлемыми условия для совместного проживания лиц (лицо причинило вред другому лицу в результате физического нападения, угрозы со стороны другого лица или причинения существенного вреда психическому здоровью) и устанавливает специальные меры, направленные на пресечение насильственных действий (вынесение судебных запретов, запретительных судебных приказов).

В ФРГ закон 2001 года Закон о гражданско-правовой защите от актов насилия и преследования («Gesetz zum zivilrechtlichen Schutz vor Gewalttaten und Nachstellungen» («Gewaltschutzgesetz»)[1] является специальной правовой основой для подачи иска о предоставлении жилья в случае актов насилия в семье, в том числе не связанных с браком. В нем не содержится понятие семейного (домашнего) насилия. Однако при изучении названного акта можно сделать вывод о том, что под этим видом насилия понимаются все известные формы насилия физическое, психическое, экономическое, сексуальное и др. Так, § 1 Судебные меры по защите от насилия и инсценировок (1) названного закона определяет, что

[1] Gesetz zum zivilrechtlichen Schutz vor Gewalttaten und Nachstellungen. (Gewaltschutzgesetz – GewSchG) URL: https://www.sadaba.de/GSBT_GewSchG.html#Pa4A1 (дата обращения: 28.10.2025).

«Если лицо умышленно причинило вред телу, здоровью или свободе другого лица, суд по просьбе потерпевшего должен принять меры, необходимые для предотвращения дальнейших травм». К нему следует отнести и преследование жертвы: «1. Одно лицо незаконно угрожало другому причинением вреда его жизни, телу, здоровью или свободе; или 2. лицо, совершающее противоправные и умышленные действия:

а) вторгается в жилище другого лица или в его собственность, находящуюся в собственности другого лица; или

б) необоснованное преследование другого лица путем неоднократного преследования его против явно выраженной воли или преследования его с использованием средств связи на большие расстояния».

Если лицо, выступающее в качестве ответчика, нарушает принятые постановления о защите от насилия в соответствии с § 1 GewSchG, оно подвергает себя уголовному преследованию (§ 4 GewSchG). Закон предусматривает в этом случае лишение свободы на срок до двух лет или штраф. Уголовная ответственность в соответствии с другими нормативными актами остается неизменной.

Таким образом, Закон о защите от насилия значительно укрепляет сферу прав немецких граждан на защиту от семейного насилия, и дополняет своими нормами уголовное право. Помимо уголовной ответственности в соответствии с § 4 Закона о защите от насилия, может наступать уголовная ответственность в соответствии с другими положениями (§ 4 Положения 2 Закона о защите от насилия), такими как Преступления против сексуального самоопределения или Преступления, связанные с нанесением телесных повреждений.

Федеральное управление уголовной полиции готовит федеральный отчет о случаях домашнего насилия. Так, в 2023 году вышел отчет «HÄUSLICHE GEWALT. BUNDESLAGEBILD 2023» (Домашнее насилие. Федеральный отчет

2023)[1], в тесном сотрудничестве между Федеральным министерством внутренних дел Германии (BMI), Федеральным министерством по делам семьи, пожилых людей, женщин и молодежи Германии (BMFSFJ) и Федеральным управлением уголовной полиции Германии (BKA).

В нем раскрывается понятие домашнего насилия: «Домашнее насилие включает в себя все формы физического, сексуального или психологического насилия и включает насилие в семье и в партнерстве: «Домашнее насилие — это когда насилие происходит между людьми, которые живут вместе в семейных или партнерских отношениях. Это также происходит, когда это происходит независимо от общего домашнего хозяйства в семье или в нынешних или бывших партнерских отношениях. Таким образом, домашнее насилие включает в себя два аспекта, а именно насилие со стороны интимного партнера и внутрисемейное насилие. При партнерском насилии жертвами и подозреваемыми в совершении преступления считаются те, кто состоял или состоит в партнерских отношениях, при внутрисемейном насилии жертвами и подозреваемыми в совершении преступления считаются те, кто состоит в родственных отношениях друг с другом (за исключением (исключая) партнерство)».

В этих целях в зависимости от данных о жертвах и подозреваемых в совершении отдельных преступлений совершенные правонарушения могут относится и как совершаемые в домашней сфере (относящиеся к домашнему насилию):

1. Убийство и непредумышленное убийство (без убийства по требованию);
2. Опасные телесные повреждения;
3. Серьезные телесные повреждения;
4. Телесные повреждения, повлекшие за собой смерть;
5. Умышленное простое телесное повреждение;
6. Сексуальное насилие, сексуальное насилие, изнасилование;

[1] HÄUSLICHE GEWALT. BUNDESLAGEBILD 2023 // URL: https://www.bka.de/SharedDocs/Downloads/DE/Publikationen/JahresberichteUndLagebilder/HaeuslicheGewalt/HaeuslicheGewalt2023.html?nn=219004. (дата обращения: 29.10.2025).

7. Угрозы, преследование, принуждение (психологическое насилие)[1];

8. Лишение свободы;

9. Сутенерство;

10. Принудительная проституция;

11. Сексуальные домогательства (в случаях насилия со стороны интимного партнера с 2022 г.);

12. Лишение свободы несовершеннолетних (с 2022 года в случае насилия со стороны партнера);

Кроме того, исключительно ко внутрисемейному насилию относятся (не при партнерском насилии) такие деяния как:

13. Нанесение увечий женским гениталиям;

14. Жестокое обращение с лицами, находящимися под защитой;

15. Принудительный брак;

16. Сексуальное насилие в отношении детей (в возрасте до 14 лет), подростков (в возрасте от 14 до 18 лет) и лиц, находящихся под опекой, в возрасте от 14 лет и старше;

17. Поощрение сексуальных действий несовершеннолетних.

С 2011 года Федеральное управление уголовной полиции определяет отношения жертвы и подозреваемого в совершении преступления с точки зрения формальных отношений (брак/партнерство/семья) и отказалось от пространственно-социального контекста. Эти отношения занимают центральное место в нынешней картине «домашнего насилия».

В ФРГ функционирует федеральный закон об административных правонарушениях (Gesetz über Ordnungswidrigkeiten (OWiG)), который предоставляет право административным органам страны, земель и общин, а также другим организациям и учреждениям публичного права применять предупреждения и штрафы за нарушения административных

[1] Оскорбления и клевета также подпадают под действие психологического насилия. Данные преступления не учитываются в PKS (Die Polizeiliche Kriminalstatistik (PKS)) для учета жертв, поэтому они не учитываются в этой статистической оценке преступности.

предписаний[1]. В обозначенном законе отсутствуют правонарушения, которые обозначены как совершаемые с причинением семейного насилия.

Таким образом, Закон о защите от насилия (Закон о гражданско-правовой защите от актов насилия и преследования) является частью так называемого второстепенного уголовного права Германии[2]. Это проявляется тем, что помимо уголовной ответственности в соответствии с § 4 Закона о защите от насилия, может наступить уголовная ответственность в соответствии с другими положениями (§ 4 Положения 2 Закона о защите от насилия), такими как преступления против сексуального самоопределения или преступления, связанные с нанесением телесных повреждений по общему уголовному праву.

В Норвегии отсутствует отдельный закон о семейном (домашнем) насилии, однако имеются иные законы, направленные на обеспечение безопасности членов семей и иных лиц, проживающих совместно.

Министерством юстиции и общественной безопасности Норвегии определяет семейное насилие через насильственные действия в отношении близких лиц — это экономическое, материальное, сексуальное, скрытое насилие[3].

Полицейское управление Норвегии представляет определение бытового насилия следующим образом: «Насилие или угрозы насилия в отношении лиц, которые состоят или состояли в браке, или которые живут или проживали в семейных условиях. Это также относится к братьям и сестрам, детям, родителям, бабушкам и дедушкам и другим лицам прямой или неполной линии, а также к усыновителям, попечителями и опекунам»[4].

---

[1] Закон об административных правонарушениях Gesetz über Ordnungswidrigkeiten (OWiG) URL: https://www.sadaba.de/GSBT_OWiG.html (дата обращения: 24.10.2025) (дата обращения: 26.10.2025);

[2] Birngruber, Christoph G., Dettmeyer Reinhard B., Lasczkowski G. Gesetz zum zivilrechtlichen Schutz vor Gewalttaten und Nachstellungen (Gewaltschutzgesetz – GewSchG) i.d.F. vom 01.03.2017 // Forensische Verletzungskunde (pp.185-186). March 2020. DOI:10.1007/978-3-642-54279-4_28 Бирнгрубер Кристоф Г., Деттмайер Рейнхард Б., Лащковский Г. Закон о гражданско–правовой защите от актов насилия и инсценировок (Закон о защите от насилия - GewSchG) I.D.F. от 01.03.2017.

[3] Justice- og beredskapsdepartementet, JD // https://www.flickr.com/people/justisdepartementet (дата обращения: 26.10.2025).

[4] URL:https://web.archive.org/web/20111026094536/https://www.politi.no/rad_fra_politiet/vold_i_nare_relasjoner/definisjon_pa_vold_i_nare_relasjoner/ (дата обращения: 26.10.2025);

Следует учесть, что Норвегия ратифицировала Стамбульскую конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием 5 июля 2017 года. Конвенция вступила в силу в отношении Норвегии 1 ноября 2017 года 1 ноября 2017 года [1], что означает, что в Норвегии имеется легальное определение домашнего насилия. Кроме того, о семейном (домашнем) насилии и его свойствах можем изучить и из других нормативно-правовых норм Норвегии. Так Уголовный кодекс Норвегии причисляет к семейному насилию «жестокое обращение в близких отношениях» (§ 282) и иные преступления [2]. Положения Закона о гендерном равенстве и запрещении дискриминации (антидискриминационный закон)[3], Закона о семейном контроле[4], Закона о защите детей[5], и другие законы образуют законодательство в сфере защиты от семейного насилия. Закон о защите детей направлен на то, чтобы несовершеннолетние, живущие в условиях, которые могут нанести вред их здоровью и развитию, получали необходимую помощь и попечение в нужное время, а также способствовать тому, чтобы дети и молодежь получали безопасные условия жизни.

В Китайской Народной Республике согласно Закону о борьбе с насилием в семье под насилием в семье (далее – Закон о борьбе с насилием) понимается физические и психологическое и иное насилие, совершаемое членами семьи в форме избиения, связывания, нанесения увечий, ограничения личной свободы,

---

[1] URL: https://rm.coe.int/grevio-inf-2022-30-report-norway-eng-pour-publication/1680a923f8; https://www.coe.int/ru/web/portal/-/secretary-general-welcomes-norway-s-ratification-of-the-convention-on-preventing-and-combating-violence-against-women-and-domestic-violence (дата обращения: 26.10.2025);

[2] Lov om straff (straffeloven). Annen del. De straffbare handlingene Kapittel 25. Voldslovbrudd mv. URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2005-05-20-28/KAPITTEL_2-10#§281 (дата обращения: 26.10.2025);

[3] Lov om likestilling og forbud mot diskriminering (likestillings- og diskrimineringsloven. LOV-2017-06-16-51. // URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2017-06-16-51/KAPITTEL_2#KAPITTEL_2 (дата обращения: 30.10.2025);

[4] Lov om familievernkontorer. LOV-1997-06-19-62 // URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1997-06-19-62 (дата обращения: 26.10.2025);

[5] Lov om barnevern (barnevernsloven). LOV-2021-06-18-97// URL https://lovdata.no/dokument/LTI/lov/2021-06-18-97 (дата обращения: 30.10.2025).

частых словесных оскорблений, запугивания и т.д. (статья 2)[1]. Государство запрещает любые формы бытового насилия.

В большинстве случаев уголовная ответственность за насилие в семье наступает на общих основаниях, однако в соответствии со статьей 260 [преступление в виде жестокого обращения] «Любое лицо, совершившее жестокое обращение с членом семьи при неблагоприятных обстоятельствах, приговаривается к срочному тюремному заключению на срок не более двух лет, уголовному заключению или общественному надзору». Кроме того, статьей 260-1 [преступление, связанное с жестоким обращением с лицами, находящимися под опекой или попечительством] установлена уголовная ответственность «лиц, ответственных за опеку или попечительство над несовершеннолетними, пожилыми, больными, инвалидами и т.д., жестоко обращаются с лицами, находящимися под опекой или попечительством, если обстоятельства неблагоприятны, они приговариваются к срочному тюремному заключению на срок не более трех лет или к уголовному заключению»[2].

Следует отметить, что в КНР общие положения об административной ответственности и о порядке производства по административным правонарушениям регламентируется нормами Закон КНР об административных наказаниях (принят на 4-й сессии ВСНП 8-го созыва 17 марта 1996 г.), однако перечень административных правонарушений в нем, в том числе связанных с семейным насилием, не предусмотрен[3]. Закон о борьбе с насилием регулирует вопросы административных правонарушений в Китае.

---

[1] Закон Китайской Народной Республики о борьбе с насилием в семье от 27 декабря 2015 г. (Распоряжение Председателя Китайской Народной Республики № 37). 中华人民共和国反家庭暴力法（主席令第三十七号）. 中华人民共和国主席令. 第三十七 // URL: https://www.gov.cn/zhengce/2015-12/28/content_5029898.htm (дата обращения: 30.10.2025).

[2] Уголовный закон Китайской Народной Республики от 1 июля 1979 г. (Распоряжение Председателя КНР № 18) 中华人民共和国刑法 1979 年 7 月 1 日. 主席令 13 届第 18 号// URL: http://xingfa.org /(дата обращения: 30.10.2025).

[3] Закон КНР Об административных наказаниях 17 марта 1996 года (中华人民共和国行政处罚法) // URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/xinwen/2017-09/12/content_2028696.htm (дата обращения: 01.11.2025).

В Республике Казахстан функционирует закон о профилактике бытового насилия[1]. В нем в пункте 3 статьи бытовое насилие понимается как умышленное противоправное деяние (действие или бездействие) одного лица в сфере семейно-бытовых отношений в отношении другого (других), причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания.

Статье 4 исследуемого закона представлены виды бытового насилия:

1. Бытовое насилие может выражаться в виде физического, психологического, сексуального и (или) экономического насилия.

2. Физическое насилие - умышленное причинение вреда здоровью путем применения физической силы и причинения физической боли.

3. Психологическое насилие - умышленное воздействие на психику человека, унижение чести и достоинства посредством угроз, оскорблений, шантажа или принуждение (понуждение) к совершению правонарушений или деяний, представляющих опасность для жизни или здоровья, а также ведущих к нарушению психического, физического и личностного развития.

4. Сексуальное насилие - умышленное противоправное действие, посягающее на половую неприкосновенность или половую свободу человека, а также действия сексуального характера по отношению к несовершеннолетним.

5. Экономическое насилие - умышленное лишение человека жилья, пищи, одежды, имущества, средств, на которые он имеет предусмотренное законом право.

Этим же законом предусматривается предоставление социальных услуг жертве бытового насилия и ее детям как бесплатно (гарантированные услуги) и на платной основе - дополнительного объема специальных социальных услуг, предоставляемых сверх гарантированного объема (статья 5).

В Уголовном кодексе Республики Казахстан (далее – УК РК) не предусмотрены квалифицированные статьи, предусматривающие уголовную ответственность за совершение насилия в отношении членов семьи и им

[1] Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года № 214-IV «О профилактике бытового насилия» // «Казахстанская правда» 12 декабря 2009 года, номер 293 (26037).

подобным лицам[1], анализ которых позволил бы обнаружить дополнительные признаки и свойства семейного насилия, которые не представлены в ЗРК № 214-IV. В другом правовом акте - Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан (далее – УПК РК) предусмотрены две процессуальные меры:

1) официальное предостережение лицу (ст. 97);

2) запрет на приближение (ст. 165).

Фактически это те же самые по содержанию меры, которые закреплены в Законе Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года № 214-IV «О профилактике бытового насилия» (меры процессуального принуждения и меры безопасности потерпевших в уголовном процессе), и применяются они в рамках уголовного процесса[2].

Статьей 73 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее КРКобАП) закреплена ответственность за противоправные действия в сфере семейно-бытовых отношений, объектом которых определены права личности. Объективную сторону данного правонарушения образуют: нецензурная брань, оскорбительное приставание, унижение, повреждение предметов домашнего обихода и другие действия, выражающие неуважение к лицам, состоящим с правонарушителем в семейно-бытовых отношениях, нарушающие их спокойствие, совершенные в жилище[3].

В отношении иных лиц, не состоящих в семейно-бытовых отношениях, ответственность за мелкое хулиганство предусмотрена статьей 434, а совершенное несовершеннолетним – 435 названного закона.

В итоге можно отметить, что в основном лица, совершающие семейное насилие, несут уголовную ответственность на общих основаниях, и к ним

---

[1] Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V // "Казахстанская правда" от 09.07.2014 № 132 (27753) // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226/k226_.htm дата обращения: 01.11.2025).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V // «Казахстанская правда» 10 июля 2014 года, номер 133 (27754) // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&doc_id2=31575852#pos=119;-72.19999694824219&pos2=2445;-100.19999694824219 (дата обращения: 01.11.2025);

[3] Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК Об административных правонарушениях // "Казахстанская правда" от 12.07.2014 г. № 135 (27756); // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235 (дата обращения: 01.11.2025).

применяются, среди прочих, специфические меры процессуального принуждения. Правонарушение, предусмотренное статьей 73 КРКобАП, с малой вероятностью совершаются посредством физического насилия, скорее психического.

В Республике Беларусь понятие и виды семейного насилия закреплены в Законе Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее – ЗРБ № 122). Согласно статье 1 названного закона домашнее насилие – умышленные противоправные либо аморальные действия физического, психологического или сексуального характера близких родственников, бывших супругов, граждан, имеющих общего ребенка (детей), либо иных граждан, которые проживают (проживали) совместно и ведут (вели) общее хозяйство, по отношению друг к другу, причиняющие физические и (или) психические страдания [1] . Исходя из понимания представленного понятия следует, что в Республике Беларусь юридически закреплены два вида домашнего (семейного) насилия – физическое и психическое.

В части 2 статьи 10.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее КоАП РБ) - предусмотрена специальная административная ответственность за нанесение побоев, не повлекшее причинения телесных повреждений, умышленное причинение боли, физических или психических страданий, совершённые в отношении близкого родственника либо члена семьи, если в этих действиях нет состава преступления, либо нарушение защитного предписания[2].

В Республике Беларусь в основном за совершение семейного насилия виновные лица несут уголовную ответственность как за совершение преступлений общеуголовной направленности (глава 19 «Преступления против

[1] Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 15.01.2014, 22120) // URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400122 (дата обращения: 01.11.2025).

[2] Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 года №91-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 22.01.2021, 2/2811); // URL: https://etalonline.by/document/?regnum=hk2100091#&Article=10.1 (дата обращения: 01.11.2025).

жизни и здоровья»). Глава 21 «Преступления против уклада семейных отношений и интересов несовершеннолетних» также не содержит специальных статей, сопряженных с семейным насилием.

В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК РБ) в разделе IV «Меры процессуального принуждения» закреплена статья 123.1 «Запрет определенных действий», предусматривающая в пункте 2 части 3 запрет пребывать в общем с потерпевшим жилом помещении и распоряжаться общей совместной собственностью – для подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления в отношении члена семьи либо бывшего члена семьи[1].

В итоге следует отметить, что в ЗРБ № 122 раскрыто понятие домашнего насилия, которые совершаются в виде противоправных действий, предусмотренных законодательством об уголовной ответственности как за совершение общеуголовных преступлений. В части 2 статьи 10.1 КоАП РБ предусмотрена специальная административная ответственность за нанесение побоев, не повлекшее причинения телесных повреждений, умышленное причинение боли, физических или психических страданий, совершённые в отношении близкого родственника либо члена семьи. В качестве меры процессуального пресечения в УПК РБ предусмотрен запрет на пребывание с потерпевшим - членом семьи либо с бывшим членом семьи - в общем жилом помещении и распоряжаться общей совместной собственностью. Нормы КоАП РБ, УК РБ и УПК РБ гармонизированы с тем определением домашнего насилия, которое представлено в ЗРБ № 122, и не позволяют выявит какие-либо ещё дополнительные его признаки.

В Республике Узбекистан имеется развитая система законодательства, направленная на противодействие семейному насилию. Среди них особое место занимает закон от 02.09.2019 № ЗРУ-562 «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин», определяющий равные возможности (права и обязанности) мужчин и женщин в сфере семейных отношений. В статье

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З // Ведомости Национального собрания Республики Беларусь, 1999, № 28-29, статья 433). URL: https://etalonline.by/document/?regnum=HK9900295 (дата обращения: 02.11.2025).

14 закона гарантирует добровольность заключения брака, недопущение недобровольных и ранних браков, а также равенство личных и имущественных прав и обязанностей в семье, а также домашнего труда между супругами. Более того, законодатель определил разрешение внутрисемейных конфликтов между супругами по взаимному согласию[1].

В законе от 02.09.2019 № ЗРУ-561 «О защите женщин от притеснения и насилия» раскрывается понятие «насилие» — «противоправное действие (бездействие) в отношении женщин, посягающее на их жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, честь, достоинство и иные охраняемые законом права и свободы путем применения или угрозы применения мер физического, психологического, полового или экономического воздействия» [2] . Отдельно выделяются следующие формы насилия: половое, физическое, экономическое и психологическое.

В Кыргызской Республике понятие семейного насилия закреплено в законе «Об охране и защите от семейного насилия», под которым понимаются умышленные действия физического, психологического, экономического характера или их угроза, преследование, а также пренебрежительное отношение, совершенные одним членом семьи/приравненным к нему лицом в отношении другого члена семьи/приравненного к нему лица[3].

В Кодексе Кыргызской Республики о правонарушениях (далее — Кодекс КР) представлены составы, определяющие административную ответственность за умышленные действия, связанные с проявлением семейного насилия:

- Семейное насилие (ст. 70 Кодекса КР);

- Неисполнение условий временного охранного ордера (ст. 71 Кодекса КР);

---

[1] Закон Республики Узбекистан от 02.09.2019 № ЗРУ-562 «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин». URL: https://lex.uz/docs/4494873 (дата обращения: 01.04.2025).

[2] О защите женщин от притеснения и насилия: Закон Республики Узбекистан от 02.09.2019 № ЗРУ-562. URL: https://lex.uz/docs/4494712 (дата обращения: 01.04.2025).

[3] Об охране и защите от семейного насилия; законе Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 года № 63 // газета «Эркин-Тоо» от 09.05.2017 № 56.

- Уклонение лица, совершившего семейное насилие, от прохождения коррекционной программы (ст. 72 Кодекса КР)[1].

Согласно статье 70 рассматриваемого закона семейное насилие (насилие в семье) влечет привлечение к общественным работам на 40 часов либо применение ареста от трех до семи суток.

В примечании к статье обозначено, что преследование - умышленное поведение, направленное на лицо против его воли, вызывающее у него страх за свою безопасность, выражающееся в инициировании прямых или косвенных контактов, посещении места работы, учебы, пребывания, проживания в случае его раздельного проживания с лицом, совершающим преследование.

Данные правонарушения размещены в главе 12 Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях «Правонарушения против интересов детей и уклада семейных отношений», что дает основание считать, что оно направлено на защиту традиционных духовно-нравственных ценностей.

В Республике Узбекистан совершение семейного насилия относится к административно-наказуемому и уголовно-наказуемому деяниям.

Понятие семейное (бытовое) насилие закреплено в введенной в 2023 году в Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности статьей 59^2 «Семейное (бытовое) насилие»[2].

Следует согласиться с мнением ученых, что статья 59.2 КоАП РУ разделена законодателем «на две части не случайно, так как ч. 1 ст. 59 КоАП РУ подразумевает действия, относящиеся к экономическому и психологическому

---

[1] Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28.10.2021 № 128. URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-36/edition/2102/ru (дата обращения: 01.04.2025).

[2] Статья 59^2 введена Законом Республики Узбекистан от 11 апреля 2023 года № ЗРУ-829 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим совершенствованием системы надежной защиты прав, свобод и законных интересов женщин и детей» // Национальная база данных законодательства, 12.04.2023 г., № 03/23/829/0208 (URL: https://lex.uz/docs/6430278?ONDATE=12.04.2023%2000#6431932);

насилию, которые в результате противоправного деяния вызывают расстройство здоровья потерпевшего»[1].

При этом правонарушение, предусмотренное частью 1 статьи 59.2 КоАП РУ, охватывает ряд таких действий как: «воспрепятствование в осуществлении права на собственность, образование, здравоохранение и (или) труд, умышленное повреждение имущества и личных вещей, а равно унижение чести и достоинства, запугивание, изоляция от близких родственников, совершенные в отношении супруги (супруга), бывшей супруги (бывшего супруга), совместно проживающего на основе единого хозяйства лица либо лица, имеющего общего ребенка, повлекшее расстройство здоровья».

Деяния, включенные в часть 2 рассматриваемой статьи, образуют физическое насилие: «нанесение побоев, умышленного легкого телесного повреждения, не повлекшего кратковременного расстройства здоровья или незначительную стойкую утрату трудоспособности, супруге (супругу), бывшей супруге (бывшему супругу), совместно проживающему на основе единого хозяйства лицу либо ребенку, а также лицу, имеющему общего ребенка»[2].

Кроме того, за повторное совершение обозначенных правонарушений и повлекших более тяжкие последствия установлена уголовная ответственность, предусмотренная статьей 126[1], введенной Законом Республики Узбекистан от 11 апреля 2023 года № ЗРУ-829[3].

Более общее понятие – насилие – дается в статье 3 Закона Республики Узбекистан от 02.09.2019 № ЗРУ-561 «О защите женщин от притеснения и насилия»: «противоправное действие (бездействие) в отношении женщин, посягающее на их жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, честь,

---

[1] Предупреждение семейного насилия по законодательству Российской Федерации, Республики Казахстан, Киргизской Республики и Республики Узбекистан: учебное пособие / А. А. Гайдуков, А. А. Абдрахманов, С. В. Корнейчук [и др.]. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2025. – С. 21.

[2] Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности (Утвержден Законом РУз от 22.09.1994 г. № 2015-XII). URL: https://lex.uz/docs/97661 (дата обращения: 30.11.2025).

[3] Закон Республики Узбекистан от 11 апреля 2023 года № ЗРУ-829 — *Национальная база данных законодательства, 12.04.2023 г., № 03/23/829/0208)*. URL: https://lex.uz/docs/111457 (дата обращения: 26.10.2025).

достоинство и иные охраняемые законом права и свободы путем применения или угрозы применения мер физического, психологического, полового или экономического воздействия»[1].

Выводы по параграфу

Таким образом, следует сделать вывод о том, что понятие семейного насилия в разных странах вырабатывалось на протяжении длительного времени. Английское общее право еще в XVIII веке признавало право мужей на физическое наказание своих жён. Оно действовало также среди английских и других переселенцев в Северной Америке (сначала в английских колониях, а затем в североамериканских штатах). Однако под воздействием судебной практики на протяжении 1950-1980-х годов государственная политика сначала в отдельных штатах, а затем на федеральном уровне США кардинально изменилась: отныне противодействие семейному (домашнему) насилию стало одним из крупнейших направлений внутренней и внешней политики. Экспансия североамериканской юрисдикции, практика США правового регулирования вопросов противодействия семейному насилию вызвала соответствующую активную реакция в зарубежных странах, в том числе и в странах ближнего зарубежья. Активное правовое регулирование, направленное на противодействие семейному насилию в отдельных штатах США началось в 70-е годы прошлого века и только в 1994 году достигла федерального уровня, когда было выработано определение насилия в отношении женщин как форма их дискриминации. Затем США начали активно продвигать данные идеи и способствовать развитию аналогичного регулирования в зарубежных странах, а также вовлекать в нормотворческую деятельность международные организации.

Тем временем в самих штатах США законодательство о семейном насилии находится в различной степени развития: в большинстве штатов приняты законы о семейном насилии с глубокой проработкой отдельных аспектов противодействия

[1] Закон Республики Узбекистан, от 11.04.2023 г. № ЗРУ-829 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим совершенствованием системы надежной защиты прав, свобод и законных интересов женщин и детей» // URL: https://lex.uz/docs/6430278?ONDATE=12.04.2023%2000#6431932 (дата обращения: 01.11.2025).

ему, другие – декларируя свою приверженность на неприятие семейного (домашнего) насилия в рамках федеральной государственной политики США, развитой системы запрещенных под угрозою наказания за семейное насилие не имеют, в основном довольствуясь, переводя на русский язык, общеуголовной направленностью: осуждение за мелкое правонарушение (Misdemeanor conviction) и приговор по преступлению (Felony conviction).

Виды семейного (домашнего) насилия (физическое, психологическое, сексуальное, экономическое, преследование (сталкинг) и киберсталкинг) штатами США признаются безусловно. Этому способствует солидное финансирование Управлением по борьбе с насилием в отношении женщин (OVAW) и выделение им федеральных грантов для стимулирования различных агентств к оказанию помощи нуждающимся женщинам. Насильственные действия в отношении членов семьи признались правонарушениями (преступлениями и иными противоправными проступками) во всех 50 штатах США, и запрещено как федеральными законами, так и законами штатов. Юридическое определение домашнего насилия может немного отличаться в зависимости от штата, но в целом оно относится к любому поведению, направленному на контроль или причинение вреда близкому партнёру или члену семьи. В целом следует отметить, что в США понятие семейного насилия получило самое широкое толкование и носит всеобъемлющий характер. В 2024 году в деле Соединённые Штаты против Рахими Верховный суд США большинством поддержал закон о защите от домашнего насилия, который ограничивает владение огнестрельным оружием для лиц, осуждённых за домашнее насилие.

Все это комплексно способствовало скоординированному реагированию американского сообщества на случаи домашнего насилия (с привлечением системы уголовного правосудия, социальных служб и неправительственных организаций), установлению юридической ответственности за пересечение границ между штатами США с целью совершения акта такого насилия, созданию национальной горячей линии по вопросам домашнего насилия и реализации других инициатив. Домашнее насилие может быть квалифицировано как

правонарушение или преступление в зависимости от тяжести насилия и от того, использовалось ли оружие.

Практически все страны Европейского Союза в своих законодательных системах приняли акты, направленные на противодействие семейному насилию. В основе европейской политики направленной на противодействие семейному насилию, стала Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция)[1], и 1 июня 2023 года Совет Европейского союза одобрил присоединение ЕС к Стамбульской конвенции. Конвенция устанавливает ряд правонарушений, квалифицируемых как насилие в отношении женщин. Государства, которые ратифицируют Конвенцию, должны криминализировать ряд деяний как преступления, в том числе психологическое насилие (статья 33), преследование (статья 34), физическое насилие (статья 35), сексуальное насилие, в том числе изнасилование (статья 36), принудительный брак (статья 37), калечение женских половых органов (статья 38), принудительные аборты и принудительную стерилизацию (статья 39). Конвенция гласит, что сексуальные домогательства (харассмент) должны подлежать «уголовному или иному правовому наказанию» (статья 40).

Однако результаты проведенного исследования показывают, что, например, ФРГ функционирует Закон о гражданско-правовой защите от актов насилия и преследования, в котором признаются названные формы семейного насилия, но ответственность за их деяния наступают как за правонарушения общесубъектной (общеуголовной) направленности. Нормы рассматриваемого закона не устанавливают, а вносят некоторые поправки по юридической ответственности за акты семейного насилия.

В Австрии жертвам семейного насилия предоставляется возможность оставаться в собственном доме и защитить их от насилия. Нормы закона не устанавливают, а вносят некоторые поправки по юридической ответственности за

[1] Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием. Принята 11 мая 2011 года на заседании Совета Европы // URL: https://docs.cntd.ru/document/420206767 (дата обращения: 23.10.2025).

акты семейного насилия. Дополнительно определяется статус некоторых участников процесса, например, психосоциальный сопровождающий в судебном процессе занимает положение доверенного лица в ходе судебного разбирательства.

В Великобритании Закон о домашнем насилии 2021 года (Domestic Abuse Act 2021) содержит законодательное определение домашнего насилия[1]. Однако он не устанавливает виды правонарушений, связанных с этим определением. Закрепленные в Законе о домашнем насилии формы семейного (домашнего) насилия отражены в ранее принятых и действующих нормативно-правовых актах Великобритании.

В законах и нормативных актах Великобритании термин «домашнее насилие» обычно используется для обозначения различных форм домашнего насилия. Некоторые конкретные формы домашнего насилия и жестокого обращения являются уголовными правонарушениями. Домашнее насилие или домогательства могут быть физическими, психологическими, сексуальными, финансовыми или эмоциональными.

В странах Содружества независимых государств (СНГ) семейное насилие признается противоправным явлением, и противодействие ему выстроено на основе различной степени нормативного правового регулирования.

В Республике Беларусь понятие и виды семейного насилия как действия физического, психологического или сексуального характера закреплены в отдельном законе, но уголовная ответственность наступает как за преступления общеуголовной направленности. Выделяется только административная ответственность за семейное насилие.

В Республике Казахстан более развитая система обеспечения прав граждан от семейного (бытового) насилия, чем в Республике Беларусь, уголовная ответственность наступает не только по общесубъектным преступлениям, но и по специальным составам, связанным с семейно-бытовыми отношениями:

---

[1] Domestic Abuse Act 2021. UK Parliament. 29 April 2021. p. 1. // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2021/17/part/1/enacted (дата обращения: 24.10.2025).

В Казахстане к таким составам относятся, например:

- сталкинг (ст. 115-1 УК, введён в 2025 году) — незаконное преследование лица, выражающееся в действиях, направленных на установление контакта и (или) выслеживание лица вопреки его воле, не сопряжённых с насилием, повлёкших существенный вред;

- причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью лицам, находящимся в материальной или иной зависимости от виновного (ст. 106 и 107 УК). Предусмотрена административная ответственность за противоправные действия в сфере семейно-бытовых отношений.

Уголовная и административная ответственность за семейное (бытовое) насилие установлена в Республике Узбекистан. При этом перечень деяний, образующих данное насилие, расширенный, включающий в воспрепятствовании в реализации различных прав, связанных с личность совершенные в отношении супруги (супруга), бывшей супруги (бывшего супруга), совместно проживающего на основе единого хозяйства лица либо лица, имеющего общего ребенка, повлекшее расстройство здоровья, и за побои при повторном совершении установлена уголовная ответственность.

Таким образом, проведенный компаративный анализ законодательства стран англосаксонской и романо-германской правовых семей и Китая, а также государств — участников СНГ, позволяет констатировать эволюцию подходов к пониманию семейного (домашнего) насилия. От исторически сложившегося в общем праве «права мужа на наказание» и политики невмешательства государства в семейную сферу (принцип «rule of thumb») правовое регулирование прошло путь до признания насилия в семье не только частным деликтом, но и социально значимым публичным правонарушением. Определяющую роль в этом процессе в США сыграла судебная практика и прецедентные решения (дела Thurman v. City of Torrington, Bruno v. Codd), которые трансформировали административную практику полиции, заменив политику примирения на политику ареста и активного вмешательства, что впоследствии было закреплено законодательно.

Правовой механизм противодействия семейному насилию в зарубежных странах характеризуется переходом от исключительно карательной функции к восстановительной и превентивной. Важнейшим инструментом становится межведомственное взаимодействие и программно-целевое финансирование (грантовая поддержка в США). Особого внимания заслуживает законодательное закрепление полномочий полиции по вынесению срочных запретительных приказов и аресту без ордера, что свидетельствует о повышении роли административной юрисдикции в оперативном реагировании на внутрисемейные конфликты, а также усиление ответственности за насилие, совершенное в присутствии несовершеннолетних, которое рассматривается как форма жестокого обращения с детьми. В юридической доктрине и законодательстве зарубежных стран можно выделить следующие ключевые подходы к определению данного понятия:

1. По кругу субъектов:

Законодательство большинства государств (США, Великобритания, Австрия, ФРГ, Казахстан) исходит из расширительного толкования круга лиц, отношения между которыми образуют «домашнее насилие». Это не только супруги и близкие родственники, но и бывшие супруги, лица, проживающие совместно (сожители), лица, имеющие общего ребенка, а также лица, состоящие в романтических или интимных отношениях (dating relationships). Такой подход отражает стремление защитить потерпевшего не по формальному признаку родства, а по фактическому характеру отношений, в которых может возникнуть насилие.

2. По формам насилия:

Общей тенденцией является отказ от признания домашнего насилия исключительно только в качестве физического воздействия. В законодательстве закрепляются следующие формы:

Физическое насилие (побои, истязания, причинение вреда здоровью).

Психологическое (эмоциональное) насилие (угрозы, запугивание, унижение, изоляция, контроль).

Сексуальное насилие (в том числе супружеское изнасилование, признанное уголовно наказуемым в большинстве развитых стран).

Экономическое насилие (контроль над финансами, лишение средств к существованию, запрет на работу).

Преследование (сталкинг) (навязчивое слежение, нежелательные контакты, угрожающие коммуникации).

Наиболее широкий подход закреплен в законодательстве США (на федеральном уровне и уровне штатов), Австрии, а также в странах СНГ (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан), где перечисленные формы насилия прямо указаны в законе.

3. По правовому способу фиксации понятия семейного насилия:

В зарубежном праве сформировалось два основных подхода к юридической фиксации понятия:

- интегративный подход (Великобритания, Австрия, Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан, некоторые штаты США) — наличие отдельного закона, где дается легальное определение семейного насилия, перечисляются его формы и устанавливается комплексный механизм защиты (административные, гражданско-правовые, уголовные меры);

- казуистический подход (ФРГ, скандинавские страны, некоторые штаты США) — отсутствие единого определения; ответственность наступает по общим нормам уголовного или административного права, а специальные меры защиты (охранные ордера) регулируются отдельными законами (например, гражданско-правовыми).

4. По цели и характеру деяния:

В законодательстве все чаще акцент делается не на единичном акте, а на систематическом характере и цели установления контроля и власти над жертвой. Это нашло отражение, например, в определении, содержащемся в британском Domestic Abuse Act 2021, а также в практике применения законов в США и Австрии, где учитывается цикличность насилия и его направленность на подавление воли потерпевшего. На основе сравнительно-правового анализа

систем противодействия семейному насилию в странах дальнего и ближнего зарубежья (США, Австрия, Норвегия, Китай, Узбекистан, Казахстан, Беларусь) выделены модели правового регулирования: либерально-грантовая (США), проактивно-полицейская (Австрия, Германия), интегративно-детоцентричная (скандинавские страны), патерналистско-воспитательная (Китай) и смешанная (постсоветская).

Таким образом, в зарубежном праве понятие семейного (домашнего) насилия представляет собой юридическую конструкцию, охватывающую умышленные действия физического, сексуального, психологического или экономического характера (либо угрозу их совершения), направленные на причинение вреда, запугивание или установление контроля над лицом, с которым виновный состоит или состоял в семейных, родственных или близких отношениях. Ключевым признаком является не столько сам факт применения силы, сколько особый характер отношений между субъектами, который создает повышенную уязвимость жертвы и требует применения специализированных мер публично-правовой защиты. С учетом вышеизложенного устанавливается невозможность прямого заимствования (рецепции) зарубежных моделей без учета особенностей российской правовой системы и традиционных ценностей, что, однако, не исключает рецепцию отдельных доказавших свою эффективность институтов (защитные предписания, специализированные субъекты профилактики, межведомственное взаимодействие) в российский административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия.

Глава 2. Административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия

§ 1. Понятие и структура административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия

Общественные отношения на современном этапе находятся в таком динамичном развитии, что «многие прежние представления о развитии отдельных видов общественных отношений требуют переосмысления, как и способы их регулирования. Под воздействием идеологии так называемой «толерантности» и свободы взглядов на половую принадлежность, формируемой странами Запада и их сателлитами, динамично меняется характер социальной жизни. Выступая функцией обеспечения социальной жизни, российское право должно быть направлено на противодействие разрушающим «социальным» и «культурным» ценностям, разрушающих традиционные»[1].

На протяжении последнего времени происходит так называемая «юридизация» общественных отношений, когда в сферу правового регулирования попадает все больше и больше видов общественных отношений. Некоторые из них совершенно новые (например, использование беспилотных летательных аппаратов). «При этом следует отметить, что многие из этих сфер традиционно подвергались правовому воздействию и регулированию. Среди них следует отметить семейные (брачные) отношения, которые изначально на первых этапах истории России регулировались в симбиозе интересов Самодержавия и Церкви, затем идеологии построения социализма в годы существования СССР, и

[1] Равнюшкин, А. В. О некоторых аспектах североамериканской модели обеспечения прав граждан на защиту от семейного (домашнего) насилия / А. В. Равнюшкин // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвящённой памяти доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской Федерации Сорокина Валентина Дмитриевича в связи со 100-летием со дня рождения, Санкт-Петербург, 29 марта 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 1188-1189.

превалирующей либеральной направляющей в постсоветском периоде, декларирующей диктат практически безграничных интересов личности над интересами общества и государства. Только на протяжении последнего времени на уровне государства был дополнительно закреплен вектор развития семейной политики, в частности по воспитанию детей, на основе традиционных ценностей. Были внесены определенные дополнения в Конституцию Российской Федерации, направленные на укрепление российской семьи, традиционных ценностей российского общества[1].

В одном из нормативных актов Президента Российской Федерации отмечено, что «гармоничное развитие возможно только на основе традиционных ценностей, к которым, среди прочих, относятся высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд»[2].

В одной из работ было отмечено, что «дальнейшее развитие российского законодательства и более эффективного механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия возможно только через понимание права как продукта среды российского общества, системы его исторических, социально-духовных и культурологических факторов»[3].

Д.А. Шестаков отмечает, что «у преступников отсутствие брачных отношений встречается в четыре раза больше, чем среди других людей»[4].

Однако и внутри семей совершаются преступления и административные правонарушения, которые преимущественно носят насильственный характер. При этом некоторые из них получают широкий общественный резонанс.

Статьями законов субъектов Российской Федерации о семейно-бытовых конфликтах[5] устанавливается административная ответственность за совершение

---

[1] Равнюшкин, А. В. О некоторых аспектах североамериканской модели ... С. 1189.

[2] Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утверждены Указом Президента № 809 от 9 ноября 2022 г.). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 07.10.2023).

[3] Равнюшкин, А. В. О некоторых аспектах североамериканской модели ... С. 1189.

[4] Шестаков Д.А. Семейная криминология (криминофамилистика). СПб., 2-е издание, перераб. и доп. Юридический центр Пресс, 2003. С. 139.

[5] См. ст. 51.7 «Бытовое дебоширство» закона Закон Костромской области от 21 июля 2008 г. № 352-4-ЗКО «Кодекс Костромской области об административных правонарушениях»

действий, «унижающих членов семьи», их «человеческое достоинство», «создание конфликтных ситуаций, сопровождающихся шумом, нецензурной бранью», «за оскорбительное поведение». Привлечение виновных лиц за данные правонарушения является своего рода профилактикой совершения ими насильственных действий в отношении членов семьи. Вероятно, что причинение физических страданий без побоев (как форма насилия), которые охватываются составом правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 КоАП РФ, квалифицируются в отдельных случаях как административные правонарушения, предусмотренные законодательством субъектов Российской Федерации. Логично предположить, что семейный скандал может причинить физические страдания[1].

Кроме того, в данной сфере совершаются также преступления, предусмотренные статьей 115 УК РФ «Причинение легкого вреда здоровью», статье 112 УК РФ «Причинение средней тяжести вреда здоровью», и другие деяния. Как отмечается, «анализ статистических данных позволяет сделать вывод, что устойчивого снижения правонарушений в сфере семейно-бытового насилия в России не наблюдается»[2].

Состояние дел по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений остается под мониторингом центрального аппарата МВД России. Так, в «Обзоре о принимаемых мерах по предупреждению

//https://base.garant.ru/15179441/1b29e13e0ab0b78b9099def314664680/?ysclid=luryv6q248820506075 (дата обращения: 28.03.2024); ст. 1.18 «Семейно-бытовое дебоширство» закона Вологодской области от 8 декабря 2010 г. № 2429-ОЗ «Об административных правонарушениях в Вологодской области» https://base.garant.ru/20363800/57bfd906f1089a3ff29d88ca4bd53072/?ysclid=lurykvgxun32400265 (дата обращения: 28.03.2024); статья 2.18. Создание конфликтных ситуаций в семейно-бытовых отношениях закона Нижегородской области от 24 апреля 2003 года № 34-З «Кодекс Нижегородской области об административных правонарушениях» // URL: https://docs.cntd.ru/document/944917687/titles/1IHIDP1 (дата обращения: 26.03.2024).

[1] Постановление от 26 февраля 2015 г. по делу № 4-104/2015. Судебный участок № 33 Нейского судебного района (Костромская область) URL: https://sudact.ru/magistrate/doc/dyMrF7bgi8dB/?ysclid=lusdv1djez61827674 (дата обращения: 26.03.2024); Решение № 12-1469/2020 от 25 сентября 2020 г. по делу № 12-1469/2020 по судебному участку № 61 УИД 35MS0061-01-2020-003259-29 URL: https://sudact.ru/regular/doc/6FnDa5Zo1rod/?ysclid=lusdqld3sl604241236 (дата обращения: 26.03.2024).

[2] Рачицкая, В.А. Административные правонарушения в сфере семейного насилия и проблемы их профилактики / В.А. Рачицкая // Виктимология. – 2020. – № 4(26). – С. 43.

правонарушений в сфере семейно-бытовых преступлений» констатируется, что «в ряде регионов, где в первом полугодии 2024 года наблюдался наибольший прирост тяжких и особо тяжких противоправных деяний в быту, данную динамику удалось снизить более чем на 40% (в Республике Дагестан, Камчатском крае, Амурской, Владимирской, Ивановской, Калининградской, Костромской, Орловской, Пензенской областях).

Не удалось в отчетном периоде стабилизировать ситуацию по данному направлению деятельности в 38 субъектах Российской Федерации[1].

Таким образом, динамика совершаемых актов насилия в семьях в отдельных субъектах Российской Федерации остается разнонаправленной.

Почти половине всех особо жестоких бытовых убийств предшествует длительная конфликтная ситуация в семье. Вместе с тем официальная статистика не отражает полной картины преступлений в отношении женщин, поскольку пострадавшие зачастую не обращаются в правоохранительные органы или медицинские организации[2].

Потерпевшими от насильственных деяний преимущественно являются женщины. Однако следует отметить, что наиболее уязвимыми для семейного насилия являются дети, в особенности на начальном этапе жизни, когда закладываются основы как для физического, так и психического здоровья. Последствия применения насилия, в особенности систематического, негативно отражается на здоровье человека на всех последующих этапах его жизнедеятельности, что доказано научными исследованиями[3].

---

[1] Обзор о принимаемых мерах по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых преступлений: приложение к письму МВД России от 07.03.2025 № 1/2773 «Об организации работы по противодействию бытовой преступности: (опубликовано не было).

[2] Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы (утв. распоряжением Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р). – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71524782 (дата обращения: 11.03.2024).

[3] Shonkoff J.P, Boyce W.T., McEwen B.S. Neuroscience, molecular biology, and the childhood roots of health disparities: building a new framework for health promotion and disease prevention. The Journal of the American Medical Association. 2009. Jun 3.301(21):2252-2259. doi: 10.1001/jama.2009.754; Марголина, И. А. Влияние внутрисемейного физического насилия в раннем детстве на психическое здоровье детей в возрастной динамике / И. А. Марголина // Психиатрия. - 2007. - № 5(29). - С. 47-50.

Для обеспечения защиты прав граждан от различных негативных явлений функционируют конституционно-правовые, административно-правовые и иные механизмы противодействия вредным последствиям. Конституционно-правовые и административно-правовые механизмы обеспечения прав граждан в совокупности являются публично-правовыми. Раскрывая сущность социальных прав Д.С. Велиева и М.В. Пресняков отметили, что социальные и иные «права реализуются при наличии активных действий со стороны государства. Даже право на жизнь для своего полноценного осуществления требует определенных позитивных действий, например создания полицейского аппарата, системы правосудия и т.п.»[1].

В научных трудах отечественных ученых-административистов сформулировано понятие общественной безопасности в общеюридическом смысле, которое охватывает о безопасность граждан от семейного насилия. Так, А.М. Воронов под общественной безопасностью понимает: «...правовое состояние защищенности личности и общества от факторов, создающих потенциальную и реальную опасность жизненно важным интересам личности, общества и государства, выраженных, в частности, в общественно опасных действиях (бездействии) и охраняемых системой норм административного, информационного, уголовного, экологического и др. отраслей права»[2]. Это одно из базовых определений в науке административного права.

В целях определения элементов правовых механизмов обеспечения различных объектов правовой защиты прав граждан целесообразно обратится к вопросу о том, что представляет из себя эти механизмы по мнению ученых различных отраслей российской науки и какие выделяются ими элементы.

В первую очередь обратимся к научным работам по теории права и конституционного права.

---

[1] Велиева, Д. С. Субъективные социальные права: конституционно-правовая сущность / Д. С. Велиева, М. В. Пресняков // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20, № 2(171). – С. 65.

[2] Воронов А.М. Общественная безопасность: административные и информационно-правовые проблемы обеспечения и организации управления. М.: ВНИИ МВД России, 2004. - С. 35.

Следует отметить, что, прежде всего, у них сфера интересов составляет конституционный механизм реализации прав и свобод. Данный механизм вызывал научный интерес у исследователей в конце 80-х годов прошлого века, их достижения остаются актуальными и в современном этапе развития науки: «практически все научные работы того периода были переизданы, и это доказывает, что, несмотря на жесткие партийно-идеологические установки, юридическая наука и существовала, и развивалась»[1].

Так, группой авторов исследовалась проблема реализации прав граждан, и в качестве отдельного аспекта Н.В. Витруком рассматривался юридический механизм их реализации. Данный механизм рассматривается в первую очередь как процессуально-процедурный порядок реализации прав личности, в котором действуют, помимо прочих, акты применения права[2]. Последним автор уделял особое внимание[3].

Н.В. Витрук отмечал, что «реализация конституционных прав и свобод граждан была связано с дальнейшим совершенствование текущего (отраслевого) законодательства (как материально-правовая составляющая), и с качественным улучшением работы государственных и общественных органов, должностных лиц по организации использования гражданами прав и свобод, и выполнению своих обязанностей»[4].

Следует согласится с мнением Н.В. Витрука о том, что осуществление прав и свобод граждан имеет два направления. С одной стороны, сами граждане реализуют данные права посредством совершения активных действий по использованию различных благ, отражающих права и свободы. С другой стороны, организационные основы, «хорошо налаженный, рациональный процедурный

---

[1] Слова из предисловия В.В. Ершова к книге: Витрук Н. В. Избранное. Том 1. Статьи. Доклады. Рецензии. 1963–1990. — М.: Российская академия правосудия, 2012. - С. 9-10.

[2] Витрук Н.В. Юридический механизм реализации прав личности // Реализация прав граждан в условиях развитого социализма [Текст] / [Е. В. Аграновская, Н. В. Витрук, Л. Н. Завадская и др.; отв. ред. Е. А. Лукашева]. - Москва: Наука, 1983. - С. 82-111.

[3] Витрук Н. В. Акты применения права в механизме реализации прав и свобод личности / Н. В. Витрук // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1983. – № 2. – С. 3–10.

[4] Витрук Н.В. Избранное. Том 1. Статьи. Доклады. Рецензии. 1963–1990. — М.: Российская академия правосудия, 2012. - С. 426.

порядок усиливает гарантии реализации прав и свобод граждан. Развитие общественных отношений диктуют необходимость постоянного совершенствования процесса реализации прав и свобод граждан, создания все более простых, удобных, доступных и эффективных форм и механизма в такой реализации»[1].

Система материальных правовых средств (нормы права, общие гарантии, специальные средства реализации) не может быть успешно применена, если «она не подкрепляется конкретной организационной работой государственных и общественных организаций. Организационная деятельность служит общим условием, универсальной предпосылкой действенности всей системы гарантий прав и свобод личности»[2].

Механизм обеспечения прав состоит из совокупности специализированных органов и общественных организаций, реализующих правоприменительную и правоохранительную виды деятельности[3].

Также немаловажное значение в механизме реализации прав и свобод граждан имеет сама характеристика этой личности и ее окружения (качество социальной среды). От свойств социальной среды зависит и качество механизмов обеспечения прав граждан, в том числе и в сфере семейно-бытовых отношений. Социальная среда порождает среду права, придает ей основные векторы развития. Среда права, в свою очередь, является основой для правотворческой деятельности. Далее, под воздействием принятых или видоизмененных правовых норм, когда они реализуются в различных способах на протяжении длительного времени, меняется социальная среда. Этот процесс характеризуется как цикличный, однако все составляющие этого цикла с каждым витком качественно видоизменяются, приобретают новые свойства. Эти циклы напрямую связаны с функционированием правовых механизмов обеспечения прав граждан. Рассматриваемые механизмы являются динамичными, подвергаются изменению

---

[1] Витрук Н.В. Избранное. С. 437-440.
[22] Витрук Н.В. Избранное, С.446.
[3] Там же, С. 472.

как сами, так и являются инструментами воздействия на определенные сферы общественных отношений с целью защиты и охраны их ценностей.

По мнению П.А. Астафичева, «конституционные права и свободы человека и гражданина не могут действовать сами по себе. Для того чтобы они эффективно функционировали – необходим определенный правовой механизм, приводящий их в движение»[1].

А.В. Малько в качестве механизма защиты прав, свобод и законных интересов представляет себе «обеспечительный правовой режим существования юридических дозволений», в котором осуществляют свою деятельность органы и их должностные лица, осуществляющие полномочия по защите прав и свобод граждан, способствуют их реализации самими гражданами. Они призваны также устранять реальные угрозы посягательства на эти ценности, восстанавливать нарушенные права[2].

Механизм обеспечения конституционных прав человека в деятельности полиции Е.А. Зиминым понимается совокупность мер «нормативно-правового, организационно-управленческого и общественно-надзорного характера, имеющих цель сформировать условия реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в сфере деятельности полиции»[3].

И.С. Лапаев предлагает авторскую трактовку «механизма обеспечения юридической безопасности», представляющего собой систему правовых средств (инструментов и процедур), применяемыми органами государства и негосударственными структурами по охране, защите и восстановлению

---

[1] Астафичев, П.А. Судебный конституционный контроль в России [Текст]: учебное пособие для высшего профессионального образования / П. А. Астафичев; М-во образования и науки Российской Федерации, Федеральное гос. бюджетное образовательное учреждение высш. проф. образования "Гос. ун-т- учеб.-науч.-произв. комплекс". - Орел: Гос. ун-т- учеб.-науч.-произв. комплекс, 2012. - С. 3-4.

[2] Малько А.В., Субочев В.В., Шериев А.М. Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. – С. 80-81.

[3] Зимин, Е.А. Механизм обеспечения конституционных прав человека в сфере деятельности полиции: на примере США: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 25.

юридической безопасности от правовых опасностей, препятствующих процессу правового упорядочивания социальных связей»[1].

Т.О. Праницкая под «конституционно-правовым механизмом обеспечения гражданами права на неприкосновенность частной жизни» понимает определенный набор средств и институтов. Этот механизм состоит из конституционных норм (материально-правовая основа); правоохранительной деятельности, построенной на принципе законности, гласности и учета общественного мнения, гарантий (общие, специальные и организационные), процедуры (регламентированная правоприменительная деятельность субъектов обеспечения права), ответственность (неотвратимость наказания за нарушения прав граждан), контроль (ещё один институт гарантий)[2].

А.Н. Филиппова обозначает, что структуру «конституционно-правового механизма обеспечения единства правового пространства Российской Федерации» образуют его трехуровневая система органов исполнительной власти), которые реализуют меры организационного, материально-технического и иного характера в пределах закрепленных полномочий»[3].

Также в эту структуру представленного механизма включаются определенные конституционные принципы.

Другой автор, В.В. Уханкин под конституционно-правовым механизмом обеспечения государственной целостности Российской Федерации понимает «совокупность нормативных правовых актов международного, федерального, регионального и муниципального уровня»[4].

---

[1] Лапаев И.С. Механизм обеспечения юридической безопасности в Российской Федерации: вопросы теории и практики: дис. ... кандид. юрид. наук. Саратов, 2013. - С. 10.

[2] Праницкая Т.О. Конституционно-правовой механизм обеспечения неприкосновенности частной жизни: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2010. С. 13.

[3] Филиппов А.Н. Конституционно-правовой механизм обеспечения единства правового пространства Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Чебоксары, 2013. С. 9.

[4] Уханкин В.В. Конституционно-правовой механизм обеспечения государственной целостности Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 14.

Однако данный механизм является динамичным, меняется и совершенствуется, и, как отмечается автором, «состоит из правовых средств, различного рода ресурсов и юридической ответственности»[1].

В качестве элементов «механизма обеспечения и защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации» Р.А. Ягудин относит: «1) систему методов, способов и средств; 2) субъекты как пользователи и гаранты системы; 3) объекты (ценности материального и морального характера); 4) правосубъектность субъектов, и 5) правоотношения»[2].

Думается, что более полную структуру имеет обозначенный группой авторов механизм реализации и защиты прав человека и гражданина, который «представляет собой систему методов и инструментов осуществления того или иного права, организованных функционально и хронологически: нормативные средств и организационные средствам (публичные институты и процессуальные приемы, используемые для такой защиты и реализации, а также процессуальные институты обжалования действий административных органов»[3].

Однако если конституционные механизмы реализации прав и свобод представляют собой последовательность волевых действий самого субъекта как обладателя прав и свобод, то в механизме обеспечения защиты этих объектов, прежде всего, подразумевается деятельность уполномоченных субъектов (органов и должностных лиц).

Теперь рассмотрим достижения административно-правовой науки относительно отраслевых механизмов обеспечения защиты прав граждан. Целесообразно отметить, что в основе научных разработок ученых относительно административно-правовых механизмов обеспечения защиты различных прав

---

[1] Там же, С. 15-17.

[2] Ягудин Р.А. Механизм обеспечения защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / С.-Петерб. гуманитар. ун-т профсоюзов. - Санкт-Петербург, 2004. - С. 18.

[3] Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина: учеб. пособие / Т. М. Резер, Е. В. Кузнецова, М. А. Лихачев / [под общ. ред. Т. М. Резер]; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – С. 9.

лежит теория механизма административно-правового регулирования как их первоосновы[1].

Среди работ, имеющих фундаментальное значение в сфере системы обеспечения безопасности, необходимо выделить монографию А.М. Воронова «Общественная безопасность: административные и информационно-правовые проблемы обеспечения и организации управления», в которой, в частности, рассмотрены вопросы функционирования организационно-правового механизма обеспечения общественной безопасности Российской Федерации, который «не ограничивает свое действие лишь правоохранительной сферой государственного управления и состоит из определенной совокупности экономических, правовых, организационных иных мер по предупреждению и пресечению угроз общественной безопасности и ликвидации последствий их проявлений и органически связан с социально-экономическими, конституционно-правовыми реформами»[2].

В состав административно-правового механизма комплексного противодействия коррупции и собственной безопасности в органах внутренних дел Российской Федерации И.Н. Кошелев включает «правовые средства и управленческие решения, направленные на снижение коррупционных угроз в деятельности органов внутренних дел»[3].

По мнению данного автора, исследуемый механизм воплощается через систему «систему информационного, кадрового, технического, финансового обеспечения, а также систему обеспечения их собственной безопасности»[4]. Эти

---

[1] Веремеенко И.И. Механизм административно-правового регулирования в сфере охраны общественного порядка // Проблемы теории и практики административной ответственности. — М., 1982. — С. 16–23; Коренев А.П. Административное право России. Ч. I. — М., 2000. — 254 с.; Шергин А.П. К концепции механизма административно-правового регулирования // Административное и административно-процессуальное право. — М., 2004. — С. 103 –115.

[2] Воронов А. М. Общественная безопасность: административные и информационно-правовые проблемы обеспечения и организации управления : монография. М. : ВНИИ МВД России, 2004. – С.10.

[3] Кошелев И.Н. Административно-правовой механизм противодействия коррупции и обеспечения собственной безопасности органов внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. - С. 6.

[4] Кошелев И.Н., С. 6.

«ресурсные» элементы также относятся к числу элементов рассматриваемого механизма.

Е.В. Ким под «административно-правовым механизмом обеспечения прав граждан в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций» рассматривает «систему правовых средств воздействия на общественные отношения с целью обеспечения прав граждан при ЧС, которые реализовываются с помощью норм права и актов применения»[1].

При исследовании «административно-правового механизма обеспечения режима функционирования государственной границы Российской Федерации» В.Е. Степенко рассматривает обозначенный механизм через призму государственного управления. Понимая данный механизм как «совокупность административно-правовых средств воздействия на исследуемые общественные отношения»[2], автор в основе этого механизма представляет осуществление в исследуемой сфере управленческой деятельности, под которой понимается «целенаправленная, организующая и распорядительная деятельность субъектов управления, состоящая в непосредственной практической реализации задач и функций государства в области пограничной политики»[3].

Данный автор отмечает, что «содержание и сущность этой деятельности проявляется через ее функциональную направленность. В ходе этой деятельности разрабатываются и принимаются нормативные правовые акты, регулирующую данную сферу, устанавливаются правовые режимы функционирования государственной границы. Также в ходе этой деятельности применяются система специальных средств[4].

---

[1] Ким Е.В. Административно-правовой механизм обеспечения прав граждан Российской Федерации в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Хабаровск, 2012. С. 18-19.

[2] Степенко В.Е. Административно-правовой механизм обеспечения режима функционирования государственной границы Российской Федерации: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.14 / Степенко Валерий Ефремович; [Место защиты: С.-Петерб. ун-т МВД РФ]. - Санкт-Петербург, 2006. - С. 11.

[3] Там же, С. 30.

[44] Там же, С. 31-32.

Н.В. Демченко и Ж.П. Дорофеева сформулировали определение «механизма административно-правового регулирования деятельности полиции по обеспечению транспортной безопасности», основываясь на исследовании регулятивных и охранительных предписаний, на которые направлены на обеспечение названного вида безопасности[1].

Среди задач, которые были поставлены в докторском диссертационном исследовании И.А. Адмираловой, было определение особенностей административно-правового механизма деятельности полиции в сфере обеспечения прав и свобод граждан. В структуру этого механизма автор включает нормативную основу в виде норм административного права, административное правоотношение, правоприменительные акты, а также правовую культуру и правосознание[2].

В структуре данного механизма функционирует и субъект обеспечения прав и свобод граждан – полиция, который имеет внутриорганизационный механизм обеспечения осуществления административной деятельности[3].

Важным компонентом деятельности названного субъекта является реализация административной ответственности, а также наличие правового усмотрения соответствующего должностного лица[4].

Автор отмечает, что в административной деятельности полиции используются регулятивные и охранительные правовые средства, а основным, синтезирующим все выделенные ранее элементы административно-правового механизма является правоприменительный процесс[5].

Однако во многом административно-правовой механизм деятельности полиции в сфере обеспечения прав и свобод граждан во многом отождествляется

---

[1] Демченко Н.В. Административно-правовой механизм регулирования деятельности полиции по обеспечению транспортной безопасности / Н. В. Демченко, Ж. П. Дорофеева // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – № 4(54). – С. 214.

[2] Адмиралова И.А. Административно-правовое обеспечение деятельности полиции по защите и охране прав и свобод граждан: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.14 / Адмиралова Ирина Александровна; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ им. В.Я. Кикотя]. - Москва, 2018. - С. 24-26.

[3] Там же, С. 28.

[4] Там же, С. 32.

[5] Там же, С. 35-36.

автором с механизмом административно-правового регулирования, имеет практически те же самые элементы.

П.В. Дихтиевский рассматривает административно-правовое принуждение в механизме обеспечения личной безопасности в качестве «самостоятельного научного понятия, интегрирующее в себе философские, этические, политические и правовые идеи. Ему присущи своеобразные структуры, цели, задачи, функции»[1].

Представленный данным исследователем механизм теоретически представляется как совокупность четырех блоков. Человек как высший объект защиты относится к первому блоку. Второй блок составляют принципы прав человека. К третьему блоку относятся социальные институты и нормативные установления. В качестве четвертого блока автор определяет процедурно-контрольный блок[2].

П.В. Дихтиевский среди элементов представленного механизма также обозначает его цель, задачи и функции. Под правовым механизмом обеспечения личной безопасности понимается «система ценностей, принципов, а также конституционных, нормативных, процедурно-организационных и контрольных элементов, которые, взаимодействуя, влияют на поведение личности, состояние конституционного порядка и общества»[3].

Исходя из рассмотренных научных представлений о правовом механизме обеспечения (защиты) определенных социальных ценностей, разработанных специалистами в области теории права, конституционного и административного права, следует разграничить его от более широкого понятия как механизм правового регулирования и его подвиды (конституционно-правовой, административно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой и др.).

Вернемся в теорию права и отметим мнение Ю. В. Анохина, который под механизмом государственно-правового обеспечения понимает комплексный процесс воплощения правовых предписаний в реальную действительность.

---

[1] Дихтиевский П.В. Административно-правовое принуждение в механизме обеспечения личной безопасности: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.14 / Моск. ун-т МВД РФ. - Москва, 2004. - С. 12.

[2] Там же, С. 40-41.

[3] Там же, С. 41.

Данным автором выдвинута идея о том, что механизм также внутри себя включает механизмы: функционирует «механизм действия права, включающий механизмы правового регулирования общественных отношений, реализации, охраны и защиты прав и свобод граждан; гарантии обеспечения действия исследуемого механизма (общие и специальные); механизм юридической ответственности»[1].

Представляется, что механизмы обеспечения (реализации) прав граждан на защиту определенных социальных ценностей, в том числе административные, являются своего рода двигателем воплощения в движение правового регулирования, является частным по отношению к общему – механизму административно-правового регулирования. Административно-правовое регулирование как результат имеет определенное упорядочивание и наделение этого упорядочивания определенным правовым свойствам, а механизм административно-правового регулирования запускает, по мнению С.Н. Зайковой, «в действие административно-правовое регулирование в конкретной отрасли или сфере управления – административно-правовой механизм обеспечения (реализации) прав граждан»[2].

Однако все же данный автор не ставил в качестве одной из задач проведения разграничения механизма правового регулирования от его производных механизмов, отметив, что «понятие «административно-правовой механизм», достаточно часто используемое в научной, учебной литературе («административно-правовой механизм управления…», «административно-правовой механизм обеспечения…», «административно-правовой механизм организации…», «административно-правовой механизм защиты…»), не подвергалось отдельному комплексному исследованию»[3].

---

[1] Анохин Ю.В. О теоретических основах структуры механизма государственно-правового обеспечения прав и свобод личности // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2012. - № 2. - С. 41.

[2] Зайкова С.Н. Соотношение понятий «административно-правовой механизм» и «административно-правовое регулирование» // Вестник ВГУ. Серия: Право. - 2021. - № 4 (47). - С. 316.

[33] Зайкова С.Н. Указ. соч., С. 311.

Правовые механизмы, по мнению В.Д. Ардашкина, имеют различные подтипы, в том числе правоохранительный[1].

В другой работе этот автор отмечает, что «юридические механизмы, стержень которых составляет государственное принуждение, есть государственно-правовые охранительные механизмы»[2].

Исходя из изложенного, следует обозначить, что механизм правого регулирования и его подвиды (механизм административно-правового регулирования, механизм уголовно-правового регулирования, механизм гражданско-правового регулирования и др.) следует разграничивать от его производных правовых механизмов – правоохранительных, направленных на обеспечение (реализацию) и защиту прав и свобод граждан, имеющих в качестве средств обеспечения меры принуждения.

Однако следует отметить, В.Д. Ардашкин, определяя свойства («несущие конструкции») правоохранительного механизма, выделяет его подтипы. В зависимости от оснований реализации и заложенных социально-юридических программ последний включает: а) институт ответственности; б) институт защиты; в) институт предупреждения; г) институт процессуального обеспечения»[3].

Представляется, что обозначенные институты выступают в качестве самостоятельных механизмов. Следует отметить, что автор сам институт ответственности называет механизмом («более сложен механизм правовой ответственности»[4].

Исследовав работы ученых теории права, конституционного и административного права о соответствующих механизмах обеспечения прав граждан (как результата проведенного мегаанализа научных работ), логично предположить (и даже считать), что конституционный и административно-правовой механизмы имеют много общего, одну общую основу и во многом

---

[1] Ардашкин В.Д. К теории правоохранительного механизма // Правоведение. - 1988. - № 1. - С. 11–19.

[2] Ардашкин В.Д. Правоохранительный механизм: понятие, структура 4-е изд., перераб. и доп. // Теория государства и права. Сборник статей. - Красноярск, 2004. - С. 117.

[3] Ардашкин В.Д. Правоохранительный механизм… С. 118.

[4] Ардашкин В.Д. Указ. соч., С. 120.

схожую структуру (как показывают научные достижения специалистов из названных отраслей правовой науки). Административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия основывается на конституционно-правовом механизме, на его базовых началах, и является своего рода частью динамичной системы, направленной на обеспечение защиты и реализацию прав граждан от противоправных насильственных проявлений в семье.

Исходя из проведенного изучения научной литературы ученых теории права, конституционного и административного права о правовом регулировании и его механизмов и их подвидах, можно определить, что у них имеются подобные элементы.

Содержащиеся в нормативных правовых актах нормы права, регулирующие общественные отношения в сфере семейно-бытовых отношений, гарантирующих защиту прав граждан от семейного насилия, определяемое как «должное» (объект и предмет регулирования), недостаточны, чтобы предписания реализовывались. Для этого необходимо функционирование целого механизма, который гарантированно переводит «должное» в действительное.

В целях эффективного и результативного регулирования общественных отношений в конкретных сферах, в том числе в рассматриваемой области, функционируют правовые механизмы регулирования, включая административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия.

Для осуществления субъективных прав и обязанностей необходимо наличие дополнительных обязательных элементов этой системы, поскольку без определения ответственности за нарушение предписаний (нарушение должного), других правовых средств публично-правового механизма обеспечения защиты прав граждан, субъектов реализации этого механизма, четкого правоприменительного процесса по обеспечению прав граждан, обеспечения законности в деятельности субъектов публично-правового механизма защиты прав граждан от семейного насилия, невозможно достижение общей цели и решения задач, направленных на обеспечение прав граждан от семейного насилия. Все

вышеизложенное и составляет так называемый цикл «правовое регулирование — правовое обеспечение (защита)».

В основе функционирования административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия расположена совокупность правовых норм, содержащихся в правовых актах различного уровня: международного, федерального, регионального и локального.

Общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации на территории Российской Федерации функционируют на основе статьи 5 Конституции Российской Федерации и федерального закона «О международных договорах»[1].

В соответствии с пунктом 4 статьи 3 ФКЗ № 1 «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд (КС) дает толкование Конституции[2], решения которого в соответствии со статьей 6 обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений.

Позиция Конституционного Суда РФ по вопросу соотношения Конституции и международного права определена в пункте 2.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П, где отмечено, что: «вместе с тем, как следует из Конституции Российской Федерации, ее статей 4 (часть 1), 15 (часть 1) и 79, …, ни Конвенция о защите прав человека и основных свобод как международный договор Российской Федерации, ни основанные на ней правовые позиции Европейского Суда по правам человека, …, не отменяют для российской правовой системы приоритет Конституции Российской Федерации и потому подлежат реализации в рамках этой системы

[1] О международных договорах Российской Федерации; федеральный закон от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 29 ст. 2757.

[2] О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 25 июля 1994 г. № 13 ст. 1447.

только при условии признания высшей юридической силы именно Конституции Российской Федерации»[1].

Кроме того, «в соответствии с частью 4 статьи 5 Конституции РФ решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации»[2].

Правовые акты, гарантирующие защиту прав граждан от семейного насилия более подробно рассматриваются в следующем параграфе.

В нормативных правовых актах определены принципы реализации и защиты прав граждан от семейного насилия, которые отражают сущность и свойства исследуемого механизма. Среди основополагающих идей можно назвать «принцип законности; определение статуса семьи как основообразующей ячейки российского общества; неразглашение сведений из частной семейной жизни; приоритет семейного воспитания детей»[3].

Полному и всестороннему обеспечению прав граждан в семье от насилия могут способствовать и такие принципы как «диалектическая основа семейно-бытовых конфликтов (наличие вины участников конфликта в силу его социальной

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182936/.(дата обращения: 13.06.2025).

[2] Конституционное право России. Учебный курс (Авакьян С.А.) (учебное пособие в двух томах, том второй; издание седьмое, перераб. и доп.). - "Норма: ИНФРА-М", 2021 г. // URL: https://internet.garant.ru/#/document/77204225/paragraph/1878/doclist/4549/1/0/0/Конституционное%20право%20России.%20Учебный%20курс%20Авакьян%20С.А.:2 (дата обращения: 13.06.2025)

[3] Равнюшкин, А.В. О необходимости разработки национальной концепции профилактики семейно-бытового насилия в России / А.В. Равнюшкин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – Т. 27, № 3(82). – С. 226-232. DOI: 10.24412/1999-625X-2021-3-82-226-232. С. 231.

обусловленности и наличия противоречий, в разрушении семейного социально-психологического уклада); комплексная проверка обстоятельств совершения противоправного деяния (преступления или административного правонарушения), основанная на нормах российского законодательства»[1].

Сам факт признания прав граждан в различных сферах общественных отношений явно недостаточен, необходимо обеспечить возможность их защиты как самими гражданами, так и посредством их обращения к субъектам, обладающими необходимой компетенцией. Однако большинство авторов, чьи научные работы были рассмотрены, не учитывают тот факт, что в рассматриваемые правовые механизмы должны быть включены элементы, обеспечивающий надлежащую деятельность субъектов, осуществляющих деятельность по защите прав граждан, в том числе от семейного насилия. Таковыми элементами являются система гарантий по соблюдению законности в деятельности субъектов административно-правового механизма защиты прав граждан от семейного насилия, и система, позволяющая оценить эффективность и результативность функционирования рассматриваемого механизма, прежде всего, его субъектов. Если некоторые авторы (Е.А. Зимин, Т.О. Праницкая, П.В. Дихтиевский) включают в рассматриваемые ими механизмы защиты прав граждан названные гарантии, то большинство авторов данный аспект оставили практически без внимания.

Кроме того, теоретическое и практическое значение имеет полнота и качество реализуемых уполномоченными субъектами мер, направленных на защиту прав граждан, о чем в рассмотренных работах фактически не отмечается. Для этого целесообразно, чтобы были определены критерии оценки эффективности и результативности функционирования механизма, и, прежде всего, его субъектов. Они должны быть установлены вышестоящими субъектами государственного управления этими сферами, в том числе по противодействию актам семейного насилия.

---

[1] Равнюшкин, А.В. Указ. соч., С. 231.

В целях совершенствования законодательства, регулирующего вопросы защиты прав граждан, необходимо предусматривать, чтобы нормативные правовые акты содержали нормы, определяющие систему, обеспечивающую законность, дисциплину, полноту (достаточность) и эффективность функционирования, как самого механизма, так и его непосредственно субъектов. Например, ранее в одном из актов Правительства РФ данный аспект был обозначен в качестве меры по реализации задачи по совершенствованию законодательства в сфере профилактики семейно-бытового насилия. В нем обозначалась такая мера как «проведение мониторинга эффективности реализации мер по профилактике различных форм насилия, в том числе семейно-бытового и сексуального, в отношении женщин и детей в целях оценки масштабов и быстрого реагирования на факты такого насилия»[1].

Однако практического воплощения в жизнь эта мера не получила. В этой связи следует обратить внимание на проект закона 2019 года «О профилактике семейно-бытового насилия»[2], который среди множества других имеет и данный недостаток.

К числу элементов, образующих структуру названного административно-правового механизма, относятся следующие составляющие:

1) субъектный элемент - форма институционализации функционирования публично-правового механизма исследуемого механизма - является система, прежде всего, органов исполнительной власти, а также иных органов, входящих в систему профилактики правонарушений. К числу субъектов, участвующих в реализации защиты прав граждан от семейного насилия, относятся и общественные организации.

---

[1] Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы (утв. распоряжением Правительства РФ от 8 марта 2017 г. № 410-р). URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71524782 (дата обращения: 03.05.2024).

[2] Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия. Обсуждение концепции законопроекта на официальном сайте Совета Федерации, как и было предусмотрено, продолжалось две недели. – Режим доступа: URL: http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/ (дата обращения: 11.03.2025).

2) Основанный на нормах права инструментальный блок. Реализация правоохранительной функции осуществляется с помощью таких инструментов как правовые и неправовые средства (издание на основе конституционных норм подзаконных правовых актов, принятие управленческих решений, имеющих правовые и неправовые формы, воплощающие в себе различные методы, способы и меры воздействия). Среди них можно назвать приказ МВД России от 29 сентября 2022 г. № 715 [1] «Об организационных вопросах профилактики правонарушений в системе МВД России», приказ МВД России об официальном предостережении [2]. Основанные на законах и подзаконных правовых актах средства воплощаются посредством применения определенных мер принудительного воздействия: административно-предупредительных; административных мер пресечения; мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях; мер административного наказания и административно-восстановительных мер. Базовым инструментов защиты прав граждан от семейного насилия является институт административной ответственности.

3) Административно-правовые средства, применяемые в процессуальной и процедурной форме публичного администрирования, в котором обеспечиваются права граждан на защиту от семейного насилия осуществляется согласно нормативно установленному порядку. Определяется порядок развития юридической деятельности субъектов профилактики правонарушений, которая характеризует формально-организованную сторону защиты прав граждан от

[1] Об организационных вопросах профилактики правонарушений в системе МВД России: приказ МВД России от 29 сентября 2022 г. № 715 // URL: https://turov.pro/wp-content/uploads/2020/09/prikaz-mvd-rossii-ot-04_03_2020-n-119-o-nekotoryh-voprosah.pdf (дата посещения: 03.04.2024).

[2] О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения: приказ МВД России от 4 марта 2020 г. № 119 // URL: https://base.garant.ru/74292788/ (дата посещения: 03.04.2024).

семейного насилия. «Процедура – лишь один из логических структурных элементов правового механизма», отмечается Е.В. Бутовой[1].

Рассматриваемый механизм представляет собой комплекс юридических действий, что позволяет считать его процессуально-правовым порядком.

4) Ресурсное обеспечение (материально-технический блок), представляющее собой систему финансово-материального снабжения и использования (здания, сооружения, техника, вооружение, инфраструктура и т.п.), без которого достижение целей правоохранительной функции является нереальным.

5) Система, обеспечивающая гарантии по соблюдению законности в деятельности субъектов административно-правового механизма защиты прав граждан от семейного насилия. К ней относятся правовые гарантии соблюдения законности и органы контроля и надзора, чья деятельность направлена на то, чтобы органы полиции и другие субъекты профилактики надлежащим образом выполняли свои функции защиты прав граждан от семейного насилия;

6) Критерии оценки и оценка эффективности и результативности функционирования рассматриваемого механизма. Важно отметить, что необходимо обеспечить не только действие принципа законности в деятельности субъектов профилактики правонарушений, но и обеспечить высокую эффективность и результативность в достижении целей и задач по защите прав граждан от семейного насилия.

В целом представленные элементы и образуют административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, который является правоохранительным.

---

[1] Бутова, Е.В. Административно-правовой механизм: к вопросу о понятии / Е.В. Бутова // Эволюция государства и права: история и современность: Сборник научных статей II Международной научно-практической конференции, посвященной 25-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета, Курск, 25–27 мая 2017 года / Ответственный редактор С.Г. Емельянов. Том Часть 1. – Курск: ЗАО «Университетская книга», 2017. – С. 179.

Выводы по параграфу

Таким образом, определяется, что обеспечение защиты прав граждан от семейного насилия осуществляется публично-правовыми и иными юридическими механизмами.

Среди публично-правовых механизмов обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия функционирует недостаточно сформированный административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, под которым понимается основанная на нормах конституционного и административного права динамическая система, в которой уполномоченные и иные субъекты осуществляют процедурно-процессуальные и иные действия, направленные на противодействие фактам семейного насилия, привлечения виновных лиц к административной ответственности, защиты прав потерпевших, реализации правовых и социальных гарантий, и также гарантированная правовыми основами и контрольно-надзорными структурами на соблюдение законности в деятельности субъектов обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия.

Предполагается, что обозначенный механизм должен создавать все необходимые условия и гарантировать реализацию административно-правовыми средствами защиту прав граждан от семейного насилия.

Этот механизм рассматривается в качестве правовой категории и элемента концепции, в которой сформулированы представления о том, что в сфере обеспечения прав граждан от семейного насилия в Российской Федерации функционирует недостаточно сформированный административно-правовой механизм.

Этот механизм осуществляется под влиянием социально-экономического, политического, морально-нравственного, религиозного, организационного и иных факторов, обусловливающих в совокупности процесс обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия.

Представленное понятие и элементы административно-правового механизма обеспечения прав граждан на защиту от семейного насилия позволяют более

утонченно взглянуть на рассматриваемый функционирующий механизм, а выделенные его элементы следует рассматривать как не только его составляющие, но и в качестве направлений по его совершенствованию. Каждый их представленных элементов механизма требует дальнейшего научного рассмотрения и проработки в целях совершенствования правового, методического, организационного и иного обеспечения исследуемого механизма и тем самым повышения уровня защищенности граждан и их прав от противоправных насильственных деяний в семье.

§ 2. Административно-правовое регулирование механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия

Правовые основы как совокупность правовых норм реализации административно-правового механизма обеспечения прав граждан на защиту от семейного насилия относятся к числу базового элемента этого механизма, определяющего его сущность и свойства. Д.С. Валиевой и М.В. Пресняковым выделяется такая разновидность сферы безопасности, как юридическую безопасность, которая рассматривается как как безопасность права (правовой системы, позитивного права) с требованиями к качеству закона, как юридическая защищенность правом от различных угроз, что превращает правовую безопасность в части национальной безопасности»[1].

Система правовых норм, содержащихся в нормативных правовых актах и которая регулирует вопросы, связанные с признанием, определением прав и обязанностей в сфере прав граждан от семейного насилия, их защиты, включая организационные и иные аспекты, относится к базовым административно-

[1] Велиева, Д. С. Юридическая безопасность и правовая определенность личности: конституционно-правовой аспект / Д. С. Велиева, М. В. Пресняков // Государство и право. – 2023. – № 6. – С. 24.

правовым средствам административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия.

В юридической науке вопросы систематизации нормативных актов, регулирующих противодействие семейному насилию, традиционно рассматриваются сквозь призму федеративного устройства и иерархии источников права. Однако, как справедливо отмечается в литературе, множественность субъектов правотворчества и разнообразие форм правовых актов порождают сложности в правоприменении, что требует выработки иных классификационных критериев. Представляется, что для целей настоящего исследования целесообразней рассмотреть систему этих актов не по субъекту их издания и масштабу (территории) действия (уровню), а по их целевому предназначению и функциональной роли в механизме защиты прав граждан. Такой подход позволяет выделить пять взаимосвязанных блоков правового регулирования: конституционно-стратегический (целеполагающий), материально-правовой (устанавливающий запреты и обязанности), организационно-функциональный (определяющий систему субъектов), процедурно-процессуальный (регламентирующий порядок деятельности) и гарантийный (обеспечивающий законность). Рассмотрим содержание каждого из названных блоков подробнее.

Первый блок — конституционно-правовые основы и стратегическое целеполагание. Данный блок образуют акты высшей юридической силы и стратегического планирования, которые задают векторы развития всего законодательства о защите от семейного насилия. Первоосновой для обозначенных прав является норма, содержащаяся в статье 21 Конституции РФ, о признании достоинства личности и ее охране государством. Согласно ст. 38 Конституции РФ: материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Эти положения имеют учредительный характер и определяют пределы вмешательства государства в семейную жизнь, а также его обязанность по защите наиболее уязвимых членов семьи.

Развитие конституционных положений получает в документах стратегического характера. К ним относится документы, принятые Президентом

Российской Федерации. Среди них следует выделить ряд документов. Прежде всего, следует отметить Стратегию национальной безопасности [1] (далее — Стратегия), в которой определяются направления по защите общечеловеческих ценностей, базовых и культурных норм, религиозных устоев, института брака и семейных ценностей. В названной стратегии обозначаются происходящие в современном мире изменения, где «насаждается безнравственность и эгоизм, культ насилия, потребления и наслаждения, расширяют сферу влияния сообщества, отрицающие естественное продолжение жизни. Все эти аспекты современного, прежде всего, западного общества, поощряют деструктивное поведение, формируют условия для саморазрушения общества. Традиционные российские ценности, среди которых крепкая семья, нуждаются в дополнительной защите» (п.п. 84-92 Стратегии). Для защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей в п. 93 Стратегии определены задачи, среди которых относится и укрепление института семьи, сохранение традиционных семейных ценностей.

Главой российского государства определены основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских-духовно-нравственных ценностей, среди которых высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд[2].

Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи, реализация потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности, комфортная и безопасная среда для жизни определены Президентом Российской

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 27 (часть II) ст. 5351.

[2] Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации», № 46, 14 ноября 2022 года, статья 7977.

Федерации в качестве национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года[1].

Окончательно верховенство традиционных ценностей в семейной политике России было закреплено в 2020 г. при внесении поправок в Конституцию[2].

Таким образом, конституционные нормы и стратегические документы не только провозглашают ценности, но и определяют границы правотворческой и правоприменительной деятельности, задавая вектор развития отраслевого законодательства.

*Второй блок — материально-правовые нормы, закрепляющие запрет насилия и ответственность за его совершение***.** Данный блок включает акты, в которых нормы права направлены на регулирование прав граждан от совершения актов насилия, включая семейное, и защиту от них. К ним относятся нормы международного, федерального и регионального уровней, устанавливающие стандарты должного поведения и санкции за их нарушение.

Несмотря на приоритет национального законодательства, который был отмечен ранее, нельзя игнорировать международно-правовой компонент, оказавший существенное влияние на формирование отечественных подходов. К числу источников рассматриваемого механизма относится совокупность правовых актов, направленных на защиту прав граждан от насилия в семье, включая нормы международного права, которые Российская Федерация признает. Ряд международных актов направлены на противодействие семейному насилию посредством защиты прав и интересов наиболее уязвимых социальных групп населения: детей, женщин, лиц преклонного возраста, инвалидов. Генеральная Ассамблея ООН является основным субъектом, принимающим основные нормативные документы данного уровня. Среди них следует выделить, например,

---

[1] О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: указ Президента РФ от 7 мая 2024 года № 309 // Собрание законодательства Российской Федерации», № 20, 13 мая 2024 года.

[2] Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 11, 16.03.2020, ст.1416.

«Всеобщую декларацию прав человека» 1948 г.; «Декларацию прав ребёнка» 1959 г.; «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» 1966 г.; Конвенцию ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин («CEDAW», 1979), и другие.

Более конкретные положения содержит Конвенция о правах ребёнка 1989 года, которая обязывает государства «принимать все необходимые законодательные, административные, социальные и просветительные меры с целью защиты ребенка от всех форм физического или психологического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации, включая сексуальное злоупотребление, со стороны родителей, законных опекунов или любого другого лица, заботящегося о ребенке» (ст. 19), закрепляется право каждого ребенка на уровень жизни, необходимый для физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития ребенка [1] (ст. 27), а также запреты на совершение в отношении их насильственных действий (ст. 37). Многие положения этой конвенции нашли правовое закрепление в Семейном Кодексе Российской Федерации.

Отдельно следует остановиться на Пекинской Декларации 1995 г. и Пекинской Платформе Действий 1995 г. Пекинская Декларация 1995 г. направлена на принятие отдельных мер по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин и девочек (п.24), предупреждение и устранение любых форм насилия в отношении женщин и девочек (п.29)[2].

Пекинская Платформа Действий 1995 г. представляет собой повестку дня для расширения возможностей женщин, которой предусмотрено 12 стратегий деятельности для руководящих органов власти в национальных государствах. В ней закреплено понятие «насилие в отношении женщин», обозначена

[1] Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года. // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.

[2] Пекинская декларация Принята четвертой Всемирной конференцией по положению женщин, Пекин, 4–15 сентября 1995 года URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (дата обращения 04.05.2025).

необходимость усиления санкций за семейное насилие на национальном уровне. Кроме того, в ООН разработали рекомендации модельного законодательства о насилии в семье[1]

В соответствии с одной из целей принятия данного закона является цель № 6: создать широкий ряд гибких, неотложных, отвечающих нуждам жертв насилия мер для наказания и предотвращения насилия в семье, обеспечивая в то же время защиту жертв насилия.

На европейском континенте действует другой субъект принятия правовых актов общеевропейского уровня — Совет Европы. Среди его актов следует отметить Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Council of Europe Convention on preventing and combating violence against women and domestic violence — CDCE № 210)[2] и Конвенцию Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений[3], и др.

В тексте первой Конвенции указано, что она подлежит применению ко всем жертвам домашнего насилия. Можно предположить, что из-за идущей дискуссии относительно направленности правового регулирования противодействию насилию и в целях уменьшения влияния так называемых «либеральных» ценностей Российская Федерация не подписала Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием[4].

---

[1] Модельное законодательство о насилии в Семье. Рекомендации ООН 1996. URL: https://a-z.ru/women/texts/zakonr.htm (дата обращения 02.05.2025).

[2] Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием от 11 мая 2011 года. URL: http:// docs.cntd.ru/document/42020676 (дата обращения 04.05.2024).

[3] Ратифицирована федеральным законом от 07.05.2013 № 76-ФЗ «О ратификации Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений». URL: https://docs.cntd.ru/document/499018377?marker.

[4] Статус Конвенции Совета Европы о насилии в отношении женщин. URL: http: // conventions.coe.int/Treaty/ Commun/ QueVoulezVous.asp?NT=210&CM=1&CL=ENG (дата обращения 04.11.2025).

Принято считать, что она является наиболее полной (из юридически обязывающих) среди международных актов по этой проблеме[1]. Ратификация некоторых международных актов могла бы породить у Российской Федерации обязательство принятия на национальном уровне отдельного закона о противодействии семейному насилию.

Однако, как было ранее отмечено, на территории Российской Федерации приоритет имеют нормы Конституции РФ и другие нормативные акты отечественного правотворчества. В Российской Федерации действует ряд федеральных законов, нормы которых предписывают не применять насильственные методы во взаимоотношениях. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[2] закрепляет понятие здоровья.

Нормы Семейного Кодекса РФ (далее — СК РФ) регулируют личные неимущественные и имущественные отношения между членами семьи. Часть 3 статьи 31 СК РФ предписывает, что «супруги обязаны строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи, содействовать благополучию и укреплению семьи, заботиться о благосостоянии и развитии своих детей». Нормой, предусмотренной частью 3 статьи 63 СК РФ, устанавливается, что «родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей. Они обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей». И, наконец, часть 1 статьи 65 СК РФ определяет, что «при осуществлении родительских прав родители не вправе причинять вред физическому и психическому здоровью детей, их нравственному развитию. Способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или эксплуатацию детей». Эти нормы, определяющие поведение в семье, являются базовыми. Наряду с конституционными и международными

[1] Что такое Стамбульская конвенция и почему Турция из нее вышла // URL: https://trends.rbc.ru/trends/social/62fe524f9a7947ccd84bf0ae. дата обращения 04.11.2025).

[2] См. пункт 1 статьи 2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 ноября 2011 г. № 48 ст. 6724.

обозначенные материальные нормы, содержащиеся в СК РФ, в полной мере признают, обозначают и закрепляют права членов семьи, лиц, создавших семью и проживающих в них без государственной регистрации брака, на защиту от насилия со стороны других членов семьи.

Особое место в материально-правовом блоке занимают охранительные нормы, устанавливающие ответственность за нарушение запретов. Нормы-запреты, содержащиеся в УК РФ, КоАП РФ и в законах субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях, содержат описание деяний, совершение которых грозит соответствующим видом юридической ответственности. Среди них имеются и те, которые содержат наказания за совершение насильственных действий виновного в отношении члена семьи, сожителя, проживающего с ним и ведущего совместное хозяйство.

В этой сфере совершаются и менее тяжкие преступления. Помимо преступных деяний в сфере семейно-бытовых отношений совершаются административные правонарушения, предусмотренные статьей 6.1.1 КоАП РФ «Побои». В некоторых субъектах Российской Федерации определенные насильственные действия признаны противоправными в отдельных статьях, в которых устанавливается административная ответственность за совершение действий, «унижающих членов семьи», их «человеческое достоинство», «создание конфликтных ситуаций, сопровождающихся шумом, нецензурной бранью», «за оскорбительное поведение»[1]. Обозначенные правонарушения также причиняют физические и психические страдания[2]. Помимо норм федерального значения к

---

[1] См. ст. 51.7 «Бытовое дебоширство» закона Закон Костромской области от 21 июля 2008 г. № 352-4-ЗКО «Кодекс Костромской области об административных правонарушениях»//https://base.garant.ru/15179441/1b29e13e0ab0b78b9099def314664680/?ysclid=luryv6q248820506075 (дата обращения: 28.03.2024); ст. 1.18 «Семейно-бытовое дебоширство» закона Вологодской области от 8 декабря 2010 г. № 2429-ОЗ «Об административных правонарушениях в Вологодской области». Доступно по адресу: https://base.garant.ru/20363800/57bfd906f1089a3ff29d88ca4bd53072/?ysclid=lurykvgxun32400265 (дата обращения: 19. июля .2024 года); статья 2.18. Создание конфликтных ситуаций в семейно-бытовых отношениях закона Нижегородской области от 24 апреля 2003 года № 34-З «Кодекс Нижегородской области об административных правонарушениях». URL: https://docs.cntd.ru/document/944917687/titles/1IHIDP1 (дата обращения: 19.07.2025).

[2] Постановление от 26 февраля 2015 г. по делу № 4-104/2015. Судебный участок № 33 Нейского судебного района (Костромская область). Доступно по адресу:

нормативным правовым актам, направленным на признание и защиту прав от насилия, в частности, детей, относятся законы регионального уровня[1].

Таким образом, материально-правовой блок создает нормативную основу для квалификации деяний как противоправных и устанавливает меры ответственности, однако эффективность их реализации напрямую зависит от деятельности субъектов профилактики, что требует перехода к анализу следующего блока.

Третий блок — организационно-функциональные нормы, определяющие систему субъектов профилактики и их компетенцию. Данный блок включает акты, определяющие систему профилактики правонарушений, в том числе совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений, их компетенцию, прежде всего, уполномоченных субъектов профилактики. Основным правовым актом такого рода относятся федеральные законы: «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[2], «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»[3] и многие другие.

Несмотря на принятый в 2016 году федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» до настоящего времени остается актуальным мнение П.Н. Кобца о том, что «правовые нормы, регламентирующие предупредительную деятельность, разбросаны по разным

---

https://sudact.ru/magistrate/doc/dyMrF7bgi8dB/?ysclid=lusdv1djez61827674. (дата обращения: 19. июля 2024 года); Решение № 12-1469/2020 от 25 сентября 2020 г. по делу № 12-1469/2020 по судебному участку № 61 УИД 35MS0061-01-2020-003259-29. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6FnDa5Zo1rod/?ysclid=lusdqld3sl604241236 (дата обращения: 20.07.2025).

[1] См., напр.: о мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» в Ханты-Мансийском автономном округе — Юрге: закон Ханты-Манс. авт. окр. — Югры от 10 июля 2009 г. № 109-оз. // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 1-15 июля 2009 г. № 7 (часть1).

[2] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федер. закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // URL: https://base.garant.ru/71428030/ (дата посещения: 02.09.2025).

[3] Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 июня 1999 г. № 26 ст. 3177.

отраслям законодательства и не способствуют консолидации профилактических усилий различных субъектов»[1].

В законах о профилактике правонарушений предусмотрены различные правовые и неправовые средства, которые субъекты профилактики правонарушений применяют при противодействии правонарушениям.

Кроме законов федерального уровня в этот блок включаются и законы субъектов РФ о профилактике правонарушений[2], которые дополняют нормы федерального уровня с учетом региональной специфики. Органы местного самоуправления активно принимают участие в защите прав граждан от правонарушений, включая насильственные, разрабатывают соответствующие программы[3].

В данный блок включаются и правовые акты, определяющие компетенцию правоохранительных и иных государственных органов, а также организаций и учреждений, входящих в эту систему. К примеру, нормативным правовым актом, в котором определена компетенция Министерства внутренних дел Российской Федерации является Положение, утвержденное указом Президента Российской Федерации[4], в котором обозначено, что именно данное министерство как орган

---

[1] Кобец, П. Н. О необходимости совершенствования системы предупреждения преступности в современных условиях / П. Н. Кобец // Научный портал МВД России. – 2010. – № 3(11). – С. 96.

[2] См., напр., О системе профилактики правонарушений в городе Москве: закон г. Москвы от т 19 марта 2008 г. № 14 // Доступ из СПС «Гарант» (дата посещения: 02.05.2024); О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге: закон г. Санкт-Петербурга от 19 марта 2018 года № 124-26 // https://rg.ru/documents/2018/03/21/spb-zakon126-26-reg-dok.html (дата посещения: 02.05.2024), и др.; О профилактике правонарушений: закон Кемеровской области от 2 октября 2012 г. № 95-ОЗ // Доступ из СПС «Гарант» (дата посещения: 02.05.2024).

[3] См., напр., Об утверждении муниципальной программы «Участие в деятельности по профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге» на 2024 год»: постановление местной администрации внутригородского муниципального образования города федерального значения Санкт-Петербурга «Муниципальный округ Г Р А Ж Д А Н К А» от 27 октября 2023 г. № 123-п. URL: http://grajdanka.ru/wp-content/uploads/2023/11/Постан_123-МП-Правонарушения-на-2024-год.pdf (дата посещения: 02.05.2024).

[4] См., напр., Об утверждении муниципальной программы «Участие в деятельности по профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге» на 2024 год»: постановление местной администрации внутригородского муниципального образования города федерального значения Санкт-Петербурга «Муниципальный округ Г Р А Ж Д А Н К А» от 27 октября 2023 г. № 123-п. – URL: http://grajdanka.ru/wp-content/uploads/2023/11/Постан_123-МП-Правонарушения-на-2024-год.pdf (дата посещения: 02.05.2024).

государственного управления в сфере внутренних дел осуществляет руководство органами внутренних дел, разрабатывает и принимает в пределах своей компетенции меры по предупреждению преступлений и административных правонарушений, по выявлению и устранению причин и условий, способствующих их совершению; организует производство по делам об административных правонарушениях, которые отнесены к компетенции органов внутренних дел; и осуществляет другие полномочия. Более конкретизированы полномочия субъектов по профилактике правонарушений в нормативных актах, в которых определяется их правовой статус.

Основным субъектом, выполняющим функции по защите прав граждан от семейного насилия, являются органы полиции, статус которых определен федеральным законом «О полиции»[1], который закрепляет обязанности и права полиции по предупреждению, пресечению и производству по правонарушениям, в том числе совершаемым в отношении лиц, находящихся с виновным в семейно-бытовых отношениях. Приказом МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 утверждено Наставление о несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке, которым детально регламентированы его обязанности по профилактике семейно-бытовых конфликтов, в том числе посещение семей, состоящих на профилактическом учете, проведение бесед, выявление лиц, склонных к совершению насилия. Приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619 регулирует отдельные организационные вопросы деятельности органов внутренних дел по профилактике правонарушений, устанавливая порядок взаимодействия различных служб[2].

---

[1] 30. О полиции: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3 // Собрании законодательства Российской Федерации от 14 февраля 2011 г. № 7 ст. 900.

[2] См., напр., Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан: приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 – Режим доступа: https://mvd.consultant.ru/documents/10495 (дата посещения: 02.05.2024); О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из СПС «Гарант» (дата посещения: 03.05.2024); О некоторых организационных вопросах деятельности

В рамках организационно-функционального блока неподдельный интерес исследователя проблем противодействия семейному насилию вызывает единственный в своем роде закон, принятый на региональном уровне, в котором закреплены правовые нормы о социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергнутых насилию в семье (далее — социально-правовая защита) — закон Архангельской области от 2003 года[1], принятый в целях установления правовых и организационных основ социально-правовой защиты и реабилитации лиц, подвергшихся насилию в семье.

Данный закон регулирует отношения, возникающие в связи с организацией и проведением мероприятий в сфере социально-правовой защиты от рассматриваемого негативного явления. В нем раскрываются такие понятия как семейное насилие и социально-правовая защита, закреплены полномочия органов государственной власти Архангельской области в сфере социально-правовой защиты, определяется уполномоченный исполнительный орган, который наделяется определенными функциями по социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся насилию в семье, а также права органов местного самоуправления и общественных объединений в рассматриваемой сфере.

Именно в этом региональном законе впервые дается легальное определение «социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся насилию в семье — это комплекс мероприятий, осуществляемых органами государственной власти Архангельской области, государственными учреждениями Архангельской области, органами местного самоуправления муниципальных образований Архангельской области (далее — органы местного самоуправления), муниципальными учреждениями, общественными объединениями, направленных на предупреждение возникновения угрозы применения насилия или случаев

органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений: приказ МВД России от 24 августа 2023 г. № 619. Доступ из СПС «Гарант» (дата посещения: 03.05.2024).

[1] О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся насилию в семье: закон Архангельской области от 3 июня 2003 г. № 171-22-ОЗ // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов третьего созыва от 3-4 июня 2003 г. № 22.

применения насилия в семье, предусматривающих социальную и правовую поддержку лиц, подвергшихся насилию в семье, их реабилитацию, содействие нормализации отношений в семьях данных лиц»[1] (пункт 2 части 1 статьи 1 закона).

Уполномоченным исполнительным органом государственной власти Архангельской области по социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся насилию в семье, является Министерство труда, занятости и социального развития Архангельской области[2], которое осуществляет организационные (организация мероприятий в сфере социально-правовой защиты, организация выявления и учета семей, в которых имеют место угроза применения насилия или случаи применения насилия и др.), методические и координационные полномочия в рассматриваемой сфере. Также данным законом определены полномочия иных уполномоченных исполнительных органов государственной власти Архангельской области (в сфере охраны здоровья, в сфере молодежной политики, иных исполнительных органов).

Следует отметить, что в данном законе отсутствуют положения, которые вызывают резкую критику большей части населения нашей страны. Если в проекте закона «О профилактике семейно-бытового насилия»[3], общественным объединениям и иным некоммерческим организациям в осуществлении деятельности в сфере профилактики семейно-бытового насилия предоставлялось право принимать участие в выявлении причин и условий совершения семейно-бытового насилия и их устранении (пункт 1 статья 16), и принимать участие в индивидуальной профилактической работе с нарушителями посредством применения форм профилактического воздействия (пункт 4 статья 16), то в рассматриваемом законе их нет. В законе Архангельской области «общественным

---

[1] О социально-правовой защите и реабилитации лиц…

[2] Об утверждении Положения о министерстве труда, занятости и социального развития Архангельской области: постановление Правительства Архангельской области от 27.03.2012 г. № 117-пп // газета «Волна» от 10 апреля 2012 г. № 14 (1249).

[3] Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия. Обсуждение концепции законопроекта на официальном сайте Совета Федерации, как и было предусмотрено, продолжалось две недели. – URL: http://council.gov.ru/services/discussions/ themes/110611/ (дата обращения: 31.10.2024).

объединениям в пределах своей компетенции в соответствии с их уставами предоставляется право вносить в исполнительные органы государственной власти Архангельской области и органы местного самоуправления предложения по осуществлению мероприятий в сфере социально-правовой защиты (пункт 1 части 3 статьи 5) и оказывать содействие исполнительным органам государственной власти Архангельской области, органам местного самоуправления в осуществлении мероприятий в сфере социально-правовой защиты»[1] (пункт 1 части 3 статьи 5).

Думается, что данных прав общественным организациям вполне достаточно, чтобы участвовать в сфере социально-правовой защиты и реабилитации лиц, подвергшихся насилию в семье. Кроме того, исключается возможность общественным объединениям самовольно и неконтролируемо вмешиваться в частную жизнь семей, проводить индивидуальную профилактическую работу с нарушителями посредством применения форм профилактического воздействия.

К сожалению, подобного рода законы в других субъектах Российской Федерации не были приняты. Стоит только отметить внесение в 2006 году отдельных дополнений в закон Ярославской области от 03.11.2005 г. № 60-з «О социальном обслуживании населения Ярославской области»[2] посредством включения статьи 22(1) «Социально-правовая защита и реабилитация лиц, подвергшихся насилию в семье», в содержании которой отражена лишь малая часть того, что имеется в рассмотренном законе Архангельской области. В данной статье «социально-правовая защита и реабилитация лиц, подвергшихся насилию в семье, ограничивалась предоставлением им социального обслуживания. Интересен факт, что частью 5 рассматриваемой статьи на такие субъекты как органы и учреждения здравоохранения и образования, а также органы внутренних

---

[1] О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся насилию в семье: закон Архангельской области от 3 июня 2003 г. № 171-22-ОЗ // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов третьего созыва от 3-4 июня 2003 г. № 22.

[2] О внесении изменений в закон Ярославской области «О социальном обслуживании населения Ярославской области»: закон Ярославской области от 5 мая 2006 г. № 22-з (утратил силу с 1 января 2015 года на основании Закона ЯО от 15 октября 2014 г. № 50-з).

дел в соответствии со своей компетенцией, возлагалось то, что они: 1) участвуют в работе по выявлению лиц, подвергшихся насилию в семье; 2) способствуют ликвидации причин и условий проявления насилия в семье; 3) осуществляют информирование органов социальной защиты населения и учреждений социального обслуживания населения о фактах насилия в семье; 4) содействуют направлению граждан в учреждения социальной защиты населения для оказания им необходимой социально-правовой защиты и реабилитации». Относительно органов внутренних дел следует отметить, что это была попытка законом субъекта Российской Федерации возложить на них дополнительные полномочия. Возможно по этой причине с 1 января 2015 года на основании закона Ярославской области от 15 октября 2014 г. № 50-з данный закон был отменен.

Таким образом, организационно-функциональный блок, несмотря на его значительный объем и детальную регламентацию деятельности различных субъектов, характеризуется разрозненностью и отсутствием единого координирующего центра, что негативно сказывается на эффективности профилактической работы.

*Четвертый блок — процедурно-процессуальные нормы, регламентирующие порядок реализации защиты***.** Данный блок образовывается из совокупности правовых актов, регламентирующих порядок осуществления процедурных и процессуальных действий, производств, в том числе осуществляемых в связи с совершенными административными правонарушениями, применения мер убеждения и принуждения. Этот блок включает в себя нормы законов (КоАП РФ, закона «О полиции» и др.), но и акты ведомственного уровня (например, приказы МВД России[1]).

[1] См., напр., Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан: приказ МВД России от 30 апреля 2012 г. № 389 – Режим доступа: https://mvd.consultant.ru/documents/10495 (дата посещения: 02.05.2024); О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из СПС «Гарант» (дата посещения: 03.05.2024); О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений: приказ

Процессуальные нормы, на основе которых построен сам процесс, являются самостоятельными по отношению к материальным нормам. Однако это не исключает производную, служебную роль процесса по отношению к материальному праву. В отличие от процесса, процедурное производство, как правило, осуществляется в одном государственном органе, который принимает одно правоприменительное решение по существу вопроса. Известные деления юридических процедур на стадии включают в качестве стадий практически единичные действия её участников.

Т.В. Соколов отмечает, что «в юридических процедурах выделяется две группы субъектов (и, соответственно, функций их участников) (например: физическое или юридическое лицо, их объединения) и орган государственной власти, государственный орган или их должностные лица, рассматривающие правоприменительное дело первого (например, различные процедуры лицензирования, аккредитации, таможенного контроля и т.д.)»[1].

Группа авторов отмечает, что «под административной процедурой понимается урегулированный административно-процессуальными нормами специальный порядок осуществления органом государственного управления деятельности (производства) по разрешению подведомственной ему категории однородных индивидуально-конкретных дел либо совершения этим органом иных юридически значимых (административно-правовых) действий вне рамок каких-либо административных производств»[2].

В деятельности полиции осуществляются административные процедуры организационного характера (внепроцессуальные, управленческие процедуры, например разработка плана проведения оперативно-профилактических мероприятий), которые оформляются в виде приказа или распоряжения

МВД России от 24 августа 2023 г. № 619. Доступ из СПС «Гарант» (дата посещения: 03.05.2024).

[1] Соколов Т.В. Процесс vs. процедура: Синонимичные понятия или различные правовые явления? (теоретические аспекты) // Юридические записки. - 2014. - №2. - С. 33.

[2] Административно-процессуальное право: учебник / Ю. В. Бажукова, А. И. Каплунов, В.А. Кудин [и др.]; под редакцией А.И. Каплунова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. С. 10.

руководителя ОВД, и процессуальные, которые регламентируются процессуальным законодательством (например, действия должностных лиц при производстве по делам об административных правонарушениях). К числу административных процедур, применяемых органами полиции, относятся «такие меры, как доставление, административное задержание, отстранение от управления транспортным средством, привод, изъятие вещей и документов, а также ряд иных мер, предназначение которых заключается в достижении различных правоохранительных целей. Такие меры направлены также на недопущение доведения административного правонарушения»[1].

Порядок применения отдельных из этих процедур регламентируется на ведомственном уровне[2].

Важное значение для урегулирования семейных конфликтов имеет федеральный закон, предусматривающий проведение процедуры медиации между сторонами семейного конфликта[3]. Медиация позволяет разрешить спор без доведения ситуации до административного или уголовного преследования, что соответствует охранительной направленности семейного законодательства и принципу невмешательства в дела семьи, однако практика применения медиации в семейно-бытовых конфликтах, сопряженных с насилием, остается ограниченной в силу как психологических особенностей жертв, так и отсутствия специализированных медиаторов.

Следует отметить, что процедурно-процессуальный блок является наименее разработанным с точки зрения специализации применительно к семейному насилию. Общие процедуры КоАП РФ не учитывают специфики семейно-

---

[1] Темботов Р.А. Административные процедуры в деятельности полиции // Образование и право. - 2023. - №9. - С. 258.

[2] См. напр., Об утверждении Порядка доставления лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, в медицинские организации или специализированные организации либо в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции: приказ МВД России от 13.04.2021 г. № 212 // Официальный интернет-портал правовой информации" (www.pravo.gov.ru) 7 июня 2021 г. № 0001202106070017. (дата обращения 04.12.2025).

[3] Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 августа 2010 г. № 31 ст. 4162.

бытовых отношений: особого статуса потерпевшего (как правило, находящегося в материальной или психологической зависимости от нарушителя), необходимости быстрого реагирования, возможности примирения сторон. Отсутствие специальных процедурных гарантий для жертв семейного насилия, таких как вынесение защитных предписаний (охранных ордеров), является существенным пробелом административно-правового регулирования.

*Пятый блок — гарантийные нормы, обеспечивающие законность деятельности субъектов профилактики***.** Данный блок представляет собой совокупность правовых актов, направленных на обеспечение законности осуществления субъектами профилактики своих полномочий, выступающих своего рода гарантиями законной деятельности государственных и иных органов и должностных лиц, осуществляющих деятельность по защите прав граждан от семейного насилия. К их числу относятся нормы федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации»[1], КоАП РФ об обжаловании постановлений по делам об административных правонарушениях, нормы КАС РФ[2] об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, и иные.

К данному блоку нормативных правовых актов относятся те, которые регламентируют статус и деятельность органов контроля и надзора. Об «императивности сохранения высоких стандартов требовательности к публично-властным субъектам в части соблюдения конституционно-правовых гарантий индивида, а также к обеспечению режима законности в их деятельности» отмечается в научной работе А.В. Мартынова и В.В. Черникова[3]. Авторы

---

[1] О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федер. закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 8 мая 2006 г. № 19, ст. 2060.

[2] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: федер. закон от 8 августа 2015 г. № 21-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации от 9 марта 2015 г. № 10 ст. 1391.

[3] Мартынов А.В. Черников В.В. Государственный контроль как средство защиты прав и свобод человека и гражданина (на примере деятельности Уполномоченного по правам человека

анализируют трансформацию парадигмы государственно-контрольной деятельности в контексте современных аксиологических приоритетов российской правовой системы, фокусируясь на методологическом дуализме властно-принудительного и правообеспечительного аспектов контрольно-надзорных функций. А.В. Мартынов отмечает, что «эффективность государственного управления обеспечивается средствами контроля и надзора, позволяющими выявлять недостатки и упущения в деятельности различных субъектов, наделенных полномочиями по решению вопросов в установленной сфере деятельности»[1].

Органы прокуратуры осуществляют надзор как за содержанием принимаемых законодательными органами и органами, обладающими правом законодательной инициативы, актов (статья 21 ФЗ «О прокуратуре»[2], так и за деятельностью субъектов правоприменения. Предметом прокурорского надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, в том числе при осуществлении профилактической деятельности, что создает дополнительные гарантии для лиц, пострадавших от семейного насилия. Некоторая схожесть осуществления контроля (властно-принудительного и правообеспечительного аспектов контрольно-надзорных функций) наблюдается и со стороны Уполномоченного по правам человека.

Нормами федерального закона «Об общественном контроле»[3] регламентируется осуществление общественного контроля в сфере общественной безопасности и правопорядка, за деятельностью полиции на основании нормы, предусмотренной частью 1 статьи 50 ФЗ «О полиции».

в Российской Федерации) // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). - 2025. - № 53 (127) - С. 113.

[1] Мартынов, А. В. Контроль и надзор в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / А. В. Мартынов // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 11(99). – С. 51.

[2] О прокуратуре Российской Федерации: федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 20 февраля 1992 г., № 8, ст. 366.

[3] Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 28 июля 2014 г. № 30 (часть I) ст. 4213.

Общественные наблюдательные комиссии и иные субъекты общественного контроля вправе осуществлять мониторинг деятельности органов внутренних дел, в том числе в части реагирования на сообщения о семейном насилии, что способствует повышению открытости и подотчетности правоохранительной системы.

Таким образом, рассмотренные правовые акты представляют собой единую взаимосвязанную систему, с помощью которой создан и функционирует административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия. Если в нормах первого блока установлены конституционно-правовые основы и стратегическое целеполагание (базовые основы и векторы развития), второго блока — представлены материально-правовые нормы, закрепляющие запрет насилия (специальные отраслевые нормы и охранительные нормы), третьего — организационно-функциональные, определяющие систему субъектов и их функции, четвертого — процедурно-процессуальные нормы, определяющие порядок реализации защиты, то в пятом блоке представлены гарантийные нормы, направленные на обеспечение законности.

Однако множественность правовых актов, регулирующих вопросы прав граждан от семейного насилия и способы защиты от него, полномочия и деятельность субъектов государственной системы профилактики в данной сфере и иных лиц, вызывает некоторые сложности в понимании уровня административно-правового регулирования и состояния степени защищенности граждан. В Российской Федерации муссируется вопрос о необходимости разработки и принятия федерального закона «О профилактике семейного насилия», который содержал бы больший перечень правовых средств противодействия актам семейного насилия.

Имеется и иная позиция. Так, С.А. Буткевич считает, что «особенности методов предупреждения преступлений (профилактики правонарушений) в той или иной сфере жизнедеятельности общества должны находить отражение не в федеральных законах и законах субъектов Российской Федерации, а лишь в соответствующих ведомственных, региональных или муниципальных целевых

программах (например, по профилактике наркомании, токсикомании и алкоголизма)[1].

Другая позиция более радикальная. В статье А.И. Овчинникова «Политика государства и ее стратегические приоритеты в сфере профилактики семейного насилия» отмечено, что «дополнительных нормативных актов в сфере профилактики семейно-бытового насилия, по общему мнению участников, не требуется, так как достаточно доработки и эффективной реализации тех правовых норм, которые уже существуют и на сегодняшний день способны как предупредить случаи семейно-бытового насилия, так и защитить их жертвы»[2].

Далее автором обозначается, что «современные нормы, уже направленные на профилактику семейно-бытового насилия, содержатся в статьях УК РФ, УПК РФ, Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, Семейного кодекса РФ, Федерального закона от 3 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», региональных законодательных актов, многочисленных подзаконных актов»[3].

Имеется и иное мнение относительно развития законодательства о профилактике семейного насилия. В.П. Очередько и В.С. Харламов предлагают «консолидировать криминофамилистическое законодательство в систему нормативных актов, образующих в совокупности юридическую базу для реагирования на семейную преступность»[4], однако механизм его не обозначают. Будет ли такая консолидация на практике видоизменять объединяемые правовые нормы? По мнению Т.В. Кашаниной, «консолидация — это объединение

---

[1] Буткевич С. А. Предупреждение преступлений: методология, теория и правовые основы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 2. – С. 133.

[2] Овчинников А.И. Правовая Политика государства и ее стратегические приоритеты в сфере профилактики семейного насилия // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. - 2020. - №1. - С. 127.

[3] [3] Овчинников А.И. Указ. слч., С. 127.

[4] Очередько В.П, Харламов В.С. Нормативно-правовое регулирование противодействия семейному насилию в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2016. - №3 (71). - С. 131.

множества правовых актов по одному или нескольким смежным вопросам в один новый правовой акт. Примером консолидированного нормативного акта является федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах», объединяющий несколько сотен нормативных актов, устанавливавших социальные льготы для этой категории граждан. Авторы Закона выстроили материал по очень простой схеме: определили категории ветеранов и перечислили меры социальной поддержки для каждой категории. Закон был создан достаточно быстро и существенно облегчил ветеранам пользование нормами права»[1]. Далее данный автор обозначает, что консолидация осуществляется в отношении быстро меняющихся сфер общественной жизни: там, где жизнь требует незамедлительного совершенствования норм права, их уточнения, изменения, отмены (сфера образования, информационных технологий и т. п.)[2].

В отечественной юридической науке идет дискуссия по поводу самостоятельности такой формы систематизации правовых актов. По мнению В.П. Реутова и А.В. Ванькова, консолидировать нормы без изменения их содержания невозможно: «учитывая динамичность современного российского законодательства, сложно представить, как на практике создавать нормативные правовые акты, которые признавали бы ранее действовавшие правовые предписания утратившими силу и вводили их в действие в виде единого укрупненного акта совершенно без изменения содержания»[3].

Проблематично будет осуществить объединение норм в ходе консолидации без какого-либо изменения и дополнения их содержания, просто механически соединить их в текст нового нормативного акта будет сложно или невозможно. С точки зрения В.П. Реутова и А.В. Ванькова, «понятие консолидации как формы систематизации российского законодательства является во многом теоретической конструкцией мало пригодной для современного правотворчества. Консолидация

---

[1] Кашанина Т.В. Юридическая техника: Учебник. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. С. 355-356.

[2] Там же, С. 356.

[3] Реутов В.П. Ваньков А.В. К вопросу о консолидации как форме систематизации законодательства // Право и современные государства. - 2013. - №3. - С. 18.

выступает лишь как технический прием при подготовке нового нормативного акта, но отнюдь не как самостоятельный вид систематизации»[1].

Действительно, консолидация как технический прием объединения однородных норм, регулирующих ту или иную сферу общественных отношений, по которым не проведена кодификация, является скорее промежуточным этапом в правотворчестве, при разработке национальной концепции по профилактике семейного насилия. А как конечный результат консолидация воплощается в виде создания справочных правовых систем. По мнению С.В. Бахвалова, «справочные правовые системы на текущем уровне развития создают основу для проведения новых кодификаций, а также позволяют совершенствовать действующие кодексы посредством осуществления учета, инкорпорации и консолидации правовых актов»[2].

Выводы по параграфу

Таким образом, исследование показывает, что современная система административно-правового регулирования противодействия семейному насилию в Российской Федерации характеризуется дуализмом: при формальном наличии обширной федеральной базы (законы о профилактике правонарушений, КоАП РФ и др.) ключевые функции по конкретизации правозащитного механизма, введению специализированных мер поддержки и восполнению пробелов вынужденно реализуются на региональном уровне. Уникальный, не имеющий аналогов в иных субъектах Российской Федерации, опыт Архангельской области по принятию закона «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся насилию в семье» (2003 г.) демонстрирует объективную потребность в институционализации специальных административно-правовых и социальных мер, выходящих за рамки общей профилактики правонарушений, и подтверждает возможность создания эффективного правового механизма, не конфликтующего с традиционными ценностями.

---

[1] Реутов В.П. Ваньков А.В. Указ. соч., С. 20.

[2] Бахвалов С.В. О развитии справочных правовых систем и перспективах кодификации // Кодификация законодательства: теория, практика, техника: Материалы международной научно-практической конференции (Нижний Новгород, 25-26 сентября 2008 года). Н. Новгород: Изд-во Нижегор. Акад. МВД России, 2009. С. 282

В условиях отсутствия комплексного федерального акта, регламентирующего основы социально-правовой защиты граждан от семейного насилия, субъекты Российской Федерации вправе самостоятельно восполнять данный пробел в рамках своих конституционных полномочий.

В целом следует согласиться с мнением Ю. И. Попугаева и В. А. Струкова о видах административных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений, но их предложение о включении в КоАП РФ административной ответственности в виде ст. 6.1.2 «Совершение насилия в семье, не причинившего физическую боль, невыполнение защитного предписания или непрохождение специальной коррекционной программы», вызывает некоторые сомнения.[1] Авторы предлагают негативную характеристику данного состава («насилие, не причинившее физическую боль»). Думается, что целесообразно раскрыть свойства психического насилия, носящего противоправный характер.

Необходимо повысить профилактический эффект актам семейного насилия посредством вмешательства субъектов противодействия семейному насилию на самой ранней стадии развития семейно-бытового конфликта. Для этого целесообразно создать в КоАП РФ связанную систему норм: ст. 6.1.1 (физическое насилие без причинения вреда здоровью, физическая боль) - ст. 6.1.2 (психологическое насилие, угрозы) - соответствующие статьи УК РФ (тяжкие последствия, реальные угрозы убийством).

Это позволило бы создать комплексный и эффективный административно-правовой инструментарий для противодействия семейному насилию во всех его проявлениях, дать правовую оценку массиву деструктивного поведения в семье, который существует в нерегулируемой правом сфере, вне права.

При обеспечении защиты граждан от семейного насилия доминирует карательный подход над превентивным и правозащитным. Это обусловлено и по причине недостаточного количества действующих видов административно-правовых средств, прежде всего, административно-предупредительных и

[1] Струков В.А. Административные правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений: потенциальные новеллы КоАП РФ и их характеристика / Ю. И. Попугаев, В. А. Струков // Административное право и процесс. – 2022. – № 10. – С. 42-45.

охранных. Правовые акты, регламентирующие деятельность полиции и иных субъектов профилактики, содержат широкий арсенал мер административного пресечения (доставление, задержание, привод) и наказания, однако законодательно и процедурно не предусматривает применение срочных защитных предписаний и охранных ордеров в отношении жертвы и не создают эффективного механизма индивидуальной профилактической работы с нарушителем, действующего независимо от волеизъявления потерпевшего, что существенно снижает результативность публично-правовой защиты.

В целях устранения имеющегося дисбаланса превентивных и карательных административно-правовых средств противодействия семейному насилию и усиления социально-правовых гарантий защиты жертв этого насилия предлагается включить на законодательном уровне административно-предупредительные и охранные административно-правовые средства (срочные защитные предписания и охранные ордера).

§ 3. Субъекты административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия: понятие, система и классификация

Административно-правовой механизм обеспечения прав граждан на защиту от семейного насилия не может функционировать без его субъектов. Именно субъектный элемент этого механизма воплощает в реальность закрепленные в Конституции Российской Федерации и иных нормативных правовых актах права граждан в сфере семейных отношений, основанных на взаимоуважении и взаимопомощи. Реализация различных мер, направленных на противодействие насилию, призвана обеспечить безопасность общества, укрепить нравственные и патриотические основы, создать благоприятные условия для развития социальных институтов. Актуальность исследования субъектного состава продиктована и теми

угрозами, которые обозначены в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [1], в которой среди угроз традиционным российским духовно-нравственным ценностям названы пропаганда вседозволенности, безнравственности, эгоизма и культ насилия. В этих условиях крепкая семья как традиционная ценность нуждается в дополнительной защите, что требует эффективного функционирования всего механизма, включая его субъектную составляющую.

Однако внутриорганизационное функционирование системы профилактики правонарушений в Российской Федерации, равно как и более широкого механизма защиты от семейного насилия, не является однородным. Более того, в нормативных правовых актах отсутствует легальное определение субъектов, осуществляющих противодействие именно актам семейного насилия в рамках административно-правового механизма. В связи с этим первостепенное значение приобретает вопрос о соотношении понятий «субъект профилактики правонарушений» (закрепленного в Федеральном законе № 182-ФЗ) и «субъект административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия», а также о научно обоснованной классификации последних.

Вопрос о соотношение понятий «субъект профилактики правонарушений» и «субъект административно-правового механизма защиты от семейного насилия» не должен остаться без нашего научного фокусирования.

Основополагающим нормативным актом, определяющим контуры профилактической деятельности, является федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [2] (далее - ФЗ № 182). В пункте 1 статьи 6 названного закона определены основные направления профилактики правонарушений, среди

---

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утверждена указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. № 27 (часть II) ст. 5351.

[2] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральный законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 июня 2016 г. № 26 (часть I) ст. 3851.

которых — защита личности, общества и государства от противоправных посягательств; предупреждение правонарушений; развитие системы профилактического учета; предупреждение безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних; повышение уровня правовой грамотности граждан. Данные направления имеют непосредственное отношение и к сфере противодействия семейному насилию. Из смысла закона следует, что средства реализации этих направлений носят перманентный характер, охватывая не только предупреждение, но и выявление, и пресечение правонарушений, а также работу с пострадавшими.

Законодатель относит к субъектам профилактики правонарушений федеральные органы исполнительной власти; органы прокуратуры; следственные органы Следственного комитета; органы государственной власти субъектов РФ; органы местного самоуправления [1]. Эти органы можно назвать публичными (основными) субъектами профилактики. Иные, неспециализированные субъекты (общественные объединения, граждане) имеют право участвовать в профилактике.

В научной литературе встречаются различные подходы к определению системы профилактики. Так, А.Н. Головкина понимает под государственной системой профилактики «систему государственных органов власти, органов местного самоуправления, бизнес-сообществ, общественных формирований и граждан, осуществляющих комплекс программно-целевых мер» [2]. С такой широкой трактовкой сложно согласиться в части включения в государственную систему негосударственных субъектов, которые не наделены властными полномочиями по применению мер воздействия. Их корректнее определять как участников системы профилактики.

Анализ научных подходов показывает, что исследователи рассматривают субъектов профилактики по-разному: как простой перечень органов, как

---

[1] Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 июня 2016 г. N 26 (часть I) ст. 3851.

[2] Головкина А.Г. Государственная система профилактики правонарушений в современной России: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Головкина Анастасия Геннадьевна; [Место защиты: Ин-т междунар. права и экономомики им. А.С. Грибоедова]. - Москва, 2011. - С. 9.

совокупность, объединенную общей функцией[1], либо как сложное системное образование. Важно отметить, что большинство работ посвящено либо отдельным субъектам[2], либо субъектам отдельных направлений профилактики (несовершеннолетних, коррупции, миграции)[3].

Для целей настоящего исследования принципиальное значение имеет разграничение понятий. Субъект профилактики правонарушений — понятие более узкое, закрепленное в ФЗ № 182 и ориентированное преимущественно на предупреждение противоправных деяний. Субъект административно-правового механизма обеспечения прав граждан на защиту от семейного насилия — понятие более широкое. Оно включает в себя не только субъектов профилактики (в смысле ФЗ № 182), но и иных лиц и органы, чья деятельность охватывает все этапы противодействия: от выявления и пресечения актов насилия и привлечения виновных к ответственности до постпенитенциарной работы, реабилитации жертв, а также экспертно-аналитической деятельности, направленной на совершенствование самого механизма.

---

[1] Кобец П.Н. О необходимости совершенствования системы предупреждения преступности в современных условиях // Научный портал МВД России. — 2010. — № 3(11). — С. 94, 96

[2] См., напр., Аносов, А. В. Органы внутренних дел как субъект программно-целевого планирования в системе региональной профилактики правонарушений / А. В. Аносов // Государственное управление в правоохранительной сфере: Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Москва, 09 ноября 2023 года. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. – С. 19-25; Бекетов, О. И. Органы внутренних дел (полиция) как субъект многоуровневой системы профилактики правонарушений / О. И. Бекетов, Ю. В. Давыдов // Современные проблемы административного и полицейского права. – Омск: Омская юридическая академия, 2013. – С. 30-40, и др.

[3] См., напр., Глотов, Д.С. Профилактика коррупционных правонарушений в органах исполнительной власти субъекта Российской Федерации / Д. С. Глотов, Ю. В. Зонтов // Экономическая безопасность социально-экономических систем: вызовы и возможности: Сборник научных трудов международной научно-практической конференции, Белгород, 19 апреля 2018 года / Ответственный редактор Е.А. Стрябкова. – Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2018. – С. 17-19; Гинцяк, Л. Ф. Субъекты профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних / Л. Ф. Гинцяк, В.Н. Ильченко. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2018. – 141 с.; Коренюгин, В.В. О профилактике миграционных правонарушений в деятельности хозяйствующих субъектов / В. В. Коренюгин, А.В. Капранов, В.В. Куреев // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 1(96). – С. 23-30, и др.

Как справедливо отмечает М.Ю. Воронин, совокупность субъектов профилактики является частью фундамента системы профилактики административных правонарушений[1].

В.И. Майоров подчеркивает, что значительный вклад в профилактическую деятельность вносит наука административного права, хотя большее внимание традиционно уделяется криминологическим и уголовно-правовым аспектам[2].

Это еще раз подтверждает необходимость выработки комплексного, административно-правового взгляда на субъектный состав.

Рассмотрим теоретические подходы к классификации субъектов профилактики.

В науке сложились два основных подхода к пониманию совокупности субъектов профилактики: как простой суммы органов и как целостного системного образования.

Представители первого подхода (Р.В. Жубрин, П.Н. Кобец) рассматривают субъектов как круг органов, реализующих предупредительную деятельность в рамках своей компетенции. Р.В. Жубрин выделяет элементы предупредительной деятельности (субъекты, объекты, принципы), перечисляя субъектов[3].

П.Н. Кобец, классифицируя субъектов, отмечает, что общим для них является то, что функция предупреждения преступности для них — основная или профилирующая [4] . При этом, по его мнению, «процесс предупреждения преступлений — сложный комплекс мер упреждающего воздействия», а «система

---

[1] Воронин М.Ю. Правовые основы формирования системы профилактики административных правонарушений // Труды Академии управления МВД России. - 2016. - № 4 (40). - С. 11.

[2] Майоров, В. И. Административно-правовые меры противодействия преступности как объект исследования и их роль в научном обеспечении предупредительной деятельности субъектов профилактики / В. И. Майоров // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2019. – № 1(12). – С. 10.

[3] Жубрин Р.В. Предупреждение преступности на современном этапе развития российского общества: понятие, содержание, принципы // Всероссийский криминологический журнал. - 2016. - № 4, - Т. 10, - № 4. - С. 631.

[4] Кобец П.Н. О субъектах предупреждения преступности // Символ науки. - 2015. - № 9-2. - С. 108.

предупреждения преступлений многоаспектна»[1]. Однако четкого системного анализа он не дает.

На сложности в организации профилактики указывает и А.В. Виноградов, связывая их с «деградацией социальных институтов» и ослаблением механизмов контроля[2].

Представители второго подхода настаивают на системном характере совокупности субъектов. Т.П. Папкова определяет систему предупреждения преступлений несовершеннолетних как «сложный и многоуровневый комплекс взаимосвязанных и взаимодействующих элементов»[3].

Д.З. Зиядова и Н.К. Магомедов даже предлагают организационно объединить все структуры по профилактике преступности несовершеннолетних в единую службу[4].

А.А. Беженцев справедливо отмечает, что характеристика субъектов как элементов системы зависит от направления их деятельности, задач, территориальной и ведомственной специфики, а также уровня взаимодействия с другими элементами[5].

Наиболее детальную, многоуровневую классификацию субъектов профилактики административных правонарушений предложили А.А. Беженцев и Т.А. Петров. Они представляют систему в виде ряда профилактических комплексов и выделяют следующие уровни[6]:

---

[1] Кобец, П. Н. О необходимости совершенствования системы предупреждения преступности в современных условиях / П. Н. Кобец // Научный портал МВД России. – 2010. – № 3(11). – С. 96.

[2] Виноградов А. В. Принципы современной уголовной политики России в отношении несовершеннолетних правонарушителей // Труды Академии управления МВД России. - 2015. - № 2 (34). - С.118.

[3] Папкова Т. П. Совершенствование системы предупреждения преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук / Т. П. Папкова. – М., 2003. – С .9.

[4] Зиядова Д.З., Магомедов Н.К. Проблемы профилактики преступлений против личности, совершаемых несовершеннолетними по мотивам политической идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы // Юридический вестник ДГУ. 2012. № 3. С. 101.

[5] Беженцев А.А., Петров Т.А. Профилактика административных правонарушений: характеристика системы и взаимодействие субъектов // Закон и право. - 2022. - № 8. - С. 37.

[6] Там же. - С. 38.

- общесоциальный уровень: президент РФ, Федеральное Собрание, Правительство РФ, министерства и ведомства;

- специальный административный уровень: органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, территориальные подразделения координационных органов;

- уровень непосредственного управления: государственные органы, выполняющие правоохранительные функции (ОВД, юстиция, прокуратура); государственно-общественные органы (административные комиссии); общественные формирования; контролирующие и хозяйственные органы, осуществляющие профилактику факультативно;

- объектовый уровень: подразделения, службы, сотрудники, непосредственно влияющие на объекты профилактики;

- уровень научного и методического обеспечения: кадровые, аналитические подразделения, научные и учебные заведения.

Авторы справедливо отмечают условность данной классификации, поскольку один субъект (например, ОВД) может действовать на нескольких уровнях одновременно[1].

Данная классификация ценна своей полнотой и может служить отправной точкой для построения авторской модели применительно к предмету нашего исследования - административно-правовому механизму защиты от семейного насилия.

Думается, что объединить разрозненные научные наблюдения относительно субъектов рассматриваемого механизма в стройную систему логично и целесообразно по такому критерию как этапы противодействия семейному насилию.

Опираясь на теоретические разработки, но учитывая специфику предмета, представляется наиболее продуктивным классифицировать субъектов исследуемого механизма по функциональным этапам (стадиям) административно-правового противодействия семейному насилию. Это позволяет не просто

[1] Беженцев А.А., Петров Т.А. Указ. соч. С.39.

перечислить органы, а показать их роль и место в едином, динамично развивающемся процессе защиты прав граждан.

Следует подчеркнуть, что такое деление в известной мере условно, так как отдельные субъекты могут действовать на нескольких этапах, а сам механизм пронизан как горизонтальными, так и вертикальными (иерархическими) связями. Тем не менее, данный подход позволяет структурировать многообразие участников и выявить возможные пробелы в системе.

Исходя из этого, можно выделить шесть групп субъектов.

Первая группа: субъекты первичного реагирования и экстренной помощи. Эту группу образуют субъекты, которые непосредственно (первично) сталкиваются с актами семейного насилия, осуществляют их выявление, пресечение и оказание неотложной помощи пострадавшим. Основную роль здесь играют органы внутренних дел (ОВД), что неоднократно подтверждается в научной литературе[1]. Их полномочия закреплены в Положении о МВД России[2], Федеральном законе «О полиции»[3] и ведомственных актах. Именно полиция (дежурные части, участковые уполномоченные, инспекторы ПДН, патрульно-постовая служба) осуществляет оперативное реагирование на сообщения о семейно-бытовых конфликтах. Как отмечает А.А. Гайдуков, «соприкосновение граждан с полицией... происходит, как правило, по мере возникновения защитной необходимости»[4].

---

[1] Евсикова Е.В. Органы внутренних дел как основной субъект предупреждения домашнего насилия... // Ученые записки Крымского федерального университета. Сер.: Юридические науки. - 2016. - Т. 2 (68), - № 2. - С. 17–31.

[2] Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации...: Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 52 (часть V). — Ст. 7614.

[3] О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 900.

[4] Гайдуков А.А. Полицейское реагирование на правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений // Вестник Калининградского филиала СПбУ МВД России. — 2019. — № 2(56). — С. 121.

Высокая значимость ОВД подчеркивается и тем, что Министр внутренних дел является Председателем Правительственной комиссии по профилактике правонарушений[1].

К субъектам реагирования относятся также органы Росгвардии, которые вправе требовать прекращения противоправных действий и пресекать правонарушения при охране общественного порядка, в том числе в жилом секторе[2].

Важнейшими субъектами оказания помощи являются учреждения здравоохранения. Пострадавшие обращаются в травмпункты, станции скорой помощи, поликлиники, больницы и иные медицинские организации, перечень которых утвержден приказом Минздрава РФ[3].

Эти учреждения не только фиксируют побои, но и выступают важным звеном взаимодействия с полицией. Как показывают исследования на примере ОГАУЗ «Медсанчасть ИАПО», медицинские организации участвуют в выявлении признаков семейного неблагополучия и жестокого обращения с детьми, проводят медико-социальное сопровождение[4].

К первой группе примыкают учреждения социального обслуживания и кризисные центры. На основании Федерального закона «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»[5] они предоставляют помощь лицам, попавшим в трудную жизненную ситуацию, в том числе жертвам насилия. Кризисные центры создаются как на муниципальном уровне (например, в г.

---

[1] Положение о Правительственной комиссии по профилактике правонарушений: утв. постановлением Правительства РФ от 28 марта 2008 г. № 216 // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 14. — Ст. 1410.

[2] О войсках национальной гвардии Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 27 (часть I). — Ст. 4159.

[3] Об утверждении номенклатуры медицинских организаций: приказ Минздрава РФ от 6 августа 2013 г. № 529н // Российская газета. — 2013. — 7 окт.

[4] Макрицкая С.М., Копалкина Е.Г. Медицинские организации как субъекты профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних... // Вестник Амурского гос. ун-та. Сер.: Гуманитарные науки. — 2023. — № 100. — С. 58.

[5] Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 52 (часть I). — Ст. 7007.

Челябинске[1]), так и на уровне субъектов РФ (например, «Кризисный центр помощи женщинам и детям «Орловский»[2]). Центры социальной помощи семье и детям (например, в Санкт-Петербурге[3]) также оказывают экстренную поддержку.

Нельзя игнорировать и роль негосударственных организаций: благотворительных фондов, автономных некоммерческих организаций. Например, Благотворительный фонд «Благие дела» за 8 лет оказал поддержку более чем тысяче семей, столкнувшихся с домашним насилием[4].

Особое место занимают органы местного самоуправления. Они создают специализированные структуры, такие как общественные пункты охраны порядка (ОПОП). В Москве, согласно закону[5], ОПОП участвуют в охране общественного порядка и профилактике правонарушений, взаимодействуя с участковыми уполномоченными. Как верно отмечает Е.В. Михайлова, работа ОПОП охватывает широкие слои населения, позволяя эффективно реагировать на жалобы граждан[6].

К этой же группе относятся органы опеки и попечительства. Несмотря на сложную конструкцию передачи полномочий (с федерального на региональный уровень, а затем нередко обратно муниципалитетам)[7], они являются ключевым звеном в защите прав несовершеннолетних. Органы опеки обязаны принимать меры по защите прав детей, в том числе при выявлении насилия в семье (ст. 124

---

[1] Кризисный центр (г. Челябинск). — URL: http://crisiscenter74.ru/ob-organizatsii (дата обращения; 07.07.2025).

[2] БУ ОО «Кризисный центр помощи женщинам и детям «Орловский». - URL: https://www.crcorl.ru/about (дата обращения: 07.07.2025).

[3] СПб ГБУСОН «Центр социальной помощи семье и детям Адмиралтейского района» [Электронный ресурс]. — URL: https://cspsd.admiral.gov.spb.ru. (дата обращения: 07.07.2025).

[4] Благотворительный фонд «Благие дела». URL: https://blagie-dela.ru/about/.(дата обращения: 07.07.2025).

[5] Об организации местного самоуправления в городе Москве: Закон г. Москвы от 6 ноября 2002 г. № 56 // Ведомости Московской городской Думы. — 2002. — № 12.

[6] Михайлова Е.В. Органы местного самоуправления как субъект профилактики правонарушений (на примере города Москвы) // Международный журнал конституционного и государственного права. — 2019. — № 4. — С. 54.

[7] Бурдо Е.П. Совершенствование системы органов опеки и попечительства // Вестник Марийского гос. ун-та. Сер.: Исторические науки. Юридические науки. — 2015. — Т. 1, № 1(1). — С. 64; Коротких О.А., Шкилева Н.Л. О полномочиях органов опеки и попечительства // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Сер.: История и право. — 2012. — № 1-1. — С. 39.

СК РФ). Они могут привлекать для осуществления своих функций образовательные и медицинские организации[1].

Вторая группу составляют субъекты, осуществляющие целенаправленную профилактическую работу с лицами, уже проявившими склонность к насилию или состоящими на различных видах учета.

Основную нагрузку здесь несут участковые уполномоченные полиции. В соответствии с ведомственным Наставлением[2] они осуществляют превентивные меры в отношении лиц, имеющих непогашенную судимость, а также лиц, совершающих правонарушения в семейно-бытовой сфере. Особое внимание уделяется выявлению деяний, предусмотренных статьями 112, 115, 116, 116.1, 117, 119 УК РФ, статьями 6.1.1 и 19.24 КоАП РФ.

В отношении несовершеннолетних функцию индивидуальной профилактики выполняют подразделения по делам несовершеннолетних (ПДН) органов внутренних дел. Они работают с подростками, совершившими правонарушения (в том числе насильственного характера), а также с их родителями или законными представителями, не исполняющими свои обязанности[3].

К сожалению, практика показывает, что недостаточная профилактическая работа может иметь трагические последствия. Как следует из обзора ГУОООП МВД России, неприятие своевременных мер в отношении подростка, дважды попадавшего в поле зрения полиции за побои, привело к совершению им убийства матери в 2024 году в Пермском крае[4].

Важную роль в индивидуальной профилактике играют Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДН и ЗП). Они являются

---

[1] Об опеке и попечительстве: Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 17. — Ст. 1755.

[2] О несении службы участковым уполномоченным полиции...: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «Гарант».

[3] Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних: приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. — 2014. — № 11.

[4] Обзор о мерах, принимаемых территориальными органами МВД России к несовершеннолетним правонарушителям... (документ официально опубликован не был).

коллегиальными органами, координирующими деятельность всех субъектов профилактики в отношении несовершеннолетних и принимающими обязательные для исполнения решения, в том числе по административным правонарушениям[1].

Анализ деятельности КДН в Санкт-Петербурге показывает, что количество привлеченных к ответственности родителей ежегодно растет, причем основная часть (83% в 2023 г.) — за ненадлежащее исполнение обязанностей[2].

Т.А. Нечаева среди причин правонарушений несовершеннолетних называет распространение в молодежной среде суждений о допустимости агрессии и запоздалое реагирование полиции на семейные конфликты[3].

В третью группу входят органы и должностные лица, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях, связанных с семейным насилием, и привлекать виновных к ответственности.

К числу основных составов относится статья 6.1.1 КоАП РФ («Побои»). Протоколы по данной статье уполномочены составлять должностные лица полиции. Помимо этого, в ряде субъектов РФ установлена собственная административная ответственность за действия, нарушающие покой семьи. Например, в Республике Башкортостан ст. 13.8 Кодекса об административных правонарушениях устанавливает ответственность за «семейно-бытовое дебоширство», то есть рукоприкладство, ругань, иные действия, посягающие на здоровье, честь и достоинство членов семьи[4].

Особого внимания заслуживает состав, предусмотренный статьей 5.35 КоАП РФ (неисполнение родительских обязанностей). Как ранее отмечается автором этой работы, данная норма может применяться в случаях, когда родители

---

[1] Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Собрание законодательства РФ. — 1999. — № 26. — Ст. 3177.

[2] Постановления Комиссии по делам несовершеннолетних при Правительстве Санкт-Петербурга № 1-24-03/2024 от 26.03.2024 [Электронный ресурс]. — URL: https://k-obr.spb.ru/.(дата обращения: 07.07.2025).

[3] Нечаева Т.А. Организационно-правовые основы предупреждения беспризорности и преступности несовершеннолетних в странах СНГ. — М., 2006. — С. 221.

[4] Кодекс Республики Башкортостан об административных правонарушениях: Закон Респ. Башкортостан от 23 июня 2011 г. № 413-з. URL: https://docs.cntd.ru/document/450366898. (дата обращения: 07.07.2025).

бездействуют, допуская насилие между детьми в семье (например, старшего ребенка над младшим)[1].

Дела об административных правонарушениях несовершеннолетних, а также ряда правонарушений, посягающих на права несовершеннолетних, рассматривают КДН и ЗП.

На общих основаниях дела об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов РФ, могут рассматривать административные комиссии, создаваемые при органах местного самоуправления или исполнительной власти (например, в Санкт-Петербурге)[2].

Четвертая группа субъектов представлена относительно новым для отечественной практики институтом — субъектами медиации (субъекты, обеспечивающие восстановительные процедуры). В соответствии с Федеральным законом «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [3] , медиаторы (профессиональные и непрофессиональные) могут оказывать содействие в урегулировании семейных конфликтов. Медиатор обязан быть независимым и беспристрастным, не вправе оказывать юридическую или иную помощь какой-либо из сторон. Применение медиации в делах, связанных с насилием, имеет свою специфику и ограничения, однако в ряде случаев (при конфликтах, не сопряженных с систематическим насилием) она может быть эффективным способом нормализации отношений и снятия напряженности.

Пятая группа (субъекты контроля и надзора за законностью) обеспечивает легитимность функционирования всего механизма, осуществляя контроль и надзор за деятельностью субъектов первых четырех групп.

---

[1] Равнюшкин А.В. Административная ответственность за насилие в сиблинговых отношениях // Сибирское юридическое обозрение. — 2023. — Т. 20, № 4. — С. 390.

[2] Об административных комиссиях Санкт-Петербурга: Закон Санкт-Петербурга от 22 апреля 2004 г. № 211-35 // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. — 2004. — № 7-8. — С. 12.

[3] Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 31. — Ст. 4162.

Верховенство закона и дисциплину призваны обеспечивать органы прокуратуры. В соответствии с Законом о прокуратуре[1], они осуществляют надзор за исполнением законов всеми органами исполнительной власти, органами контроля, их должностными лицами. Приказом Генеральной прокуратуры № 583 регулируется надзор за законностью нормативных правовых актов субъектов РФ и органов местного самоуправления[2], что важно для оценки регионального законодательства о профилактике.

Особое место в системе гарантий занимают институт Уполномоченного по правам человека в РФ и институт Уполномоченного по правам ребенка в РФ. Уполномоченный по правам человека, учрежденный в соответствии с Конституцией РФ, дополняет существующие средства защиты, рассматривает жалобы на действия (бездействие) госорганов и должностных лиц[3]. Кроме того, именно Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации на постоянной основе поднимается опрос о реформировании системы противодействия семейному насилию и разработке отдельного законодательного акта как новой правовой основы деятельности субъектов системы противодействия семейному насилию[4].

---

[1] О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. — 1992. — № 8. — Ст. 366.

[2] Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов...: приказ Генпрокуратуры РФ от 31 августа 2023 г. № 583 [Электронный ресурс]. — URL: https://base.garant.ru/407632892/.(дата обращения: 09.07.2025).

[3] Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 9. — Ст. 1011.

[4] Актуальность темы домашнего насилия отметила на заседании Правительственной комиссии по профилактике правонарушений Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Элла Памфилова. 27 Марта 2015. — URL: https://66.мвд.рф/document/6947672 (дата обращения: 09.07.2025); На международном семинаре Уполномоченный по правам человека Татьяна Мерзлякова выступила с докладом о взаимодействии с институтами гражданского общества в сфере профилактики домашнего насилия — URL: https://ombudsman.midural.ru/news/show/id/4289/news_category/main (дата обращения: 09.07.2025); Москалькова предложила вернуться к вопросу об ответственности за насилие в семье. 19 июня 2024. — URL: https://tass.ru/obschestvo/21142469 (дата обращения; 09.07.2025); Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год — URL: https://rg.ru/documents/2025/02/26/doklad-2024-god-site-dok.html?ysclid=mt3149ukfs334271147&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения; 09.07.2025).

Уполномоченный по правам ребенка осуществляет мониторинг эффективности работы всех органов по защите прав детей, включая образовательные и медицинские организации, а также органы опеки[1].

Важным элементом является общественный контроль, регламентированный Федеральным законом № 212-ФЗ[2].

Граждане и их объединения имеют право участвовать в контроле за деятельностью полиции (ч. 1 ст. 50 ФЗ «О полиции») и иных органов. Кроме того, граждане реализуют свое право на обращение в государственные органы в соответствии с Федеральным законом № 59-ФЗ[3], что также является формой обратной связи и контроля.

К шестой группе относятся субъекты экспертно-аналитической и научной деятельности. Эта группа, часто остающаяся за рамками традиционных классификаций, играет ключевую роль в формировании и совершенствовании самого административно-правового механизма. Ее деятельность предшествует, сопровождает и завершает работу всех остальных субъектов, обеспечивая научную обоснованность и стратегическое целеполагание.

Институты гражданского общества играют существенную роль в обеспечении общественной безопасности и прав граждан, что, в частности, отмечается А.М. Вороновым[4].

Значимость научного сообщества в подготовке нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти отмечается М.В. Анисифоровой. По ее мнению, «игнорирование значимости роли науки и научного обоснования нормотворческих инициатив федеральных органов исполнительной власти чревато дефектами и некачественностью создаваемых правовых норм, что в

---

[1] Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации: Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2018. — № 53 (часть I). — Ст. 8427.

[2] Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 30 (часть I). — Ст. 4213.

[3] О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 19. — Ст. 2060.

[4] Воронов, А. М. Публичное администрирование в сфере обеспечения общественной безопасности - некоторые правовые концепты / А. М. Воронов // Научный портал МВД России. – 2024. – № 2(66). – С. 24.

конечном итоге влияет на состояние правового регулирования конкретных жизненных ситуаций[1].

На общесоциальном уровне основы государственной политики формируются с участием экспертного сообщества, ученых, специалистов, представителей правозащитных и научных организаций. Они участвуют в выработке управленческих решений, разработке проектов нормативных актов, аналитической деятельности.

Примером может служить Правительственная комиссия по профилактике правонарушений, которая привлекает специалистов для подготовки экспертиз, аналитических материалов и обобщения положительного опыта[2].

Наиболее развитой структурой является Экспертный совет при Уполномоченном по правам человека в РФ. В его состав входят ведущие ученые и юристы, он проводит независимую экспертизу законопроектов, анализирует состояние соблюдения прав граждан, участвует в исследованиях[3].

Аналогичными полномочиями обладает экспертный совет при Уполномоченном по правам ребенка[4] .

Деятельность экспертов имеет высокую практическую значимость. Так, экспертные заключения подтверждают, что от жестокого обращения в семье чаще всего страдают женщины, затем дети и пожилые люди, причем последние являются наиболее латентной группой в силу своей маломобильности и неспособности обратиться за помощью[5].

---

[1] Анисифорова, М. В. Научная обоснованность нормотворческой инициативы федеральных органов исполнительной власти / М. В. Анисифорова, О. И. Цоколова // Административное право и процесс. – 2024. – № 9. – С. 39.

[2] О Правительственной комиссии по профилактике правонарушений: постановление Правительства РФ от 28 марта 2008 г. № 216 // Собрание законодательства РФ. — 2008. — № 14. — Ст. 1410.

[3] Об Экспертном совете при Уполномоченном по правам человека в РФ: распоряжение Уполномоченного от 13 октября 2016 г. № 67 [Электронный ресурс]. — URL: https://ombudsmanrf.org/. (дата обращения: 09.07.2025).

[4] Ст. 6 Федерального закона от 27 декабря 2018 г. № 501-ФЗ.

[5] Ростовская Т.К., Писклакова-Паркер М.П., Безвербная Н.А. Система профилактики семейного насилия глазами экспертов... // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Сер.: Социально-экономические науки. — 2020. — Т. 13, № 6. — С. 115-116.

Не случайно американский ученый Т.А. Стюарт называет информацию и знания «термоядерным оружием» современности[1].

В контексте нашего исследования это означает, что качество нормотворческой и экспертной работы напрямую определяет эффективность всего механизма защиты. И аккумулирующим субъектом всего этого механизма мог быть такой федеральный орган как «министерство счастья», о чем в научном плане рассматривается М.В. Анисифоровой [2] . Допустимо предположить, обеспечивающим благополучие граждан, в том числе защиты прав граждан в сфере семейно-бытовых отношений, может выступить единый орган исполнительной власти.

Таким образом, исследование показало, что субъекты профилактики правонарушений, в том числе сопряженных с семейным насилием, и субъекты административно-правового механизма обеспечения прав граждан на защиту от семейного насилия, не тождественны.

Ни одна из трактовок профилактики правонарушений, имеющее место в российской правовой науке, не охватывает всю происходящую динамику административно-правового противодействия семейному насилию, не включает всех его субъектов на этапах данной деятельности.

Данный вывод сформировался на основе научных публикаций по рассматриваемой тематике и проведенного исследования субъектов, осуществляющих противодействие семейному насилию. Противодействие этому негативному явлению осуществляется не только на этапах его выявления, предупреждения, пресечения, привлечения к ответственности, но и на других этапах деятельности: анализе различных данных о состоянии дел в области противодействия семейному насилию, выработке правовых решений, направленных на совершенствование административно-правового регулирования этого противодействия, в том числе посредством деятельности экспертного

[1] Стюарт Т.А. Интеллектуальный капитал: новый источник богатства организаций / пер. с англ. В.А. Ноздриной. — М.: Поколение, 2007. — С. 40.

[2] Анисифорова, М. В. «Министерство счастья» - первая и единственная задача хорошего правительства на пути укрепления законности в публичном управлении? / М. В. Анисифорова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2026. – № 5(141). – С. 88-97.

сообщества, результаты которой отражаются в нормотворческой работе государственных и иных органах.

Кроме того, деятельность самих субъектов, которые реализуют полномочия, направленные на выявление и пресечение правонарушений, осуществляют производство по делам об административных правонарушениях и надзорные мероприятия в рамках индивидуальной профилактики, подлежит контролю со стороны Президента РФ, Правительства РФ, органов прокуратуры, иных государственных органов, а также общественных объединений и граждан.

Без обозначенных субъектов административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия не является полным. Классификация субъектов на основе вступления их в действующий механизм на определенных его этапах позволяет определить их роль в этом механизме.

Исследование показало, что ОВД являются основным субъектом не только профилактики правонарушений, но и более специфического круга субъектов предупреждения домашнего насилия[1] – субъектом административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, и практически осуществляют свою деятельность во всех обозначенных группах субъектов названного механизма.

Совокупность субъектов административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия представляет собой структурированный объект социальной природы, характеризующийся система отношений и функций, которая, в свою очередь, представляет собой комбинацию относительно независимых подсистем, функционирующих на основе идентичных паттернов. Указанные подсистемы субъектов предупреждения преступности представляют собой множество социальных образований, плюралистичных по сфере социальной активности и уровню функционирования, а также отдельных лиц, участвующих в противодействии правонарушений, сопряженных с семейным насилием.

---

[1] Евсикова Е. В. Органы внутренних дел как основной субъект предупреждения домашнего насилия: сравнительно правовой анализ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2016. – Т. 2 (68). № 2. – С. 17 – 31.

Однако, следует отметить, что система субъектов рассматриваемого механизма функционировала бы более эффективно, если бы в ней фактически в качестве основного субъекта были бы не органы внутренних дел, а иные, специализированные субъекты, наделенные соответствующими полномочиями и осуществляющие организацию деятельности подведомственными структурами по защите граждан от насилия, как, например, это определено в Архангельской области. Органы внутренних дел и их подразделения являются, прежде всего, субъектом реагирования на правонарушения, их пресечения, а также осуществления производства, направленного на привлечения виновных к юридической ответственности.

Выводы по параграфу

Проведенный анализ позволяет сделать следующие системные выводы о нетождественности понятий субъекта профилактики и субъекта рассматриваемого механизма. Субъекты профилактики правонарушений (в узком смысле ФЗ № 182) и субъекты административно-правового механизма обеспечения прав граждан на защиту от семейного насилия — понятия нетождественные. Второе понятие является более широким и включает в себя не только органы, осуществляющие предупреждение, но и субъектов, действующих на всех этапах противодействия: от экстренного реагирования до экспертно-аналитического обеспечения. Ни одна из существующих в науке трактовок профилактики не охватывает всей полноты и динамики административно-правового противодействия семейному насилию.

Совокупность субъектов исследуемого механизма представляет собой не простую сумму органов, а сложное, структурированное системное образование. Оно характеризуется множеством относительно независимых подсистем, функционирующих на различных уровнях и взаимодействующих друг с другом (горизонтальные и вертикальные связи).

В целях систематизации, раскрытия внутренней структуры исследуемого механизма, дальнейшего выявления уровня их функциональной соподчиненности и скоординированности, выявления дефектов в их деятельности представлена авторская классификация субъектов исследуемого механизма как многоуровневая,

иерархически и функционально связанная система в зависимости от наиболее релевантного критерия - по функциональным этапам (стадиям) обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия.

Данный подход позволяет выделить шесть основных групп: 1) субъекты первичного реагирования и экстренной помощи; 2) субъекты индивидуальной профилактики и административного надзора; 3) субъекты административной юрисдикции; 4) субъекты восстановительных процедур (медиации), оказания социально-правовой защиты и реабилитации; 5) субъекты государственного и общественного контроля за законностью; 6) субъекты нормотворческой, экспертно-аналитической и научной деятельности.

Такая классификация обеспечивает целостное видение механизма, выявляет функциональную роль каждого элемента и позволяет диагностировать пробелы в системе взаимодействия.

Представляется необходимы расширить субъектный состав административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия. Установлено, что органы внутренних дел выполняют доминирующую, системообразующую функцию, действуя практически на всех этапах противодействия. Это обусловлено их широкой компетенцией по пресечению правонарушений и производству по делам об административных правонарушениях. Однако гипертрофированная роль полиции свидетельствует о недостаточном развитии иных, специализированных звеньев системы — социальных служб, кризисных центров, института медиации, органов опеки, экспертных сообществ.

В качестве основы модели диверсификации субъектного состава и усиления межведомственного взаимодействия может служить региональная модель Архангельской области, где функции по социально-правовой защите и реабилитации возложены на специализированный орган социальной защиты, что позволяет разгрузить полицию и повысить эффективность помощи жертвам насилия.

Определено и обосновано, что в структуру административно-правового механизма на правах самостоятельного системного элемента включены субъекты, осуществляющие экспертно-аналитическую и научную деятельность, которые традиционно не рассматриваются в качестве субъектов системы противодействия правонарушениям.

К ним относятся экспертные советы при уполномоченных по правам человека и ребенка, научно-исследовательские организации, рабочие группы при Правительственной комиссии по профилактике правонарушений, отдельные ученые и специалисты. Деятельность данных субъектов, направленная на анализ правоприменительной практики, подготовку научно обоснованных рекомендаций и экспертизу проектов нормативных актов, является необходимым условием для устойчивого развития и адаптации всего механизма защиты от семейного насилия к меняющимся социальным условиям и вызовам. Качество работы этой «интеллектуальной» подсистемы напрямую детерминирует эффективность функционирования всех остальных элементов механизма.

§ 4. Административно-правовые средства обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия: материальный и процессуальный аспект

В качестве одного из элементов административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия выступают административно-правовые средства, применяемые субъектами этого механизма в целях достижения определенных результатов — обеспечения защищенности граждан от семейного насилия.

Понятие «правовое средство» как правовая категория употребляется с конца 70-х годов XIX века[1], и в дальнейшем прочно вошло в обиход отечественных ученых. На современном этапе «правовые средства» содержат в себе свойства

[1] Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — М.: Спарк, 1995. - 556 с.

правовой категории, которые учеными определяются как «правовые ценности и фундаментальные понятия, отражающие наиболее существенные закономерности возникновения, развития и функционирования государственно-правовых явлений и процессов; входят в содержание предмета теории государства и права»[1].

Следует отметить, что преимущественно отечественными учеными в большей степени уделено внимания разработке проблематики правовых средств как правовой категории в целом[2].

В науке теории права и административного права сложилось несколько основных подходов к пониманию правовых средств. А.В. Шабуров и Р.Л. Иванов выделили три научных подхода относительно правовых средств:

- «инструментальный» (статический) (С.С. Алексеев, В.А. Сапун) — правовые средства рассматриваются исключительно как правовые установления (инструменты), закреплённые в нормах права;

- «инструментально-деятельностный» (динамический) (А.В. Малько, Л.Т. Бакулина) — правовые средства включают как инструменты, так и деяния (технологии) по их реализации;

- третий подход, в котором «средства правового регулирования» шире понятия «правовые средства»[3].

Сторонники узкоинструментального подхода в качестве правовых средств считают только те, которые порождают правовые последствия: принципы права, нормы права, акты официального толкования, юридические факты, индивидуальные правовые предписания, юридические права и обязанности[4].

---

[1] Архипова Е. Ю., Баринов П. С. К вопросу о сущности и назначении правовых категорий // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 11 (227). - С.80 - DOI 10.47643/1815-1337_2023_11_78.

[2] Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. — 1987. — № 6. — С. 14–18; Малько А. В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. — 1998. — № 8. — С. 66–77; Анциферова И. А. Правовые средства формирования правового порядка // Общество и право. — 2009. — № 2. — С. 15–19.

[3] Шабуров А. В., Иванов Р. Л. Средства правового регулирования и правовые средства: вопросы соотношения понятий // Вестник. Государство и право. - 2023. - № 3(38). - С. 44-45.

[4] Шабуров А. В., Иванов Р. Л. Указ. соч. С.44-45;

А.В. Малько, дискутируя со сторонниками «инструментального» подхода, обоснованно заявляет о том, что «игнорирование средств-деяний (технологии) не позволяет полноценно учитывать все те факторы, с помощью которых можно достичь поставленных целей, ведь результат невозможно получить без деяний, усилий, активности, связанных с использованием предоставленных в законодательстве инструментов»[1].

Представляется, что именно инструментально-деятельностный подход в наибольшей степени соответствует потребностям административно-правовой науки, поскольку административная деятельность не ограничивается статичным набором норм, а представляет собой динамичный процесс реализации властных полномочий, включающий принятие индивидуальных актов, совершение процессуальных действий, применение мер принуждения. В противном случае за рамками исследования остаётся огромный пласт правоприменительной деятельности, что обедняет научное познание и снижает практическую значимость выводов.

В административно-правовой науке исследование средств традиционно осуществляется применительно к деятельности определенных уполномоченных субъектов. Данная практика рассматривать административно-правовые средства как правовые инструменты, применяемые в определенных целях и на определенных этапах деятельности уполномоченных субъектов, стала традиционной[2].

В раннем исследовании автора было представлено авторское понятие термина административно-правовых средств предупреждения и пресечения

---

[1] Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема // Правоведение. — 1999. — № 2. — С. 6.

[2] Бачурин А. Г. Полиция в административно-правовом механизме обеспечения правопорядка в период подготовки и проведения массовых и публичных мероприятий: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.14. — СПб., 2019. — 32 с.; Высоцкий С. А. Административно-правовые средства обеспечения законности контрольно-надзорной деятельности ГИБДД: дис. … канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2019. — 210 с.; Шуликов К. А. Понятие и виды административно-правовых средств противодействия распространению деструктивного контента в сети Интернет // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2023. — № 3(152). — С. 147–154.

органами внутренних дел (полицией) правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений[1], *о*днако данное определение:

а) ограничено субъектным составом (только органы внутренних дел);

б) не охватывает всего многообразия методов и способов юридической деятельности (включая юридические гарантии, убеждение, поощрение, социальное обслуживание);

в) использует термин «методы правового регулирования» вместо более точного «методы осуществления юридической деятельности».

Критический анализ собственной дефиниции позволил прийти к выводу о необходимости её пересмотра в сторону расширения. Учитывая изложенное, в настоящем исследовании под административно-правовыми средствами понимается взятая в единстве система правовых установлений (инструментов) и форм правореализационной практики, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и достигаются социально полезные цели. Данное определение основывается на подходах К.В. Шундикова, определявшего правовые средства как «взятую в единстве систему правовых установлений (инструментов) и форм правореализационной практики, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально полезных целей»[2].

Принципиальным отличием предлагаемого подхода является включение в понятие административно-правовых средств форм правореализационной практики, что позволяет:

во-первых, рассматривать деятельность субъектов профилактики не как механическое применение норм, а как творческий процесс выбора оптимальных средств воздействия;

во-вторых, обосновать единство материальных и процессуальных начал;

---

[1] Равнюшкин А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения органами внутренних дел правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.14. — М.: Акад. упр. МВД РФ, 2015. — С. 9.

[2] Шундиков К. В. Цели и средства в праве (общетеоретический аспект): автореф. дис. … канд. юрид. наук. — Саратов, 1999. — С. 13.

в-третьих, выявить закономерности (циклы) применения средств в зависимости от поведения правонарушителя.

При рассмотрении административно-правовых средств, применяемых субъектами административно-правового механизма обеспечения прав граждан на защиту от семейного насилия, следует учитывать свойства самого семейного насилия и участников (сторон) его совершения. Широкое (даже безграничное) понимание семейного насилия стирает пределы для вмешательства специализированных органов публичной власти в частную жизнь людей, в их семьи.

В рассматриваемом механизме применяется широкий спектр административных правовых средств воздействия на акты семейного насилия и связанные с ним факторы. Целесообразно провести классификацию административно-правовых средств для более полного понимания их свойств и качеств.

Целесообразной представляется классификация средств по целевой направленности воздействия. Так, в административной науке уже имело место предложение объединить различные виды мер принуждения в отдельную группу форм принуждения и классифицировать их по целевой направленности. В частности, Е.А. Цыганкова отмечает, что «целевая направленность указывает, к достижению каких результатов стремится правоприменитель, реализуя ту или иную принудительную меру»[1].

По мнению профессора А.И. Каплунова, одной из специфичных особенностей административного принуждения является сфера общественных отношений, в которой оно реализуется[2].

Это суждение в полной мере применимо и к административно-правовым средствам в целом: их содержание, пределы и интенсивность применения существенно различаются в зависимости от того, в какой сфере государственного

---

[1] Цыганкова Е. А. Классификация мер государственного принуждения по целевой направленности // Общество и право. - 2009. - № 5(27). - С. 287.

[2] Каплунов А. И. О понятии административного принуждения как отраслевого вида государственного принуждения // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2004. — № 3(254). - С. 119.

управления они применяются (обеспечение общественного порядка, налоговые отношения, таможенное дело, защита от семейного насилия).

Действующие административно-правовые средства административно-правового механизма обеспечения прав граждан на защиту от семейного насилия можно классифицировать следующим образом:

1. По виду объекта воздействия административно-правового механизма обеспечения прав граждан на защиту от семейного насилия. Выделяются средства, воздействующие на:

- общественные отношения, порождающие причины правонарушений и условия, способствующие их совершению или облегчающие их совершение в сфере семейно-бытовых отношений - общесоциальные административные средства – меры, направленные на ограничение продажи алкогольной продукции; меры, направленные на обеспечение контроля оборота наркотических средств; меры воспитательного характера; меры, направленные на организацию досуга и занятости; меры социальной поддержки семей и лиц, попавших в трудные жизненные обстоятельства; запрет продажи алкогольной продукции несовершеннолетним, и другие. «Перечисленные административно-правовые средства общей профилактики правонарушений относятся к средствам раннего предупреждения»;

- физических лиц, в отношении которых установлен надзор и (или) принимаются меры к соблюдению ими установленных федеральными законами ограничений (официальное предостережение; административный надзор; профилактическая беседа; профилактический учет);

- физических лиц, поведение которых нарушает социальные нормы и дает основание субъектам системы профилактики прогнозировать совершение ими правонарушения, и их ближайшее окружение (официальное предостережение; меры воспитательного воздействия; критика антиобщественных действий;

- физических лиц, способных стать жертвами правонарушений, в силу присущих им субъективных качеств или объективных свойств (правовая пропаганда семейных ценностей; информирование граждан о тактики поведения и

совершении действий, направленных на предупреждение семейного насилия, специальный тренинг; меры защиты и реабилитация жертв семейного насилия).

2. В зависимости от методов правового воздействия и содержания предписания выделяются средства:

а) стимулирующего вида (поощрения, льготы);

б) предписывающего вида (явка на отметку (регистрацию) в полицию; прибытие лица, освобожденного из мест лишения свободы, для постановки на учет; официальное предостережение; профилактическая беседа);

в) дозволительного вида (работа с внештатными сотрудниками полиции, обмен информацией, документирование обстоятельств происшествия гражданами; процедура медиации семейных конфликтов; предоставление государственных и муниципальных услуг соответствующими кризисными центрами, общественных услуг частными кризисными центрами);

г) запрещающего вида (правовые акты-запреты, административные наказания; требования о прекращении противоправных действий).

3. По сфере действия (по объему воздействующих общественных отношений) выделяются средства:

а) многосферного действия (универсальные), общесоциальные административно-правовые средства – средства, направленные на противодействие алкоголизму, пьянству, наркомании, контроль за подучетными лицами и т.п.;

б) односферного действия (специальные) – непосредственно направленные на регулирование семейно-бытовых отношений, предупреждение и пресечение правонарушений в исследуемой сфере;

г) индивидуального действия – средства, принимаемые в отношении:

- конкретного правонарушителя (меры убеждения; меры пресечения правонарушений; меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях; меры административного наказания);

- потерпевших - социальная реабилитации лиц, подвергшихся насилию в семье).

4. По масштабу (территории) действия: федеральные, региональные, местные.

5. По цели применения, направленные:

а) на выявление, устранение и нейтрализацию причин и условий правонарушений;

б) на предупреждение и пресечение противоправного поведения лиц, недопущение вредных последствий такого поведения, обеспечение условий для привлечения таких лиц к ответственности;

в) на обеспечение деятельности уполномоченных субъектов, осуществляющих функции противодействия правонарушениям с применением семейного насилия;

г) на обеспечение законности в деятельности субъектов механизма (меры, гарантирующие надлежащую деятельность субъектов механизма: обжалование решений и действий должностных лиц и органов исполнительной власти, правоохранительных органов; прием граждан; ведомственный контроль; общественный контроль; решения координирующих органов; рассмотрение предложений по совершенствованию деятельности субъектов механизма).

6. По способу применения – административно-правовые средства, применяемые в процедурном порядке (профилактический учет; доставление, задержание, личный досмотр; применение физической силы и специальных средств) и процессуальном порядке (индивидуальный административный надзор; административные наказания и средства их реализации).

7. По способу обеспечения прав граждан от семейного насилия – административно-предупредительные (меры убеждения), пресечения, защиты (правовосстановительные) и административные наказания.

8. По виду субъекта, реализующего административно-правовые средства - уполномоченными субъектами (ОВД, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; органы опеки и попечительства и др.) и участникам административно-правовой механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия (граждане, волонтеры, общественные организации).

9. В зависимости от характера общественных отношений, на которые они воздействуют, административно-правовые средства делятся на материальные (меры убеждения и правовые ограничения – это средства сдерживания противоправного поведения лиц: обязанности, запреты, наказания и меры принуждения) и процессуальные. Материальные средства осуществляют непосредственную регламентации поведения людей, их объединений, государства и его органов и должностных лиц. Процессуальные – направленны на реализацию административных наказаний.

Данная классификация показывает, что у полиции и других субъектов рассматриваемого механизма имеется широкий перечень разнообразных административно-правовых и сопряженных с ними административно-организационных средств противодействия семейному насилию. Однако, как справедливо отмечает С.А. Буткевич, «универсальных форм, методов, приемов и способов предупреждения преступлений нет и быть не может, а альтернатива их выбора (в том числе комбинированная, опциональная) должна определяться исключительно спецификой криминологической обстановки»[1].

Добавим к этому, что немалую роль в применении тех или иных средств играет и область (сфера) воздействия, и особенности личности правонарушителя, и характер семейного конфликта.

Также следует отметить идущую дискуссию о сущности административного процесса и ее значение для понимания административно-процессуальных средств. Понимание сущности административно-процессуальных средств во многом определяется тем, к сторонникам каких научных взглядов, существующих на современном этапе развития теории административного процесса, привержен тот или иной автор[2].

---

[1] Буткевич С. А. Предупреждение преступлений: методология, теория и правовые основы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. — 2018. — Т. 4(70), № 2. - С. 133.

[2] Каплунов А. И. Современные подходы к пониманию административного процесса как результат развития отечественного административно-процессуального законодательства // Сибирское юридическое обозрение. — 2021. — Т. 18, № 3. — С. 261–276. — DOI 10.19073/2658-7602-2021-18-3-261-276; Стахов А. И., Зюзин В. А., Ландерсон Н. В. [и др.].

В современной административно-правовой науке сложилось четыре основных подхода к пониманию административного процесса:

1. «Юрисдикционный подход» (традиционный) — административный процесс отождествляется с деятельностью по рассмотрению споров и применению мер принуждения.

2. «Управленческий подход» — административный процесс охватывает всю деятельность исполнительной власти, включая позитивные процедуры.

3. «Интегративный (комплексный) подход» — синтез юрисдикционной и управленческой концепций.

4. «Судебный (административно-процессуальный) подход» — административный процесс понимается как деятельность судов по рассмотрению административных дел в порядке КАС РФ.

А.И. Каплунов как представитель «комплексного подхода на основе юрисдикционного» обоснованно разграничивает процедурный и процессуальный порядки: если способ принудительного воздействия меры административно-правового принуждения закреплен в ее диспозиции, то эта мера реализуется в процедурном порядке, а если способ закреплен в санкции нормы, то в процессуальном[1].

В другой работе автора уточняется, что «порядок применения меры административного принуждения может быть либо процессуальным (реализация санкций), либо процедурным (реализация диспозиций)»[2].

Р.С. Тихий разграничил административные процедуры и административный процесс следующим образом:

- административная процедура — нормативная регламентация деятельности органов исполнительной власти, обеспечивающая порядок принятия властных

Новые подходы современной теории административного процесса в России. — М.: Российский государственный университет правосудия, 2023. — 448 с.

[1] Каплунов А. И., Лебедева О. О. Производство по применению отдельных принудительных мер административного предупреждения как структурный элемент административного процесса // Административное право и процесс. — 2017. — № 3. — С. 72.

[2] Каплунов А. И., Лебедева О. О. Процессуальные формы применения мер административного принуждения сотрудниками правоохранительных органов // Уголовно-исполнительное право. — 2016. — № 3(25). — С.14.

управленческих решений, в том числе рассмотрения и разрешения конкретных административных дел;

- административный процесс — вид юрисдикционной деятельности исполнительных и судебных органов по рассмотрению административно-правовых споров, применению мер административного принуждения, разрешению дел об административных правонарушениях[1].

По мнению П.Е. Спиридонова, «административно-процессуальная форма не столь однозначна, как в уголовном и гражданском процессах, поскольку объединяет в себе и позитивные административные производства по предоставлению государственных услуг, и административные производства по применению мер административно-деликтной ответственности»[2].

Далее автор пишет о том, что «стадии административного процесса нельзя четко поделить на судебные и досудебные, как в уголовном процессе. Суд как субъект административно-процессуальных правоотношений может вступать в процесс на разных его стадиях, и он не является единственным субъектом, принимающим юридически значимые процессуальные решения»[3].

Близко к позиции А.И. Каплунова мнение В.Е. Севрюгина, который отметил, что «смысл и назначение юридического процесса любого вида (законодательного, гражданского, уголовного, административного, бюджетного) — достижение предусмотренного законом юридического результата, модель которого заложена в соответствующей материальной норме, оформленного в виде соответствующего юридического акта»[4]..

Дискуссионным остаётся вопрос о включении в административный процесс производств по применению мер административного предупреждения, не

---

[1] 80. Тихий Р. С. Проблемы правового регулирования административных процедур в Российской Федерации: Регионально-правовой аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.14. — Тюмень, 2005. - С. 8.

[2] Спиридонов П. Е. Административно-процессуальная форма и стадии как элементы характеристики административного процесса // Сибирское юридическое обозрение. - 2021. - Т. 18, № 3. - С. 305. DOI 10.19073/2658-7602-2021-18-3-301-312.

[3] Там же, С. 309.

[4] Севрюгин В. Е. Административно-процессуальное право России: состояние, проблемы и перспективы // Сибирское юридическое обозрение. — 2022. — Т. 19, № 1. — С. 114.

связанных с правонарушениями (например, административный надзор). Одни авторы (А.И. Каплунов, О.О. Лебедева[1]) относят их к процессуальной форме, другие (Д.В. Осинцев[2]) - к процедурной. Представляется обоснованной позиция А.И. Каплунова, который аргументированно доказывает, что наличие правового спора и необходимости разрешения дела в судебном порядке (как при установлении административного надзора) является достаточным основанием для отнесения соответствующей деятельности к процессуальной, даже если она не связана с совершением правонарушения.

Следует констатировать, что «процессуально-правовые средства» как виды правовых средств не получили должной научной разработанности, а сами «административно-процессуальные средства» остаются малоизученными.

С.К. Струнков отмечает, что «одной из форм унификации юридического процесса выступают процессуально-правовые средства, которые не изучены на общетеоретическом уровне»[3], определяет их как «правовые инструменты и деяния, при помощи которых обеспечиваются интересы субъектов юридического процесса»[4], что приближает его к позиции А.В. Малько.

Многообразие процессуально-правовых средств отмечается Г.С. Беляевой, которая обозначила их признаки, выделила критерии их классификации: предмет правового регулирования; степень значимости в процессе процессуально-правового регулирования; функциональная роль; а также разделила их на первичные и комплексные[5].

Данный автор видит эти средства как «правовые инструменты и деяния, которые создают при их правильном подборе и использовании наиболее

---

[1] Каплунов А.И, Лебедева О.О. Процессуальные формы применения мер административного принуждения сотрудниками правоохранительных органов // Уголовно-исполнительное право. 2016.- № 3 (25). - С. 16.

[2] Осинцев Д. В. Что изучает административно-процессуальное право? // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2023. № 2. С. 55 – 71.

[3] Струнков С. К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Сарат. гос. акад. права. — Саратов, 2003. — 187 с. С. 26.

[4] Там же, С. 28

[5] Беляева Г. С. Процессуально-правовые средства: понятие, признаки и виды // Lex Russica (Русский закон). — 2015. — Т. 100, № 3. — С. 21.

благоприятную обстановку для разрешения юридических дел и направлены на достижение целей субъектов юридического процесса»[1].

Учеными-административистами административно-процессуальные средства рассматриваются неоднозначно:

- как меры административно-процессуального принуждения[2];

- как «правоограничения, лишения и дополнительные обременения, которые должно претерпеть лицо, в отношении которого в установленном порядке принимается решение о применении соответствующей меры административного предупреждения»[3],

- как средства, применяемые в административном судопроизводстве: меры предварительной защиты[4], средства доказывания[5], административный иск[6]; как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях[7].

---

[1] Там же, С. 26.

[2] Ландерсон Н. В. Меры административно-правового и административно-процессуального принуждения: отличие и взаимосвязь // Административное право и процесс. — 2023. — № 11. — С. 38–45.

[3] Каплунов А. И. Глава 10. Производство по применению отдельных принудительных мер административного предупреждения / А. И. Каплунов // Административно-процессуальное право: Учебник для курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, сотрудников внутренних дел Российской Федерации. — СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. — С. 190;

[4] Старилов М. Ю. Меры предварительной защиты в административном судопроизводстве в судах общей юрисдикции: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.14; 12.00.15. — Нижний Новгород, 2020. — 32 с.

[5] Маматов М. В., Мирошниченко В. С. Средства доказывания в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве: сравнительно-правовой анализ в контексте прокурорской практики // Законность. — 2022. — № 4(1050). — С. 5–13.

[6] Торопов А. В. Исковая форма в административном судопроизводстве: новое в законодательстве // Административное и муниципальное право. — 2014. — № 4(76). — С. 360–366.

[7] Шурухнов Н. Г. Виды мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и их место в системе административно-процессуальных средств // Актуальные вопросы российского права: сборник научных статей / Московский гуманитарный университет, Юридический факультет; отв. ред. Ю. Е. Винокуров. — Вып. 16. — М.: Московский гуманитарный университет, 2010. — С. 7–14.

Однако, как справедливо отмечает Н.В. Ландерсон, «не всеми учеными административно-процессуальные средства отождествляются только со средствами такого обеспечения»[1].

Существует более широкий подход, включающий в понятие административно-процессуальных средств любые процессуальные действия и решения, предусмотренные административно-процессуальными нормами.

При обозначении процессуальных правовых средств как правовой категории административного права следует иметь в виду, что главенствующие правовые средства - нормы права - бывают материальными и процессуальными. Нормы права как средства установления формализуют иные виды правовых средств, применяемые в деятельности субъектов.

Е.Г. Лукьянова определяет «процессуально-правовой механизм как динамическую систему правовых средств, при помощи которой упорядочивается охранительная деятельность уполномоченных органов в области юрисдикционного правоприменения»[2].

Таким образом, административно-процессуальные средства — это не просто вспомогательный инструментарий для реализации материальных норм, а самостоятельная правовая категория, имеющая собственную структуру, виды и закономерности функционирования.

Исходя из всего вышесказанного, целесообразно сформулировать понятие административно-процессуальных средств в общем теоретико-административном значении, под которыми следует понимать формализованные в административно-процессуальных нормах, актах применения административного права и административно-процессуальных действиях способы и приемы воздействия, применяемые уполномоченными субъектами в целях решения административно-процессуальных задач, направленных на реализацию прав граждан, общества и государства и приводящие к юридически значимым последствиям.

---

[1] Ландерсон Н. В. Меры административно-правового и административно-процессуального принуждения: отличие и взаимосвязь // Административное право и процесс. — 2023. — № 11. —С. 40.

[2] Лукьянова Е. Г. Механизм процессуального регулирования и его элементы // Журнал российского права. — 2001. — № 7. — С. 163.

Признаки административно-процессуальных средств:

1) формализованность - закрепление в административно-процессуальных нормах;

2) динамичность - реализуются в процессуальной деятельности;

3) целевая направленность - решение административно-процессуальных задач (всестороннее, полное, объективное выяснение обстоятельств дела);

4) результативность - приводят к юридически значимым последствиям (вынесение постановления, определения, решения);

5) субъектный состав - применяются уполномоченными субъектами (органы публичной администрации, суды).

Административно-процессуальные средства трактуются учеными как средства реализации материальных административно-правовых средств, имеют цель и предназначение - достижение предусмотренного законом юридического результата и реализуются в ходе процессуальной деятельности уполномоченных субъектов. Материальные административно-правовые средства воплощаются посредством административно-процессуальных средств. Например, следует согласиться с мнением И.А. Зайцева о том, что «непосредственно взаимосвязь прав и обязанностей в административно-процессуальных правоотношениях усматривается при оформлении должностными и иными лицами процессуальных документов»[1].

В рассматриваемом механизме понятие административно-правовых средств обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия носит специфический характер, так как отражает свойства этого механизма и его элементов. Административно-процессуальные средства административно-правового механизма обеспечения прав граждан от семейного насилия применяются субъектами этого механизма, направлены на реализацию прав и обязанностей участников административных правоотношений в целях достижения задач по защите прав граждан от семейного насилия.

---

[1] Зайцев, И. А. Теоретическое осмысление социальных функций административной ответственности: негативные и позитивные аспекты / И. А. Зайцев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 3(67). – С. 103.

Субъекты рассматриваемого механизма реализуют следующие направления деятельности в сфере противодействия семейному насилию:

1) выявление причин и условий, способствующих совершению правонарушений, в том числе актов семейного насилия;

2) выявление лиц, склонных к совершению правонарушений данного характера;

3) пресечение противоправных насильственных действий, содержащих признаки правонарушений, и оказание неотложных мер помощи потерпевшим;

4) применение процедуры медиации к спорам, возникающим из семейных правоотношений;

5) производство по делам об административных правонарушениях в целях привлечения виновных лиц к ответственности;

6) выявление лиц, пострадавших от правонарушений или подверженных риску стать таковыми, оказание помощи в защите прав потерпевших;

7) осуществление профилактической работы с лицами, совершившими правонарушения;

8) обеспечение законности в деятельности субъектов механизма посредством государственного, муниципального и общественного контроля и надзора;

9) нормативное регулирование противодействия семейному насилию, сопряженное с деятельностью экспертного сообщества.

Данный перечень значительно шире того, который традиционно реализуется органами внутренних дел, что обусловлено многосубъектностью исследуемого механизма и включением в него органов социальной защиты, образовательных организаций, кризисных центров, комиссий по делам несовершеннолетних.

Рассмотрим понятие и виды административно-процессуальных средств исследуемого механизма. Под административно-процессуальными средствами административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия следует понимать формализованные в административно-

процессуальных нормах, актах применения административного права и административно-процессуальных действиях способы и приемы воздействия, применяемые субъектами механизма в целях решения административно-процессуальных задач и достижения юридического результата — удовлетворительного состояния защищенности граждан от семейного насилия.

В качестве основных признаков административно-процессуальных средств обозначенного механизма, указывающих на их специализированное значение, следует выделить:

- специфическую цель применения — решение административно-процессуальных задач и достижение юридического результата — удовлетворительного состояния защищенности граждан от семейного насилия (данная цель является конкретизацией общей цели административного процесса применительно к исследуемой сфере);

- специализированный субъектный состав — субъекты обозначенного административно-правового механизма (не любые органы публичной администрации, а именно те, на которые возложены обязанности по обеспечению прав граждан от семейного насилия);

- особый предмет правового регулирования — общественные отношения, возникающие в связи с совершением актов семейного насилия;

- комплексный характер — сочетание административно-процессуальных средств с административно-процедурными и административно-организационными средствами.

При устойчивой направленности лица на применение насилия в исследуемой сфере материальные и процессуальные административно-правовые средства носят цикличный характер применения.

Рассмотрим виды административно-процессуальных средств, применяемых субъектами профилактики (механизма) по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ «Побои».

Дополнительными признаками, обозначающими, что производство по рассматриваемому виду административных правонарушений осуществляется не в процедурном, а процессуальном порядке, является:

- указание законодателя, закрепленное в части 1 статьи 28.7 КоАП РФ, что административное правонарушение, предусмотренное статьей 6.1.1 КоАП РФ, осуществляется в форме административного расследования;

- данное правонарушение (согласно части 1 статьи 23.1 КоАП РФ) рассматривается судом (назначение наказания).

По функциональной направленности (по цели применения) административно-процессуальные средства, применяемые при производстве по делам об административных правонарушениях, предусмотренным статьей 6.1.1 КоАП РФ, можно разделить на следующие группы:

1) средства административного процессуального пресечения - носят исключительно принудительный характер, «практически неразрывно связаны с юридическими фактами» [1] . Служат в качестве способа предотвращения совершаемого противоправного деяния. К ним относится требование о прекращении противоправного деяния и административное доставление;

2) средства, нацеленные на получение доказательств — обеспечивают всесторонность, полноту и объективность сведений об обстоятельствах правонарушения. Они перечислены в части 2 статьи 26.2 КоАП РФ: объяснения лица, в отношении которого ведется производство; показания потерпевшего, свидетелей; заключения эксперта; вещественные доказательства; иные документы;

3) средства, направленные на реализацию административных наказаний — регулируют порядок исполнения административных наказаний (штрафа, ареста, обязательных работ).

---

[1] Кузнецов А. Е., Данилина Е. И. Меры административно-процессуального пресечения // Вопросы российского и международного права. — 2022. — Т. 12, № 8-1. – С. 95.

Все вместе они являются способом достижения целей административного производства по всестороннему, полному, объективному и своевременному выяснению обстоятельств, а также обеспечению исполнения постановления по делу об административном правонарушении.

В санкции статьи 6.1.1 КоАП РФ закреплены три вида административных наказаний: административный штраф, административный арест и обязательные работы. Правовые средства обеспечения обозначенных видов наказаний допустимо выделить и классифицировать следующим образом.

К числу административно-процессуальных средств, обеспечивающих исполнение административных наказаний, направленных:

— *на исполнение (оплату) административного штрафа, относятся*: указание в постановлении об административном правонарушении информации о получателе штрафа, его реквизиты; уплата административного штрафа в установленные сроки; направление судьей, органом, должностным лицом, вынесшими постановление, второго экземпляра в случае отсутствия документа об уплате (часть 5 статьи 32.2 КоАП РФ);

— *на осуществление административного ареста, относятся*: доставление, административный арест, привод. Ранее выдвигалось предложение о том, что административный арест должен быть сопряжен с выполнением арестованными в административном порядке общественно полезных работ[1];

— *на организацию выполнения обязательных работ, относятся*: осуществление судебными приставами-исполнителями учета лиц, которым назначены обязательные работы, контроль их поведения и суммарный учет отработанного времени (ст. 32.13 КоАП РФ); возложение на администрацию организации контроля за выполнением работ; обязанность лица соблюдать правила внутреннего распорядка, добросовестно работать, извещать судебного пристава-исполнителя об изменении места жительства, являться по его вызову.

[1] Равнюшкин А. В., Дрозд А. О. Административный арест с общественно полезными работами (к вопросу о справедливости содержания этого вида административного наказания с позиции общества) // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 12(228). - С. 212.

Особо следует отметить, что за административно-процессуальными средствами, направленными на осуществление административных наказаний, при их невыполнении следует такое материальное административно-правовое средство, как наступление административной ответственности по статье 20.25 КоАП РФ «Уклонение от исполнения административного наказания».

Применение административно-правовых средств в рассматриваемом механизме носит цикличный характер. Семейное насилие как негативное противоправное явление получает противодействие различными правовыми механизмами государства. Основную роль в этом противодействии играют конституционно-правовой и административно-правовой механизмы обеспечения прав защиты прав граждан от семейного насилия, которые в совокупности образуют публично-правовой механизм. При этом публично-правовой механизм является первичным по сравнению с уголовно-правовым[1].

Цикличный характер семейного (домашнего) насилия отмечала Ленор Уолкер, разработавшая *«теорию цикла насилия»* в семье в своей известной книге «Избитая женщина». Цикличный характер домашнего насилия затрудняет прекращение его применения со стороны агрессора[2].

Группа зарубежных авторов (Goodlin W.E., Dunn C.S.) провела исследование количества первичных и вторичных случаев применения насилия в отношении членов семьи и пришла к выводу о том, что «единовременная виктимизация члена семьи другими членами семьи имела место примерно в 80% домохозяйств, подвергшихся семейному насилию. Повторная виктимизация одной и той же жертвы произошла примерно в 15% домохозяйств»[3].

Цикличность правового развития подчеркивается А.Ю. Барсуковым, который говорит «о возможной целесообразности выделения в теории права

---

[1] Равнюшкин А. В. Публично-правовой механизм защиты граждан от семейного насилия // Сибирское юридическое обозрение. — 2024. — Т. 21, № 3. — С. 363-364.

[2] 29. Walker L. E. The battered woman. — New York etc.: Harper & Row, Cop. 1979. — XVIII, P. 29.

[3] Goodlin W. E., Dunn C. S. Three Patterns of Domestic Violence in Households: Single Victimization, Repeat Victimization, and Co-occurring Victimization // Journal of Family Violence. — 2010. — № 25. — P. 120.

общей закономерности цикличности в развитии и функционировании значительного числа явлений, включаемых в правовую систему общества»[1].

Е.В. Белякович относит цикличность (наряду с длительностью, скоростью и ритмичностью) к темпоральным параметрам властной деятельности органов публичной администрации и судов по разрешению административных дел[2], что при определенных условиях относится к свойствам административно-процессуальных и иных средств.

Применительно к исследуемой сфере цикличность проявляется следующим образом.

Первый цикл: реализация материальных административно-правовых средств (норм статьи 6.1.1 КоАП РФ) чередуется применением административно-процессуальных средств (возбуждение дела, административное расследование, рассмотрение дела судом, исполнение постановления).

Второй цикл: обозначенная цикличность воздействия продолжается, когда одно и то же лицо в течение года со дня привлечения к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 КоАП РФ, совершает аналогичное правонарушение вновь. В этом случае образуется состав преступления, предусмотренный частью 1 статьи 116.1 УК РФ, и включается уголовно-процессуальный механизм.

Третий цикл: если лицо, имеющее судимость за преступление, совершенное с применением насилия, наносит побои или совершает иные насильственные действия, причинившие физическую боль, оно привлекается к уголовной ответственности по части 2 статьи 116.1 УК РФ.

Четвертый цикл: при совершении нового насильственного преступления лицом, имеющим неснятую или непогашенную судимость, наступают основания для установления административного надзора (Федеральный закон № 64-ФЗ),

---

[1] Барсуков А. Ю. Цикличность трансформации государства и права как государственно-правовая закономерность // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2019. — № 1(126). - С. 39.

[2] Белякович Е. В. Категория срока в административно-процессуальном праве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. - 2021. - Т. 25, № 4. - С. 804.

который реализуется в процессуальной форме и включает собственный набор административно-процессуальных средств.

При этом состав преступления, предусмотренного частью 2 статьи 116.1 УК, образуется не только лицом, имеющим судимость по преступлению, предусмотренному частью 1 статьи 116.1 УК РФ, но и по другим насильственным преступлениям, включая разбой (статья 162 УК РФ), причинение тяжкого вреда здоровью (статья 111 УК РФ).

Это указывает, что механизм юридической ответственности (как симбиоз административной и уголовной) включает как минимум четыре цикла применения материальных и процессуальных средств при устойчивом сохранении лицом насильственной направленности совершения противоправных и наказуемых деяний в сфере семейно-бытовых отношений.

Цикличность применения административно-правовых средств и иных средств имеется не только в исследуемом механизме, но и в других правовых механизмах противодействия: незаконному обороту наркотических средств; терроризму и экстремизму; правонарушениям в сфере дорожного движения; в сфере информации и информационных технологий. Данный вывод о многосферности подтверждает общетеоретическое значение цикличности применения правовых средств.

Процедурно-правовой порядок применения административно-правовых средств рассматриваемого механизма складывается из следующих этапов:

1) инициатива потерпевшего (обращение) / реакция органа (должностного лица) на правовую аномалию (семейное насилие) или выявление акта насилия субъектом механизма и реакция органа;

2) оперативное рассмотрение и принятие решения / оперативное действие по реализации полномочий;

3) вынесение акта применения права компетентным органом и его фактическое исполнение.

Напротив, динамика процесса, направленного на реализацию административных наказаний, выражается в стадиях, развертываемых во времени,

каждая из которых есть система органически связанных и последовательно совершаемых процессуальных действий, и осуществляется на основе фактов, имеющих юридическое значение.

Помимо производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ, направленного на реализацию административных наказаний, в процессуальной форме в рамках рассматриваемого механизма осуществляется производство по делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, ранее совершившими преступления в сфере семейно-бытовых отношений. Оно относится к отдельной форме административного предупреждения.

Процессуальный порядок применения обозначенного вида принудительных мер предупреждения выражается последовательностью процессуальных действий, которые выступают в качестве стадий рассматриваемого производства.

В научной литературе продолжается дискуссия относительно того, всякая ли деятельность уполномоченных органов по применению административно-правовых средств должна облекаться в процессуальную форму, либо достаточно процедурной регламентации.

Сторонники широкого понимания административного процесса (В.Д. Сорокин[1], П.И. Кононов) полагают, что не любая властная деятельность исполнительных органов нуждается в процессуальной форме, а исключительно только юридическая, поскольку затрагивает права и свободы граждан. Сторонники узкого (юрисдикционного) подхода (А.П. Коренев, Н.Г. Салищева) настаивают на том, что процессуальная форма необходима только там, где возникает правовой спор или решается вопрос о применении принуждения.

Применительно к сфере противодействия семейному насилия эта дискуссия приобретает особую остроту. Например, деятельность по выявлению фактов семейного насилия педагогами образовательных организаций или сотрудниками

[1] Сорокин В.Д. Административный процесс и административно-процессуальное право. - СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург). 2002. – С. 12.

кризисных центров регламентируется преимущественно процедурно (ведомственными приказами, регламентами, локальными актами). Однако последующая передача информации в органы внутренних дел или органы опеки и попечительства влечет процессуальные последствия — возбуждение дела об административном правонарушении либо административного расследования.

Представляется обоснованным вывод о том, что процедурная и процессуальная формы не противопоставлены, а образуют единый континуум административно-правового регулирования. Процедурные средства обеспечивают оперативность и доступность, процессуальные — гарантии законности и обоснованности. В исследуемом механизме они взаимно дополняют друг друга.

Примером эффективного сочетания процедурных и процессуальных начал является Порядок межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Кемеровской области — Кузбасса (2024 г.), в котором прописана как процедура первичного выявления и маршрутизации несовершеннолетнего, так и процессуальные аспекты передачи материалов в комиссию по делам несовершеннолетних и суд[1].

Отчасти следует согласиться с утверждением Е.В. Евсиковой, что «основную информацию о домашнем насилии, его причинах и условиях, личности преступника и пострадавшего дают социологические опросы, анкетирование, анализ документов, включенное наблюдение»[2].

Однако, на наш взгляд, полагаться только на социологические методы при официальном учете правонарушений недопустимо — необходимы четкие правовые критерии отнесения деяния к семейному насилию.

---

[1] Порядок межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних Кемеровской области — Кузбасса в случаях выявления несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства: утв. постановлением Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав Кузбасса от 17 октября 2024 г. № 5. — URL: https://www.ako.ru/organy-vlasti/sovety-i-komissii/komissiya-po-delam-nesovershennoletnikh-i-zashchite-ikh-prav.php (дата обращения: 15.01.2026).

[2] Евсикова Е. В. Органы внутренних дел как основной субъект предупреждения домашнего насилия: сравнительно правовой анализ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. — 2016. — Т. 2(68), № 2. — С. 19;

Существуют проблемы, связанные с осуществлением полномочий различными субъектами исследуемого механизма и с чрезмерной нагрузкой на органы внутренних дел, и в частности, на участковых уполномоченных полиции[1], и вытекающие отсюда проблемы межведомственного взаимодействия.

Конкретной правовой регламентации оснований и порядка осуществления профилактического учета на протяжении долгого времени не было. Учеными данный факт оценивался в качестве административного усмотрения. По мнению Ю.П. Соловья, сотруднику полиции при постановке лица на учет следует «самостоятельно оценивать фактические обстоятельства основания (критерии), которые не закреплены в правовых нормах достаточно полно или конкретно при выборе в пределах, допускаемых нормативными актами оптимального варианта решения конкретного управленческого вопроса»[2].

В определенной степени правовая регламентация осуществления профилактического учета в последующем была осуществлена в нормативном правовом акте МВД России[3].

Однако, как справедливо отмечает А.А. Гайдуков, «внутриведомственная система профилактики правонарушений МВД России к числу полномочий своих субъектов относит развитие системы профилактического учета лиц, склонных к совершению правонарушений» [4], но этого недостаточно — требуется межведомственная унификация учетных процедур.

---

[1] Анохина С. Ю., Гайдуков А. А., Гришаков А. Г. [и др.]. Расчет рабочего времени участкового уполномоченного полиции по основным направлениям деятельности: Аналитический обзор. — Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. — 39 с.

[2] Соловей Ю. П. Усмотрение в административной деятельности советской милиции: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.02. — М., 1982. — С. 20;

[3] О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке») // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). — 2019. — 4 июля.

[4] Гайдуков А. А., Абдрахманов А. А., Корнейчук С. В. [и др.]. Предупреждение семейного насилия по законодательству Российской Федерации, Республики Казахстан, Киргизской Республики и Республики Узбекистан: учебное пособие. — Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2025. — С. 81.

Таким образом, в Российской Федерации закреплена совокупность административно-правовых средств противодействия семейному насилию, применяемая системой субъектов административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия. Они применяются на различных этапах административной деятельности.

Административно-правовые средства обеспечения прав защиты прав граждан от семейного насилия представляют собой взятое в единстве системное образование, включающее правовые установления (материальные нормы, запреты, дозволения, стимулы, санкции) и формы правореализационной практики (административные процедуры, процессуальные действия, акты применения права), реализуемое специализированными субъектами административно-правового механизма в целях противодействия семейному насилию, восстановления нарушенных прав потерпевших и достижения удовлетворительного состояния защищенности граждан. Данный подход, в отличие от узкоинструментального, позволяет раскрыть регулятивный потенциал средств на всех этапах административной деятельности: выявления, предупреждения, пресечения, реабилитации и контроля.

Административно-правовые средства противодействия семейному насилию классифицируются по девяти основаниям: 1) по виду объекта воздействия; 2) по методам правового воздействия и содержанию предписания; 3) по сфере действия; 4) по масштабу (территории) действия; 5) по цели применения; 6) по способу применения; 7) по способу обеспечения прав граждан; 8) по виду субъекта реализации; 9) по характеру общественных отношений (материальные и процессуальные). Данная классификация обосновывает необходимость дифференцированного подхода к выбору средств в зависимости от этапа профилактики, категории объекта и вида субъекта реализации, что создает теоретическую основу для оптимизации компетенции субъектов профилактики и устранения дублирования функций.

Административно-процессуальные средства в общем теоретико-административном значении — это формализованные в административно-

процессуальных нормах, актах применения административного права и административно-процессуальных действиях способы и приемы воздействия, применяемые уполномоченными субъектами в целях решения административно-процессуальных задач, направленных на реализацию прав граждан, общества и государства и приводящие к юридически значимым последствиям. В рамках административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия данные средства приобретают специализированное значение, определяемое целевой направленностью (достижение удовлетворительного состояния защищенности граждан от семейного насилия) и субъектным составом (субъекты исследуемого механизма)[1].

При устойчивой направленности лица на применение насилия в сфере семейно-бытовых отношений материальные и процессуальные административно-правовые и иные средства применяются циклично, что выражается в последовательной смене процессуальных циклов: административная ответственность по статье 6.1.1 КоАП РФ → уголовная ответственность по статье 116.1 УК РФ (при повторном деянии) → уголовная ответственность по части 2 статьи 116.1 УК РФ (при наличии судимости за насильственное преступление) → административный надзор (по отбытии наказания). Цикличность является объективной закономерностью, обусловленной природой семейного насилия как повторяющегося (рецидивного) деяния, и требует учета при конструировании системы административно-правовых средств и определении стратегии правоприменения. Данная закономерность имеет общетеоретическое значение и проявляется также в иных правовых механизмах противодействия правонарушениям.

В административно-правовом механизме обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия объективно сосуществуют две формы реализации административно-правовых средств:

- процедурная (оперативная, внутриорганизационная, межведомственная);

[1] Равнюшкин, А. В. Административно-процессуальные средства в механизме обеспечения прав граждан, подвергшихся семейному насилию / А. В. Равнюшкин // Сибирское юридическое обозрение. – 2025. – Т. 22, № 3. – С. 436.

- процессуальная (юрисдикционная, судебная, обеспеченная повышенными гарантиями законности).

Процедурные средства (выявление, информирование, социальное обслуживание, профилактическая беседа, профилактический учет) обеспечивают оперативность и доступность первичного реагирования на акты семейного насилия; процессуальные средства (производство по делам об административных правонарушениях, административное расследование, судебное рассмотрение, производство по административному надзору) гарантируют законность и обоснованность правоограничений. Единство и взаимодополняемость процедурной и процессуальной форм является необходимым условием эффективности исследуемого механизма.

Представленные административно-правовые средства обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия определяются в качестве правовой категории концепции и элемента исследуемого механизма.

Глава 3. Характеристика и сравнительно-правовые аспекты систем обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия в зарубежных странах

§ 1. Характеристика систем обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия в странах дальнего зарубежья (США, Австрия, Норвегия, Китай)

В различных государствах функционируют собственные механизмы обеспечения прав граждан от семейного (домашнего) насилия, сформированные в зависимости от исторических, культурных и правовых ценностей, степени их правового регулирования. На национальные системы обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия воздействуют нормы международного права, к числу которых относятся:

Всеобщая декларация прав человека 1948 года[1]; Конвенции об охране материнства (1952 г.)[2]; Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.)[3]; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (1979)[4]; Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях

---

[1] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/ declhr (дата обращения: 21.03.2025).

[2] Конвенция об охране материнства от 04.06.1952 № 103. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=27620 (дата обращения: 22.03.2025);

[3] Принят резолюцией 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 22.03.2025).;

[4] Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года // URL: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 22.03.2025);.

(1986) [1] ; Конвенция о правах ребенка (1989) [2] ; Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (1990)[3]; Рекомендация № R (98) 14 Комитета министров Совета Европы государствам-членам «О применении комплексного подхода к проблеме равенства между мужчинами и женщинами»[4]; Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция) [5] ; Рекомендации Rec(2002)5 о защите женщин от насилия [6], и многие другие. Именно в них заложены основы действующих национальных и наднациональных систем противодействия семейному (домашнему) насилию. Однако практически в каждой стране имеются определённые специфики в функционирующих системах, направленных на противодействие этому негативному явлению. Рассмотрим некоторые из них. США, Норвегия и Австрия представляют разные модели западного подхода (североамериканская, скандинавские модели и специфическая европейская), а Китай — принципиально иную культурно-правовую парадигму.

В США рассматриваемая система имеет двухуровневую основу: уровень отдельных штатов и федеральный уровень, что является следствием федеративного устройства этого государства. В юрисдикции федеральной системы США по противодействию семейному (домашнему) насилию находятся вопросы предоставления жертвам домашнего насилия доступ к убежищам, юридической помощи, программам реабилитации и временной финансовой поддержке в соответствии с Закон о насилии против женщин (Violence Against Women Act,

---

[1] Принята резолюцией 41/85 Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1986 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childpri.shtml (дата обращения: 22.03.2025).

[2] Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 28.03.2025).

[3] Принята Всемирной встречей на высшем уровне в интересах детей, Нью-Йорк, 30 сентября 2000 года // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_child90.shtml (дата обращения: 28.03.2025).

[4](Принята Комитетом министров 7 октября 1998 г.). URL: http://www.echr-base. ru/rec98_14.jsp (дата обращения: 29.03.2025).

[5]Принята Комитетом министров Совета Европы 11 мая 2011 года // https://rm.coe.int/168046253f (дата обращения: 28.03.2025).

[6] Принята Комитетом Министров 30 апреля 2002 года на 794-м заседании Представителей Министров. URL: https://docs.cntd.ru/document/90199643 (дата обращения: 28.03.2025).

VAWA). На международном уровне США предоставляют услуги по обращению в Национальную горячую линию по вопросам домашнего насилия (National Domestic Violence Hotline), которая предоставляет консультации на многих языках. На сайте также предусмотрен чат, на который имеется возможность отправки текстовых сообщений и помощь искусственного интеллекта[1].

Также функционирует RAINN (Национальная сеть по борьбе с изнасилованиями, жестоким обращением и инцестом), которая помогает жертвам сексуального насилия. У нее есть круглосуточная горячая линия и чат с местной поддержкой и юридической информацией по номеру 800.656.HOPE (4673).

Однако более всего вызывает интерес федеральная система поощрения и поддержки субъектов противодействия семейному насилию в штатах США. Она закреплена на федеральном законодательном уровне [2] и предусматривает выделение грантов по различным аспектам противодействия семейному насилию.

1. Выделение грантов для государственных (штатов США) коалиций по борьбе с домашним насилием. Выделение данных грантов предусматривается коалициям штатов по борьбе с семейным насилием, под которыми понимается негосударственная некоммерческая организация по борьбе с домашним насилием в масштабах штата, которая образуется из

(A) большинства поставщиков услуг по борьбе с домашним насилием в штате;

(B) представители организаций, оказывающих первичную помощь жертвам домашнего насилия, а также представители сообществ, в которых предоставляются такие услуги в штате;

(C) ставит своей целью обучение, поддержку и оказание технической помощи таким организациям, чтобы они могли создавать и поддерживать приюты и службы поддержки для жертв домашнего насилия и их иждивенцев; и

---

[1] Национальная горячая линия по борьбе с насилием в семье 1-800-799-SAFE (7233) (TTY) 1-800-787-3224 (New Social Security Numbers for Domestic Violence Victims) // URL: https://www.ssa.gov/pubs/EN-05-10093.pdf (дата обращения: 30.03.2025).

[2] Свод законов США, раздел 42, статья 10411 — гранты для государственных коалиций по борьбе с домашним насилием 42 U.S. Code § 10411 - Grants to State Domestic Violence Coalitions // URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2010-title42/html/USCODE-2010-title42-chap110.htm. (дата обращения: 30.03.2025).

(D) выступает в качестве информационного центра, основного контактного лица и ресурсного центра по вопросам домашнего насилия в штате, а также поддерживает разработку политики, протоколов и процедур, направленных на более эффективное реагирование и предотвращение домашнего насилия в штате[1].

Коалиции штатов по борьбе с домашним насилием (State Domestic Violence Coalitions) образуют Национальную сеть по борьбе с домашним насилием (National Network to End Domestic Violence, NNEDV), представляет систему 56 штатовских и территориальных коалиций США, выступающих против домашнего насилия[2]. Например, коалиция «Партнерство Флориды по борьбе с домашним насилием» включает 34 организации[3].

Коалиции штатов работают с судьями по семейным делам, судьями по уголовным делам, сотрудниками служб защиты детей и адвокатами по делам детей для выработки надлежащих мер по вопросам опеки над детьми и посещения их в случаях, когда дети подвергаются насилию в семье, домашнему насилию или насилию со стороны партнера, а также в случаях, когда —

(A) присутствует насилие в семье, домашнее насилие или насилие в отношениях; и

(Б) имеет место жестокое обращение с детьми.

2. Крупнейшим поставщиком услуг по защите от домашнего насилия в США является Urban Resource Institute (URI) (Институт городских ресурсов), который предоставляет услуги убежища для жертв, их детей и домашних животных. URI также предлагает услуги консультирования, социальной работы и другие программы, позволяющие жертвам восстановиться после насилия, обрести независимость и безопасно построить свою жизнь.

3. На борьбу с семейным насилием выделено 175 000 000 долларов на каждый финансовый год с 2011 по 2015. например, каждому штату выделяется грант в

---

[1] Свод законов США, раздел 42, §10402. Определения (42 U.S. Code §10402. Definitions // URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2010-title42/html/USCODE-2010-title42-chap110.htm (дата обращения: 08.04.2025).

[2] URL:https://nnedv.org/content/state-u-s-territory-coalitions (дата обращения: 08.04.2025).

[3] URL:https://drive.google.com/file/d/1dWCQ2VMndDhIlg6OfVEaLaUrl6GUCob0/view?pli=1 (дата обращения: 08.04.2025).

соответствии с разделом 10406(a) настоящего закона в размере 600 000 долларов США, а оставшиеся средства распределяются между штатами в соотношении, соответствующем соотношению численности населения каждого штата к численности населения всех штатов[1].

По другому закону, в период с 2017 по 2021 год было выделено в дополнение к любой сумме, выделенной на реализацию данного подраздела, на реализацию данного подраздела выделяется 345 000 000 долларов США на каждый финансовый год[2].

Секретарь (министр) здравоохранения и социальных служб (далее -Министр) выделяет штатам гранты по формуле штатам для оказания помощи в создании, поддержке и расширении программ и проектов, чтобы:

(1) предотвращать случаи насилия в семье, домашнего насилия и насилия на свиданиях (далее – семейное насилие);

(2) предоставлять временное убежище, услуги поддержки и доступ к общественным программам для жертв семейного насилия, домашнего насилия или насилия в отношениях, а также для их иждивенцев; и

(3) предоставлять специализированные услуги детям, ставшим жертвами насилия в семье, домашнего насилия или насилия со стороны партнёра, малообеспеченным группам населения и жертвам, принадлежащим к расовым и этническим меньшинствам.

Каждые два года Министр здравоохранения и социальных служб, как представитель федерального Правительства США (далее – Министр), должен проводить анализ и оценку деятельности получателей грантов, субподрядчиков и исполнителей, а также эффективности программ, реализуемых в соответствии с требованиями, и представлять отчет с результатами оценки в Комитет по образованию и труду Палаты представителей и Комитет по здравоохранению, образованию, труду и пенсиям Сената. Министр должен опубликовать на веб-

---

[1] Свод законов США, раздел 42, §10405. Выделение средств (42 U.S. Code §10405. Allotment of funds // URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2010-title42/html/USCODE-2010-title42-chap110.htm (дата обращения: 08.04.2025).

[2] РАЗДЕЛ. 436. [42 U.S.C. 629f] (a) РАЗРЕШЕНИЕ (SEC. 436. [42 U.S.C. 629f] (a) AUTHORIZATION) // URL: HTTPS://WWW.SSA.GOV/OP_HOME/SSACT/TITLE04/0436.HTM (ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 08.04.2025).

сайте Министерства здравоохранения и социальных служб отчёты об оценке, представленные Конгрессу в соответствии с данным подразделом, включая краткое изложение документации, предоставленной министру в соответствии с разделом 10406(d) настоящего закона[1].

Глава исполнительной власти штата, запрашивающий средства, или должностное лицо племени, должны подать заявление Министру в установленным им порядке. В заявке штата должно быть прописаны:

A) описание процедур, разработанных для обеспечения соблюдения требований использования средств;

(B) предоставить в отношении средств, указанных в пункте (1), гарантии того, что на административные расходы будет расходоваться не более 5 % таких средств;

(C) в случае подачи заявки государством — получатель гранта гарантирует справедливое распределение грантов и средств, выделяемых на гранты, внутри штата, а также между его городскими и сельскими районами;

(D) предоставление гарантий того, что штат будет консультироваться с Коалицией по борьбе с домашним насилием и обеспечивать её участие в планировании и мониторинге распределения грантов между организациями, имеющими на это право, а также в управлении грантовыми программами и проектами;

(E) описание способов того, как штат или индейское племя будут привлекать общественные организации, основной целью которых является предоставление услуг с учетом культурных особенностей малообеспеченным группам населения, а также они должны описать, каким образом такие общественные организации

[1] 42 U.S.C. Свод законов США, издание 2010 года. Раздел 42 — Общественное здоровье и благополучие. Глава 110. Предотвращение насилия в семье и помощь жителям §10404. Полномочия секретаря (c) Отчеты (42 U.S.C. U.S. Code of Laws, 2010 edition. Section 42 — Public Health and well-being Chapter 110. Prevention of domestic violence and assistance to residents §10404. Powers of the Secretary (c) Reports) // URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2010-title42/html/USCODE-2010-title42-chap110.htm (дата обращения: 09.04.2025).

могут помочь штату или индейскому племени в удовлетворении потребностей таких групп населения;

(F) описание мероприятий и услуг, предоставляемых государством или индейским племенам, направленные на снижение уровня насилия в семье, домашнего насилия и насилия в отношениях, в том числе как будут расходоваться средства на предоставление убежища, вспомогательных услуг и профилактических мер;

(G) обозначение государственного учреждения или должностного лица, назначенное племенем, которое будет отвечать за реализацию программ и мероприятий, связанных с насилием в семье, домашним насилием и насилием в отношениях, осуществляемых государством или индейским племенем, а также за координацию соответствующих программ в рамках юрисдикции государства или индейского племени;

(H) предоставление гарантии того, что в штате или индейском племени действует закон или процедура, запрещающие насильнику находиться в одном доме с жертвой насилия, что может включать в себя законы или процедуры о выселении, где это уместно[1].

Если заявитель не представляет ежегодный отчёт о результатах работы, то Министр приостанавливает действие заявки.

Каждый штат должен использовать грантовые средства для предоставления субгрантов соответствующим организациям для программ и проектов в штате, предназначенные для предотвращения случаев насилия в семье, домашнего насилия и насилия на свиданиях путем немедленного предоставления убежища и вспомогательных услуг взрослым и молодым жертвам насилия в семье, домашнего насилия или насилия на свиданиях (и их иждивенцам), а также может

---

[1] 42 U.S.C. Свод законов США, издание 2010 года. Раздел 42 — Общественное здоровье и благополучие. Глава 110. Предотвращение насилия в семье и помощь жителям §10407. Заявка штата. (2) Содержание (42 U.S.C. U.S. Code of Laws, 2010 edition. Section 42 — Public health and well-being. Chapter 110. Prevention of domestic violence and assistance to residents §10407. The state's application. State application (2) Content // URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2010-title42/html/USCODE-2010-title42-chap110.htm (дата обращения: 09.04.2025).

предоставлять профилактические услуги для предотвращения будущих случаев насилия в семье, домашнего насилия и насилия на свиданиях.

Средства, выделяемые организациям должны использоваться для предоставления убежища, услуг поддержки или профилактических услуг взрослым и молодым жертвам семейного насилия, домашнего насилия или насилия в отношениях, а также их иждивенцам, в том числе:

(A) предоставление на регулярной основе временного убежища и сопутствующих услуг взрослым и несовершеннолетним жертвам семейного насилия, домашнего насилия или насилия со стороны партнера, а также их иждивенцам, включая оплату процедурных и административных расходов, связанных с предоставлением такого убежища;

(B) помощь в разработке планов обеспечения безопасности и поддержка усилий жертв семейного насилия, домашнего насилия или насилия в отношениях, направленных на принятие решений, связанных с их безопасностью и благополучием;

(C) предоставление индивидуальных и групповых консультаций, организация групп взаимопомощи и направление в общественные службы для оказания помощи жертвам семейного насилия, домашнего насилия и насилия в отношениях, а также их иждивенцам в преодолении последствий насилия;

(D) предоставление услуг, обучение, техническая поддержка и информационно-просветительская деятельность для повышения осведомлённости о насилии в семье, домашнем насилии и насилии на свиданиях, а также для повышения доступности услуг по борьбе с насилием в семье, домашним насилием и насилием на свиданиях;

(E) предоставление услуг с учётом культурных и языковых особенностей;

(F) предоставление услуг детям, подвергшимся насилию в семье, домашнему насилию или насилию со стороны партнера, включая консультации, соответствующие возрасту ребенка, вспомогательные услуги и услуги для родителя, не применяющего насилие, которые поддерживают его роль в качестве

опекуна и могут, при необходимости, включать услуги, предоставляемые совместно родителю, не применяющему насилие, и ребенку;

(G) оказание консультативной помощи, ведение дел, предоставление информации и направлений к специалистам по вопросам, связанным с насилием в семье, домашним насилием или насилием в отношениях, включая вмешательство и профилактику, в том числе:

(i) помощь в получении доступа к соответствующим федеральным и региональным программам финансовой помощи;

(ii) юридическая поддержка для оказания помощи пострадавшим и их иждивенцам;

(iii) медицинская поддержка, в том числе направление к специалистам для получения соответствующих медицинских услуг (в том числе для лечения психических расстройств, алкогольной и наркотической зависимости), но без возмещения стоимости медицинских услуг;

(iv) помощь в поиске и обеспечении безопасного и доступного по цене постоянного жилья, а также в предоставлении услуг по предотвращению бездомности;

(v) предоставление транспортных услуг, услуг по уходу за детьми, услуг по временному уходу, услуг по профессиональному обучению и трудоустройству, услуг по повышению финансовой грамотности и образовательных услуг, услуг по финансовому планированию и сопутствующих услуг по расширению экономических возможностей; и

(vi) услуги по воспитанию детей и другие образовательные услуги для жертв и их иждивенцев; и

(H) профилактические услуги, в том числе работа с малообеспеченными группами населения[1].

---

[1] 42 U.S.C. Свод законов США, издание 2010 года. Раздел 42 — Общественное здоровье и благополучие. Глава 110. Предотвращение насилия в семье и помощь жителям. §10408. Субгранты и использование средств (42 U.S.C. U.S. Code of Laws, 2010 edition. Section 42 — Public health and well-being. Chapter 110. Prevention of domestic violence and assistance to residents. §10408. Subgrants and use of funds) // URL:

Не менее 70 % средств, распределяемых штатом в соответствии с требованиями, должны направляться организациям, основной целью которых является предоставление временного убежища и услуг поддержки взрослым и несовершеннолетним жертвам семейного насилия, домашнего насилия или насилия в отношениях, а также их иждивенцам. Не менее 25 % средств, распределяемых штатом в соответствии с подразделом, должны направляться организациям, целью которых является предоставление услуг поддержки и профилактических услуг.

Чтобы иметь право на получение субгранта от государства в соответствии с этим разделом, организация должна отвечать требованиям:

(1) организация (местное государственное учреждение или некоммерческая частная организация (в том числе религиозные и благотворительные организации, общественные организации, племенные организации и добровольные объединения)), которая оказывает помощь жертвам семейного насилия, домашнего насилия или насилия со стороны партнера, а также их иждивенцам, должна иметь документально подтвержденный опыт эффективной работы в сфере семейного насилия, домашнего насилия или насилия со стороны партнера; или

(2) партнёрство двух или более агентств или организаций, включающее в себя;

(A) агентство или организацию; и

(B) агентство или организацию, которые имеют подтверждённый опыт работы с населением в своих сообществах, в том числе предоставления услуг с учётом культурных особенностей.

4. Кроме того, Министр должен предоставлять гранты, соответствующим требованиям *Национальному ресурсному центру по вопросам домашнего насилия*, который будет...

(i) предоставлять широкий спектр технической поддержки и обучающих ресурсов федеральным, региональным и местным органам власти, поставщикам

---

https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2010-title42/html/USCODE-2010-title42-chap110.htm (дата обращения: 09.04.2025).

услуг по борьбе с домашним насилием, общественным организациям и другим специалистам и заинтересованным сторонам, связанным с программами и исследованиями в области борьбы с домашним насилием, включая программы и исследования, связанные с жертвами и их детьми, подвергающимися домашнему насилию; и

(ii) вести централизованную библиотеку ресурсов для сбора, подготовки, анализа и распространения информации и статистических данных, связанных с:

(I) причинами и профилактикой насилия в семье и домашнего насилия; и

(II) предоставление убежища, социальной поддержки и профилактических услуг взрослым и несовершеннолетним жертвам домашнего насилия (включая услуги по предотвращению повторных случаев насилия)[1].

5. Также в США через систему грантов функционируют *специализированные ресурсные центры*, деятельность которых направлена на повышение эффективности мер по борьбе с домашним насилием и его предотвращению как минимум в одной из следующих областей:

(A) исследование реагирования систем уголовного и гражданского правосудия на случаи домашнего насилия по вопросам, связанным с заявлениями жертв домашнего насилия о самообороне, а также выдачу и применение охранных ордеров.

(B) мониторинг реагирования органов опеки и попечительства на случаи домашнего насилия в отношении жертв и их иждивенцев, а также вопросы опеки над детьми в случаях домашнего насилия.

(C) Реагирования междисциплинарной системы здравоохранения на случаи домашнего насилия и доступ жертв домашнего насилия к медицинским ресурсам.

---

[1] Свод законов США, издание 2010 года. Раздел 42 — Общественное здоровье и благополучие. Глава 110. Предотвращение насилия в семье и помощь жителям. § 10410. Национальные ресурсные центры, а также центры обучения и технической поддержки (US Code of Laws, 2010 edition. Section 42 — Public health and well-being. Chapter 110. Prevention of domestic violence and assistance to residents. § 10410. National resource centers, as well as training and technical support centers) // URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2010-title42/html/USCODE-2010-title42-chap110.htm (дата обращения: 10.04.2025).

(D) Реагирования систем охраны психического здоровья, программ помощи жертвам домашнего насилия и других соответствующих систем и программ на жертв домашнего насилия и их детей, подвергающихся домашнему насилию.

6. Кроме того, посредством Специализированных служб для родителей, подвергшихся насилию, и их детей Министр предоставляет гранты по оказанию помощи жертвам семейного насилия, домашнего насилия и насилия на свиданиях, а также общественных программ по предотвращению домашнего насилия в будущем путём надлежащего удовлетворения потребностей детей, подвергшихся семейному насилию, домашнему насилию или насилию на свиданиях[1].

Таким образом, посредством выделения федеральными властями США грантов главам исполнительной власти штатов, коалициям отдельных штатов по борьбе с домашним насилием, Национальному ресурсному центру по вопросам домашнего насилия, Специализированным ресурсным центрам, Специализированным службам для родителей, подвергшихся насилию, и их детей, Институту городских ресурсов (Urban Resource Institute (URI)), племенам индейцев, в США сформирована основа системы противодействия семейному насилию, элементом которой являются и органы полиции.

В США применяются меры воздействия как:

средства правовой защиты в рамках уголовного права, включающие в себя уголовное преследование правонарушителя и возможные ограничения в отношении его поведения в период досудебного освобождения или в рамках уголовного наказания;

---

[1] Свод законов США, издание 2010 года. Раздел 42 — Общественное здоровье и благополучие. Глава 110. Предотвращение насилия в семье и помощь жителям. §10412. Специализированные службы для родителей, подвергшихся насилию, и их детей (US Code of Laws, 2010 edition. Section 42 — Public health and well-being. Chapter 110. Prevention of domestic violence and assistance to residents. §10412. Specialized services for abused parents and their children // URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2010-title42/html/USCODE-2010-title42-chap110.htm (дата обращения: 11.04.2025).

средства правовой защиты в гражданском праве, которые включают возможность получения охранного судебного приказа. Данные меры не являются взаимоисключающими.

Американский ученый Нил Миллер в своей работе «Насилие в семье: обзор законодательства штатов, определяющего обязанности и полномочия полиции и прокуратуры» проанализировал, помимо прочего, виды мер, применяемых полицией в целях пресечения актов семейного насилия.

В 21 штате (напр., Аляска, Аризона, Колорадо, Коннектикут, Айова, Канзас, Нью-Йорк, Огайо, Юта) и округе Колумбия полицейский арест является обязательным, когда офицер полиции определяет, что для этого есть достаточные основания. В девяти штатах (Арканзас, Делавэр, Мериленд, Миннесота, Нью-Гэмпшир, Северная Дакота, Оклахома, Пенсильвания и Вайомиг) установлены временные ограничения на осуществление сотрудником полиции дискреционных полномочий по аресту или получению «заметных телесных повреждений». Полномочия по обязательному аресту ограничены по времени или нанесению заметных телесных повреждений в 10 штатах (Аризона, Айова, Луизиана, Миссисипи, Невада, Нью Джерси, Род-Айленд, Южная Каролина, Вашингтон, Висконсин). В Вирджинии сотрудник полиции наделен правом определять, существуют ли «особые обстоятельства», которые требуют использования альтернатив аресту[1].

В 8 штатах арест за бытовое насилие является предпочтительной мерой, и полицейские, которые не производят арест в этих штатах, обычно должны объяснить, почему они этого не сделали, в письменном виде в отчете об инциденте.

Нил Миллер отмечает, что «одна из проблем при осуществлении политики обязательного ареста в случаях домашнего насилия возникает, когда обе стороны утверждают, что агрессором была другая сторона, что приводит к аресту полицией

[1] Миллер Н. Насилие в семье: обзор законодательства штатов, определяющего обязанности и полномочия полиции и прокуратуры (2004) г., Neal Miller. Domestic Violence: A Review of State Legislation Defining Police and Prosecution Duties and Powers URL: http://www.ilj.org/publications/docs/Domestic_Violence_Legislation.pdf. P.26. (дата обращения: 10.04.2025).

обеих сторон, включая невинную жертву, которая, возможно, действовала в целях самообороны. В отсутствие закона или политики, ограничивающих обязанности сотрудника полиции в соответствии с законом об обязательном аресте в контексте двойного ареста, жертвы могут не подавать жалобы в полицию из-за страха личного ареста, что противоречит цели закона об обязательном аресте. Следовательно, многие штаты приняли поправку к закону об обязательном аресте, разрешающую полицейскому задерживать только главного агрессора»[1].

Так, в Миннесоте принят закон об аресте лиц, совершивших насилие в семье, который позволяет офицеру полиции производить арест человека в любом месте без ордера, в том числе по месту жительства, если у офицера полиции есть основания полагать, что в течение предшествующих 72 часов, не считая дня, когда были установлены основания для ареста, человек совершил домашнее насилие, не являющееся преступлением, как это определено в статье 518B.01, подраздел 2. Арест может быть произведён, даже если нападение произошло не в присутствии офицера полиции[2].

Сотрудник правоохранительных органов должен в устной форме сообщить пострадавшему о наличии приюта или других услуг в населённом пункте, а также незамедлительно предоставить пострадавшему письменное уведомление о доступных средствах правовой защиты и ресурсах. Письменное уведомление должно содержать следующее заявление:

«Если вы стали жертвой насилия в семье, Вы можете подать в суд заявление о выдаче охранного ордера[3] и потребовать, чтобы лицо, виновное в насилии в семье должно было:

(1) Воздерживаться от дальнейших актов насилия;

(2) Покинуть свой дом;

(3) Не приближаться к своему дому, школе, офису или месту работы; и

---

[1] Neal Miller, P. 29.

[2] 2025 Minnesota Statutes. Chapter 629. Section 629.341 Subdivision 1. Arrest. (Закон штата Миннесота 2025 года. Глава 629. Раздел 629.341, подраздел 1. Арест) // URL: https://www.revisor.mn.gov/statutes/cite/629.341 (дата обращения: 11.04.2025).

[3] Подача иска в суд о выдаче охранного ордера является инициативой истца, пострадавшего от семейного насилия в рамках гражданского законодательства США.

(4) Оказывать временную поддержку жертве и ее несовершеннолетнему ребёнку, если лицо обязано делать это по закону.

В уведомлении должна быть указана государственная горячая линия по вопросам домашнего насилия, а также контактная информация местных организаций, предоставляющих услуги жертвам домашнего насилия, согласно списку Управления программ правосудия Департамента общественной безопасности[1].

Законы некоторых штатов или местная политика предписывают сотрудникам полиции арестовать основного агрессора, если есть веские основания полагать, что постановление суда о домашнем насилии было нарушено или физическое или сексуальное насилие имело место в течение определенного периода времени[2].

Пенсильвания стала первым штатом, в котором жертвам домашнего насилия были предоставлены судебные приказы о гражданской защите. Сегодня судебные приказы, запрещающие контакты между жертвами и насильниками, доступны жертвам во всех штатах, хотя типы судебных приказов и их положения отличаются от штата к штату[3].

В США для защиты жертв домашнего насилия суды выдают специальные приказы. Они предназначены для того, чтобы предотвратить контакт жертвы с виновником и обеспечить безопасность.

Некоторые виды таких приказов:

- «Нет контакта». Запрещает человеку контактировать с жертвой или любыми вовлечёнными членами семьи.
- «Мирный контакт». Позволяет общаться с жертвой или несовершеннолетними детьми только в определённых случаях.

---

[1] 2025 Minnesota Statutes. Chapter 629. Section 629.341 Subdivision 3. Notice of rights (Закон штата Миннесота 2025 года. Глава 629. Раздел 629.341, подраздел 3. Уведомление о правах // URL: https://www.revisor.mn.gov/statutes/cite/629.341 (дата обращения: 11.04.2025).

[2] Durfee A., Rosenberg K. Domestic Violence in the United States: Current Research, New Directions // Agenda for Social Justice Solutions. 2004, P. 77.

[3] Durfee A., Rosenberg K. Domestic Violence in the United States: Current Research, New Directions // Agenda for Social Justice Solutions. 2004, P. 76.

• «Оставаться на расстоянии». Требует, чтобы человек всегда находился на определённом расстоянии от жертвы.

• «Выйти из дома». Обязывают человека навсегда покинуть дом.

В большинстве штатов жертва может запросить такой приказ в рамках уголовного дела или отдельного гражданского иска, независимо от того, было ли возбуждено уголовное дело.

Существуют два вида приказов: временные и постоянные (расширенные).

Каждый штат имеет свои положения о применении таких приказов, но есть и стандартные, которые действуют в большинстве штатов.

Однако не стоит преувеличивать эффективность применения охранных ордеров и запретительных приказов.

Американские авторы Э. Малеха, Д. Макфарлейн и др. опубликовали исследование, в котором проанализировали подачу заявления на получение судебного приказа 150 женщинами-жертвами насилия со стороны интимного партнёра. Через три месяца после обращения 54 % женщин получили охранные судебные приказы, 28 % отказались от них и 18 % не получили (по решению о невыдаче) охранные судебные приказы. В отношениях женщин с виновными лицами, которые получили или отказались от охранного ордера, на момент приёма в суд существовали различия. Женщины, которые отказались от получения судебного приказа, чаще находились в текущих отношениях с виновным, в то время как получатели охранного ордера считали виновного своим уже бывшим партнёром. При приёме и через три месяца женщины, состоявшие в текущих отношениях, независимо от получения защиты или отказа от неё, сообщили о значительно ($p < 0,005$) большем количестве физических нападений[1].

Таким образом, следует отметить, что «исследования американских специалистов показывают, что указанные судебные акты не являются гарантией защиты прав потерпевших от насилия. Определённую роль во избежание новых

[1] Malecha A., McFarlane J., Gist J., Watson K. B. Applying For and Dropping a Protection Order: A Stady with 150 women // Criminal Justice Policy Rewiew. – 2003 (December) – № 4(14) – P. 486.

фактов насилия играет решение жертвы отказаться от дальнейших контактов с виновным»[1].

В большинстве городских районов Соединенных Штатов имеются приюты для жертв домашнего насилия и их детей. Кризисные горячие линии, управляемые как общественными, так и государственными учреждениями, обеспечивают круглосуточный доступ к подготовленным защитникам от бытового насилия.

Каждое ведомство и юрисдикция в США имеют свои стандартные операционные процедуры (Standard Operating Procedures) при реагировании на вызовы, связанные с насилием в семье, и их обработке. Во многих организациях США функционируют свои стандартные операционные процедуры (Инструкции, Руководящие принципы и т.п.) по борьбе с домашним насилием.

Например, на сайте post.ca.gov представлено руководство «POST Guidelines - Domestic Violence Guidelines», опубликованное в 2022 году и обновлённое в феврале 2025 года[2].

Документ создан Калифорнийской комиссией по стандартам и обучению полицейских (POST) и разработан в соответствии с разделом 13519 Уголовного кодекса (PC) штата Калифорния. Этот раздел требует от комиссии установить рекомендации и провести обучение для реагирования правоохранительных органов на случаи домашнего насилия.

Например, университет штата Вашингтон на основе Указа губернатора штата № 96-05 [3] разработаны такие документы как «Политика в отношении насилия на рабочем месте 50.30»[4], Программа помощи сотрудникам (EAP)[5].

---

[1] Дрозд, А. О. О нарушении логики правового механизма привлечения к ответственности за побои и дополнительных мерах их профилактики / А. О. Дрозд, А. В. Равнюшкин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3(91). – С. 183.

[2] URL: https://post.ca.gov/Portals/0/post_docs/publications/Domestic_Violence.pdf (дата обращения: 13.04.2025).

[3] Executive order 96-05 domestic violence in the workplace // https://governor.wa.gov/sites/default/files/exe_order/eo_96-05.pdf (дата обращения: 13.04.2025).

[4] Washington State University. University Policies and Procedures Manual. Workplace Violence UPPM 50.30 // URL: https://policies.wsu.edu/prf/index/manuals/business-policies-and-procedures-manual/bppm-50-30 (дата обращения: 13.04.2025).

[5] Washington State University. Employee Assistance Program // URL: https://hrs.wsu.edu/resources/employee-assistance-program (дата обращения: 13.04.2025).

Как правило, если у предполагаемой жертвы есть видимые (и недавние) следы насилия, то подозреваемый арестовывается и ему предъявляется обвинение в соответствующем преступлении. Однако это лишь рекомендация, а не правило. Как и в случае с любым другим вызовом, насилие в семье находится в «серой зоне».

Таким образом, несмотря на то, что борьба с домашним насилием в США началась более века назад, за последние 40 лет произошли кардинальные изменения, практически в противоположную сторону, в отношении как к жертвам домашнего насилия, так и к преступникам. Домашнее насилие теперь считается проблемой государственного масштаба, и на его искоренение выделяются значительные ресурсы.

Если раньше жертвы домашнего насилия получали поддержку от общественных служб и организаций по борьбе с домашним насилием, то в последние годы основное внимание уделялось интеграции медицинских служб, органов по защите детей и общественных служб в государственную систему, в которой ведущую роль играли органы уголовного преследования, что иногда приводило к неоднозначным результатам. Домашнее насилие можно отследить в следующих системах сбора данных:

- официальная отчётность для правоохранительных органов через Национальную систему отчётности о происшествиях (NIBRS) Федерального бюро расследований (ФБР)[1];

- данные опроса, проведённого Бюро судебной статистики в рамках Национального исследования виктимизации от преступлений (NCVS)[2];

- неформальные сообщения, поступающие на местные и общенациональные горячие линии по вопросам домашнего насилия, в приюты для жертв домашнего

[1] Национальная система отчётности о происшествиях (NIBRS) Федерального бюро расследований (ФБР) URL: https://www.justice.gov/doj/federal-bureau-investigation (дата обращения: 12.04.2025).

[2] Бюро судебной статистики (Bureau of Justice Statistics, BJS) в рамках Национального исследования виктимизации от преступлений (NCVS). URL: bjs.ojp.gov. (дата обращения: 13.04.2025).

насилия, в социальные службы, к пасторам, врачам и в отделения неотложной помощи, которые не фиксируются и не кодируются[1].

Разнообразие источников информации о домашнем насилии показывает, насколько сложно определить его реальную распространённость как в целом, так и в отдельных демографических и других категориях. Вполне возможно, что один и тот же случай виктимизации может быть задокументирован в одном или нескольких источниках данных, а может и не быть задокументирован вовсе.

Правительство США через систему грантов финансирует коалиции штатов, образованных их различных организаций, чья деятельность более направленна на применение мер социальной защиты, нейтрализации и устранения последствий семейного насилия, а не мер профилактики правонарушений.

Правонарушения, связанные с семейным насилием, остаются одними из самых сложных и запутанных для изучения из-за различий в определениях понятия «домашнее насилие», недостаточного информирования правоохранительных органов о случаях домашнего насилия, а также из-за проблем, связанных с существованием множества способов сообщить о насилии и организаций, которые получают такие сообщения. Из-за этих факторов в Соединённых Штатах нет чёткого представления о том, сколько случаев домашнего насилия происходит в обществе. Многие организации и ведомства в США на основе федерального законодательства и законодательства конкретного штата, в котором оно функционирует, разрабатывают собственные стандартные операционные процедуры (Инструкции, Руководящие принципы и т.п.) по борьбе с домашним насилием.

При этом следует отметить, что несмотря на широкое финансирование субъектов противодействия семейного насилия и наличия разнообразных применяемых ими правовых средств отмечается, что уровень этого насилия остается на высоком уровне. Различные организации, представляющие широкий спектр помощи жертвам насилия, действуют в рамках иногда сомнительных

[1] Piquero, Alex R., Wheeler, A. Toward a Better Estimate of Domestic Violence in America // Crime & Delinquency. 2025-08-09. DOI: 10.1177/00111287251359210 (дата обращения: 13.04.2025).

программ, применяемых без достаточной апробации и научных исследований, подтверждающих достаточную эффективность их реализации.

В целом систему США можно назвать инициативной по тому основанию, что основные субъекты профилактики семейного насилия – общественные организации – на основе своей инициативной заявки в правительственные органы проходят процедуру проверки на соответствие правительственным требованиям, и после этого приобретают данный статус и финансирование своей деятельности (получение грантов). Общественные организации на стадии вступления в Коалицию по борьбе с домашним насилием, предоставляют руководству соответствующего штата планирующие документы, в которых отражаются конкретные меры профилактики семейному насилию и намеченные для реализации мероприятия. В этой системе наблюдается высокая активность некоммерческих организаций. В целом обеспечения прав граждан от семейного насилия в США децентрализована. Основной акт — Violence Against Women Act (VAWA), который является рамочным, предоставляет финансирование и устанавливает минимальные стандарты защиты жертв насилия. Законы сильно различаются от штата к штату. Среди недостатков системы следует обозначить, что политика обязательного ареста лишает жертву автономии и может в некоторых случаях усугубить ситуацию.

Рассмотрим систему обеспечения прав граждан от семейного насилия на примере Австрии как члена Европейского Союза, принявшего Конвенцию Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием (Стамбульская конвенция). Данная Конвенция была подписана Австрией 11 мая 2011 г., ратифицирована 14 ноября 2013 г. и вступила в силу в отношении Австрии 1 августа 2014 г. Стамбульская Конвенция включает в себя стандарты, выработанные в Рекомендации Комитета Министров Rec (2002)5 для государств-участников о защите женщин от насилия.

Стамбульская конвенция определяет обязательства государств-участников Конвенции по принятию необходимых мер защиты женщин от любых форм

насилия, а также по предотвращению, наказанию и искоренению насилия в отношении женщин и домашнего насилия.

Кроме того, на территории Австрии с 1997 года действует федеральный закон о защите от насилия в семье[1], который получил добавление принятым в 2009 году второго закона (*das Bundesgesetz zum Schutz vor Gewalt in der Familie)*[2]. В этих законах определены основы системы противодействия семейному насилию, состоящие из запрета на проникновение и приближение; запретительный судебный приказ и органов вмешательства для оказания помощи жертвам. Именно Австрия впервые в Европе ввела охранные ордера и создала в каждой из своих провинций кризисные центры.

Субъектами системы обеспечения прав граждан от насилия в семье являются государственные органы: Министерство внутренних дел Австрии, в структуре которого созданы специальные подразделения для работы со случаями насилия в семье; Министерство по делам женщин, службы на уровне муниципалитетов, государственные социальные приюты и некоммерческие общественные организации.

Д.Г. Заброда и С.Н. Заброда определяют «систему противодействия насилию в Австрии как многоакторную, т.е. включает в себя большое количество субъектов реализации государственной политики противодействия насилию в семье»[3].

По их мнению, основу этих системы образуют «три взаимодействующих элемента: разрешение полиции удалить агрессивного человека из дома на период от 10 до 20 дней; закрепление права пострадавшей обратиться за долгосрочным

---

[1] Bundesgesetz zum Schutz vor Gewalt in der Familie – GeSchG (NR: GP XX RV 252 AB 407 S. 47. BR: 5300 AB 5311 S. 619.) URL: https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblPdf/1996_759_0/1996_759_0.pdf

[2] Zweites Gewaltschutzgesetz BGBI 40/2009 (NR: GP XXIV IA 271/A AB 106 S. 16. BR: 8072 AB 8085 S. 768.) URL: https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblAuth/BGBLA_2009_I_40/BGBLA_2009_I_40.pdfsig.

[3] Заброда Д. Г., Заброда С.Н. Австрийский опыт предупреждения домашнего насилия: характеристика и предложения по использованию в России // Общество и право. - 2016. - № 3 (57). - С. 107;

«защитным ордером» через систему гражданской юстиции; механизм немедленной и эффективной помощи жертвам после вмешательства полиции»[1].

Выделяются следующие дополнительные меры полиции, направленные на противодействие семейному насилию:

- в соответствии с законом Австрии о полиции общественной безопасности (§ 38a SPG) полиция выдаёт двухнедельные приказы о запрете лицу, совершающему насилие, приближаться к месту жительства жертвы. Выполнение условий приказа об ограничениях и защите должно проверяться органами общественной безопасности полиции по меньшей мере один раз в течение трех дней с момента его вступления в силу[2].

- право выдавать приказы об ограничениях и защите, действие которых распространяется на школы и другие детские учреждения, которые посещают находящиеся под угрозой дети в возрасте до 14 лет.

На основании положений части 2 статьи 211 Гражданского кодекса Австрии Агентство по защите детей и молодежи должно получать информацию от полиции о случаях выдачи приказа об ограничениях и защите, касающегося жилых помещений, где проживают дети. Агентство по защите детей и молодежи также имеет право подавать заявление на выдачу временного запретительного приказа в порядке статей 382b и 382e Закона об исполнительном производстве от лица несовершеннолетних, подвергающихся опасности, если их законный представитель по какой-либо причине этого не сделал.

В апреле 2017 года Министерство юстиции и Венский кризисный центр против насилия в семье (Wiener Interventionsstelle gegen Gewalt in der Familie - Кризисный центр) подписали соглашение, согласно которому с момента подписания во всех случаях домашнего насилия, имеющих место в пределах г. Вены:

---

[1] Там же, С. 109.

[2] См. 5 (5) § 38a SPG Betretungs- und Annäherungsverbot zum Schutz vor Gewalt. SPG – Sicherheitspolizeigesetz. URL: https://www.jusline.at/gesetz/spg/paragraf/38a (дата обращения: 15.04.2026).

(1) полиция обязана уведомлять прокуратуру обо всех случаях выдачи приказов об ограничениях и защите и направлять при этом все необходимые документы;

(2) Кризисный центр составляет анкету по оценке степени опасности и направляет ее в полицию, которая впоследствии должна консультироваться с Кризисным центром по поводу дальнейших действий и организации расследования; и

(3) «метод оценки опасности», используемый Кризисным центром, должен быть направлен Министерством юстиции в Генеральную прокуратуру (Oberstaatsanwaltschaft)[1].

С 1 января 2020 г. в статью 38a Закона о полиции безопасности были внесены новые изменения. В дополнение к приказам об ограничениях и защите был введен приказ о запрете контактов, который запрещает лицу, предположительно причинившему насилие, приближаться к лицам, находящимся под угрозой, на расстояние ближе 100 метров.

Выдача защитных предписаний — по заявлению жертвы гражданским судом может быть выдан приказ о защите на срок до 12 месяцев. Действие предписаний может распространяться на дом пострадавшего и окружающую территорию, рабочее место и школу, посещаемую детьми, также запрещаются любые контакты.

Защита детей — до достижения возраста 14 лет дети автоматически включаются в любой приказ, запрещающий лицу, совершающему насилие, совместное проживание с семьёй.

Первоначально агрессора выселяют на 14 дней, но по заявлению пострадавшей стороны этот срок может быть продлен.

Эти предписания могут действовать от 4 до 6 месяцев либо до момента расторжения брака. Защитные предписания по гражданским делам о

[1] Пункт 63 Постановления ЕСПЧ от 15.06.2021 «Дело "Курт (Kurt) против Австрии» (жалоба № 62903/15) // URL: https://european-court-help.ru/delo-62903-15-kurt-protiv-avstrii/ (дата обращения: 15.04.2026).

URL:https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=697903&dst=100219#pk40D3V2PPbBp9q91. (дата обращения: 15.04.2026).

преследовании могут иметь срок действия до 1 года. Они предусматривают защиту от тех же преступлений, что и предписания о выселении, выносимые полицией, и могут охватывать те же области права. В Австрии защитное предписание может выноситься в отношении места жительства на срок до 6 месяцев, а в отношении других мест (место работы, детский сад) – на срок до 1 года. Защитные предписания обеспечивают длительную защиту. Австрийскими судами выносится более 2,5 тыс. таких предписаний.

В Австрии в 2023 году было введено 15 115 запретов на вход и приближение (BuAV), а в 2020 году - 11 652[1].

По мнению Марлона Пассата, доктора права, следует, что «запрет на приближение налагается полицией, то есть органами Службы общественной безопасности, поэтому лицу, подвергающемуся риску, запрещено посещать непосредственное окружение защищаемого лица (лиц). Таким образом, среди прочего, нельзя входить в жилище пострадавшего (ов). Если это касается совместного жилища уязвимого лица и лица, находящегося в опасности, то задача исполнительного органа состоит в том, чтобы помешать доступу к уязвимому лицу (-ам). На практике это обычно происходит с изъятием ключей доступа к месту жительства или с изменением PIN-кода или стиранием данных (например, отпечатков пальцев) в случае цифровых или технических средств доступа, соответственно»[2].

В данной стране функционируют Интервенционные центры, которые созданы во всех федеральных землях, получают информацию и документы о насилии от полиции, принимают меры о защите жертвы, разрабатывают план безопасности и проактивно сопровождают жертву во всех инстанциях, в том числе в суде. Именно они являются наряду с полицией ключевым звеном системы.

В Австрии созданы Центры защиты от насилия являются специализированными и юридически признанными учреждениями для лиц,

---

[1] Statista GmbH (2024): *Количество введенных запретов на вход и сближение в Австрии с 2020 по 2023 год.* URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1454400/umfrage/betretungs-und-annaeherungsverbote-in-oesterreich (дата обращения: 03.11.2025).

[2] Kommentar von Dr. Marlon Passat zum § 38a SPG am 03.07.2024 // URL https://www.jusline.at/gesetzeskommentare/456492775#_ftn1/ (дата обращения: 03.11.2025).

пострадавших от насилия. Они оказывают помощь и поддержку всем тем людям, которым угрожает насилие в собственном доме, в личной среде или в результате преследования[1].

По всей Австрии насчитывается 32 центра. Финансирование осуществляется за счет средств Федерального министерства по делам женщин, науки и исследований и Федерального министерства внутренних дел. Финансирование судебного сопровождения осуществляется за счет средств Федерального министерства юстиции.

Следует согласиться с мнением авторов о том, что центры интервенции (вмешательства) осуществляют координацию действий полиции и социальных служб и реализуют активный подход к помощи пострадавшим [2] . Это прослеживается при изучении материалов судебной практики, так как именно они оказывают меры социальной поддержки потерпевшим.

В стране используется система документационного обеспечения, связанная со стандартизацией полицейских и медицинских процедур при фиксации случаев насилия в семье; программы коррекционной работы с мужчинами, совершившими насилие в семье. Также проводятся специализированные тренинги для работников системы здравоохранения с целью профилактики, установления и учета случаев домашнего насилия, а также оказания помощи пострадавшим и направления их в соответствующие службы. Сотрудники полиции общественной безопасности проходят специальный курс для сотрудников полиции по реагированию на факты насилия в семье; осуществляется сбор и систематизация данных от независимых поставщиков услуг и государственных структур о фактах насилия в семье.

Федеральным министерством внутренних дел Австрии внедрен механизм оценки риска для использования его правоохранительными органами, направленный на стандартизацию процессов оценки риска по делам о домашнем насилии. Данная стандартизация процессов оценки риска по делам о домашнем насилии осуществляется главным образом Центрами защиты от насилия на

[1] Gewaltschutzzentren in ganz Österreich. URL: https://www.gewaltschutzzentrum.at (дата обращения: 03.11.2025).

[2] Заброда Д. Г., Заброда С.Н. Указ. соч. С. 109.

основе DyRIAS (Системы оценки динамики риска). Эта компьютеризированная система высоко оценивается за тщательный подход, и правоохранительные органы и органы прокуратуры относятся к ее результатам со всей основательностью и принимают на ее основе решения о задержании агрессора. По фактам насилия сотрудники полиции составляют рапорт о выдаче приказа об ограничениях и защите, в котором содержался список признаков повышенного риска насилия. Также они сообщает по телефону о происшествии дежурному прокурору (Journalstaatsanwalt).

В целом рассмотренную систему в Австрии следует охарактеризовать как проактивную, когда субъекты противодействия семейному насилию инициативно при фиксировании акта этого насилия принимают предусмотренные полномочиями меры, не ожидая реакции от потерпевшей стороны, и направлена на безусловную защиту прав граждан. Среди принципов системы следует выделить: принцип безусловной безопасности жертвы; презумпция доверия жертве; кооперационное взаимодействие субъектов системы; принцип «кто агрессор, тот и покидает жилье».

Однако, несмотря на осуществляющее правовое регулирование вопросов обеспечения прав граждан от семейного насилия в австрийской системе имеются проблемы. Так, в одном из постановлений Европейского Суда по правам человека Австрии рекомендуется:

1) «проводить мониторинг и оценку степени реагирования полиции и судебных органов по делам о преступлениях против половой свободы и неприкосновенности, а также ввести обязательные требования, направленные на наращивание потенциала в работе судей, прокуроров, сотрудников полиции и других правоохранительных органов в части строгого применения норм уголовного закона по вопросам гендерного насилия в отношении женщин и учета гендерных факторов при проведении расследования»;

2) усилить меры защиты и помощи женщинам, являющимся жертвами гендерного насилия, в том числе увеличить вместимость временных убежищ, обеспечить их всем необходимым, а также обеспечить доступность таких убежищ

на всей территории Государства-участника; кроме того, усилить финансовую поддержку и сотрудничество с неправительственными организациями, предоставляющими убежище и услуги по реабилитации жертв...»[1].

Кроме того, при судебных разбирательствах по делам о семейном насилии раскрываются факты о том, что в целях пресечения актов семейного насилия многократно применялись средства как приказ об ограничениях и защите, выданный в отношении агрессора. Однако эти меры не останавливают агрессора от дальнейшего совершения насилия, в том числе совершения убийств[2].

Изучив нормативные правовые акты Австрийской Республики, и непосредственно систему субъектов, уполномоченных противодействовать семейному насилию, складывается вывод о том, что, несмотря на позиционирование как ведущего государства Европы, принявшего на себя всесторонние международные обязательства, имеются нерешенные проблемы организационно-правового характера, в особенности касающиеся деятельности полицейских органов[3].

Несмотря на широкие полномочия в сфере обеспечения прав граждан от семейного насилия, в деятельности полицейских органов наблюдаются упущения в реализации предоставленных полномочий, включая приказы об ограничениях и защите потерпевших от семейного насилия. Нередки случаи, когда государственная система не может выполнить свои позитивные обязательства по защите прав граждан от семейного насилия, эффективно противодействовать часто длящемуся во времени.

Теперь рассмотрим скандинавскую систему обеспечения прав граждан от семейного насилия на примере одного из этих государств – Норвегии. Ряд норвежских законов закрепляют систему национального противодействия

---

[1] Постановление ЕСПЧ от 15.06.2021 «Дело "Курт (Kurt) против Австрии» (жалоба № 62903/15). URL: https://european-court-help.ru/delo-62903-15-kurt-protiv-avstrii/ (дата обращения: 26.10.2025).

[2] Там же, пункт 35.

[3] Weiss V. *Die österreichischen Gewaltschutzgesetze. Ein Überblick //* SIAK-Journal – Zeitschrift für Polizeiwissenschaft und polizeiliche Praxis, 3/2009, S. 49–54. doi:10.7396/2009_3_G URL: https://www.bmi.gv.at/104/Wissenschaft_und_Forschung/SIAK-Journal/SIAK-Journal-Ausgaben/Jahrgang_2009/files/Weiss_3_2009.pdf. (дата обращения: 26.10.2025).

семейному насилию [1]. В Норвегии система обеспечения прав граждан от семейного насилия (домашнего насилия) включает законодательные меры, деятельность государственных учреждений, работу общественных организаций и образовательные программы.

Законом о семейных консультационных бюро (офисах) учреждена Служба социального обеспечения семьи, специализирующаяся на решении семейных проблем. Её семейные консультационные пункты предлагают лечение и консультации в случаях, когда в семье возникают трудности, конфликты или кризисы. Консультационные службы по семейным вопросам выступают посредниками.

Первый семейный офис был открыт в 1950-х годах. Предпосылкой для создания семейных офисов стала растущая потребность в помощи для решения семейных проблем, возникших после Второй мировой войны. Церковь учредила первые семейные офисы. Деятельность церковных служб социального обеспечения семьи была основана на церковных ценностях. Некоторое время спустя были созданы первые государственные службы социального обеспечения семьи, получившие название Центральных медицинских центров. Обозначенные семейные офисы стали основой для развития системы превенции и правосудия для несовершеннолетних правонарушителей - «ювенальная юстиция». Она включает в себя специализированные суды и службы по делам несовершеннолетних, органы опеки и попечительства, ювенальную полицию, а также реабилитационные центры.

[1] Lov om straff (straffeloven). Annen del. De straffbare handlingene Kapittel 25. Voldslovbrudd mv. Закон о наказаниях (Уголовный кодекс). Часть вторая. Уголовные преступления, глава 25. Насильственные преступления // https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2005-05-20-28/KAPITTEL_2-10#§281 (дата обращения: 26.10.2025); Lov om likestilling og forbud mot diskriminering (likestillings- og diskrimineringsloven. LOV-2017-06-16-51. Закон о равенстве и запрещении дискриминации (Закон о равенстве и борьбе с дискриминацией). Закон-2017-06-16-51. URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2017-06-16-51/KAPITTEL_2#KAPITTEL_2 (дата обращения: 26.10.2025); Lov om familievernkontorer. LOV-1997-06-19-62 Закон о семейных консультационных бюро // URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1997-06-19-62 (дата обращения: 26.10.2025); Lov om barnevern (barnevernsloven). LOV-2021-06-18-97 Закон о защите детей // URL: https://lovdata.no/dokument/LTI/lov/2021-06-18-97 (дата обращения: 26.10.2025).

Семейный офис, находящийся в ведении земли, региональной организации Управления социального обеспечения семьи или государственной региональной организации Органа по защите семьи, заключает соглашение о функционировании семейных офисов.

Квалифицированный персонал семейных офисов, сотрудники школ, медицинские работники, а также любое лицо, оказывающее услугу или выполняющее работу в соответствии с настоящим законом, обязано, не нарушая конфиденциальности, без неоправданной задержки сообщить об этом в службу социальной защиты детей (barnevernstjenesten);

a) когда есть основания полагать, что ребенок подвергается или будет подвергаться жестокому обращению, серьезным недостаткам в повседневном уходе или другому серьезному пренебрежению,

b) когда есть основания полагать, что у ребенка опасное для жизни или другое серьезное заболевание или травма, и он не приходит на обследование или лечение,

c) когда есть основания полагать, что ребенок с ограниченными возможностями или особые дети не получают помощь для удовлетворения своих особых потребностей в лечении или обучении,

d) когда у ребенка проявляются серьезные проблемы с поведением в результате совершения серьезных или повторных правонарушений, проблемного употребления наркотиков или другой формы явно нормального поведения[1].

Министерства по делам детей и равноправия (Barne-Og Likestillingsdepartementet) несет ответственность за воспитание детей и молодежи и условия их жизни, семью и совместное проживание, гендерное равенство, борьбу с дискриминацией и интересы потребителей. Она обладает высшей юрисдикцией в вопросах защиты детей[2] и отвечает за разработку нормативных актов и руководящих принципов, но не занимается рассмотрением отдельных дел.

---

[1] § 10. Lov om familievernkontorer. LOV-1997-06-19-62. URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1997-06-19-62 (дата обращения: 26.10.2025);

[2] § 2-2 Lov om barnevern (barnevernsloven). LOV-2021-06-18-97. URL: https://lovdata.no/dokument/LTI/lov/2021-06-18-97 (дата обращения: 26.10.2025).

В рассматриваемую систему входит Норвежское управление по делам детей, молодёжи и семьи (норв. *Barne-, ungdoms- og familiedirektoratet*, сокращённо *Bufdir)* - государственный орган, отвечающий за правовые аспекты защиты детей (толкование закона, а также заказ и распространение результатов исследований).

В Норвегии функционирует Национальный координационный орган - Direktoratet for barn, unge og familier (Bufdir) (Директорат по делам детей, молодежи и семьи), который задает стандарты и финансирует кризисные центры. Подобный центр имеется в Швеции - Nationellt centrum för kvinnofrid (NCK) (Национальный центр по проблемам насилия над женщинами) при Уппсальском университете, который проводит исследования в сфере семейного насилия.

Кроме названных структур в государственную систему защиты детей от семейного насилия и других негативных явлений система Барнахус (Barnahus), основная миссия которой - предоставить детям-жертвам или свидетелям преступлений необходимую поддержку, защиту, реабилитацию и доступ к правосудию в комфортной для детей среде. Она обеспечивает безопасную и поддерживающую среду для удовлетворения юридических, медицинских и психологических потребностей детей. В Норвегии модель Barnahus была внедрена в 2007 году и интегрирована в правовую систему и систему защиты детей страны. К 2024 году в Норвегии работало 11 центров Barnahus. Мультидисциплинарный подход включает психологическое лечение, услуги по защите детей и контакты с судьями, которые проводятся в условиях, предназначенных для минимизации дополнительной травмы для ребёнка. К 2016 году все страны Северной Европы (Скандинавии) внедрили эту модель в той или иной форме.

По мнению коллектива норвежских ученых, «внедрение модели Барнахуса можно рассматривать как проявление продолжающейся разработки междисциплинарных мер по защите детей с целью создания более

интегрированных и ориентированных на интересы ребенка моделей за расследование подозрений в жестоком обращении с детьми»[1].

В работе этой системы задействованы правоохранительные органы, службы социальной защиты детей и здравоохранения, а также такие специалисты, как социальные работники, психологи, полиция и прокуроры, педиатры и судебные медики. Практика консультативных совещаний по подозрению в жестоком обращении с детьми занимает центральное место, когда речь заходит об организации межпрофессионального сотрудничества в рамках модели Barnahus.

Идея Barnahus заключается в том, что таким образом создается нейтральное пространство для профессионального вмешательства. Например, координация параллельных и различных профессиональных разбирательств и вмешательств должна быть достаточно сбалансированной, как и частично противоречащие друг другу интересы правосудия, учитывающего интересы детей, и принцип справедливого судебного разбирательства.

Таким образом, норвежская система обеспечения прав граждан от семейного насилия как родоначальница сложившейся скандинавской модели, в основе которой лежит система защиты прав детей - система Barnahus, ориентирована на семейные услуги и направлена на раннюю профилактику семейного насилия. Следует согласиться с мнением А.Ю. Телицыной о том, что «норвежское правительство заботится о семье как о ячейке общества всесторонне, оказывая защиту и поддержку и детям, и родителям»[2].

---

[1] Johansson S., Stefansen K., Bakketeig E., Kaldal A. Implementing the Nordic Barnahus Model: Characteristics and Local Adaptions // Collaborating Against Child Abuse. October 2017. P. 1-31. DOI:10.1007/978-3-319-58388-4_1. P. 3.

[2] Телицына А.Ю. Анализ иностранной практики в области правовых оснований и подходов к ограничению, лишению родительских прав и отобранию ребенка у родителей при непосредственной угрозе его жизни или здоровью // Социальные науки и детство. - 2023. - Т. 4. - № 1. - С. 45.

Однако норвежские ученые отмечают, что узкая направленность норвежской системы (защита детей) может быть сопряжена с риском фрагментации в связи с решением социальных проблем в семье[1].

Модель Барнахуса также можно рассматривать как свидетельство перехода к более ориентированным на ребенка системам социального обеспечения, поскольку как благоприятные условия для детей, так и участие детей являются центральными элементами этой модели.

Эта идея связана с двумя дискурсами: с одной стороны, дискурсом защиты, который рассматривает детей как уязвимых, и, с другой стороны, дискурсом, который рассматривает детей как субъектов, способных действовать от своего собственного имени. Оба дискурса нашли отражение в правовых системах Норвегии и других скандинавских стран. Следует отметить, что данная система порождает особенно сложные ситуации, в которой оказываются дети, когда их вызывают в Барнахус, когда их родители или близкие к ним лица подозреваются в совершении противоправных действий, и, таким образом, не информируются о посещении детьми Барнахуса.

Следует подчеркнуть также и роль общественных организаций в противодействии как насилия в семьях, так и в отношении детей.

В 2004 году Правительство Норвегии учредило Национальный центр по борьбе с насилием и травматическим стрессом - Nasjonalt kunnskapssenter om vold og traumatisk stress (NKVTS) в качестве национального исследовательского учреждения по борьбе с насилием в Норвегии. Женские приюты и специализированные центры также относятся к участникам, оказывающим помощь женщинам и детям, которые стали жертвами семейного насилия, ведут профилактическую работу.

При семейном насилии применяются процедуры компенсации ущерба. Требование о возмещении ущерба может быть предъявлено либо непосредственно жертвой насилия, либо Управлением по принудительному взысканию. При

[1] Johansson S., Stefansen K., Bakketeig E., Kaldal A. Implementing the Nordic Barnahus Model: Characteristics and Local Adaptions // Collaborating Against Child Abuse. October 2017. P. 10.

предъявлении требований о возмещении ущерба непосредственно от правонарушителя иск должен быть предъявлен в связи с возбуждением уголовного дела против правонарушителя или путем обращения в гражданский суд.

Лица, подвергшиеся насилию, могут иметь право на компенсацию от Управления по делам несовершеннолетних, даже если уголовное дело против виновного прекращено. Однако для получения компенсации от Управления по делам несовершеннолетних требуется, чтобы насилие привело к телесным повреждениям.

Оценка вреда должна определяться на основе широкого дискреционного общего впечатления, когда, среди прочего, следует учитывать объективное нарушение данного действия, интересы потерпевшего, субъективное восприятие травмы жертвой, а также характер и масштабы причиненного ущерба.

В деле, которое рассматривалось в Высоком суде в 2013 году, двое сыновей добились успеха в оспаривании иска на сумму 60 000 крон каждый. Мальчики подверглись насилию со стороны отца. Насилие заключалось в том, что его отец «бросил» двух сыновей в спальнях и перевернул их в верхней части тела. Апелляционный суд установил, что насилие повлекло за собой нарушение пункта первого статьи 219 Уголовного Кодекса[1].

Компенсацию можно потребовать непосредственно от лица, причинившего травму, или в Офисе компенсации жертвам насилия (voldsoffererstatning).

Согласно правилам, изданным Норвежским управлением по вопросам образования (21 декабря 2015 г.), к моменту окончания учебы, будущие учителя должны уметь распознавать признаки домашнего насилия или сексуального насилия и незамедлительно реагировать на данные факты.

Так, в соответствии с § 1-10 Закона Норвегии о защите детей (barnevernsloven) следует, что «служба социальной защиты детей (barnevern)

[1] Oppreisning og erstatning etter familievold. URL: https://advokat.no/familievold (дата обращения: 26.10.2025).

должна принимать меры на раннем этапе для предотвращения серьезной безнадзорности и проблем с поведением»[1].

Далее, расписывается порядок действия службы социальной защиты детей, в том числе в целях проверки фактов семейного насилия (§ 2-2):

«Если есть разумные основания предполагать, что существуют обстоятельства, которые могут послужить основанием для принятия мер в соответствии с законом, служба социальной защиты детей (barnevernstjenesten) проводит расследование этих обстоятельств.

Расследование должно быть проведено как можно скорее и завершено не позднее чем через три месяца после истечения недельного срока, указанного в первом абзаце раздела 2-1. В особых случаях служба социальной защиты детей может продлить срок расследования в общей сложности до шести месяцев. Служба социальной защиты детей должна изучить общую ситуацию с уходом за ребенком и его потребности. Расследование должно проводиться систематически и достаточно тщательно, чтобы можно было определить, необходимо ли принимать меры в соответствии с законом. Проверка должна проводиться как можно более деликатно. Служба социальной защиты детей должна составить план расследования.

Служба опеки и попечительства может привлечь экспертов для оказания помощи в расследовании (§ 12-7). Служба опеки и попечительства может также предложить оценку ситуации с уходом за детьми в возрасте от 0 до 6 лет (раздела 16-3, литера а).

Родители или лицо, с которым проживает ребенок, не могут возражать против посещения дома службой опеки и попечительства в рамках расследования. Служба опеки и попечительства и привлеченные ею эксперты могут потребовать от родителей поговорить с ребенком наедине. Если есть подозрение, что ребенок подвергается жестокому обращению или другим серьезным формам жестокого обращения в семье, руководитель службы социальной защиты детей может

[1] Lov om barnevern (barnevernsloven). LOV-2021-06-18-97. URL: https://lovdata.no/dokument/LTI/lov/2021-06-18-97 (дата обращения: 27.10.2025).

принять решение о том, что ребенок должен быть доставлен в больницу или другое место для краткосрочного медицинского обследования.

По мнению А.Ю. Телицыной, «особенность законодательства Норвегии о защите прав ребенка в его превентивности. Так, изъятие ребенка из семьи грозит не только тем родителям, которые были замечены в жестоком обращении с ребенком, но и тем, кто в будущем не сможет обеспечить ему достойное существование и всестороннее развитие. В основные категории риска лишения/ограничения родительских прав попадают родители с ограниченными интеллектуальными возможностями, серьезными расстройствами личности, обширными проблемами психического здоровья и употреблением наркотиков с плохими прогнозами в отношении изменения возможностей по уходу за ребенком»[1].

Таким образом, проведенное исследование системы обеспечения прав граждан от семейного насилия в Норвегии показывает, что там функционирует развитая система субъектов государственных и муниципальных органов и общественных организаций, непосредственно обязанных осуществлять, прежде всего, раннюю профилактику фактов семейного неблагополучия и семейного насилия. Созданы и функционируют специализированные органы, чья деятельность направлена на выявление и пресечение обозначенных негативных факторов от консультативных семейных офисов до органов взыскания ущерба от семейного насилия и нарушения прав детей.

Центральным звеном обозначенной системы является система защиты прав детей - система Barnahus как мультицентр многопрофильной социально-правовой помощи и полицейского реагирования. Нормы закона Норвегии о защите детей (barnevernsloven) показывают, что в данном государстве многие аспекты, связанные с противодействием насилию в отношении детей, имеют тщательную регламентацию, случаи насильственного обращения с детьми во всех случаях

[1] Телицына А.Ю. Анализ иностранной практики в области правовых оснований и подходов к ограничению, лишению родительских прав и отобранию ребенка у родителей при непосредственной угрозе его жизни или здоровью // Социальные науки и детство. - 2023. - Т. 4. № 1. - С. 45.

подвергаются процедуре расследования, т.е. осуществляются процессуальные действия.

Предупреждение семейного насилия входит в обязанности не только полиции. Большая часть работы по противодействию семейному насилию проводится на местном уровне, когда полиция и муниципалитет координируют свои усилия и ресурсы. Эффективным способом является предотвращение преступлений и осуществление превентивных мер на раннем этапе с уделением особого внимания положению жертвы и правонарушителя. Муниципальные учреждения выполняют функцию косвенного противодействия правонарушениям. В целом систему следует признать как социально-восстановительную, более направленную на всеобъемлющую охрану прав детей (детоцентристская система).

Система обеспечения прав граждан от семейного насилия в Китайской Народной Республике регулируется Законом о борьбе с насилием в семье[1].

Однако следует отметить, что в Китае конфуцианские культурные традиции являются важнейшей частью системы воспитания и образования в семье, которая допускает применение насилия и наказаний. Это отмечается и в законодательстве, в частности, в статье 5 рассматриваемого закона отмечено, что «работа по борьбе с насилием в семье должна проводиться в соответствии с принципом предупреждения в качестве основного направления и сочетания образования, исправления и наказания».

В КНР система обеспечения прав граждан от семейного насилия носит многосубъектный состав. Предупреждение семейного насилия осуществляют Профсоюзы, Коммунистическая лига молодежи, Федерация женщин и Федерация инвалидов, СМИ, школы и детские сады, городские народные органы власти и уличные отделения, комитеты жителей, агентства социальной работы, медицинские организации (глава II). Работодатели обязаны сообщать о случаях столкновения их работников с актами семейного насилия, подвергнуть данные

[1] Закон Китайской Народной Республики о борьбе с насилием в семье от 27 декабря 2015 г. (Распоряжение Председателя Китайской Народной Республики № 37). 中华人民共和国反家庭暴力法（主席令第三十七号）. 中华人民共和国主席令. 第 三十七 // URL: https://www.gov.cn/zhengce/2015-12/28/content_5029898.htm (дата обращения: 02.11.2026).

факты критике, «а также упорно поработать в качестве посредника в разрешении семейных конфликтов» (статья 12).

При получении информации о признаках семейного насилия все субъекты обязываются незамедлительно сообщать об этом в органы общественной безопасности (статья 14). В свою очередь орган общественной безопасности незамедлительно направляет полицию для пресечения бытового насилия, расследования и сбора доказательств (статья 15).

Следует отметить, что об определенной степени государственной терпимости к семейному насилию указывает норма, предусмотренная статьей 16 данного закона, в которой обозначено, что «если обстоятельства бытового насилия относительно незначительны и меры наказания со стороны органов общественной безопасности не назначаются в соответствии с законом, органы общественной безопасности должны подвергнуть виновного критике и просветить его или направить письмо с предупреждением».

Однако если семейное насилие представляет собой нарушение системы управления общественной безопасностью, виновный должен быть наказан за управление общественной безопасностью в соответствии с законом (статья 33).

Например, лицо при семейном насилии «совершает акты затевания ссор и провоцирования неприятностей, которые без причины беспокоят других или нарушают общественный порядок» должно нести ответственность в соответствии со статьей 30 Закона об управлении общественной безопасностью и наказаниях Китайской Народной Республики[1].

В соответствии с Законом Китайской Народной Республики о народной полиции (далее – Закон КНР о полиции) среди задач народной полиции находится поддержание общественного порядка, защита личной безопасности граждан, личной свободы (статья 2), для решения которых она наделена обязанностями по поддержанию социальной общественной безопасности и порядка и пресечение

[1] Закон КНР о наказаниях за нарушение общественного порядка **中华人民共和国治安管理处罚法** (принят на 17-м заседании ПК ВСНП 10-го созыва 28 августа 2005 г.). URL: https://www.spp.gov.cn/spp/fl/202506/t20250627_699863.shtml (дата обращения: 02.11.2026).

поведения, которое ставит под угрозу социальную общественную безопасность и порядок (статья 6). Народная полиция органов общественной безопасности может применять административные принудительные меры и административные штрафы в соответствии с законом в отношении отдельных лиц или организаций, которые нарушают управление общественной безопасностью или другие законы и нормативные акты по управлению общественной безопасностью (статья 7). Когда народная полиция сталкивается с нарушениями личной безопасности граждан и их имущества или оказывается в других опасных ситуациях, она должна немедленно оказать помощь; когда граждане обращаются с просьбой об урегулировании спора, она должна оказать помощь (статья 21)[1].

В качестве мер убеждения, закрепленного в Законе о борьбе с насилием в семье, следует отметить, что профсоюзы, Коммунистическая лига молодежи, Федерация женщин, Федерация инвалидов, Комитет жильцов, сельский комитет и т.д. должны разъяснять виновному в домашнем насилии принципы верховенства закона и, при необходимости, могут предоставлять психологическую консультацию виновному и жертве (статья 22).

В качестве отдельных принудительных мер противодействия семейному насилию следует выделить:

1) Официальная критика:

2) Письмо-предостережение, направляемое от органа общественной безопасности правонарушителю и жертве с уведомлением комитета жителей и сельского комитета, которые совместно с отделением полиции общественной безопасности проверяют по месту жительства конфликтующие стороны и осуществляют надзор за ними (статья 17);

3) лишение квалификации опекуна над несовершеннолетним с сохранением обязательств по расходам на содержание, поддержку и выплат алиментов (статья 21);

---

[1] Закон Китайской Народной Республики о народной полиции. Утверждён постановлением Председателя Китайской Народной Республики № 40 от 28 февраля 1995 года 中华人民共和国人民警察法. URL: https://jtgl.beijing.gov.cn/jgj/jgxx/flfg/fl/203770/index.html. (дата обращения: 03.11.2026).

4) издание народными судами приказов о защите личной безопасности (до 6 месяцев), в которых предусматривается запрет ответчику преследовать заявителя и связанных с ним близких родственников, следить за ними или вступать в контакт; и приказать ответчику выехать из места жительства заявителя (Глава IV). Приказ о защите личной безопасности исполняется народным судом, а органы общественной безопасности, комитеты жителей, сельские комитеты и т.д. оказывают содействие в его исполнении (статья 32).

Среди социально-правовых средств защиты от семейного насилия, функционирующих в Китае, следует отметить пункты временного размещения самостоятельно или с опорой на спасательные службы для оказания временной помощи жертвам бытового насилия (статья 18), оказание юридической помощи (статья 19).

В Специальном докладе Уполномоченного по права человека в Республике Казахстан «О противодействии семейно-бытовому насилию» 2024 года относительно китайской системы отмечается, что «Всекитайской Федерацией женщин и органами общественной безопасности созданы центры, приюты, «горячие линии» для жалоб, вебсайты правовой помощи. При поддержке государства создаются информационные блоки, включающие видеосюжеты, памятки, рекомендации, помогающие осознать акт насилия в семье, пережить его и адаптироваться к новой реальности. Однако, несмотря на столь активное участие Всекитайской федерации женщин и Правительства, в решении данной проблемы, получить помощь могут далеко не все жертвы насилия в семье, прежде всего, жители сельской местности. Причина заключается в несоответствии количества центров помощи и числа, нуждающихся в них»[1].

Что касается защиты детей от семейного насилия, то следует отметить, что и в этой сфере играет большую роль конфуцианские традиции: «конфуцианство

[1] Специальный доклад Уполномоченного по права человека в Республике Казахстан «О противодействии семейно-бытовому насилию». Астана 2024. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/ombudsman/documents/details/619960?lang=ru. С. 84.

возлагает большую ответственность на членов семьи в обеспечении ухода за детьми, хотя ребенок рассматривается как часть собственности семьи»[1].

А.Ю. Телицына обозначает, что «формальная ответственность за защиту детей в Китае распределена между несколькими органами (например, Федерацией женщин, Бюро образования), фрагментарность институциональных механизмов Китая мешает работникам по защите детей действовать и принимать решения»[2].

Таким образом, в КНР функционирует система обеспечения прав граждан от семейного насилия, которая не может и не ставит целью изменить традиционный уклад, сложившийся под влиянием конфуцианского учения. Семейное насилие, не вызывавшее существенных вредных последствий, практически остается ненаказуемым, но реакция на его совершение происходит посредством официальной критики и выдачи писем-предостережений. Многочисленные субъекты противодействия семейному насилию в КНР призваны в большей степени осуществлять предупредительно-воспитательную функцию, а не репрессивно-наказуемую. Однако акты семейного насилия, представляющие повышенную степень опасности для окружающих, наказываются более строго.

Ведущим субъектом рассмотренной системы являются органы общественной безопасности, практически осуществляющие функции координации в деятельности остальных субъектов рассмотренной системы. Непосредственное реагирование на акты семейного насилия осуществляется полицией общественной безопасности с предусмотренным необходимым набором административно-правовых средств принуждения. Однако эта система не охватывает в достаточной мере жителей, проживающих в сельской местности, в которой и совершается большинство актов семейного насилия. Также не в полной мере развита система социально-правовой защиты, которая предусматривает

---

[1] Zhao F., Hämäläinen J., Chen H. Child protection in China: Changing policies and reactions from the field of social work: Child protection in China // International Journal of Social Welfare. 2017. Vol. 26. P. 329.

[2] Телицына А.Ю. Анализ иностранной практики в области правовых оснований и подходов к ограничению, лишению родительских прав и отобранию ребенка у родителей при непосредственной угрозе его жизни или здоровью // Социальные науки и детство. - 2023. - Т. 4. - № 1. - С. 43-44.

реализацию различных социальных услуг населению, в том числе потерпевшим от семейного насилия. Прежде всего это касается недостаточной развитостью сети приютов и центров для женщин и детей.

Исследование систем обеспечения прав граждан от семейного насилия стран дальнего зарубежья показывает, что акты семейного насилия и вопросы методов воспитания детей на протяжении длительного исторического развития считалось частным делом, в которое органы власти практически не вмешивались. На протяжении последних ста лет традиционный уклад жизни в семье под воздействием признания и закрепления прав и свобод граждан стал видоизменяться. Английское обычное право в самой Англии, на которое опирались также переселенцы в Северной Америке, стало терять свои позиции. Несмотря на то, что в XIX веке в отдельных штатах США, которое вступила в лидирующие позиции по социально-экономическому развитию в мире, признали семейное (домашнее) насилие негативным явлением и его запретили, правоохранительные органы практически не реагировали на акты этого насилия.

Под воздействием новой судебной практики произошла полная трансформация законодательства и практики деятельности правоохранительных органов США, и под системой федеральных грантов зародилась и окрепла современная многосубъектная и двухуровневая (федеральная и штатов США) система с широким финансированием. Опираясь на господствующую в мире юрисдикцию США, влияющую на юрисдикции иностранных государств (а в некоторых и их заменяющих) рассматриваемая система стала оказывать влияние на формирование норм международного права в сфере противодействия семейному насилию и формирование аналогичных и (или) подобных систем в зарубежных странах, в том числе и в Европе.

На современном этапе развития система обеспечения прав граждан от семейного насилия США находятся в зависимости от финансовой политики федерального центра, в основе которой лежит выделение федеральных грантов для каждого штата США, содержание которых и определяют основные векторы развития этой системы. Конечным получателем грантов являются коалиции по

борьбе с домашним насилием, состоящих в отдельных штатах из десятков некоммерческих организаций. Государство построило жесткую систему требований к допуску в данную систему некоммерческих организаций, контроля и отчетности их деятельности. Эти организации в основном осуществляют социально-правовую защиту жертв семейного (домашнего) насилия. Развита система судебных курсов по управлению гневом и профилактике насилия, которые могут быть альтернативой наказанию.

Правоохранительные органы, прежде всего, полиция включена в активное противостояние семейному насилию, но действия офицеров полиции строиться в зависимости от правил и инструкций, принятых полицейскими департаментами и законодательством конкретного штата США. Во многих штатах действует политика обязательного ареста при подозрении на насилие. Система реагирования на акты насилия является преимущественно заявительная.

Субъекты системы обеспечения прав граждан от этого насилия наделены самым широким спектром административно-правовых и иных средств. Однако не всем слоям населения доступна защита от этого насилия. Маргинализированные группы (иммигранты, «цветные» и иные сообщества) нередко сталкиваются с недостатком доступа к услугам. Многие программы и приюты перегружены, в особенности в отдаленных сельских поселениях, в том числе по причине недостаточности финансирования.

Данный факт объясняется и тем, что социально-правовая защита строиться на основе рыночных правил: все большее количество вовлеченных некоммерческих организаций в эту систему требует большего объема финансирования, что может быть оправданно все увеличивающимся количеством актов семейного (домашнего) насилия. Однако в США не существует объективная система учета актов рассматриваемого насилия, она является завышенной, что выгодно для ведущих участников этой – коалиций. Исходя из этого, рассматриваемая система содержит признаки порочности.

Австрийская система обеспечения прав граждан от семейного насилия рассмотрена в качестве одной из систем Европейского союза, в которой заложены

положения Стамбульской конвенции и других международных актов. В этих актах определены основы системы противодействия семейному насилию, состоящие из запрета на проникновение и приближение; запретительный судебный приказ и органов вмешательства для оказания помощи жертвам. Именно Австрия впервые в Европе ввела охранные ордера и создала в каждой из своих провинций кризисные центры. Австрийский опыт динамичной оценки риска семейного насилия принят во многих странах Евросоюза, в том числе в Германии.

Помимо семейного, административного и уголовного законодательства система обеспечения прав граждан от семейного насилия регулируется гражданским законодательством, которым гарантируются права несовершеннолетних в семейных конфликтах. О случаях выдачи приказа об ограничениях и защите, касающегося жилых помещений, где проживают дети, полиция общественной безопасности обязана передавать Агентству по защите детей и молодежи. Защитные предписания по гражданским делам о преследовании могут иметь срок действия до 1 года. В Австрии защитное предписание может выноситься в отношении места жительства на срок до 6 месяцев, а в отношении других мест (место работы, детский сад) – на срок до 1 года. Защитные предписания обеспечивают длительную защиту. Австрийскими судами выносится более 2,5 тыс. таких предписаний.

Норвежская система (скандинавская) построена на более объективных данных по совершаемым актам семейного насилия, является оптимальной, с более достаточной степенью финансирования. В основе этой системы находятся государственные структуры. Сравнительно небольшая численность населения скандинавских стран и достаточный уровень развитости экономики и благосостояния населения позволяют более адресно осуществлять реагирование на акты насилия. Система реагирования преимущественно является выявительной по причине возложенной обязанности граждан и должностных лиц сообщать о случаях и признаках семейного насилия в компетентные органы. Однако чрезмерное вмешательство Barnevernet в жизнь семей часто критикуется.

Развитая система центров оказания услуг по защите прав потерпевших от семейного насилия характеризуется как комплексная, в которых функционируют во взаимодействии иные субъекты противодействия семейному насилию, включая полицию (мультидисциплинарный подход к защите). Семейные офисы призваны оказывать комплексные услуги семьям в преодолении семейных кризисов. Однако следует отметить, что в скандинавской системе в центре внимания находится защита прав детей, реализуемая, помимо прочего, через систему защиты прав детей - система Barnahus, ориентированную на семейные услуги и направленную на раннюю профилактику семейного насилия.

Система обеспечения прав граждан от семейного насилия в КНР основана на более консервативных началах – традиционных культурных ценностях конфуцианства, допускающие наказание детей за провинности. Традиционный коллективизм, признающий особую ценность семьи, клана, общества, сосуществует с растущим индивидуализмом, особенно среди молодежи, проживающей в мегаполисах. Вмешательство в дела семьи очень ограниченно. Многочисленные субъекты рассмотренной системы, среди которых можно отметить уникальные как уличные отделения, комитеты жителей, оказывают воздействие на агрессора, воспринимая его провинившегося члена обще китайской семьи, преимущественно осуществляют предупредительно-воспитательную функцию, а не репрессивно-наказуемую.

Государственная политика в рассматриваемой сфере в целом направлена на сохранение семьи. Среди наказаний выделяется критика агрессора и его насильственного проступка со стороны субъекта профилактики. Акты семейного насилия, представляющие повышенную степень опасности для окружающих, наказываются более строго. Ведущим субъектом рассмотренной системы являются органы общественной безопасности, практически осуществляющие функции координации в деятельности остальных субъектов рассмотренной системы.

Таким образом, рассмотренные системы обеспечения прав граждан от семейного насилия представляют собой основанные с определенной степенью

учета положений международного законодательства обособленные и самодостаточные системы, направленные либо на всеобъемлющий приоритет защиты индивидуальных прав граждан от семейного насилия посредством применения широкого спектра административно-правовых и иных средств воздействия на агрессора и различные факторы и обстоятельства, связанные с семейным насилием, либо на ограниченное вмешательство субъектов профилактики в семейную сферу, учитывая основополагающие традиционные культурные ценности, применяя ограниченных перечень правовых средств преимущественно предупредительного характера.

Сравнительно-правовой анализ систем обеспечения прав граждан от семейного (домашнего) насилию позволяет выделить четыре модели правового регулирования:

- либерально-грантовую (США), основанную на финансовом стимулировании негосударственных поставщиков социальных услуг;

- проактивно-полицейскую (Австрия), характеризующуюся доминированием административно-правовых превентивных мер (выдворение, запрет на приближение);

- интегративную детоцентричную модель (Норвегия), где ядром системы выступают мультидисциплинарные центры, обеспечивающие сочетание уголовного преследования и социальной реабилитации;

- патерналистско-воспитательную модель (КНР), в которой ключевую роль играют внеюрисдикционные меры воздействия, реализуемые общественными институтами при сохранении традиционных семейных устоев.

Оптимальной с точки зрения баланса публичных и частных интересов представляется скандинавская (норвежская) модель, интегрирующая уголовно-правовое преследование, систему компенсации вреда и социально-психологическую реабилитацию в рамках единого центра (Barnahus) с мультидисциплинарным подходом. Однако экстраполяция данной модели на иные правовые системы ограничена необходимостью наличия высокого уровня доверия к государственным институтам, наличия правовых гарантий от

злоупотребления правом на сообщение о семейном насилии, ответственности за заведомо ложное сообщение о нем, и значительных бюджетных ресурсов.

§ 2. Характеристика систем обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия в странах ближнего зарубежья (*Беларусь, Казахстан, Узбекистан)*

Не меньший научно-практический интерес вызывают системы обеспечения прав граждан от семейного насилия в странах ближнего зарубежья. Целесообразно рассмотреть некоторые из них.

Рассмотрим систему противодействия семейному насилию в Республике Беларусь. В Республике Беларусь в качестве базовой основы системы противодействия семейному насилию является вышеназванный закон «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее - ЗРБ № 122), где в статье 1 дается определение домашнему насилию, которое влечет физические и (или) психические страдания[1].

В статье 5 названного закона представлена система субъектов профилактики правонарушений, однако не все из них являются субъектами противодействия домашнему (семейному) насилию. Конкретные субъекты профилактики домашнего (семейного) насилия закреплены в статье, раскрывающая основные профилактические мероприятия по предупреждению домашнего насилия: местные исполнительные и распорядительные органы, органы внутренних дел, органы прокуратуры, органы по труду, занятости

[1] Об основах деятельности по профилактике правонарушений: закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 15.01.2014, 22120) // URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400122 (дата обращения: 24.11.2025).

и социальной защите, учреждения социального обслуживания, органы управления здравоохранением, государственные организации здравоохранения, органы управления образованием и учреждения образования (статья 17).

В закрепленном в ЗРБ № 122 понятии семейного насилия в качестве лиц, в отношении которых совершается бытовое (семейное) насилие, обозначаются только члены семьи, лиц, совместно проживающих или близких родственников, однако бывшие члены семьи и партнеры, с которыми не имеются семейные связи, практически не попадают под действие норм об ответственности за данное насилие.

В норме процессуального закона - Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП РБ) - раскрывается понятие члена семьи – это близкие родственники, другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и иные физические лица, проживающие совместно с участником административного процесса и ведущие с ним общее хозяйство (пункт 24 статьи 1.4.)[1].

Профилактика правонарушений в Республике Беларусь осуществляется на основе ежегодно разрабатываемых местными исполнительными и распорядительными органами областного и базового территориальных уровней *региональных комплексных планов*, созданных с учетом положений ЗРБ № 122, комплексных планов по борьбе с преступностью и предложений субъектов профилактики правонарушений (статья 11).

Обозначенными планами по профилактике правонарушений обеспечивается проведение профилактических мероприятий по предупреждению различных видов правонарушений, а также домашнего насилия.

Основы функционирования системы противодействия домашнему (семейному) насилию регламентируются статьей 17 рассматриваемого ЗРБ № 122.

---

[1] Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях 6 января 2021 г. № 92-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 22.01.2021, 2/2812. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=HK2100092 (дата обращения: 24.11.2025).

В ней закреплен перечень мероприятий (мер) общего характера, так и перечень специализированных. По содержанию общие меры можно классифицировать на:

- информационно-пропагандистские (формирование негативного отношения общества к домашнему насилию; информационно-просветительская работа по предупреждению домашнего насилия; информирование пострадавших от домашнего насилия об организациях, в которых им может быть оказана помощь; проведение бесплатной «горячей линии» по вопросу консультирования пострадавших от домашнего насилия);

- меры по выявлению и устранению причин и условий, ему способствующих;

- меры по подготовке кадров (подготовка, переподготовка и повышение квалификации специалистов субъектов профилактики правонарушений, в том числе в области межведомственного взаимодействия; реализация образовательных программ обучающих курсов (лекториев, тематических семинаров, практикумов, тренингов, офицерских курсов и иных видов обучающих курсов) для специалистов субъектов профилактики правонарушений;

- научно-исследовательские (проведение отраслевых и межотраслевых исследований состояния, причин и условий распространения домашнего насилия, эффективности законодательства и практики его применения).

Во главе системы профилактики домашнего насилия законодатель расположил местные исполнительные и распорядительные органы, которые в сфере предупреждения домашнего насилия осуществляют:

- организационные меры (обеспечивание плановости и системности проведения профилактических мероприятий; изучение и комплексное реагирование на запросы граждан с учетом местных особенностей; организация проведения коррекционных программ; организация сотрудничества с иными организациями и гражданами в деятельности по предупреждению домашнего насилия);

- учредительные меры (создание межведомственных советов по оказанию помощи пострадавшим от домашнего насилия; создание государственных

организаций, их структурных подразделений по круглосуточному оказанию пострадавшим от домашнего насилия услуг временного приюта, оказанию им социальной, психологической и иной помощи);

- представительно-защитительные (меры по защите прав пострадавшего от домашнего насилия, признанного судом недееспособным либо ограниченно дееспособным, и представление его интересов в государственных органах или в суде);

- учетно-аналитические (осуществление учета, обобщения, систематизации и анализа данных об оказании помощи пострадавшим от домашнего насилия, о мерах, принятых в отношении граждан, совершивших домашнее насилие).

Органы внутренних дел в сфере предупреждения домашнего насилия осуществляют правоохранительную функцию, а именно:

«осуществляют прием и рассмотрение заявлений и сообщений о совершении домашнего насилия, принимают меры по его пресечению, осуществляют подготовку материалов для принятия в установленном порядке решений о привлечении граждан, совершивших домашнее насилие, к административной или уголовной ответственности, о признании их ограниченно дееспособными;

организуют проведение профилактических мероприятий по предупреждению домашнего насилия;

информируют органы опеки и попечительства о выявлении фактов домашнего насилия в отношении несовершеннолетних, граждан, признанных судом недееспособными либо ограниченно дееспособными;

организуют в пределах своей компетенции проведение коррекционных программ;

осуществляют учет, обобщение, систематизацию и анализ информации о фактах домашнего насилия»[1].

---

[1] Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 15.01.2014, 22120). URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400122 (дата обращения: 24.10.2025);

Применение административно-правовых средств противодействия семейному насилию осуществляются подразделениями милиции общественной безопасности (прежде всего, служба участковых инспекторов милиции, инспекции по делам несовершеннолетних)[1].

Следует отметить, что в Республике Беларусь функционируют некоторые элементы противодействия правонарушения, схожие с функционирующими в советский период, например, лечебно-трудовые профилактории (далее – ЛТП), входящие в систему органов внутренних дел, создаваемые для принудительной изоляции и медико-социальной реадаптации с обязательным привлечением к труду граждан, больных хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией, и которые подвергаются принудительной изоляции в соответствии с Правилами внутреннего распорядка этих учреждений[2]. Как известно, большинство актов семейного насилия агрессорами совершается в состоянии опьянения. В случаях, когда систематическое семейное насилие совершается в состоянии алкогольного опьянения, суд может инициировать вопрос о направлении агрессора в ЛТП, что рассматривается как мера медико-социальной защиты, а не только как наказание за конкретный акт насилия.

В Инструкции об организации работы органов внутренних дел по профилактике правонарушений, разработанной МВД Республики Беларусь, определен алгоритм действий сотрудников милиции при реагировании на факты семейно-бытовых конфликтов, а также определен порядок контроля за полнотой проведенных мероприятий по ним[3].

---

[1] Об органах внутренних дел Республики Беларусь: Закон Республики Беларусь, 17 июля 2007 г. № 263-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь от 24 июля 2007 года, №173, 2/1360 (дата обращения: 12.10.2025).

[2] Закона Республики Беларусь от 4 января 2010 г. «О порядке и условиях направления граждан в лечебно-трудовые профилактории и условиях нахождения в них» // Национальном реестре правовых актов Республики Беларусь, 20 января 2010 г., №15, 2/1656.

[3] Об утверждении Инструкции об организации работы органов внутренних дел по профилактике правонарушений [Электронный ресурс]: приказ Министерства внутренних дел Республики Беларусь, 29.03.2019, № 70: в ред. приказа МВД Республики Беларусь от 16.06.2022, № 151 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

Статьей 31 ЗРБ № 122. закреплено понятие и процедура исполнения защитного предписания в Республике Беларусь.

В части 2 статьи 10.1 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее - КоАП РБ) [1] предусмотрена специальная административная ответственность за нанесение побоев, не повлекшее причинения телесных повреждений, умышленное причинение боли, физических или психических страданий, совершённые в отношении близкого родственника либо члена семьи. Данной нормой установлена и административная ответственность за нарушение защитного предписания. Правонарушитель может быть подвергнуто административному взысканию в виде штрафа до 10 базовых величин, или общественных работ, или административного ареста. В качестве меры процессуального пресечения в УПК РБ предусмотрен запрет на пребывать с потерпевшим - членом семьи либо с бывшим членом семьи - в общем жилом помещении и распоряжаться общей совместной собственностью. Производство по делам об административных правонарушениях осуществляется в порядке, регламентируемом Процессуально-исполнительным Кодексом Республики Беларусь об административных правонарушениях [2] (далее – ПИКоАП РБ), в котором перечислены административно-процессуальные средства.

По общему правилу, в соответствии со статьей 4.4 ПИКоАП РБ деяния, содержащие признаки деяния, предусмотренного статьей 10.1 КоАП РБ, влекут административную ответственность только при наличии выраженного в установленном ПИКоАП РБ порядке требования потерпевшего или его законного представителя привлечь лицо, совершившее административное правонарушение, к административной ответственности.

Однако предусмотрено исключение. В соответствии со ст. 9.4 ПИКоАП РБ административный процесс об административных правонарушениях,

---

[1] Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь 21 января 2021 г. № 2/2811.

[2] Процессуально-исполнительный Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь 15 января 2021 г. № 2/2812.

предусмотренных статьей 10.1 КоАП РБ, начинается не только по требованию потерпевшего (его законного представителя). Он может быть начат прокурором либо по его письменному поручению должностным лицом органа внутренних дел при отсутствии требования потерпевшего либо его законного представителя и не подлежит прекращению в случае примирения потерпевшего либо его законного представителя с лицом, в отношении которого ведется административный процесс. Можно отметить, что в Республике Беларусь функционирует заявительный (по требованию потерпевшего) порядок возбуждения дел об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 10.1 КоАП РБ.

В статье 17 рассматриваемого ЗРБ № 122 определены функции органов прокуратуры в сфере предупреждения домашнего насилия:

принимают участие в проведении профилактических мероприятий по предупреждению домашнего насилия;

информируют органы опеки и попечительства о выявлении фактов домашнего насилия в отношении несовершеннолетних, граждан, признанных судом недееспособными либо ограниченно дееспособными.

Другие субъекты профилактические осуществляют социальные функции посредством осуществления мероприятий по предупреждению домашнего насилия, связанные с обеспечение социальной защиты потерпевших от семейного насилия, реализации социальных услуг, мероприятия по вопросам предупреждения домашнего насилия и оказания помощи несовершеннолетним, а также осуществляют методическое обеспечение своим территориальными органами.

Кроме того, в статье 17 заложена основа информационного обеспечения взаимодействия системы профилактики семейного насилия: «органы по труду, занятости и социальной защите, учреждения социального обслуживания, органы управления здравоохранением, государственные организации здравоохранения, органы управления образованием, учреждения образования в сфере предупреждения домашнего насилия в пределах своей компетенции:

- информируют органы внутренних дел и органы опеки и попечительства о выявлении обстоятельств, свидетельствующих о домашнем насилии, совершенном прежде всего в отношении несовершеннолетних, граждан, признанных судом недееспособными либо ограниченно дееспособными;

- принимают участие в проведении коррекционных программ, профилактических мероприятий по предупреждению домашнего насилия;

- осуществляют учет, обобщение, систематизацию и анализ данных об оказании помощи либо социальных услуг пострадавшим от домашнего насилия».

В качестве мер индивидуальной профилактики закреплены: профилактическая беседа; официальное предупреждение; профилактический учет; защитное предписание; коррекционная программа; иные меры, предусмотренные законодательными актами (статья 23).

Не остается без правовой защиты дети, растущие в неблагополучных семьях. Кроме законов, обеспечивающих права несовершеннолетних[1], в сфере защиты прав детей функционирует акт Президента Республики Беларусь «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» [2] и межведомственный акт государственных органов, которым утверждена Инструкция о порядке взаимодействия государственных органов, ответственных за выполнение требований Декрета Президента Республики Беларусь [3], и работает акт Министерства образования, которым утверждена

---

[1] О правах ребенка: закон Республики Беларусь от 19 ноября 1993 г. № 2570- XII // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь», 1993 г., №33, ст. 430; Закон Республики Беларусь от 31 мая 2003 г. № 200-З «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 4 июня 2003 г. № 2/949.

[2].О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях: декрет Президента Республики Беларусь, 24 ноября 2006 г. № 18 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь», 2009 год, №110, 1/10672.

[3] Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия государственных органов, ответственных за выполнение требований Декрета Президента Республики Беларусь от 24 ноября 2006 г., № 18: постановление Министерства юстиции Республики Беларусь, Министерства внутренних дел, Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, Министерства здравоохранения Республики Беларусь, Министерства образования

Инструкция о порядке выявления несовершеннолетних, нуждающихся в государственной защите[1].

Кроме того, Министерством внутренних дел Республики Беларусь в 2022 году были определены обстоятельства, позволяющие произвести анализ и оценку риска домашнего насилия в целях определения степени вероятности его продолжения либо повторного совершения. Это обстоятельства и сведения:

1) по конкретному факту домашнего насилия, включающие изучение сведений: о характере взаимоотношений между сторонами семейного конфликта; обстоятельств совершения акта семейного насилия (дата, время, место, характер совершенных действий); сведений о лицах, присутствовавших при совершении домашнего насилия (несовершеннолетние, престарелые, недееспособные (ограниченно дееспособные); данных, подтверждающих совершение домашнего насилия; сведений, характеризующих личность гражданина и пострадавшего;

2) по фактам домашнего насилия, совершенным ранее;

3) иные, имеющие значение для оценки риска домашнего насилия[2].

Данный подход можно охарактеризовать как содержащий элементы риск-ориентированного, позволяющего не только оценивать характер и риски, связанные с совершением актов семейного насилия, и спрогнозировать их совершение в будущем, но и спланировать деятельность самим должностным лицам милиции, осуществляющим административный надзор за семейными дебоширами.

Таким образом, совокупность административно-правовых средств, закрепленных в законодательстве Республики Беларусь, позволяют довольно

Республики Беларусь, 18 июня 2008 г., № 43/210/112/121/57 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь» от 21 августа 2008 г., №199, 8/19249.

[1] Об утверждении Инструкции о порядке выявления несовершеннолетних, нуждающихся в государственной защите: Постановление Министерства образования Республики Беларусь, 28 июля 2004 г., № 47 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь от 24 сентября 2004 г. № 8/11511.

[2] О порядке оценки риска домашнего насилия: постановление Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 14 июня 2022 г. № 148 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь, 08.07.2022, 8/38345.

эффективно осуществлять профилактику семейного насилия субъектами данной системы противодействия.

Рассмотрим средства социальной защиты и помощи потерпевшим от актов бытового (семейного) насилия.

Социальная система защиты граждан от семейного насилия предусмотрена Законом Республики Беларусь от 22 мая 2000 года «О социальном обслуживании» [1], согласно статье 18 которого семейное неблагополучие, домашнее насилие относятся к обстоятельствам, для признания граждан нуждающимися в социальном обслуживании.

В качестве составляющих социально-правовых элементов рассматриваемой системы следует отметить территориальные центры социального обслуживания, оказывающие консультационно-информационные услуги; социально-психологические услуги; социально-посреднические услуги (содействие в получении и оформлении льгот и гарантий, получение и восстановление необходимых документов); услуга временного приюта («кризисная» комната).

Среди участников системы противодействия бытовому (семейному) насилию следует отметить некоммерческие организации (далее – НКО), деятельность которых в последнее время ограничена по причине осуществления ими давления на общественное мнение по различным, прежде всего, политическим вопросам, вследствие чего некоторые из них были в установленном порядке ликвидированы («Гендерные перспективы», «Радислава»). Однако именно НКО определены в качестве исполнителей государственного социального заказа, одним из задач которого является оперативное решение наиболее значимых социальных проблем (ст. 24-28). Они проходят процедуры конкурса для участия в реализации государственного заказа. Государственными заказчиками выступают местные исполнительные и распорядительные органы либо уполномоченный ими орган.

[1] О социальном обслуживании: закон Республики Беларусь от 22 мая 2000 г. № 395-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, от 31.05.2000 г., № 50, 2/170.

В Республике Беларусь действует общенациональная горячая линия для пострадавших от домашнего насилия 8-801-100-8-801.

Иные организации в сфере предупреждения домашнего насилия имеют право в соответствии с законодательством и их уставами:

принимать участие в проведении коррекционных программ, профилактических мероприятий по предупреждению домашнего насилия;

оказывать услуги временного приюта пострадавшим от домашнего насилия;

оказывать социальную, психологическую, юридическую и иную помощь пострадавшим от домашнего насилия;

организовывать проведение бесплатной «горячей линии» по вопросу консультирования пострадавших от домашнего насилия;

проводить иные профилактические мероприятия по предупреждению домашнего насилия.

Таким образом, рассмотренную систему допустимо охарактеризовать как комплексную систему, деятельность субъектов и участников которой направлена, в первую очередь, на предупреждение правонарушений, оказание административного воздействия на агрессора, урегулирования семейного конфликта и сохранения семьи, а не на безусловную защиту прав жертвы (здоровья и достоинства личности).

Следует обозначить отсутствие программ длительной реабилитации и реинтеграции жертв домашнего (семейного) насилия, недостаток программ для работы с агрессором. Не налажена системная деятельность по противодействию психическому насилию. Система регистрации актов (домашнего) семейного насилия носит заявительный характер, что увеличивает количество неучтенных их случаев и латентность насильственных правонарушений. Однако стоит отметить, что в течение 2020-2022 годов законодательство в рассматриваемой сфере относительно мер ответственности ужесточилось, а подходы стали более практико-ориентированными. (поправками 2021 года введено «защитное предписание», 2022 – введение оценки риска домашнего насилия).

Рассмотрим одну из систем противодействия семейному насилию, которая стала формироваться в числе первых на пространстве стран Содружества Независимых Государств – систему Республики Казахстан.

В Республике Казахстан система обеспечения прав граждан от семейного (бытового) насилия стала развиваться с момента признания норм международного права. Так, в 1998 году Республика Казахстан присоединилась[1] к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин[2], других норм и принципов международного права. Изданием в 2009 году закона «О профилактике бытового насилия»[3] был вызван целый ряд законодательных инициатив в уголовное законодательство и законодательство об административных правонарушениях. Следует отметить, что законодательство о противодействии семейному (бытовому) насилию в Республике Казахстан претерпел несколько этапов, начавшиеся с 2009 года. Собственно в закон «О профилактике бытового насилия» неоднократно вносились различные поправки (2013, 2014, 2015, 2017, 2018, 2021, 2023 г.).

На данном этапе побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью, совершенные в сфере семейно-бытовых отношений, относились к категории административных правонарушений. Так, статьей 79-5 закона Республики Казахстан была установлена ответственность «за нецензурную брань, оскорбительное приставание, унижение, повреждение предметов домашнего обихода и другие действия, выражающие неуважение к лицам, состоящим с правонарушителем в семейно-бытовых отношениях, нарушающие их спокойствие, совершенные в индивидуальном жилом доме, квартире или ином жилище, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого

[1] Закон Республики Казахстан от 29 июня 1998 года № 248 «О присоединении Республики Казахстан к Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан «Әділет».

[2] Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1979 года.

[3] О профилактике бытового насилия: закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года № 214 // «Казахстанская правда» от 12 декабря 2009 года, № 293 (26037).

деяния»[1], содержащаяся в главе 9 - 1 «Административные правонарушения, посягающие на личность и в сфере семейно-бытовых отношений».

На втором этапе, начавшийся с 2017 года, государство пошло на смягчение ответственности за насильственные деяния, в том числе совершаемые в семье: были декриминализированы побои и причинение вреда здоровью[2]. Обоснованием данного решения послужили те обстоятельства, что уголовное преследование по этим преступлениям относилось к частному обвинению, что вызывало трудности и возлагало бремя доказывания вины за совершенное насилие на потерпевшего, проходить и оплачивать судмедэкспертизы, а после подавать заявление в суд.

Несмотря на то, что агрессоры стали реально привлекаться к административному наказанию в виде административного ареста, однако и эти меры не смогли кардинально изменить состояние с семейным насилием. Как отмечалось в одном из источников: «эти попытки включали в себя в том числе декриминализацию преступлений и выписку виновникам предупреждений, что получило репутацию «неадекватных санкций». Государство выстраивает стратегию методом проб и ошибок из-за чего уровень насилия остается неизменно высоким, а агрессоры возвращаются домой»[3].

Кроме того, отмечается, что из-за примирения сторон за последние пять лет было прекращено около 60% административных дел, что подтверждается данным Генеральной прокуратуры Республики Казахстан[4].

Кризисное состояние системы противодействия семейному насилию в Республике Казахстан усугубилось после происшедшего резонансного

---

[1] Кодекс Республики Казахстан от 30 января 2001 года №155 «Об административных правонарушениях» // «Ведомости Парламента Республики Казахстан», 2001 г., №5–6, ст. 24.

[2] Закон Республики Казахстан от 3 июля 2017 года №84-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования правоохранительной системы» // «Казахстанская правда» от 4 июля 2017 года № 126 (28505).

[3] Михайлиди Е., Жартиева А., Нурмангазинова Н.. Победившее насилие. Как Казахстан пытается менять ситуацию с домашним насилием, но становится хуже // URL: https://vlast.kz/obsshestvo/43869-pobedivsee-nasilie.html (дата обращения: 04.11.2025).

[4] Сведения об административных правонарушениях, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений с 2015 по декабрь 2020 года. Генеральная прокуратура Казахстана // URL: https://docs.google.com/spreadsheets/d/1ewiSfleQxYt0JZWCv82tOTs2yR1tTC_5dOrlGaVPGxE/edit?pli=1&gid=1166709307#gid=1166709307 (дата обращения: 04.11.2025).

преступления: «9 ноября в одной из VIP-кабинок ресторана полиция обнаружила бездыханное тело 31-летней Салтанат Нукеновой. По версии следствия, с 8 по 9 ноября 2023 года у пары произошёл конфликт, в ходе которого Бишимбаев до смерти избил гражданскую жену»[1].

Кризисное состояние в противодействии семейному насилию на данном этапе свидетельствуют данные статистики, представленные в специальном докладе Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан «О противодействии семейно-бытовому насилию» 2024 года:

«Так, если в 2018 и 2019 годах количество защитных предписаний составляло 64 852 и 73 541, то в 2021 и 2022 годах уже 81 648 и 83 998. В 2023 году количество составило 87 846 (рост на 35%). Увеличилось количество особых требований: если в 2018 – 6 605, то в 2023 – 15 411.

На практике защитные предписания и особые требования зачастую нарушаются, наблюдается значительное количество рецидивных правонарушений.

О неэффективности выносимых защитных предписаний свидетельствует ежегодный значительный рост повторных правонарушений (2021 – удельный вес свыше 63%, 2022 – 80%, за 10 мес. 2023 – 65%).

Таким образом, эффективность мер пресечения и профилактики насилия в семейно-бытовой сфере составляет всего лишь 35% (в 2021 г. – 37%, в 2022 г. – 20%), в остальных случаях противоправные деяния совершаются повторно, переходят в нанесение побоев или причинение легкого вреда здоровью»[2].

На третьем этапе принятием закона № 72-VIII ЗРК[3] политика Казахстана в сфере противодействия семейному (бытовому) насилию изменилась в сторону

---

[1] Год без Салтанат: что изменилось после самого резонансного убийства в истории Казахстана. URL: https://cmn.kz/god-bez-saltanat-chto-izmenilos-posle-samogo-rezonansnogo-ubijstva-v-istorii-kazahstana/ (дата обращения: 12.11.2025).

[2] Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Казахстан «О противодействии семейно-бытовому насилию» 2024 года. Астана, С. 23-25 // URL: file:///C:/Users/Alex/Downloads/_gluster_2024_3_1_5a7f4aa16b071a92334a67807af65ea9_original.9433178.pdf (дата обращения: 04.11.2025).

[3] Закон Республики Казахстан от 15 апреля 2024 года № 72-VIII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам

ужесточения административной и уголовной ответственности, а также усиления социальных гарантий защиты жертв этого насилия. Вновь побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью были криминализированы, а санкции по статьям: 106 УК РК (тяжкий вред здоровью), 107 УК РК (средней тяжести вред), 108-1 (Умышленное причинение легкого вреда здоровью), 110 УК РК (истязание), 109-1 (Побои), 120 УК РК (изнасилование) были ужесточены и приобрели статус уголовных дел публичного обвинения. Кроме того, тем же законом Республики Казахстан заявительный порядок регистрации сообщений поправками в статью 64 был заменен на выявительный, т.е. органы полиции самостоятельно получили право возбуждать дела об административных правонарушениях, сопряженных с семейным насилием, без заявления от потерпевшего.

В системе административных правонарушений, устанавливающих ответственность за семейное насилие и связанные с ним, в Законе Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее – КРКоАП) расположены следующие статьи:

- статья 73. Противоправные действия в сфере семейно-бытовых отношений;

- статья 461. Нарушение защитного предписания;

- статья 669 (части 1 и 2). Нарушение установленных судом особых требований к поведению правонарушителя.

К числу субъектов системы противодействия семейному (бытовому) насилию относятся: правительство РК; Национальная комиссия по делам женщин и семейно-демографической политике при Президенте РК и Комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике; Министерство культуры и информации РК; Министерство внутренних дел РК; Министерство труда и социальной защиты населения РК; Министерство просвещения РК; комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, местные представительные органы и другие.

обеспечения прав женщин и безопасности детей» // Казахстанская правда» от 16 апреля 2024 № 74 (30201).

В качестве новшества следует отметить, что в Республике Казахстан создан специализированный орган - Комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике, в полномочия которой входит разработка и внесение в местные исполнительные органы предложений об организационно-практических мерах в сфере профилактики бытового насилия, участие в проведение мероприятия по профилактике бытового насилия и реабилитации потерпевших.

Министерство внутренних дел Республики Казахстан совместно с уполномоченным государственным органом и уполномоченными органами в области здравоохранения и образования определяют критерии оценки наличия жестокого обращения, приведшего к социальной дезадаптации и социальной депривации в соответствии с частью 2 статьи 133 Социального кодекса Республики Казахстан[1].

Обозначенный закон регулирует общественные отношения, возникающие в сфере предоставления специальных социальных услуг лицам (семьям), находящимся в трудной жизненной ситуации.

В статье 17 Закона О профилактике бытового насилия закреплены меры индивидуальной профилактики, которые являются основными административно-правовыми средствами в рассматриваемой сфере:

1) профилактическая беседа;

2) доставление в органы внутренних дел лица, совершившего бытовое насилие, для составления протокола об административном правонарушении либо вынесения защитного предписания;

3) защитное предписание;

4) административное задержание;

5) принудительные меры медицинского характера;

6) установление особых требований к поведению правонарушителя;

7) административное взыскание;

---

[1] Социальный кодекс Республики Казахстан от 20.04.2023 № 224. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224 (дата обращения: 07.12.2025).

8) лишение либо ограничение родительских прав, отмена усыновления (удочерения) ребенка, освобождение и отстранение опекунов и попечителей от исполнения ими своих обязанностей, досрочное расторжение договора о передаче ребенка на воспитание патронатному воспитателю;

9) меры процессуального принуждения и меры безопасности потерпевших в уголовном процессе;

10) меры, принимаемые по приговору суда.

Министерство внутренних дел Республики Казахстан и его органы практически реализуют самостоятельно либо совместно обозначенные выше меры, а также осуществляют регулирование осуществления профилактического контроля за лицами, состоящими на профилактических учетах в органах внутренних дел. В нормативно-правовом акте этого органа управления предусмотрен порядок вынесения защитного предписания и контроля за соблюдением ограничений агрессором, а также порядок ведения служебного делопроизводства по осуществлению профилактического контроля в отношении обозначенного лица[1].

Статьей 461 КРКоАП предусмотрена ответственность за нарушение защитного предписания. Как отмечается в одной из работ, защитное предписание по своей юридической природе является альтернативной мерой принуждения (административного пресечения), которая применяется вместо административного задержания и заключается в запрете: 1) совершать бытовое насилие; 2) вопреки воле потерпевшего разыскивать, преследовать, посещать его, вести с ним устные, телефонные переговоры и вступать с ним в контакты иными способами, включая несовершеннолетних и (или) недееспособных членов его семьи»[2].

---

[1] Приказ МВД РК от 15.07.2014 № 432 «Об утверждении Инструкции по осуществлению профилактического контроля за лицами, состоящими на профилактическом учете в органах внутренних дел» URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V14C0009695 (дата обращения: 07.12.2025).

[2] Предупреждение семейного насилия по законодательству Российской Федерации, Республики Казахстан, Киргизской Республики и Республики Узбекистан: учебное пособие / А. А. Гайдуков, А. А. Абдрахманов, С. В. Корнейчук [и др.]. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2025. – 127 с.

Правовой основой «установления особых требований к поведению правонарушителя и контроль за исполнением ограничений» как меры противодействия семейному насилию является Закон РК «О профилактике бытового насилия». Данная мера применяется (как и защитное предписание) с целью обеспечения безопасности потерпевшего от семейного насилия путем разобщения конфликтующих сторон. Особые требования к поведению правонарушителя могут быть установлены при совершении им следующих видов правонарушений: противоправные действия в сфере семейно-бытовых отношений (ст. 73 КРКоАП) и нарушение защитного предписания (ст. 461 КРКоАП).

В Республике Казахстан развита система социально-психологической поддержки лиц, пострадавших от семейного насилия. Так, статьей 15 Закона О профилактике семейного насилия раскрывается общая компетенция организаций по оказанию помощи, которые

1) осуществляют прием потерпевших;

2) организуют предоставление необходимой психологической, педагогической, медицинской, юридической помощи потерпевшим, при необходимости направляют их в организации здравоохранения для оказания медицинской помощи и дальнейшей реабилитации;

3) в соответствии с возможностями предоставляют временное проживание потерпевшим;

3-1) оказывают потерпевшим специальные социальные услуги, а также обращаются в их интересах в местные исполнительные органы районов, городов областного значения с заявлением о предоставлении гарантированного и (или) дополнительного объема специальных социальных услуг, предоставляемых сверх гарантированного объема;

4) проводят психокоррекционные программы с лицами, совершившими бытовое насилие;

5) информируют органы внутренних дел о фактах бытового насилия или об угрозе их совершения;

6) осуществляют право разъяснительную работу по вопросам профилактики бытового насилия;

7) осуществляют взаимодействие с физическими и юридическими лицами по вопросам профилактики бытового насилия.

Организации по оказанию помощи создаются местными исполнительными органами, а также физическими и юридическими лицами в порядке, установленном законодательством Республики Казахстан.

Финансирование деятельности организации по оказанию помощи осуществляется за счет бюджетных средств и иных источников, не запрещенных законодательством Республики Казахстан.

Среди иных мер, принятых в результате нормотворчества в Республике Казахстан, следует отметить обязательную психологическую реабилитацию и проведение коррекционных программ с лицами, совершившими бытовое насилие. В течение недавного времени было открыто 20 новых Центров психологической поддержки.

Кроме того, данным законом предусмотрено создание центров поддержки семьи, которые функционируют в районах при местных исполнительных органах по вопросам социальной защиты и занятости населения. Именно эти центры наделены компетенцией по осуществлению:

1) мер государственной семейной политики, в том числе мер по сохранению брака и семьи, разрешению семейных конфликтов;

2) координации работы по охвату поддержкой лиц (семей), оказавшихся в трудной жизненной ситуации, государственными органами в пределах своей компетенции, в том числе посредством интегрированной модели;

3) содействия в оказании социальной, юридической и психологической поддержки лицам (семьям), оказавшимся в трудной жизненной ситуации;

4) оказания поддержки лицам с признаками бытового насилия с возможностью их временного проживания сроком до одного месяца;

5) информационно-разъяснительной работы о направлениях и мерах государственной семейной политики;

6) взаимодействия с местными исполнительными органами, организациями, волонтерами, консультативно-совещательными органами по вопросам реализации государственной семейной политики, профилактики бытового насилия;

7) мониторинга и анализа тенденций государственной семейной политики;

8) организации работы мобильных групп по раннему выявлению и организации оказания поддержки лицам (семьям), находящимся в трудной жизненной ситуации, при участии органов образования, здравоохранения, внутренних дел в пределах своей компетенции под координацией местного исполнительного органа по вопросам социальной защиты и занятости населения;

9) реализации иных мер по профилактике бытового насилия в соответствии с законодательством Республики Казахстан[1].

Стандарты оказания специальных социальных услуг, порядок их предоставления, права и обязанности лица (семьи), находящегося в трудной жизненной ситуации, определяются законодательством Республики Казахстан о специальных социальных услугах[2].

В Комментарии к данному закону отмечается, что «внимательное изучение его норм показывает, что не так-то просто получить эти услуги ввиду излишней формальности порядка и условий их получения»[3].

Так же, в связи с введением в действие Закона Республики Казахстан «О медиации»[4] суды должны разъяснять сторонам о возможности проведения процедуры медиации в рамках рассматриваемого дела, по которому в случае согласия на проведение медиации судебное разбирательство откладывается. Если

---

[1] Статья 5-1 Закона Республики Казахстан от 15 апреля 2024 года № 72-VIII ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей» // Казахстанская правда» от 16 апреля 2024 № 74 (30201).

[2] Закон Республики Казахстан от 29.12.2008 года № 114- IV «О специальных социальных услугах». URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z080000114 (дата обращения: 13.12.2025).

[3] Применение судами норм закона Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия». Комментарий к Закону Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия». Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/T090000214 (дата обращения: 13.12.2025).

[4] Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 года № 401-IV. О медиации. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000401#z0 (дата обращения: 13.12.2025).

в ходе медиации между сторонами достигнуто соглашение о примирении, то суд решает вопрос о прекращении дела которое допускается только один раз.

Примирение сторон семейно-бытового конфликта, при котором было применено насилие, является обстоятельством судебного исследования и применения как обстоятельство, исключающего юридическую ответственность агрессора. Так, по мнению А.У. Сейдахметовой, «освобождение от административной ответственности за правонарушения, связанные с семейно-бытовым насилием, по основанию примирения сторон должно применяться исключительно при условии непосредственного исследования судьей всех обстоятельств дела, а также причин и условий совершения правонарушения»[1].

Следует отметить, что организации по оказанию помощи проводят психокоррекционные программы с лицами, совершившими бытовое насилие. При отказе пройти психологическую помощь по коррекции поведения её назначают через суд. В случае когда правонарушитель не выполняет обозначенную обязанность посещать занятия, в его деяниях будет усматриваться состав правонарушения, предусмотренные статьей 669 КоАП («неисполнение решения суда»). Тогда уже приводятся в действие силы уголовно-исполнительной системы.

Данные статистики показывают, что «всего с начала 2025 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года зарегистрировано:

- на 20,5% меньше фактов бытового насилия;

- на 29% меньше особо тяжких преступлений в семье;

- на 21,3% меньше преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних;

- на 40,7% меньше фактов педофилии.

[1] Сейдахметова А.У. Административно-правовые основы деятельности сотрудников полиции по профилактике семейно-бытового насилия (по материалам Республики Казахстан): автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 5.1.2 / Сейдахметова Асемгуль Уахитовна; [Место защиты: "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»]. – Санкт-Петербург, 2025. - С. 15.

19 тысяч случаев бытового насилия выявлено без официальных заявлений – на основе данных мобильных групп, соцсетей, показаний свидетелей, членов мобильных групп по выявлению семей в тяжелой жизненной ситуации»[1].

Министерство здравоохранения осуществляет подзаконное административно-правовое регулирование вопросов, связанных с оказанием психологической помощи лицам, совершившим правонарушение с применением насилия, в организациях здравоохранения посредством определения правил. Так, именно в утвержденных этим министерством правилах определяется, что задачами оказания помощи лицам, совершившим акты семейного насилия, являются:

- «формирование мотивации к изменению деструктивного (с применением насилия) поведения;

- обучение психологическим способам совладения со стрессом и развитию навыков эмоционального контроля;

- развитие навыков альтернативного решения проблем и конфликтов, исключающих применение насилия»[2] и другие задачи.

Таким образом, систему противодействия семейному (бытовому) насилию в Республике Казахстан можно охарактеризовать как комплексную систему, направленную на трансформацию устоявшихся традиционных отношений, в которых допускаются акты семейного насилия. Перелом этих отношений происходит «сверху». Складывающаяся система развивается под воздействием управленческой конъюнктуры, которая лавирует между стремлением соответствовать международным стандартам и повышением индексов и сильными устоявшимися традициями, которые вызваны нежеланием многих граждан вторжением в их семьи. В целях преломления этого положения государство

---

[1] «Закон Салтанат»: как изменился за год уровень бытового насилия в Казахстане. Казахстанская правда. Закон и Порядок. 17 июня 2025 г. URL: https://kazpravda.kz/n/zakon-saltanat-kak-izmenilsya-za-god-uroven-bytovogo-nasiliya-v-kazahstane (дата обращения: 13.12.2025).

[2] Об утверждении правил оказания психологической помощи лицам, совершившим административное, уголовное правонарушение с применением насилия, в организациях здравоохранения: приказ Министра здравоохранения Республики Казахстан от 29 июня 2024 года № 48. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/V2400034678 (дата обращения: 13.12.2025).

выстроило обновленную систему противодействия семейному (бытовому) насилию.

К настоящему моменту обозначенная система содержит как юридическо-карательные элементы (введение специальных административных мер поведения - защитное предписание и установление особых требований к поведению правонарушителя, усиленная административная и уголовная ответственность), выявительный характер актов семейного (бытового) насилия (вне зависимости от воли потерпевшего), который заменил заявительный порядок регистрации правонарушений, так и систему социально-правовой защиты, представляющие собой совокупность государственных и негосударственных субъектов, оказывающих социально-правовые услуги, включая реабилитационные, лицам, пострадавшим от насилия, а также агрессорам в случае прохождения процедуры психологической коррекции. При этом даже меры психологической помощи как вид социальной-правовой помощи носят принудительный характер, и агрессор, который в случае уклонения от прохождения мер психологической помощи, подлежит к ответственности. Базовой правовой основой функционирующей в Казахстане системы является закон «О профилактике бытового насилия», в котором предусмотрен расширенный перечень применяемых профилактических мер, направленных на противодействие семейному (бытовому) насилию.

В полиции созданы специальные мобильные группы по выявлению семей, находящихся в трудной жизненной ситуации, в том числе и в тех, где совершаются акты семейного (бытового) насилия.

Целесообразно исследовать наиболее обновленную систему обеспечения прав граждан от семейного насилия (а в Центральной Азии наиболее развернутую) – в Республике Узбекистан.

Среди последних нововведений следует отметить то, что с 1 февраля 2026 г. внедряются профессиональные приёмные семьи для детей, отобранных из-за насилия, обязательная видеозапись показаний детей, бесплатная государственная юридическая помощь пострадавшим несовершеннолетним и ответственность за несообщение о насилии работниками учреждений образования, здравоохранения

и социальной защиты граждан, закрепленные в Стратегии защиты детей от всех форм насилия на 2026 — 2030 годы[1].

Система обеспечения прав граждан от семейного насилия в Республике Узбекистан направлена на реализацию основных направлений государственной политики в области защиты женщин от притеснения и насилия, которыми являются:

- разработка и реализация гендерной политики, государственных программ и стратегий в области защиты женщин от притеснения и насилия;

- создание в обществе атмосферы нетерпимости к притеснению и насилию в отношении женщин;

- обеспечение защиты прав, свобод и законных интересов женщин от притеснения и насилия;

- повышение в обществе правового сознания и правовой культуры, укрепление законности;

- создание эффективных организационно-правовых механизмов для предупреждения, выявления, пресечения притеснения и насилия в отношении женщин;

- принятие мер по устранению причин и условий, способствующих притеснению и совершению насилия в отношении женщин;

- обеспечение сотрудничества государственных органов, органов самоуправления граждан, негосударственных некоммерческих организаций и других институтов гражданского общества в целях предупреждения притеснения и насилия[2].

Рассмотрим основные субъекты системы обеспечения прав граждан от семейного насилия.

---

[1] Об утверждении Стратегии защиты детей от всех форм насилия на 2026 — 2030 годы : Указ Президента Республики Узбекистан от 24.12.2025 № УП-256 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (lex.uz) от 24.12.2025 № 06/25/256/1205. URL: https://lex.uz/docs/7938812 (дата обращения: 20.02.2026).

[2] См. статью 5 Закона Республики Узбекистан, от 02.09.2019 г. № ЗРУ-561 «О защите женщин от притеснения и насилия». URL: https://lex.uz/docs/4494712 (дата обращения: 12.11.2025).

К субъектам реализации данной политики относятся Кабинет Министров Республики Узбекистан, Национальное агентство социальной защиты при Президенте Республики Узбекистан, органы государственной власти на местах, органы внутренних дел, органы по труду, органы государственного управления образованием и образовательные учреждения, органы управления государственной системой здравоохранения и учреждения здравоохранения, Комитет семьи и женщин Республики Узбекистан, органы самоуправления граждан, негосударственные некоммерческие организации и другие институты гражданского общества.

Президентом Республики Узбекистан в качестве приоритетных направлений совершенствования системы социальной реабилитации и адаптации, профилактики семейно-бытового насилия определены:

- ранняя профилактика семейных и межличностных конфликтов, депрессивных ситуаций, способных спровоцировать суицидальное поведение и другие случаи, негативно влияющие на духовно-нравственную атмосферу в обществе и семье, а также обеспечение активного участия широкой общественности в этом процессе;

- формирование эффективной системы взаимодействия государственных органов, в том числе с институтами гражданского общества, в налаживании системы социальной реабилитации и адаптации, разрешении возникающих конфликтных ситуаций, в первую очередь семейно-бытовых;

- широкое привлечение институтов гражданского общества к ранней профилактике конфликтных ситуаций, совершенствованию системы социальной реабилитации и адаптации, прежде всего, посредством оказания адресной поддержки лицам и семьям из «группы риска»;

- выявление и изучение причин возникновения конфликтных ситуаций, в том числе семейно-бытового насилия, факторов, создающих суицидальное настроение, принятие мер по их устранению;

- утверждение в обществе атмосферы нетерпимого отношения к любым проявлениям насилия на семейно-бытовой почве, в первую очередь, со стороны

близких родственников, в том числе путем обеспечения неотвратимости наказания, поддержки лиц, находящихся в тяжелом социальном положении;

- повышение правового сознания и правовой культуры в обществе, укрепление законности в сфере семейных и межличностных отношений, усиление чувства сопричастности к процессам социальной реабилитации и адаптации»[1].

Республиканские, региональные и межрайонные образцовые центры по реабилитации и адаптации женщин (далее — Центры), функционирующие в Республике Узбекистан, широко пользуются методами государственно-частного партнерства, в том числе в целях организации деятельности Центров, совершенствования системы социальной реабилитации и адаптации, а также предупреждения применения семейно-бытового насилия привлекают негосударственные некоммерческие и международные (зарубежные) организации. Следует отметить, что министерствам и ведомствам, правоохранительным органам, органам хозяйственного управления возложена обязанность организовать тесное взаимодействие с Центрами, в том числе с Республиканским центром, создавать для них благоприятные условия.

Кабинета Министров Республики Узбекистан обеспечивает реализацию единой государственной политики в области защиты женщин от притеснения и насилия, создает структуры поддержки, обеспечения безопасности, физической и психологической реабилитации и адаптации жертв притеснения и насилия.

Уполномоченные органы и организации, осуществляющие защиту от притеснения и насилия, могут создавать специальные центры по оказанию жертвам притеснения и насилия экономической, правовой, социальной, психологической, медицинской и иной помощи.

В основе реализации рассматриваемой политики лежит разработка и реализация государственных программ и стратегий в области защиты женщин от притеснения и насилия, территориальных и иных программ.

---

[1] О мерах по совершенствованию системы социальной реабилитации и адаптации, а также профилактики семейно-бытового насилия: Постановление Президента Республики Узбекистан от 02.07.2018 № ПП-3827. URL: https://lex.uz/ru/docs/3804813 (дата обращения: 12.11.2025).

Национальное агентство социальной защиты при Президенте Республики Узбекистан проводит мероприятия по социальной реабилитации в центрах реабилитации и адаптации женщин и предотвращению суицидов; проводит мониторинг за обеспечением прав и свобод женщин, пострадавших от притеснения и насилия; оказывает социальные, правовые и психологические услуги жертвам притеснения и насилия; участвует в разработке и реализации программ и методических рекомендаций по профилактике конфликтных ситуаций, предупреждению притеснения и насилия, осуществляет иные полномочия.

Органы внутренних дел, как и иные субъекты рассматриваемой системы, принимают участие в разработке и реализации государственных, территориальных программ и актов законодательства в области защиты женщин от притеснения и насилия. Они принимают меры по предупреждению притеснения и насилия, в том числе определению и устранению их причин и условий, проводят на регулярной основе профилактическую работу с лицами, притесняющими женщин и совершившими в отношении них насилие; рассматривают обращения о притеснении и насилии в отношении женщин или угрозе их совершения; выдают официальное предупреждение лицу, склонному к совершению притеснения или насилия; выдают охранный ордер; принимают меры в пределах своих полномочий по привлечению к ответственности лиц, совершивших насилие; взаимодействуют с соответствующими уполномоченными органами и организациями, осуществляющими защиту женщин от притеснения и насилия.

Системы социальной реабилитации и адаптации, профилактики семейно-бытового насилия обозначена в Постановлении Президента Республики Узбекистан от 02.07.2018 № ПП-3827 «О мерах по совершенствованию системы

социальной реабилитации и адаптации, а также профилактики семейно-бытового насилия»[1].

Обозначенные в этом постановлении меры направлены на дальнейшее создание в Республике Узбекистан инфраструктуры по оказанию содействия и всесторонней помощи лицам, находящимся в тяжелом социальном положении, в том числе пострадавшим от правонарушений вследствие причинения физического, морального или имущественного вреда от семейного насилия.

Система обеспечения прав граждан от семейного насилия содержит также единую базу данных о семейном насилии; мероприятий по укреплению духовно-нравственных ценностей в семье, предупреждению и профилактике психофизического насилия и суицидальных поведений; разработка и реализация мер по профилактике бытового насилия в образовательных учреждениях, совершенствование системы подготовки кадров, методического обеспечения, а также информационно-просветительских работ в сфере профилактики семейных и межличностных конфликтов, психофизического насилия и суицидальных поведений, разработка методических рекомендаций по работе с лицами, склонными к насилию, а также распространение данных рекомендаций в государственных органах и других организациях, осуществляющих деятельность в сфере предупреждения семейного насилия.

Законом Республики Узбекистан, от 02.09.2019 г. № ЗРУ-561 «О защите женщин от притеснения и насилия» определены общие и индивидуальные меры предупреждения, выявления и пресечения случаев притеснения и насилия в отношении женщин.

Общие меры предупреждения, выявления и пресечения случаев притеснения и насилия в отношении женщин заключаются в:

- разработке и реализации государственных, территориальных и иных программ в области предупреждения притеснения и насилия в отношении женщин;

---

[1] О мерах по совершенствованию системы социальной реабилитации и адаптации, а также профилактики семейно-бытового насилия: Постановление Президента Республики Узбекистан от 02.07.2018 № ПП-3827. URL: https://lex.uz/ru/docs/380481 (дата обращения: 12.11.2025).

- анализе, изучении и оценке факторов, являющихся причинами и условиями притеснения и насилия;

- правовой пропаганде среди населения;

- ведении статистического учета и отчетности случаев притеснения и насилия в отношении женщин и предоставление их в органы государственной статистики;

- проведении информационно-просветительской деятельности в целях обеспечения граждан, особенно женщин, информацией о своих правах, свободах и обязанностях, а также о гарантиях защиты;

- внедрении эффективных правовых механизмов выявления случаев притеснения и насилия в отношении женщин;

- проведении превентивных мероприятий в отношении лиц, относящихся к группам риска совершения притеснения и насилия или их совершивших;

- осуществлении мероприятий по оказанию помощи и защите жертв притеснения и насилия;

- применении мер воздействия к лицам, совершившим либо склонным к совершению притеснения и насилия в отношении женщин;

- привлечении виновных к установленной законом ответственности.

Индивидуальными мерами предупреждения притеснения и насилия в отношении женщин является деятельность соответствующих уполномоченных органов и организаций, осуществляющих защиту женщин от притеснения и насилия, связанная с выявлением лиц с антисоциальным поведением, склонных к совершению или совершивших притеснение и насилие в отношении женщин, и оказанием на них профилактического воздействия.

К видам индивидуальных мер предупреждения притеснения и насилия в отношении женщин относятся:

- проведение профилактической беседы;

- выдача охранного ордера;

- размещение в специальные центры по оказанию помощи жертвам притеснения и насилия;

- прохождение коррекционных программ по изменению насильственного поведения.

В Республике Узбекистан сформирована трехзвенная система субъектов защиты пострадавших от семейного насилия.

К числу низших и самых многочисленных субъектов профилактики семейного насилия относятся органы местного самоуправления граждан - Махаллинские комитеты – решают вопросы местного значения, а именно бытовые, социальные, культурные и организационные проблемы на территории общины – махалли (общины), насчитывающие около 14 тыс. с общим количеством проживающих в каждой из них семей от 150 до 5,5 тыс. семей[1]. В состав так называемой «махаллинских семерок» входят: инспектор по профилактике, председатель махалли, помощник хокима, лидер молодежи, женщина-активистка, налоговый инспектор, социальный работник. Следует подчеркнуть, что в службе профилактики правонарушений подразделений общественной безопасности ОВД Республики Узбекистан введены отдельные должности инспектора по вопросам женщин, которые занимают женщины. Группа авторов отмечает, что «правоприменительная практика Республики Узбекистан свидетельствует о том, что наибольшее количество охранных ордеров органами внутренних дел выдается по фактам психологического насилия»[2].

Второе звено представлено районными центрами «Инсон», предоставляющие различные виды социальных услуг, в том числе социальная поддержка и помощь для пострадавших от семейного насилия.

---

[1] Анализ структуры управления махаллинских комитетов Республики Узбекистан в рамках обмена опытом НПО Таджикистана с махаллинскими комитетами Самаркандской области Республики Узбекистан. URL: https://tnwplus.org/index.php/novosti/item/167-analiz-struktury-upravleniya-makhallinskikh-komitetov-respubliki-uzbekistan-v-ramkakh-obmena-opytom-npo-tadzhikistana-s-makhallinskimi-komitetami-samarkandskoj-oblasti-respubliki-uzbekistan (дата обращения: 13.11.2025).

[2] Предупреждение семейного насилия по законодательству Российской Федерации, Республики Казахстан, Киргизской Республики и Республики Узбекистан: учебное пособие / А. А. Гайдуков, А. А. Абдрахманов, С. В. Корнейчук [и др.]. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2025. – С. 38.

Третье звено рассматривается как центр долгосрочной защиты и реабилитации – областные реабилитационные центры, предоставляющие услуги по комплексной адаптации жертв семейного насилия.

Дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 59^2 «Семейно-бытовое насилие» Кодекса Республики Узбекистан об административных правонарушениях [1] ((далее – КоАП РУ), возбуждаются независимо от наличия заявления потерпевшего, если об этом стало известно уполномоченным органам. Заявительный порядок регистрации актов семейного насилия как административного правонарушения можно охарактеризовать как дополнительный – как один из поводов для начала производства по делу. Потерпевший не обладает правами на прекращение производства по делу об административном правонарушении, и не вправе забрать заявление, и тем самым прекратить дело. Обозначенный подход направлен на преодоление семейного насилия посредством вмешательства государства в предотвращение насилия в семье.

Следует отметить, что административные правонарушения, предусмотренные статьей 59^2 КоАП РУ, не включены в перечень статей, производство по которым осуществляется по заявлению потерпевшего (не включена в статью 269^3 КоАП РУ), а это означает, что они возбуждаются в публичном порядке. Кроме того, данная статья не включена и в перечень, по которым лицо может быть освобождено от административной ответственности, если оно признало свою вину, примирилось с потерпевшим и загладило причиненный ему вред (статья 21^2 КоАП РУ).

Дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 59^2 «Семейно-бытовое насилие» КоАП РУ в соответствии со статьей 234 рассматриваются судами по уголовным делам.

Таким образом, сформированная сравнительно недавно система обеспечения прав граждан от семейного насилия в Республике Узбекистан

[1] Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности 22.09.1994 № 2015-XII // Ведомости Верховного Совета Республики Узбекистан. 1995, № 3.

представляется как социально-восстановительная система (при наличии трехзвенной государственно-социальных институтов защиты потерпевших) с формирующейся карательной направленностью воздействия на агрессора.

Таким образом, рассмотрев системы обеспечения прав граждан от семейного насилия в странах ближнего зарубежья, входящих в Содружество Независимых Государств, необходимо отметить, что они гарантируют необходимый объем защиты прав граждан от семейного насилия, однако развиваются в различных векторах.

В Республике Беларусь перечень применяемых административно-правовых средств меньший («защитные предписания»), но и система регистрации актов (домашнего) семейного насилия носит заявительный характер.

Система обеспечения прав граждан от семейного насилия в Республике Казахстан является самой ранневозникшей на территории СНГ (с 2009 года), претерпела несколько этапов развития, и на современной этапе характеризуется как социально-карательная система, направленная на перелом/искоренение традиционных устоев, лояльно относящихся к актам семейного насилия. Выявительный способ возбуждения дел об административных правонарушениях, не связанных с позицией потерпевшего, непосредственно направлен на трансформирование отношения традиционного общества, на акты семейного насилия, формирования нетерпимого отношения к нему. Ответственность за совершение вышеназванных актов на протяжении последнего времени усилена. Также расширен и перечень действующих в исследуемой сфере административно-правовых средств принуждения.

В Республике Казахстан имеется расширенных перечень административно-правовых средств, применяемых в сфере семейно-бытовых отношениях в целях противодействия семейному (домашнему) насилию (среди них «защитные предписания», «установления особых требований к поведению правонарушителя и контроль за исполнением ограничений», «охранные ордера»), но определен в качестве ведущего выявительный порядок возбуждения и производства по делам об административных правонарушениях.

Система, функционирующая в Республике Узбекистан, является одной из недавно сформированных, основывается на традиционной основе, в которую вовлечены местные комитеты - махалли (общины), районные центры «Инсон», и центры долгосрочной защиты и реабилитации – областные реабилитационные центры, предоставляющие услуги по комплексной адаптации жертв семейного насилия. Заявительный порядок регистрации актов семейного насилия и возбуждения дел об административных правонарушениях можно охарактеризовать как дополнительный – как один из поводов для начала производства по делу. Потерпевший не обладает правами на прекращение производства по делу об административном правонарушении, и не вправе отозвать заявление, и тем самым прекратить дело. Обозначенный подход направлен на преодоление семейного насилия посредством вмешательства государства в семейные отношения.

Однако стремление Республики Узбекистан повысить международные индексы защиты прав граждан за счёт активного правотворчества привело к разрыву между новыми законами и тем, как они работают на практике. Несмотря на публичный порядок возбуждения дел, на практике суды, руководствуясь установкой на «сохранение семьи», часто назначают минимальное наказание или ограничиваются мерами воспитательного воздействия, если стороны примирились, что фактически обесценивает государственное вмешательство. Данную систему можно назвать смешенной (публичное возбуждение, но по факту зависимый от воли семьи при рассмотрении).

Подробный сравнительный анализ зарубежных систем относительно российской может показать состояние и перспективы для развития последней.

§ 3. Сравнительно - правовая характеристика систем обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, функционирующих в зарубежных странах и в Российской Федерации

Проведение сравнительно – правового анализа систем обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, функционирующих в зарубежных странах и в Российской Федерации, представляет собой определенную научно-теоретическую практическую ценность и значимость. Результаты этого анализа могут способствовать не только более глубокому и комплексному исследованию отдельных элементов систем противодействия семейному насилию как в Российской Федерации и зарубежных странах, но разглядеть, выделить те положения, сформулированные после этого анализа, которые будет допустимо рассмотреть и обоснованно представить как элементы концепции предупреждения и социально-правовой защиты прав граждан от семейного насилия.

На сегодняшний день 162 страны приняли законы о домашнем насилии. При этом в некоторых случаях данные акты не в полном объеме соответствуют международным документам, регулирующим данную сферу общественных отношений, а также не всегда соблюдаются[1].

Исследование показало, что, несмотря на наличие норм международного права, в которых закреплены понятия и виды семейного (домашнего) насилия, практически в каждом государстве оно формулируется по-своему на основе собственных элементов социальной и правовой среды как широкого социального «пласта» жизни людей. Так и категория «семейное насилие» определяется в зависимости от сформированной среды права в определенном обществе. По мнению К.Е. Сигалова, «существуют благоприятные и неблагоприятные условия формирования социальности в целом, специфика существования права в

[1] Факты и цифры: искоренение насилия в отношении женщин. URL: https://eca.unwomen.org/ru/stories/explainer/2023/12/fakty-i-cifry-iskorenenienasiliya-v-otnoshenii-zhenschin (дата обращения: 01.05.2025).

различных природных регионах, есть особенности правового мышления у представителей различных культур»[1].

Проведение сравнительно-правового анализа систем противодействия семейному насилию возможно по определенным критериям, которые смогут более ясно раскрыть сущность функционирующих систем. Рассмотренные выше системы (административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия в Российской Федерации – в главе 2 дисс.; стран дальнего зарубежья – США, Австрии, Норвегии и Китая - в § 1 данной главы; стран ближнего зарубежья (стран СНГ) - в § 2 данной главы) исследовались на основе рассмотрения таких позиций как определение семейного (домашнего) насилия по национальному законодательству (общеправовое понятие – «Семейное (домашнее) насилие как противоправное и наказуемое явление» рассмотрено в *§ 1 главы 1;* как «Наказуемое административно противоправное насилие, в том числе совершаемое в сфере семейно-бытовых отношений» в Российской Федерации изучено в *§ 2 главы 1;* определение семейного (домашнего) насилия по национальному законодательству некоторых зарубежных стран изучено в *§ 3 главы 1).*

К числу аспектов также были исследованы: состояние административно-правового регулирования исследуемых систем; характер регистрации актов семейного насилия (парадигма реагирования); субъекты противодействия насилию; меры воздействия на агрессора; инфраструктура и меры социально-правовой защиты; роль правоохранительных органов (полиции) и их подготовка.

1. *Определение семейного (домашнего) насилия и законодательные основы.* В Российской Федерации отсутствует отдельный закон о противодействии (профилактике) семейного насилия или какой-либо иной нормативно-правовой акт, в котором бы закреплялась система обеспечения прав граждан от этого насилия и само понятие этого насилия. Отсутствует на федеральном уровне и закон о социально-правовой защите лиц, потерпевших от

[1] Сигалов К. Е. Место категории среда права в системе категорий юридической теории // Общество и право. - 2010. - №3 (30). - С: 30-31.

семейного насилия. В практическом обороте используются понятия, которые закреплены в нормах международного права или выработаны научной доктриной. Однако на региональном уровне разработано в законе Архангельской области понятие «насилие в семье», а также в нем закрепляется механизм социально-правовой защиты лиц, потерпевших от семейного насилия и их реабилитации[1].

О наличии проблемы семейного насилия подтверждаются данными социологического опроса. Так, в июне 2024 года был проведен опрос среди подписчиков сайта KP.RU в социальных сетях ВКонтакте и Одноклассники, а также в мессенджерах Telegram и Viber. Участие в исследовании приняли 5,3 тысячи человек. «Целых 25% респондентов сознались, что хотя бы раз в жизни их бил муж или жена. 9% сообщили, что сталкивались с насилием со стороны родителей. Причем сами респонденты отметили, что процент проголосовавших за этот вариант может быть так мал, поскольку крики, шлепки и наказание ремнем люди даже не воспринимают, как насилие, а считают нормой. 1% ответили, что испытали насилие со стороны детей, 6 % сами причиняют насилие («могут тумака дать») , 2 % - иное. 57% опрошенных сообщили, что в их семье насилия нет, никто ни на кого никогда не поднимает руку, все споры решаются путем общения, а не побоев»[2].

В Великобритании Закон о домашнем насилии 2021 года содержит законодательное определение домашнего насилия, которое включает в себя «физическое или сексуальное насилие; агрессивное или угрожающее поведение; контролирующее или принудительное поведение; экономическое насилие; психологическое, эмоциональное или иное насилие»[3].

---

[1] О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся насилию в семье: закон Архангельской области от 3 июня 2003 г. № 171-22-ОЗ // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов третьего созыва от 3-4 июня 2003 г. № 22.

[2] KP.RU: 41% опрошенных россиян заявили, что сталкивались с домашним насилием. 18 июня 2024 16:38. URL: https://www.kp.ru/daily/27596/4947438/(дата обращения: 12.11.2025).

[3] Domestic Abuse Act 2021. UK Parliament. 29 April 2021. p. 1. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2021/17/part/1/enacted (дата обращения: 24.10.2025).

Закреплённые в Законе о домашнем насилии формы семейного (домашнего) насилия отражены в ранее принятых и действующих нормативно-правовых актах Великобритании.

В законах и нормативных актах Великобритании термин «домашнее насилие» обычно используется для обозначения различных форм домашнего насилия. Некоторые конкретные формы домашнего насилия и жестокого обращения являются уголовными деяниями. Домашнее насилие или домогательства могут быть физическими, психологическими, сексуальными, финансовыми или эмоциональными.

В США функционирует развитое федеральное законодательство и законодательство штатов (двухуровневая система). При всей важности федерального регулирования вопросов противодействия семейному насилию, основная его часть осуществляется законодательством штатов США.

Понятие семейного насилия носит сложный характер. Под ним понимается как семейное насилие, домашнее насилие и насилие на свиданиях (насилие в отношениях). Его виды: физическое, сексуальное, психологическое, экономическое насилие, преследование.

В Австрии принят первый в Европе и действует федеральный Закон о защите от насилия в семье (1997, с поправками). Австрийское законодательство приближено к нормам международного законодательства, в особенности к нормам Стамбульской конвенции. Кроме того, в Австрии и Германии (Члены Европейского Союза) противодействие семейному насилию регулируется и гражданским законодательством. Понятие семейного насилия более конкретное, включает угрозы и преследование.

В Норвегии отсутствует специализированный закон о семейном (домашнем) насилии, однако имеются иные специализированные законы, направленные на обеспечение безопасности членов семей и иных лиц, проживающих совместно. Собственного легального определения семейного насилия не закреплено, но Норвегия ратифицировала Стамбульскую Конвенцию, и также имеются его официальные трактовки.

В Китае в 2015 году был принят Закон о борьбе с насилием в семье, в котором представлена конкретная формулировка семейного насилия, охватывающее физические и психологическое и иное насилие, совершаемое членами семьи в форме избиения, связывания, нанесения увечий, ограничения личной свободы, частых словесных оскорблений, запугивания и т.д.

В Казахстане действует закон о профилактике бытового насилия 2009 года, согласно которого бытовое насилие - умышленное противоправное деяние (действие или бездействие) одного лица в сфере семейно-бытовых отношений в отношении другого (других), причиняющее или содержащее угрозу причинения физического и (или) психического страдания. Закреплены все формы насилия, обозначенные в Стамбульской конвенции.

В Белоруссии понятие и виды семейного насилия закреплены не в специализированном законе, а в законе, устанавливающем основы деятельности по профилактике правонарушений, в котором домашнее насилие признается как умышленные противоправные либо аморальные действия физического, психологического или сексуального характера близких родственников, бывших супругов, граждан, имеющих общего ребенка (детей), либо иных граждан, которые проживают (проживали) совместно и ведут (вели) общее хозяйство, по отношению друг к другу, причиняющие физические и (или) психические страдания.

В Узбекистане понятие семейного насилия закреплено в нескольких законах, в том числе в законе «О защите женщин от притеснения и насилия»: «противоправное действие (бездействие) в отношении женщин, посягающее на их жизнь, здоровье, половую неприкосновенность, честь, достоинство и иные охраняемые законом права и свободы путем применения или угрозы применения мер физического, психологического, полового или экономического воздействия».

В Кыргызской Республике в законе о правонарушениях дается широкое определение семейного насилия (насилия в семье), под которым понимается умышленное применение физического, психологического, экономического насилия или угроза физическим насилием, преследование, а также

пренебрежительное отношение, совершенные одним членом семьи/приравненным к нему лицом в отношении другого члена семьи/приравненного к нему лица. К нему примыкает и определение преследования.

Таким образом, исследование показало, что, несмотря на наличие международного законодательства относительно семейного насилия, в изученных государствах, как правило, в специализированных законах о профилактике семейного насилия закреплены собственные определения этого явления на основе сложившейся парадигмы.

Бесспорно, в Российской Федерации совершаются правонарушения, содержащие акты семейного насилия. Чтобы понимать состояние дел, связанных с совершением этого насилия в стране, проводить предупредительную и иную деятельность, направленную на противодействие семейному насилию, целесообразно с учетом результатов вышеприведённого исследования принять в федеральном законе предлагаемые понятия.

2. Характер регистрации актов семейного насилия - парадигма реагирования государства и общества. К существенным признакам системы (механизма) противодействия семейному насилию относится характер реагирования государства и общества на это негативное явление. Иначе говоря это отношение определяется как парадигма - совокупность идей и взглядов, которые определяют, как человек понимает мир и исследует его в определённой области знаний. Парадигма (от греч. paradeigma – пример, образец) – совокупность теоретических и методологических положений, принятых научным сообществом на известном этапе развития науки и используемых в качестве образца, модели, стандарта для научного исследования, интерпретации, оценки и систематизации научных данных, для осмысления гипотез и решения задач, возникающих в процессе научного познания[1].

[1] Ивин А. А., Никифоров А. Л. Словарь по логике - М.: туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997. - 384 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-po-logike.

Американский ученый Томас Кун[1] придал этому слову современный смысл, применив его для обозначения совокупности концепций и практик, определяющих научную дисциплину в любой конкретный период времени. По его мнению, парадигма — это совокупность идей и взглядов, которые определяют, как человек понимает мир и исследует его в определённой области знаний. Ученый пришел к убеждению, что смена парадигмы не что иное как изменение восприятия, которое происходит, когда наша интерпретация неоднозначного изображения переходит с одного состояния на другое[2].

Парадигма реагирования на акты семейного насилия со стороны государственных структур складывается под воздействием развития общественных отношений, в которых формируется и отражается отношение общества к семейному насилию (отображается степенью терпимости к нему).

Как показало проведенное выше исследование, парадигма восприятия и реагирования на акты семейного насилия в историческом аспекте видоизменялась:

а) от восприятия семейного насилия как допускаемого (или даже необходимого) явления в обычном праве (частное дело семьи, в которых жена и дети – это «собственность» главы семьи, и наказание (акты насилия) служили инструментом «воспитания»);

б) через постепенное видоизменение восприятие его как негативного и вредоносного явления, и выражение его как противоправного явления со все более возрастающей степени нетерпимости к нему;

в) до признания семейного насилия как неприемлемой модели поведения, вплоть до полной нетерпимости (отрицание насилия).

Рассмотрим более подробно существующие социокультурные установки - парадигмы восприятия и реагирования на акты семейного насилия в различных

---

[1] Томас Сэмюэл Кун (18 июля 1922 - 17 июня 1996) - американский историк и философ науки, чья книга 1962 года «Структура научных революций» оказала влияние как в академических, так и в популярных кругах. В ней был введён термин «смена парадигмы», который с тех пор стал идиомой в английском языке.

[2] Кун, Т.С. Структура научных революций / Томас Кун; пер. с англ. И.З. Налетова. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. — 317, [3] с. С. 174-177.

системах противодействия семейному насилию, функционирующих отдельных странах.

В США в целом существует парадигма неприятия семейного насилия, к настоящему времени превратилась в комплексную, ориентированную систему обеспечения безопасности жертвы и привлечения агрессора к ответственности. Насилие рассматривается не как отдельные вспышки гнева, а как устойчивая модель поведения агрессора для установления контроля над партнером. На современном этапе ведущим в штатах США видом реагирования на акты семейного насилия со стороны государственных структур является выявительный. При наличии оснований полагать, что насилие имело место, даже если жертва не желает заявлять о насилии, начинается процесс разбирательства с целью прервать цикл насилия. Тем самым с жертвы семейного насилия снимается бремя принятия решения.

В странах Европейского Союза системы противодействия семейному насилию развиваются в схожем культурно-правовом поле (напр., Австрия, Германия). В нем существует парадигма отрицания любых форм семейного насилия, а система обеспечения прав граждан от этого насилия ориентирована на жертву (защиту женщин и детей). В Австрии создана более радикальная система, чем в Германии. В Австрии система характеризуется как система проактивной государственной интервенции - правоохранительные и иные субъекты системы первыми реагируют на акты семейного насилия).

В Германии система реагирования на семейное насилие является реактивной. Жертва семейного насилия должна сама обратиться в суд для получения долгосрочного запрета на приближение агрессора. В Германии существует парадигма неприятия семейного насилия, но характер реагирования и регистрации актов о семейном насилии заявительный.

В скандинавских странах (Норвегия, Швеция, Дания, Финляндия, Исландия) приняты специализированные законы о противодействии семейному насилию. Скандинавская система характеризуется как мульти дисциплинарная и проактивная (защиты жертвы и привлечение к ответственности агрессора).

Парадигма основана на принципе нулевой терпимости к семейному насилию, где характер реагирования на него – выявительный. Норвегия имеет одну из наиболее развитых и комплексных систем реагирования на домашнее насилие в мире, на которую равняются другие скандинавские страны. Сущность норвежской системы заключается в активной ответственности государства по нейтрализации обидчика и созданию безопасной среды в семье.

В некоторых слоях китайского общества сохраняются представления о том, что семейные кронфлинты — это дело семьи, эти слои могут препятствовать обращению за помощью. В Китае сформирована патриархально-примирительная парадигма относительно семейного насилия. В качестве приоритетного вектора развития многоуровневой системы является сохранение «социальной гармонии» и семьи, а не безопасность и права конкретной жертвы. Однако названная парадигма находится сейчас на этапе трансформации, на пути полной и повсеместной реализации развевающейся системы ещё существуют практические и культурные вызовы.

В Республике Узбекистан принятием закона «О защите женщин от притеснения и насилия» (2019 г.) государство пытается заменить традиционную парадигму терпимости к семейному насилию, в которой физические наказания детей и контроль над женой часто не воспринимались как насилие (с опорой на патриархальные нормы, стигматизацией жертв, и примирение сторон как главным средством преодоления семейных кризисов) на современную парадигму с внедряемым в общественное сознание принципом «нулевой» терпимости к этому насилию. Созданы новые специализированные структуры противодействия семейному насилию, модернизированы старые. Однако формируемая парадигма сталкивается с вызовами и противоречиями на практике (закоренелость старого мышления, бюрократические и культурные барьеры, экономическая зависимость жертвы).

В Республике Казахстан идет постепенное отторжение старой традиционной (патерналистско-патриархальной) парадигмы терпимости к семейному (домашнему) насилию, при этом процесс отказа от нее цикличный. В

ней сильны ожидания от жены терпения и сохранения семьи любой ценой. Парадигма примирения с насилием отторгается через распространение медико-социальной парадигмы, которая признает семейное насилие не как частное дело, а как социальную проблему, влекущую причинение физического и психического вреда здоровью женщинам и детям.

Посредством создания и функционирования кризисных и иных центров жертвам оказывается психологическая, медицинская, консультативная и иная социальная помощь при нерешении коренных причин семейного насилия и устранения их, привлечение виновных агрессоров к ответственности остается непопулярным делом. Развивающаяся правозащитная парадигма (с 2009 года, с момента принятия закона «О профилактике бытового насилия») в 2023 году решением о декриминализации побоев получила ощутимый удар, благодаря чему произошел откат назад к традиционной парадигме.

Однако усиливает позиции и парадигма гендерная (феминистская), в основе которой лежат требования глубоких изменений в культуре и образовании (например, внедрение гендерного воспитания в школах), а права жертвы насилия проживать без насилия повержены не человеком, а системой, которую необходимо ускоренным образом изменять.

Формально Республика Беларусь движется от традиционно-патриархальной парадигмы к правовой, признающей домашнее насилие отдельной проблемой, требующей принятия специальных мер. Сохранение формальной целостности семьи ставится иногда выше безопасности жертвы. Парадигма в данном государстве противоречива: развиваются правовые основы защиты личности от семейного насилия, но их реализация упирается в глубоко укорененные социальные стереотипы, практику правоохранительных органов и общий консервативный поворот в государственной социальной политике. Помощь жертвам по-прежнему носит фрагментарный и часто недоступный характер.

В Российской Федерации парадигма отношения к семейному насилию более характеризуется как противоречивая: в столкновении находится традиционная парадигма и правозащитная.

Противоречивый характер парадигмы отражается в двух субстанциях;

- на государственном уровне преобладает охранительно-патриархальный подход с элементами правового регулирования. Государство неохотно вмешивается в частно-семейную сферу, преобладает приоритет стабильности семьи как основы общества;

- на общественном уровне фиксируется раскол. В крупных мегаполисах и городах значительные позиции имеет правозащитный подход. В то же время значительная часть общества, особенно в регионах и среди старшего поколения, придерживается традиционных взглядов.

5 сентября 2025 г. Аналитический центр ВЦИОМ представил результаты опроса россиян о семейно-бытовом насилии. Подробно о результатах смотрите по адресу: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semeinye-tainy-monitoring (см. Приложение 2).

Кратко обозначим его результаты

«1. Каждый десятый россиянин сообщил, что в их семье бывают ситуации, когда конфликты выходят за рамки слов и доходят до применения силы. Около трети отметили также, что им известно о подобных ситуациях в своем окружении. Но большая часть — шесть из десяти — отрицают, что им что-либо известно об этом.

2. В теме домашних конфликтов, по-видимому, сохраняется гендерная асимметрия восприятия: то, что для женщины конфликт и применение силы, мужчиной может трактоваться иначе.

3. Сильный разрыв заметен и между поколениями. Молодежь (особенно поколение цифры) и россияне среднего возраста чаще фиксируют наличие проблемных ситуаций в собственных семьях (а поколение цифры и младшие миллениалы и в семьях окружения). Тогда как старшие поколения чаще других утверждают, что подобных случаев нет. Наблюдается смена культурных кодов: новые поколения, выросшие в условиях большей открытости к теме, снижении стигматизации вокруг семейных конфликтов и активном дискурсе прав человека, стали менее терпимы к авторитарным моделям семьи. И то, что старшие

поколения могут считать обычными бытовыми конфликтами, для них уже выглядит как недопустимое поведение.

4. В последние годы представления россиян о масштабе домашнего насилия менялись: все меньше людей уверены, что такие ситуации носят массовый характер, но показатель по-прежнему высок (45% считают, что таких семей много, 2020 г. — 57%). Одновременно выросла доля затруднившихся с ответом, что говорит или о растущей неопределенности, или о нежелании формулировать оценку.

5. Еще более сильный разрыв заметен между поколениями. Молодежь демонстрирует и более высокую оценку распространенности явления, и более высокую готовность давать ответ на вопрос. У старших поколений доминирует либо позиция «случаев немного», либо уход от ответа. Косвенно это указывает на сохранение в старших возрастах культуры молчания о семейных проблемах.

7. Российское общество становится менее терпимым к физическим проявлениям в семейных отношениях: сегодня все меньше людей считают, что ситуацию, когда один из супругов поднял руку на другого, можно простить, если это произошло лишь однажды. За последние годы доля тех, кто готов оправдать такой поступок, существенно сократилась, тогда как сторонников позиции «не прощать даже одного раза» стало больше.

8. Мужчины и представители старших поколений чаще склонны говорить, что «однократный случай побоев можно простить», тогда как женщины и молодежь значительно чаще настаивают, что даже единичный эпизод неприемлем.

9. Когда речь идет о том, как поступать людям, столкнувшимся с семейно-бытовым насилием, значительная часть респондентов говорит, что такие ситуации следует решать внутри семьи, а следовательно, культура молчания сохраняется. Эта позиция особенно близка мужчинам и представителям старших поколений.

Альтернативные позиции, которые предполагают обращение за внешней помощью — в полицию, к родственникам или в социальные службы, — пока

находятся на втором плане. При этом полиция здесь опережает и родственников, и социальные службы. В большей степени женщины и молодежь ориентированы на внешние решения (они возлагают надежды прежде всего на органы внутренних дел). Также за обращение в полицию чаще выступают те, кто имеет опыт домашних конфликтов с применением силы в собственной семье. Видимо, полиция здесь выступает известной, оперативной и официальной силой противодействия в сравнении с родственниками или социальными службами. Представления о допустимости «прощения» напрямую связаны с готовностью или нежеланием выносить проблему за пределы семьи.

10. Чем меньше размер населенного пункта, тем чаще люди выступают за решение проблемы домашнего насилия внутри семьи. Соответственно, чем крупнее населенный пункт, тем чаще звучат идеи обращения во внешние инстанции, прежде всего в полицию. Видимо, в малых населенных пунктах, где «все друг друга знают», люди сильнее переживают, что любое обращение вовне быстро станет предметом всеобщего обсуждения (и осуждения), кроме того, службы помощи, полиция могут быть физически недоступны.

Таким образом, отношение к семейному насилию на современном этапе видоизменяется, усиливается тенденция возрастания степени нетерпимости к актам семейного насилия в России, что проявляется у молодого поколения. Женщины чаще говорят о наличии насилия, чем мужчины. Молодежь в большей степени готова сообщать об актах насилия в полицию, чем решать проблемы с ними через родственников.

3. Проведение сравнительного анализа субъектов противодействия насилию также вызывают интерес у исследователя.

В США функционирует сложная (федерального и уровня штатов) система субъектов противодействия семейному (домашнему) насилию. На федеральном уровне задаются параметры защиты граждан от семейного насилия, осуществляется основное финансирование и координация деятельности. Основной акт — Violence Against Women Act (VAWA), который является рамочным законом, предоставляет финансирование и устанавливает

минимальные стандарты (Конгресс США). Осуществляются федеральные расследования преступлений (ФБР), которые подпадают под федеральную юрисдикцию (например, пересечение границ штата для преследования жертвы, насилие на федеральных землях). Функционируют общенациональные операторы услуг (ключевой инфраструктурный элемент) - Национальная горячая линия по вопросам домашнего насилия и RAINN (Национальная сеть по борьбе с изнасилованиями).

На уровне штатов США, который является основным уровнем в этом государстве, законодательные органы принимают собственные законы и определяют процедуры деятельности в данной сфере, в том числе определяют процедуры выдачи охранных ордеров (protection orders), полномочия полиции на обязательный арест.

Прокуроры возбуждают уголовное преследование против обидчиков от имени штата, имеют специализированные отделы по делам о домашнем насилии. Полиция и службы шерифов осуществляют первичное реагирование на вызовы, обеспечение немедленной безопасности, сбор доказательств, арест подозреваемых агрессоров. Судебная система штатов уполномочена рассматривать уголовные дел и осуществлять выдачу охранных судебных приказов (гражданские ордера, запрещающие контакт и приближение). Функционируют специализированные суды по семейному насилию, которые координируют услуги для жертв и надзор за обидчиками, рассматривают дела о насилии.

На местном уровне функционируют полицейские департаменты и управления. Некоммерческие организации, получающие финансирование за счет грантов VAWA и штатов, предоставляют экстренные убежища, защиту, правовую консультацию. Социальные службы и органы здравоохранения не только выявляют случаи семейного насилия, но и оказывают помощь, в том числе в поиске и временную финансовую поддержку (TANF).

Федеральный закон VAWA поощряет субъекты противодействия семейному насилию и оказания помощи на межведомственное взаимодействие, создание таких структур на уровне штатов и округов. Они объединяют

представителей полиции, судов, прокуратуры, приютов и адвокатов для координации противодействия насилию и оказания помощи, улучшения осуществления процедур и устранения недостатков в оказании помощи.

В качестве положительного аспекта данной системы субъектов следует отметить, что распределитель грантов - Министерство здравоохранения и социальных служб – не только выполняет обозначенную функцию, но и осуществляет анализ и оценку деятельности получателей грантов, субподрядчиков и исполнителей, а также дает оценку эффективности программ, реализуемых в соответствии с требованиями, тем самым выступает в качестве общего координатора и контролера деятельности организаций, оказывающих социально-правовые услуги потерпевшим от насилия.

Модель взаимодействие субъектов противодействия семейному насилию варьируется. Наиболее эффективна модель Координационных Советов (Community Coordinated Response Teams), объединяющих полицию, прокуроров, шерифов и некоммерческих организаций на местном уровне. Однако из-за децентрализации взаимодействие может быть фрагментированным, особенно между штатами. Функционирует развитая инфраструктура некоммерческих организаций (сильно зависящих от грантов) и услуг для жертв, осуществляющих инновационные программы.

В Австрийской Республике система субъектов допустимо назвать инновационной и скоординированной полицейской моделью. Ключевой правовое средство полиции – вынесение предписания о немедленном удалении агрессора из жилища на срок до 2 недель.

К субъектам системы противодействия насилию в семье относятся следующие государственные органы: Министерство внутренних дел Австрии (специальные подразделения для работы со случаями насилия в семье); Министерство по делам женщин, службы на уровне муниципалитетов, Министерство юстиции, государственные социальные приюты, Агентство по защите детей и молодежи, медицинские учреждения и другие. Социально-правовую защиту потерпевших от насилия осуществляется Венским кризисным

центром против насилия в семье и другими центрами, представляющие собой некоммерческие общественные организации.

Однако первое и ключевое звено рассматриваемой системы субъектов является полиция, имеющие широкие полномочия: составить подробный протоков о правонарушении (даже без заявления потерпевшего), немедленно удалить его из жилья и возвращаться в совместное жилище, приближаться к жертве. В свою очередь суды проводят ускоренные слушания по семейным конфликтам, продлевают охранные ордера. Полиции в течение 24 часов сообщает об актах насилия в Интервенционный центр и присылает копии всех документов. Получив исчерпывающую информацию от полиции, эти центры связываются с жертвами насилия, оценивают риски, разрабатывают план безопасности и осуществляют оперативное сопровождение жертвы по всем инстанциям вплоть до суда (по всей цепочке системы защиты).

Всю систему субъектов Австрии можно охарактеризовать как проактивную, скоординированную, сфокусированную на жертвах насилия систему с самыми радикальными правовыми средствами воздействия. В целом система представляется как хорошо налаженный государственно-общественный механизм, в котором субъекты функционируют как части хорошо налаженного механизма, в основе которого лежит парадигма обеспечения безопасности и прав жертв насилия, стоящая выше института неприкосновенности семьи как института. Система отличается наличием Интервенционных центров как ключевых субъектов системы. Первичное реагирование на насилие со стороны субъектов высокоразвитое, но долгосрочная поддержка жертв и реабилитация агрессоров недостаточно развита.

В скандинавских странах (на примере Норвегии) также функционирует скоординированная система субъектов противодействия семейному насилию – допустимо назвать социально-государственной моделью с акцентом на детей.

На основе принятых во всех скандинавских странах законов о противодействии семейному насилию в качестве субъектов его противодействия функционируют Национальные координационные органы, полиция, прокуратура,

суды, кризисные центры, центры для пострадавших мужчин, детские защитные центры (Barnevernet) – ведущие органы системы; медицинские учреждения. Также необходимо отметить систему Barnahus — «Дом детей», который представлен во всех странах Скандинавии, представляет собой мультиместо, в котором ребенок-жертва или свидетель насилия получают социальные услуги, общаются с полицией.

Скандинавская модель характеризуется как проактивная, которую обоснованно можно назвать как модель «Координационного совета» или «Сети безопасности». В ней действуют местные межведомственные группы, куда включены: полиция, социальные службы, здравоохранение, школы, НКО, прокуроры и службы помощи жертвам. В общем систему взаимодействия допустимо охарактеризовать межведомственное, но с акцентом на социальные службы. При подозрении на насилие, затрагивающее детей, Barnevernet может принимать активные меры, вплоть до изъятия ребенка. Как и в Австрии безопасность жертвы ставится выше неприкосновенности семьи как института., меры Barnevernet общественностью критикуются в силу их жесткого воздействия на семью, вторжения в частную жизнь. Успех модели зависит не от одного субъекта, а от их слаженного взаимодействия, финансирования и непрерывного обучения кадров. Дети находятся под особой защитой.

В Китае система субъектов противодействия семейному насилию является многосубъектной и построена по принципу «государственное руководство, координация ведомств, общественное участие». По-сути система субъектов представляет собой многопрофильный механизм сотрудничества («сетевое управление»).

В качестве основной силы системы относятся государственные органы: народные правительства всех уровней; органы общественной безопасности (полиция): народные суды, женские федерации, органы гражданской администрации, органы здравоохранения и органы образования. Органы общественной безопасности (полиция) играют решающую роль на начальном этапе, а также в пресечении насилия. Всекитайская федерация женщин (ACWF) –

ключевой субъект системы субъектов, но и как другие женские федерации не имеет реальных принудительных мер воздействия. Играют координирующую роль.

Общественные организации и социальные учреждения играют значительную роль в рассматриваемой системе. Они не являются государственным органом в строгом смысле, но действуют как «полугосударственная» структура, обеспечивая связь между жертвами, обществом и государственным аппаратом. На практике эффективность системы противодействия семейному насилию часто зависит от активности местных властей, общины и самой семьи. Взаимодействие субъектов организовано на низком уровне, в особенности от повторного акта насилия. Ниже представлена сравнительная таблица систем.

Критерий	США	Австрия	Норвегия	Китай
Эффек-тивность	Средневысокая, но неравномерная. Сильна в поддержке жертв через НКО. Слаба в единообразии и предотвращени и рецидивов.	Высокая в немедленном реагировании. «Золотой стандарт» быстрой защиты.	Высокая в комплексном, долгосрочном подходе, особенно при угрозе детям.	Низкая. Законодательный прогресс не подкреплен практическими механизмами.
Сплочен ность системы	Умеренная. Зависит от локальных Координационн ых советов. В целом фрагментирован а из-за федерализма.	Очень высокая. Четкие законные процедуры связывают полицию, центры и суды.	Высокая. Сильная роль государства и соцслужб создает единое поле, хотя возможны ведомственные трения.	Очень низкая. Субъекты действуют, протоколы взаимодействия отсутствуют.
Организо ванность взаимоде йствия	Сетевая, снизу-вверх. Движущая сила - НКО и местные инициативы.	Иерархическая, отлаженная. Движущая сила - полиция и закон.	Интегральная, межведомственная. Движущая сила - социальные службы и принцип благополучия	Административно - разобщенная. Движущая сила - общественные организации (ACWF) без реальных полномочий.

Таблица. 1 Сравнительная оценка по заданным критериям систем стран дальнего зарубежья

При проведенном анализе систем субъектов противодействия семейному насилию в обозначенных государствах допустимо сформулировать следующие выводы:

3.1 Системы противодействия семейному насилию в Австрии и Норвегии допустимо признать паритетными, но с отличительными свойствами парадигмы отношения к семейному насилию и реагирования на него:

- австрийская система демонстрирует лучшую организованность и сплоченность на этапе пресечения актов семейного насилия и связанных с ним явлений. Данную систему субъектов допустимо назвать образцом скоординированного процедурного реагирования;

- норвежская (скандинавская) система демонстрирует более лучшую комплексную эффективность и сплочённость в противодействии семейному насилию в долгосрочной перспективе. Система субъектов сильна интеграцией усилий вокруг реализации принципа благополучия детей и социальной работы.

3.2 Система субъектов противодействия семейному насилию в США уступает по уровню инновационности и развитости услуг вышерассмотренным странам, и еще более уступает в единообразии и системной сплочённости на национальном уровне. Система сильна в большей гибкости и мощности гражданского сектора, что позволяет в значительной степени нивелировать недостатки государственной системы координации. Американская модель крепка в тех штатах США, где проявляется локальная политическая воля и активное сообщество.

3.3 Китайская система находится на начальном этапе институционализации, уступает по таким относительно условным критериям как эффективность, сплочённость и организованность взаимодействия.

Рассмотрим аналогично систему субъектов стран СНГ (Узбекистана, Казахстана и Беларуси).

Субъектная система в Узбекистане формально соответствует международным моделям, но она находится в переходном состоянии. К

ключевым субъектам системы субъектов относятся государственные органы: Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав при Кабинете Министров, Комиссии по делам несовершеннолетних на местном уровне (районные/городские); органы внутренних дел; судьи; учреждения здравоохранения, образования.

Также функционируют институты гражданского общества: негосударственные некоммерческие организации, кризисные центры и убежища, органы самоуправления граждан - махалли (общины). Республиканские, региональные и межрайонные образцовые центры по реабилитации и адаптации женщин также играют роль в оказании социально-правовой защиты потерпевших граждан от насилия.

К ключевым субъектам системы обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия в *Республике Казахстан* относятся органы внутренних дел (полиция), которые обладают наиболее широким перечнем административно-правовых средств воздействия: от средств пресечения правонарушений, вынесения защитных предписаний в отношении агрессора до доставления и задержания его в орган внутренних дел; осуществления производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 73-1 КоАП РК), участия в уголовном судопроизводстве и судебного защитного порядка.

Местные исполнительные органы (акиматы) на уровне областей, городов и районов организуют работу комиссий по делам женщин и семейно-демографической политике, в полномочия которых входит рассмотрение дел об административных правонарушениях, в том числе совершаемых в сфере семейного насилия. Социально-правовую защиту потерпевших лиц осуществляют кризисные центры, неправительственные организации, органы здравоохранения и образования. Однако закрепленное в нормативных актах взаимодействие на практике сталкивается с «ведомственной разобщенностью», потерей информации полицией, акиматами и социальными службами. На деятельность субъектов противодействия оказывают негативное влияние культурно-социальные барьеры

(патриархальные стереотипы, стигматизация жертв, экономическая зависимость, недоверие к правоохранительным органам).

В *Республике Беларусь* система субъектов противодействия семейному насилию представляет собой межведомственную модель с ключевой ролью органов внутренних дел, обеспечивающей базовый уровень реагирования и защиты посредством защитных предписаний и кризисных комнат. министерство труда и социальной защиты участвует в формировании государственной политике в сфере социальной поддержки. Специализированный закон о противодействии семейному насилию отсутствует, что не благоприятствует развитию системы противодействия этому явлению. Комиссии по делам несовершеннолетних, территориальные центры социального обслуживания населения и кризисные комнаты оказывают профилактическую, координационную и социальную поддержку потерпевшим от насилия.

Педагоги и работники учреждений образования выявляют случаи семейного насилия над школьниками и между родителями, сообщают о данных случаях семейного насилия в органы опеки, комиссии по делам несовершеннолетних, в милицию. Развивается система религиозных и благотворительных организаций, оказывающих гуманитарную и консультативную помощь. Межведомственные комиссии и советы на республиканском и местном уровнях осуществляют функции по организации взаимодействия между органами социальной защиты, здравоохранения образования и милицией.

Критерий	Узбекистан	Казахстан	Беларусь
Координация	закреплена, но налаживается	Формальная, эффективность варьируется	Централизованная, с признаками формальности
Эффективность защиты	Средняя (новые инструменты vs. старые стереотипы)	С развивающимся потенциалом, снижена практикой	Система субъектов работает на снижение актов насилия, а не на жертву
Сплоченность системы	Низкая (разрозненные субъекты)	Умеренная (при наличии «звездных» НПО-лидеров)	Высокая, но в рамках наказательной парадигмы
Организованность взаимодействия	Низкая (стадия становления)	Средняя (зависит от региона и личностей)	Высокая (сверху вниз)

Таблица. 2 Сравнительная оценка по заданным критериям систем некоторых стран СНГ

3.4 Систем противодействия семейному насилию в Республике Узбекистан находиться на стадии институциализации. Сплочённость субъектов расположена на стадии формирования, с доминированием государственных органов, во главе которых расположены подразделения МВД. Махалли играют роль как связующего звена между государством и семьей, и как первичного звена, деятельность которых направлена на разрешение семейных конфликтов в примирительном векторе. Координация между госорганами регламентирована, но на практике может быть фрагментированной. Организованность взаимодействия выглядит иерархической, с опорой на традиционные институты, строится по административным каналам (отчетность перед вышестоящими органами). Участие негосударственных организаций ограничено, система в основном государственно-централизованная.

3.5 В Республике Казахстан система субъектов более зрелая и комплексная, сочетает сильное государственное участие с развивающимся сектором НКО. Стремится к внедрению современных форм (протоколов) взаимодействия и защиты жертв. Степень сплочённости субъектов более сбалансированная, с элементами межсекторного взаимодействия (по сравнению с Узбекистаном). Функционируют межведомственные комиссии по делам женщин и семейно-демографической политике. Организация взаимодействия носит процедурный характер, с развивающимися протоколами (регламентированные процедуры для полиции - вызов, оформление протокола, выдача охранного ордера, направление в кризисный центр). Более налажен обмен информацией между правоохранительными органами и социальными службами, чем в Узбекистане, но имеются перспективы для развития. В целом система субъектов комплексная, сочетает сильное государственное участие с развивающимся сектором НКО.

3.6 В Республике Беларусь система субъектов обладает высокой оперативностью в части реагирования на семейное насилие, но спорная в

подходах: направлена на применение административных мер и принудительное лечение агрессоров от алкоголизма. Сплочённость субъектов централизованная и вертикально интегрированная, координация осуществляется посредством деятельности исполнительных комитетов и милиции. Немногочисленные общественные организации действуют в узких рамках. Организация взаимодействия носит жестко регламентированный характер, с акцентом на контроль и отчетность. Взаимодействие основано на инструкциях и планах профилактической работы с неблагополучными семьями. В целом система субъектов эффективна в немедленном пресечении насилия, но критикуется за недостаток гуманитарной составляющей и поддержки жертв.

3.7 В Российской Федерации отсутствие отдельного комплексного закона о профилактике семейного насилия (или социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся насилию в семье) указывает на институциональный кризис и фрагментацию после декриминализации побоев.

Данные социологических опросов показывают, что «за принятие закона о домашнем насилии высказались 95% женщин и 83% мужчин, участвовавших в опросе Russian Field. О том, что они лично сталкивались с домашним насилием, рассказал каждый пятый респондент. Еще 6% участников опроса ответили отрицательно, 4% затруднились с ответом и 1% респондентов ответили по-другому (в опросе указывается, что под этим понимаются варианты «он уже есть» и «зависит от содержания»). Опрос проводился с 23 мая по 2 июня по телефону, в нем приняли участие 1617 респондентов. Доля поддержавших принятие закона о домашнем насилии практически одинакова во всех возрастных группах — от 88% в группе 45–59 лет до 92% в группе 18–29 лет. Больше всего противников принятия такого закона среди людей старше 30 лет: в возрастных группах (30–44 года) и (54–59 лет) против принятия высказались по 7%. Меньше всего противников среди молодежи в возрасте 18–29 лет — 3%»[1] (Приложение № 2).

[1] Россияне поддержали закон о домашнем насилии. Эксклюзивы РБК, 13 июня 2024 // URL: https://www.rbc.ru/society/13/06/2024/6669ccdb9a7947f5d3b0376b?from=from_main_3 (дата обращения: 07.02.2026).

Функционирует реактивная модель, ориентированная на ликвидацию последствий, а не на предотвращение семейного насилия. Вмешательство происходит преимущественно после факта насилия, часто тяжкого. Инструменты досудебного и быстрого реагирования (защитные предписания, охранные ордера) в национальном законодательстве отсутствуют. Наблюдается высокая степень латентности правонарушений, сопряженных с семейным насилием. Применяемые меры административного воздействия часто носят неэффективный характер: административные штрафы часто оплачиваются из общего бюджета семьи, нанося ущерб жертве, а кратковременный арест агрессора может спровоцировать эскалацию насилия после его возвращения.

Данные социологического опроса подтверждают факт, что в действующий механизм противодействия семейному насилию необходимо включить более широкий спектр правовых средств воздействия на семейных агрессоров. На вопрос: «достаточно ли в нашей стране правовых средств противодействия семейному насилию, в том числе применяемых полицией, более 78 % респондентов ответили «нет» (Приложение 3, ответ на вопрос № 9).

Немаловажное значение имеет определение вектора развития административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия в плане расширения средств правового воздействия на агрессоров и защиты личности от семейного насилия. На вопрос: «Как Вы думаете, что в большей степени необходимо расширить: перечень применяемых правовых средств профилактики… или мер социально-правовой защиты…?», более 38 % респондентов выбрали вариант «расширить и те, и другие», более 28% - только-социально-правовую защиту, и лишь 27,1% — только правовые средства. Это показывает, куда, по мнению граждан, должно быть направлено основное внимание государства (приложение № 3, ответ на вопрос № 10).

Также на вопрос № 12 анкеты:«Следует ли полиции предоставить право объявить защитное предписание?», более 78 % анкетируемых ответили «да» (приложение № 3, ответ на вопрос № 12).

Данный результат опроса показывает неудовлетворенность граждан существующим правовым механизмом и на прямую поддерживает тезис о необходимости его реформирования.

По критерию сплочённости субъектов противодействия семейному насилию система характеризуется как разрозненная, в которой отдельные функции дублируются, и с наличием пробелов ответственности. В множественной системе субъектов отсутствует реальный координирующий орган.

Социальные службы (органы соцзащиты) функционируют, оказывая воздействие на последствия конфликтов и причинения насилия, но не имеют полномочий на активное вмешательство (целесообразность данных полномочий в Российской Федерации под большим сомнением), или реализацию правозащитной функции. Кризисные центры оказывают социально-правовую защиту лиц, пострадавших от семейного насилия, но они функционируют обособленно от государственной системы противодействия семейному насилию (оторваны от государственного механизма защиты), их доступ к государственным межведомственным механизмам ограничен. Практически данные центры работают отчужденно от системы профилактик правонарушений.

Субъекты системы противодействия семейному насилию в Российской Федерации не обладают такой степенью сплоченности и уровня системного взаимодействия, наблюдается ведомственная разобщенность. Практически каждый субъект системы функционирует в рамках предусмотренных регламентирующих основ деятельности и целевых показателей (раскрытие преступлений, количество оказанных услуг). Не введена единая информационная система базы данных, единых стандартов по структурным аспектам противодействия семейному насилию и оказания социально-правовых услуг, в том числе оценки риска, так называемого общего «случая».

Органы прокуратуры осуществляют надзор, но не является оперативным координатором в конкретных случаях, как это предусмотрено в некоторых региональных моделях. В соответствии с законодательством субъектов Российской Федерации о профилактике правонарушений органам прокуратуры

определяется роль не только субъекта надзора, но и координатора, что не противоречит нормам федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

Несмотря на деятельность субъектов системы противодействия семейному насилию осуществляется при их взаимодействии, само это взаимодействие в значительной степени неформализованно, не приняты федеральные стандарты или регламенты, обязывающие субъектов обмениваться информацией и совместно сопровождать семью в ситуации насилия.

Таким образом, в сравнении с зарубежными системами противодействия семейному насилию российская система находится на стадии трансформации, с развивающейся административно-правовой основой, не имеет специальных административно-правовых средств воздействия на агрессора. Система социально-правовой защиты потерпевших от семейного насилия базируется на общеправовых и общесоциальных основах, без учета характеристики негативного явления – семейного насилия и личности нарушителя, который может не отказаться от насильственной модели своего поведения, представлять угрозу для потерпевшего, и случаях не ликвидации обстоятельств, исключающих возможность повторного (цикличного) совершения актов семейного насилия, их совершать далее. Однако в Российской Федерации наблюдается постепенная смена парадигмы, как правило, происходит в ответ на накопление критических аномалий, а также в форме выдвижения новой теории, способной охватить более радикальные способы противодействия семейному насилию, и, тем самым, реструктуризировать функционирующую систему (механизм).

Глава 4. Институциональные дефекты административно-правовой защиты от семейного насилия и векторы оптимизации правоприменительной модели (механизма)

§ 1. Правоприменение системы ценностных ориентиров (целей, принципов и приоритетов) в административно-правовом обеспечении защиты от семейного насилия

Административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия представляет собой сложную систему взаимосвязанных элементов, в которой одно из важнейших мест занимает производство по делам об административных правонарушениях. По данным официальной статистики МВД России, в 2023 году по статье 6.1.1 КоАП РФ («Побои») было возбуждено более 150 тысяч дел, значительная часть которых связана с семейно-бытовыми отношениями. Правоприменительный процесс в сфере защиты прав граждан от семейного насилия рассматривается в качестве динамичного элемента механизма по обеспечению прав и свобод граждан[12] вообще, и в исследуемом механизме, в частности.

Правоприменительная деятельность субъектов профилактики правонарушений — это реализация мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание предупредительного воздействия на лиц в целях недопущения правонарушений. Правоохранительная система в соответствии со статьей 19

---

[1] Приложение № 1. Книга учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях к Приказу МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Российская газета от 14.11.2014 № 260.

[2] Адмиралова, И.А. Административно-правовое обеспечение деятельности полиции по защите и охране прав и свобод граждан: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.14 / Адмиралова Ирина Александровна; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ им. В.Я. Кикотя]. - Москва, 2018. - С. 35.

Конституции Российской Федерации обязана обеспечить не только гендерное равенство. По мнению М.В. Преснякова, вышеобозначенная норма «гарантирует одинаковое применение закона к любым субъектам права»[1]. Это означает, что каждый имеет право быть защищенным от семейного насилия, в том числе посредством государственного механизма защиты прав граждан.

Правоприменительная деятельность в этой сфере отличается выраженной спецификой, обусловленной особым характером субъектного состава (члены одной семьи), сложностями доказывания и необходимостью учета психологических аспектов. Как отмечает Е.В. Евсикова, «эффективность противодействия семейному насилию напрямую зависит от качества правоприменительной деятельности органов внутренних дел и других уполномоченных субъектов»[2].

При этом в научной литературе отмечаются существенные различия в подходах к пониманию эффективности административно-правовых средств, что требует специального анализа.

Дискуссионный характер носят вопросы о критериях квалификации деяний как административных правонарушений или преступлений, о пределах допустимого вмешательства государства в семейные отношения, об оптимальном сочетании карательных и восстановительных мер противодействия семейному насилию, о степени достаточности и полноты применяемых мер административного принуждения, о состоянии функционирующего механизма социально-правовой защиты и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию, которые существенным образом оказывают влияние на практическую деятельность субъектов противодействия. Но основным концептуальным вопросом является наличие противоречий между тремя видами интересов: публичным, семейно-автономным и индивидуальным.

---

[1] Пресняков М. В. Конституционный принцип равенства как сложносоставной концепт: проблемы адресата и степени реализации \\ Lex russica. - 2025.- Т. 78.- № 2. - С. 35;

[2] Евсикова Е.В. Органы внутренних дел как основной субъект предупреждения домашнего насилия // Ученые записки Крымского федерального университета. - 2016. - Т. 2 (68). - № 2 (219). - С. 18-27.

Думается, что административное принуждение в сфере семейно-бытовых отношений должно применяться с учетом принципа соразмерности и необходимости минимального вмешательства. В то же время следует подчеркнуть необходимость активного применения административно-предупредительных мер для предотвращения эскалации насилия. Противоречивость этих подходов отражает сложность поиска баланса между защитой жертв насилия и сохранением семейных отношений.

Рассмотрим несколько аспектов правоприменения в исследуемой сфере.

1. *Выявление и первичная фиксация фактов семейного насилия как начальная стадия правоприменения*

Процесс правоприменения начинается с выявления фактов семейного насилия, что представляет собой одну из наиболее сложных задач в силу латентного характера большинства таких правонарушений.

Правоприменительная практика показывает, что эффективность выявления напрямую зависит от профессиональной подготовки сотрудников, принимающих первичные сообщения. Недостаточное внимание к психологическим аспектам приема заявлений о семейном насилии приводит к формальному отношению и недооценке опасности ситуации. В этой связи приобретает особое значение разработка специальных протоколов опроса потерпевших, учитывающих их психологическое состояние.

Одной из наиболее острых дискуссионных проблем на стадии выявления является вопрос о критериях разграничения административного правонарушения и бытового конфликта, не требующего правового вмешательства. Следует отметить отсутствие четких формализованных критериев, что приводит к существенным различиям в правоприменительной практике различных регионов. В то время как в одних субъектах РФ полиция более активно реагирует на любые сообщения о семейных конфликтах, в других - применяется практика «примирения сторон» на месте без возбуждения дела об административном правонарушении.

Обоснование тезиса о региональной дифференциации в реагировании полиции на семейно-бытовое насилие, в частности в применении практики примирения сторон, требует анализа нескольких уровней данных: официальной статистики, экспертных оценок и исследований правоприменительной практики. Прямая и исчерпывающая официальная статистика, раскрывающая именно географическое распределение форм реагирования (примирение vs. возбуждение дела), в открытом доступе отсутствует. Однако, комбинируя доступные данные и исследования, можно выстроить robust-доказательство этого явления.

Ключевым источником информации является статистика МВД России, которая публикует данные по преступлениям, совершенным в семейно-бытовой сфере (ст. 116.1 УК РФ «Побои», ст. 6.1.1 КоАП РФ «Побои», а также другие статьи, если мотив – семейно-бытовой). Однако она имеет системные изъяны для анализа проактивности:

1) учёт по факту возбужденных дел: в официальной статистике фиксируется результат (возбуждение административного или уголовного дела), но не процесс, отражающий количество вызовов полиции по актам семейного насилия, которые заканчивались «примирительной беседой» без составления протокола. Данная информация отражается в ведомственных документах, один из которых называется «Книга учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях»[1].

В ней осуществляется запись о поступивших из различных источников информация о противоправных деяниях, в том числе сопряженных с применением насилия, в том числе семейного. Эта информация еще не является достоверной, осуществить правильную и точную квалификацию на момент регистрации заявлений и сообщений о семейно-бытовых конфликтах, драках, иных насильственных действиях не является возможным, а только после проведения до

[1] Приложение № 1. Книга учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях к Приказу МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях» // Российская газета от 14.11.2014 № 260.

следственной проверки. Кроме того, в официальных документах органов внутренних дел отсутствие графы «отказ в возбуждении по причине примирения»: отсутствуют официальные и открытые данные, в каком проценте случаев отказ в возбуждении уголовного дела (ст. 24 УПК РФ) или прекращение административного (ст. 25.1 КоАП РФ) связано с примирением сторон.

2) агрегированный характер официальной статистики: данные часто представлены в целом по стране или федеральным округам, что скрывает региональную специфику.

После декриминализации первых побоев в семье (2017 г.) абсолютное большинство случаев семейного насилия квалифицируется и регистрируется по статье 6.1.1 КоАП РФ «Побои». Однако практика этой регистрации - анализ соотношения административных и уголовных дел по фактам побоев (самая частая форма бытового насилия) по регионам показывает радикальные различия.

Справедливо подмечено А.П. Шергиным, что «для дальнейшего совершенствования всего превентивного потенциала важен научный анализ эффективности применяемых мер предупреждения правонарушений, своевременная оценка угроз и рисков для охраняемых законом прав и интересов. Решение этих задач предполагает как уяснение (уточнение) ключевых понятий в данной сфере, прежде всего превенции правонарушений, так и разработку оптимального механизма ее реализации»[1].

Несмотря наличие единого административно-правового регулирования производства по делам об административных правонарушениях, деятельности органов внутренних дел в сфере профилактики правонарушений, в разных регионах имеются некоторые отличия в модели реагирования: от относительно последовательного составления административных протоколов по ст. 6.1.1 КоАП РФ (например, в отдельных областях Северо-Запада) до практически высокого уровня уклонения от фиксации и настаивания на «примирении» сторон семейного конфликта (часто в республиках Северного Кавказа и некоторых

[1] Шергин, А. П. Превенция правонарушений и средства ее реализации / А. П. Шергин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2024. – № 5. – С. 194.

областях Центральной России). Этнокультурные и религиозные особенности, уровень урбанизации и развитие гражданского общества, иные факторы оказывают влияние на характер действий субъектов противодействия семейному насилию.

П.И. Мухамедова отмечает, что «большинстве случаев члены семьи сохраняют молчание и не сообщают полиции о произошедшем. Это связано с тем, что они не хотят «выносить сор из избы», подвергать семью позору, и опасаются последствий такого обращения … Часть убийств «чести» пытаются списать на несчастные случаи и самоубийства и стараются не возбуждать уголовные дела»[1].

Научная дискуссия по этому вопросу разделила исследователей на два лагеря. К сторонникам «активной модели» (государственные и иные субъекты инициативно реагируют на акты семейного насилия) относится большинство российских исследователей, занимающихся проблемами противодействия семейному насилию[2].

Исследовав зарубежные системы реагирования на семейное насилие допустимо выделить три модели реагирования на это негативное явление:

1) реактивная (рестриктивная) – направлена на наказание агрессора по официально зарегистрированному заявлению потерпевшей стороны. Жертва насилия практически имеет статус свидетеля (Беларусь, Китай, отдельные штаты США, Германия);

2) реабилитационная (медиационная) модель, направленная на примирение сторон и сохранение семьи. Полиция как и другие субъекты выступает в роли

---

[1] Мухамедова П.И. Проблемы домашнего насилия на Северном Кавказе // Domestic Violence: мифы и реальность: сб. материалов I Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 30 октября 2020 г.) / сост.: Ю.М. Лукин, А.Г. Гамиров, Д.А. Фатхутдинов и др. – Казань: Издательство Казанского университета, 2020. – С. 136-137.

[2] См., например, Гайдуков, А. А. Административно-правовые меры пресечения правонарушений в семейно-бытовой сфере / А. А. Гайдуков // Научный портал МВД России. – 2024. – № 1(65). – С. 45-52; Заброда Д.Г. Учебный полигон для формирования у сотрудников полиции навыков выявления и пресечения фактов семейно-бытового насилия / Д.Г. Заброда, С. Н. Заброда // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 16 января 2024 года. – Чебоксары: ООО "Издательский дом "Среда", 2024. С. 147-151; Ловцова Н.И. Зайцев Д.В. Насилие в семье или насилие над семьей // Журнал исследований социальной политики. - 2018. - Том 16. - № 3.- С. 529–536, и др.

медиатора. Реагирование также инициируется заявлением, однако полиция избегает активных действий, если отсутствует прямая угроза жизни (Узбекистан, отдельные штаты США);

3) активная (проактивная) модель, функционирование которой направлена на немедленное прекращение насилия и обеспечение безопасности жертвы. Субъекты системы противодействия семейному насилию, в том числе полиция, осуществляют реагирование с применением специализированных мер независимо от того, подано ли официальное заявление или нет. Действия могут включать немедленный арест агрессора, применение специальных мер (выдача защитных предписаний, охранных ордеров), сопровождение жертвы для получения вещей, направление в кризисный центр (Австрия, скандинавские страны).

В общем, следует отметить, что отсутствие отдельных элементов системы противодействия семейному насилию (выявительный характер регистрации актов семейного насилия, отсутствие специальных мер воздействия – защитное предписание, охранный ордер и др.) делает реализацию проактивной модели в Российской Федерации практически невозможной в правовом поле. Кроме того, сложившаяся правовая и культурная парадигма в нашей стране не позволяет реализовывать эту модель, несмотря на имеющиеся тенденции к ее изменению.

Действующее административно-правовое регулирование направлено на предупреждение и пресечение правонарушений, привлечение виновных лиц к административной ответственности (при повторном случае – к уголовной), однако в дальнейшем четкая и последовательная инициатива государства по оказанию социально-правовой помощи практически отсутствует, и лицам, которым необходима социально-правовая помощь фактически вынуждены самостоятельно решать возникшие проблемы. Меры, направленные на ликвидацию причин совершения актов насилия и последовательной защиты жертвы от него, практически отсутствуют. Поэтому и модель противодействия семейному насилию реактивная/примирительная, но не проактивная.

Проведенный учеными В.П. Очередько и В.С. Харламовым анализ нормативно-правового регулирования данной сферы подтверждают данный вывод[1].

Традиционная установка, рассматривающая семью как приватную сферу, свободную от государственного вмешательства, служит идеологическим обоснованием осуществления противодействия семейному насилию не в полной мере. Активная модель в России существует преимущественно как теоретическая концепция и ограниченная практика отдельных инициатив, но не как системная государственная политика. Она не является доминирующей в России из-за системных правовых, институциональных и социокультурных барьеров.

2. Вопрос о применении мер воздействия (с мерами обеспечения производства по делам об административных правонарушениях)

Правоприменительная деятельность субъектов профилактики правонарушений основана на формах профилактического воздействия, закрепленных в ФЗ от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ[2].

И.В. Поликарпова и О.В. Зайцева отмечают, что «согласно полученным нами данным, из десяти форм профилактического воздействия, чаще всего на практике используются наиболее репрессивные: профилактические беседы (более 80% опрошенных); вынесение представлений о выявленных нарушениях закона, об устранении причин и условий, способствующих совершению правонарушения (56%); объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений (55%); профилактические учеты и профилактический надзор (по 46%). Крайне редко в своей практической деятельности сотрудники правоохранительных органов используют такие нерепрессивные меры воздействия, как социальная адаптация и реабилитация (около 20%), ресоциализация (около 20%); помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми (6,8%). В результате

[1] Очередько В.П., Харламов В.С. Нормативно-правовое регулирование противодействия семейному насилию в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2016. - № 3.- С. 129–134.

[2] Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: федеральным законом от 23.06.2016 №182-ФЗ // Собрании законодательства Российской Федерации» от 27.06.2016, №26 (часть I), ст. 3851.

расширенного применения репрессивных форм профилактического воздействия происходит смешение карательно-административной и социально-профилактической практик, при этом фактически нивелируется природа и суть последней»[1].

В производстве по делам о семейном насилии, осуществляемого в рамках привлечения к административной ответственности, применяется широкий спектр мер обеспечения, каждая из которых имеет специфические особенности применения. По результатам контент-анализа мер обеспечения производства по делам о побоях (ст. 6.1.1 КоАП РФ) на основе открытых данных судебных актов (2023-2024 гг.), размещенных на сайте «sudact.ru» [2] , наиболее часто применяемыми являются: доставление (используется в 60-70% случаев), административное задержание (10-15 %), личный досмотр (менее 5%), медицинское освидетельствование на состояние опьянения (40-50%). (См. Приложение № 4).

Доставление в контексте семейно-бытовых конфликтов выполняет не только процессуальную, но и превентивную функцию. Своевременное удаление агрессора из места проживания позволяет предотвратить повторное совершение насилия и обеспечить безопасность потерпевшего. Однако на практике возникают сложности с правовой квалификацией оснований доставления, особенно в случаях психологического насилия, не сопровождающегося физическим воздействием.

Необходимо подчеркнуть необходимость учета потенциальной опасности правонарушителя, которая в условиях семейного насилия может быть значительно выше, чем при совершении аналогичных действий в отношении посторонних лиц.

---

[1] Поликарпова, И. В. Правоприменительная деятельность субъектов профилактики правонарушений / И. В. Поликарпова, О. В. Зайцева // Вопросы безопасности. – 2022. – № 3. – С. 21.

[2] Проведен контент-анализ итоговых судебных актов (постановления, решения), что накладывает ключевое ограничение: судья в постановлении далеко не всегда подробно описывает все процессуальные действия полиции на стадии составления протокола. Поэтому анализ по судебным актам дает заниженные и приблизительные показатели, но выявляет общие тенденции.

Особую дискуссию вызывает вопрос о применении мер обеспечения в отношении лиц, находящихся в состоянии алкогольного опьянения. Исследование В.С. Крюк показывает, что 81,7% актов семейного насилия совершается в состоянии опьянения[1].

В этой связи приобретает особое значение медицинское освидетельствование, которое не только обеспечивает фиксацию объективных доказательств, но и позволяет оценить степень опасности правонарушителя.

Рассмотрение дел об административных правонарушениях, связанных с семейным насилием, сопряжено со значительными квалификационными трудностями.

Отдельные проблемы квалификации состава административного правонарушения и доказывания вины по статье 6.1.1 КоАП РФ «Побои» рассматриваются учеными, многие из которых не решены до настоящего времени[2].

Существует некоторая неопределенность при производстве по делам об административных правонарушениях по рассматриваемому составу, а именно обязанность проведения административного расследования по каждому зарегистрированному факту нанесения побоев. Согласно ч. 1 ст. 28.7 КоАП РФ в случае совершения административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ, проводится административное расследование с последующим рассмотрением дела судьями районных судов. Из этого можно заключить, что проверки по сообщениям о правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, должны проводиться только в форме административного расследования.

---

[1] Крюк В.С. Причины семейно-бытового насилия // Право и практика. 2020. № 4. С. 128-132.

[2] Труфанов М.Е., Терехов Д.Н. Проблемы квалификации состава административного правонарушения и доказывания вины по статье 6. 1. 1 кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Вестник КРУ МВД России. 2017. №1 (35). С. 68-72. Хлыстов А. Н., Резник Ж. Я. Проблемы квалификации побоев при отграничении от умышленного причинения легкого вреда здоровью // Вестник Самарского юридического института. 2017. №2 (24). С. 81-86; Репьев А.Г., Кашкина Е.В. О некоторых проблемных аспектах производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 248-253.

Иной точки зрения придерживаются Е.В. Елфимова и Ю.Ш. Никонова, по мнению которых административное расследование необходимо проводить только в случае вынесения определения о назначении судебно-медицинской экспертизы, когда на теле потерпевшего имеются последствия причинения телесных повреждений. Так, в случае отсутствия на теле потерпевшего видимых следов от нанесенных побоев и при условии, что сведения об участниках и очевидцев административного правонарушения известны, должен быть составлен протокол об административном правонарушении в пределах общего срока, а именно не превышающего двух суток, без проведения административного расследования[1].

В случае принятия решения об отказе в возбуждении уголовного дела лицо, нанесшее побои, в отношении которого проводилась проверка в рамках статей 144-145 УПК РФ, подлежит привлечению к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ без проведения административного расследования. В данном случае протокол об административном правонарушении будет рассматриваться мировыми судьями.

Следует отметить, что в целях недопущения фактов сокрытия преступления, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ, особого внимания требует вопрос о контроле за эффективностью использования и эксплуатации программного обеспечения в предоставлении сведений о деятельности органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка. Имеется проблема своевременного получения информации по исполнению и применению административного законодательства, в том числе получения сведений о факте привлечения лица к административной ответственности по ст. 6.1.1 КоАП РФ.

Так, в «Обзоре о принимаемых мерах по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых преступлений», подготовленном МВД России, отмечается, что имеются «схожие просчеты в организации работы отдельных регионов допускаются при документировании преступлений, связанных с повторным нанесением побоев лицом, подвергнутым административному

[1] Елфимова Е.В., Никонова Ю.Ш. К вопросу об обоснованности принятия решения о проведении административного расследования по отдельным составам административных правонарушений // Алтайский юридический вестник. - 2018. - № 1. - С. 64.

наказанию. Например, в Рязанской области и г. Севастополе, при наличии 6 и 14 лиц соответственно, в отношении которых в течение года неоднократно инициировалось административное расследование по статье 6.1.1 «Побои» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, решения о возбуждении уголовного дела по статье 116.1 УК не принимались.

Анализ причин семейного неблагополучия указывает на отдельные просчеты в организации профилактической работы с лицами, состоящими на профилактическом учете, а также во взаимодействии с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и институтами гражданского общества, включая социально-ориентированные некоммерческие организации, в вопросах оказания помощи жертвам бытовых правонарушений»[1].

Также необходимо отметить, что для обеспечения производства по делу об административном правонарушении может быть осуществлен привод физического лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, а также свидетеля, если рассмотрение дела отложено в связи с его неявкой без уважительной причины (ст. 27.15 КоАП РФ).

В связи с этим М.Р. Нигматуллин отмечает, что: «законодательство не предоставляет судье или должностному лицу права на осуществление привода потерпевшего, даже если его отсутствие будет препятствовать полному и объективному выяснению обстоятельств дела. В связи с этим считаем необходимым внести соответствующее дополнение в ст. 27.15 КоАП РФ»[2].

Думается, что данное предложение нуждается в дополнительных комментариях.

Если система реагирования на семейное насилие является проактивной, то государственные органы и могут собрать доказательства насилия и без показаний потерпевшего. Принцип защиты прав граждан от насилия и неотвратимости

---

[1] Обзор о принимаемых мерах по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых преступлений: приложение к письму МВД России от 07.03.2025 № 1/2773 «Об организации работы по противодействию бытовой преступности» (опубликовано не было).

[2] Нигматуллин М. Р. Проблемы производства по делам о правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2019. - № 4 (50). - С. 150.

наказания за насилие является всеобъемлющим. В этом случае реальной нужды в осуществлении привода потерпевшего нет.

Если система реактивная (осуществляется реакция правоохранительной системы на семейное насилие по заявлению потерпевшего) - как в России, то, приняв данное предложение, она будет показывать частно-публичный характер, как вид уголовно-процессуального преследования. Однако в действующем механизме административно-правового противодействия семейному насилию отсутствие закрепленной в КоАП РФ возможности осуществления привода потерпевшего от семейного насилия ярко показывает незаинтересованность в борьбе с насилием (если жертва не проявляет своей последовательной воли привлечь агрессора к ответственности, то и правоохранительным органам этого не нужно и подавно»).

В подтверждение этого вывода М.Р. Нигматуллин, сам того не подозревая, заключает, что «таким образом, необходимо дополнить КоАП РФ нормой об освобождении от административной ответственности, а также об отказе в возбуждении административного дела или о его прекращении по заявлению потерпевшего. В подобных случаях потерпевшему должен быть предоставлен равный объем прав, в том числе право на прекращение административного расследования по его заявлению»[1].

Однако данное предложение не является таким однозначным, как оно может показаться на первый взгляд. В механизме защиты прав граждан от семейного насилия сложилась дилемма (парадокс парадигмы):

Семейное насилие продолжает оставаться одной из наиболее острых социальных проблем, оказывающих деструктивное воздействие на институт семьи и создающих реальную угрозу жизни, здоровью и достоинству граждан. Также необходимо «поставить вопрос о повышении роли государства в формировании в обществе значимых духовных ценностей, к которым относятся

[1] Нигматуллин М. Р. Проблемы производства … С. 150.

традиционные семейные ценности: семья, институт брака, дети, воспитание молодого поколения»[1].

Несмотря на принимаемые государством меры, ситуация в данной сфере сохраняет устойчивую напряженность, что свидетельствует о наличии системных парадоксов в правовом регулировании системы противодействия семейному насилию.

Порождению такого критического подхода к рассматриваемой системе у автора тезисов способствовали достижения известных-административистов. В особенности научная статья Ю.Е. Аврутина «Преодолимы ли парадоксы парадигм публичного управления в теории государственного управления и в административном праве?[2].

Статья Ю.Е Аврутина вызвала научную дискуссию в области теории государственного управления и административного права. Автор предложил анализ «парадоксов парадигм» и на их основе разработал конкретные предложения, которые вызвали обсуждение. Например, Аврутин отметил, что в научной парадигме необходимо искать «зерно», которое может быть положено в основу институциональных, организационно-правовых, социокультурных инструментальных средств не только оценки текущего состояния публичного управления, но и его проектирования с заданными на перспективу параметрами.

Анализ отечественных научных публикаций, диссертационных исследований и законопроектных инициатив последнего десятилетия позволяет констатировать, что подавляющее большинство ученых и экспертов, исследовавших проблемы противодействия семейному насилию, действуют в рамках единой, нерефлексируемой парадигмы, которая, несмотря на благие намерения, содержит системные методологические изъяны и порождает ряд

---

[1] Бучакова, М. А. Совершенствование правового регулирования в сфере общественной нравственности / М. А. Бучакова, О. А. Дизер // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2020. – Т. 25, № 4(83). – С. 453.

[2] Аврутин, Ю. Е. Преодолимы ли парадоксы парадигм публичного управления в теории государственного управления и в административном праве? / Ю. Е. Аврутин // Административное право и процесс. – 2016. – № 8. – С. 18-28.

концептуальных парадоксов. Эта парадигма может быть условно обозначена как «защитно-карательная» и характеризуется следующими чертами:

1. Парадокс дисбалансированного целеполагания (гибридный характер российской модели противодействия семейному насилию)

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что действующий административно-правовой механизм противодействия семейному насилию страдает не столько от отсутствия отдельных правовых инструментов, сколько от фундаментального порока своей архитектуры – концептуальной несбалансированности целеполагания. В его основе заложено внутреннее противоречие между тремя равнозначными, но разнонаправленными векторами:

1) публичный интерес (охрана правопорядка, предупреждение правонарушений, неотвратимость наказания) требует активного вмешательства государства, наступательности применения мер принуждения;

2) автономия семьи (невмешательство в частную жизнь, сохранение семьи, приоритет примирения) диктует пассивность, ожидание заявления жертвы, ориентацию на медиацию;

3) право личности на безопасность (индивидуальная защита, пресечение насилия в отношении уязвимого члена семьи) требует проактивных действий, но при этом несет риск злоупотреблений со стороны заявителя.

Эти цели в действующей модели не соподчинены, а конфликтуют между собой.

Исследования априори фокусируются на цели защиты потерпевшего (преимущественно женщины и ребенка) как на абсолютном и безусловном приоритете. При этом цель сохранения семьи как социального института, цель реабилитации агрессора и цель минимизации рисков злоупотребления правом систематически отодвигаются на периферию научного анализа или вовсе исключаются из системы целей. Это создает внутренне противоречивую систему, где декларируемая «защита семьи» на практике реализуется через инструменты, ведущие к её стремительной институциональной деструкции (немедленное

удаление агрессора, доставление, арест). Наука не ставит вопрос об иерархии и балансе этих конкурирующих целей в конкретных правовых механизмах.

Правоприменитель (участковый уполномоченный полиции, дознаватель, судья) вынужден каждый раз решать неразрешимую задачу: защитить жертву, но не разрушить семью; наказать виновного, но не спровоцировать месть; вмешаться, но не превысить полномочия.

Отсутствие законодательно закрепленной иерархии целей приводит к тому, что приоритет фактически определяется не законом, а ведомственными установками, региональными традициями и даже личными убеждениями сотрудника. Это порождает колоссальную вариативность правоприменения – от полного бездействия до избыточного репрессивного вмешательства. Данные обстоятельства расстраивают систему защиты прав граждан. При этом следует не забывать, что осуществляется «активное продвижение либеральных ценностей элитами Запада, атакующими традиционные консервативные устои, включая семейные ценности и основополагающие принципы разум»[1], чему необходимо оказывать противодействие.

Данные социологического опроса подтверждают данный вывод. Так, на вопрос: «можете ли Вы согласиться с утверждением, что в основе российских традиционных ценностей… лежит принцип почитания родителей?», ответили «да» более 454 россиян (93,4 % анкетируемых (приложение № 3, ответ на вопрос 3). При этом на вопрос анкеты: «согласны ли Вы с утверждением, что для воспитания детей должны использоваться методы, не связанные с их наказаниями и насилием?», ответили «да» более 90 % респондентов (приложение № 4, ответ вопрос № 4).

Результат анкетирования по данным вопросам наглядно показывает, что в российском общественном сознании присутствует противоречие: с одной стороны, декларируется уважение к родителям и признается право на наказание, с

[1] Гончаров, И. В. Правовые и социокультурные механизмы противодействия влиянию «западных ценностей» в Российской Федерации / И. В. Гончаров // Труды Академии управления МВД России. – 2024. – № 3(71). – С. 42.

другой — провозглашается приоритет насильственных методов, что иллюстрирует вывод о конфликте целей.

2. Парадокс неполноты принципов. Предлагаемая в исследованиях система принципов противодействия семейному насилию (неотвратимость ответственности, приоритет защиты потерпевшего, конфиденциальность) является существенно усеченной. В ней отсутствуют ключевые для любой правовой системы принципы, такие как:

• Презумпция добросовестности и состязательности в предлагаемых авторами административных процедурах (например, при выдаче защитного предписания).

• Принцип пропорциональности и минимальной достаточности вмешательства государства в частную жизнь семьи. Меры воздействия не градируются в зависимости от тяжести, доказанности и системности насилия.

• Принцип реабилитационной направленности, предполагающий обязательность и доступность программ коррекции поведения для агрессоров как альтернативы или дополнения к карательным мерам.

Принцип сохранение семьи как социально значимой ценности – государство стремится к сохранению семьи, если это не противоречит безопасности ее членов; меры защиты должны быть направлены на устранение насилия, а не на разрушение семейных связей, за исключением случаев, когда дальнейшее совместное проживание создает неустранимую угрозу.

3. Парадокс однонаправленности и институциональной слепоты. Научные предложения сводятся почти исключительно к усилению полномочий одних институтов (полиция, социальные службы, суды) и расширению прав одной категории субъектов (потерпевшие). При этом полностью игнорируется институциональный анализ рисков, связанных с таким усилением:

- риск превращения органов системы профилактики в карательные инструменты с упрощенными процедурами;

- риск формирования «индустрии жалоб», где активисты или недобросовестные граждане используют механизмы защиты для достижения иных целей (в спорах о детях, жилье, наследстве);

- риск дискредитации самой идеи защиты из-за отсутствия фильтров против злоупотреблений, что подрывает общественное доверие и легитимность мер.

4. Парадокс «нулевого риска» ложного сообщения об акте семейного насилия. Наиболее показательным является концептуальное табуирование в научном дискурсе проблемы злонамеренных или мотивированных иными причинами ложных обвинений.

Наука не предлагает процедурных гарантий на стадии возбуждения дела (например, предварительной проверки до применения самых жестких обеспечительных мер, обязательной оценки ситуации с двух сторон), тем самым создавая правовой вакуум, где право на защиту лишено корреспондирующей обязанности не злоупотреблять им.

В целях обеспечения баланса между защитой прав потерпевших и предотвращением злоупотреблений правом на обращение, а также для унификации законодательства об административных правонарушениях, посягающих на порядок управления, предлагается изложить статью 19.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в следующей редакции:

Статья 19.13. Заведомо ложный вызов специализированных служб или заведомо ложное сообщение о совершении правонарушения (преступления)

1. Заведомо ложный вызов пожарной охраны, полиции, скорой медицинской помощи или иных специализированных служб –

влечет наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей.

2. Заведомо ложное сообщение о совершении административного правонарушения, в том числе сообщение о совершении акта семейного (бытового) насилия, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, –

влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от пяти тысяч до десяти тысяч рублей.

3. Действия, предусмотренные частью 2 настоящей статьи, совершенные с целью искусственного создания доказательств обвинения либо воспрепятствования законной деятельности должностного лица органа, уполномоченного на рассмотрение сообщения о правонарушении, –

влекут наложение административного штрафа на граждан в размере от десяти тысяч до пятнадцати тысяч рублей.

Примечание. Правила настоящей статьи не применяются в случаях, если в действиях лица содержатся признаки состава преступления, предусмотренного статьей 306 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Часть 3 вводит особо отягчающий состав, устанавливающий ответственность за искусственное создание доказательств обвинения. В этом случае лицо не просто оговаривает другого, но и предпринимает активные действия по фабрикации улиц, например, самостоятельно наносит себе повреждения (или уговаривает третьих лиц подтвердить ложные сведения) для подтверждения факта побоев;

- подговаривает свидетелей (например, детей или соседей) дать ложные показания;

- предоставляет в правоохранительные органы сфальсифицированные аудио-, видеозаписи, скриншоты переписок. В целом действия лица, совершившего действия, содержащиеся в предлагаемой части 3 статьи 19.13 КоАП РФ, затрудняют работу правоохранительных органов и повышает риск вынесения незаконного решения.

Кроме того, цель – «воспрепятствования законной деятельности должностного лица органа, уполномоченного на рассмотрение сообщения о правонарушении» означает, что лицо намеренно сорвать, парализовать или дискредитировать саму деятельность органа власти. Например,

- подача множества однотипных жалоб на действия сотрудника полиции с целью создания видимости его «непрофессионализма» или давления на него, чтобы он прекратил проверку по реальному факту насилия;

- сообщение о якобы имевшем место акте насилия непосредственно перед заседанием суда по бракоразводному процессу или спору о детях с целью дискредитации другой стороны и получения тактического преимущества. В целом такие действия дезорганизуют работу государственных органов, подрывают авторитет власти и могут быть элементом более сложного конфликта, выходящего за рамки простого ложного обвинения в семейном насилии.

Следует отметить и то, что и глубинная установка на невмешательство в «частное дело семьи» легитимирует пассивность системы. Это подкрепляется региональной спецификой (особенно в субъектах с сильными традиционными устоями), где практика «примирения на месте» доминирует.

Кроме того, система ориентирована на наказание, но не на защиту. Отсутствие развитой сети кризисных центров, убежищ и служб психологической поддержки делает жертву заложницей ситуации: ей некуда уйти, поэтому она вынуждена мириться или отзывать заявление. Инфраструктурный дефицит обесценивает любые законодательные новеллы, поскольку у жертвы отсутствует реальная альтернатива пребыванию в опасной среде. Анализ российского законодательства и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что сложившаяся в Российской Федерации модель носит гибридный, реактивно-примирительный характер. Формально, будучи основанной на публичном начале административной ответственности (что предполагает обязанность государства реагировать на каждый выявленный факт правонарушения), фактически система функционирует преимущественно на основе заявительного принципа.

Основным инструментом привлечения к ответственности выступает статья 6.1.1 КоАП РФ («Побои»). Специализированные меры защиты (защитные предписания, охранные ордера), широко применяемые в Австрии, Германии или Казахстане, в российском федеральном законодательстве отсутствуют. Это

вынуждает правоприменителя использовать либо «мягкие» меры (профилактическая беседа), которые часто неэффективны, либо «тяжелые» (административное задержание, административный арест), которые могут быть несоразмерны ситуации, но применяются от безальтернативности.

Ключевая особенность российской модели – расхождение формальных установлений и фактического правоприменения. Дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ, возбуждаются независимо от заявления потерпевшего. Однако производство по делу напрямую зависит от участия потерпевшего: без его показаний собрать доказательства практически невозможно. Институт примирения сторон в КоАП РФ отсутствует, но пассивность потерпевшего (неявка, отказ от дачи показаний) фактически блокирует производство, вынуждая прекращать дела по формальным основаниям.

Как отмечает М.Р. Нигматуллин, около 32 % лиц, в отношении которых в 2018 г. были составлены протоколы по ст. 6.1.1 КоАП РФ, не понесли административной ответственности[1].

Это порождает практику прекращения дел по малозначительности или за недоказанностью, которая дискредитирует идею неотвратимости наказания и формирует у агрессора чувство безнаказанности.

Таким образом, российская научная мысль в данной сфере оказалась заложницей одномерной парадигмы, которая, стремясь решить одну острую социальную проблему, сознательно закрывает глаза на системные риски создаваемого правового механизма. Это приводит к разработке юридических конструкций, внутренне противоречивых, институционально неустойчивых и потенциально деструктивных для других социальных ценностей.

Раскрывая сущность семейного насилия как административно-противоправного посягательства, необходимо остановится на противоположной стороне агрессии – защите от него.

---

[1] Проблемы производства по делам о правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2019. - № 4 (50). - С. 147.

В Конституции Российской Федерации закреплено, что «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» (статья 45 Конституции РФ). В качестве способов защиты прав выступают конституционно-правовые, административно-правовые, уголовно-правовые и иные правовые средства. В свою очередь, к числу административно-правовых средств защиты прав граждан (пострадавших) от актов насилия, в том числе семейного, относятся права на действия оборонительного характера, направленные на пресечение насильственных действий физического характера со стороны агрессора. В качестве рассматриваемого обстоятельства граждане пользуются возможностью защитить свои права, обосновывая свои действия крайней необходимостью, предусмотренной статьей 2.7 КоАП РФ.

По мнению С.Н. Керимова, «крайняя необходимость как институт самозащиты осуществляет важную функцию и способствует активной защите гражданами своих законных прав и интересов»[1].

Из смысла содержания нормы о крайней необходимости, содержащейся в статье 2.7 КоАП РФ, следует, что она содержит три условия применения:

- наличие опасности, непосредственно угрожающей личности и правам данного лица или других лиц, а также охраняемым законом интересам общества или государства (существует реальная и конкретная угроза, требующая немедленных действий);

- отсутствие разумной альтернативы завершению противоправного деяния;

- размер причиненного вреда должен быть менее значительным, чем предотвращенный.

По мнению В.П. Чечулина, «институт крайней необходимости в производстве по делам об административных правонарушениях способствует повышению социальной активности людей, предоставляет им возможность

[1] Керамова, С.Н. Крайняя необходимость как институт самозащиты в административном праве // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. - 2020. - Т. 35. - № 3. - С. 67.

принимать участие в предотвращении вреда правам человека, интересам государства и общества»[1].

Следует согласиться с мнением И.С. Иванова о том, что «состояние крайней необходимости изменяет объективную и субъективную стороны содеянного настолько, что факультативные их элементы (обстановка и цель) становятся доминирующими и выводят деяние из разряда противоправных»[2].

С установлением в 2016 году административной ответственности за побои и иные действия возникла и практика использования и применения нормы о крайней необходимости и по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ.

По причине отсутствия нормы о необходимой обороне в действующем КоАП РФ данные обстоятельства оцениваются как совершенные в условиях крайней необходимости в рамках статьи 2.7 КоАП РФ[3].

Однако проанализировав более 80 постановлений мировых судей, опубликованных на сайте «https://sudact.ru/», стало очевидным, что только в единичных случаях были приняты положительные решения – решения о том, чтобы производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ст. 6.1.1 КоАП РФ в отношении лица прекратить в связи с действием лица в состоянии крайней необходимости.

Обоснование лицом своих действий крайней необходимостью — это правовая доктрина, которая позволяет людям оправдывать свои действия в случаях совершения противоправных действий (правонарушений), чтобы предотвратить причинение большего вреда, сопоставляя моральные соображения с требованиями закона. Однако на практике она искажается людьми в большей

---

[1] Чечулин, В.П. Крайняя необходимость в производстве по делам об административных правонарушениях // Норма. Закон. Законодательство. Право: Материалы XXII Международной научно-практической конференции молодых ученых, Пермь, 09–10 апреля 2020 года. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. - С. 355.

[2] Иванов И.С. Практический комментарий к главе 12 КоАП РФ «Административные правонарушения в области дорожного движения» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Постановление Верховного Суда РФ от 5 сентября 2023 г. № 12-АД23-16-К6. URL: https://arbitr.garant.ru/#/document/407687794/paragraph/1/doclist/4314/35/0/0/СТАТЬЯ%202.7%20КоАП%20РФ:17.

части либо по ее незнанию, либо умышленно в целях избежания ответственности. С одной стороны, использование обороняющимися возможности защитить себя от насильственного посягательства оказывает влияние на поведение агрессора, на их взаимоотношения с ним, а значит и на сам характер насильственных действий. С другой стороны, как показали результаты проведенного анализа судебной практики, в которых рассматривались обстоятельства крайней необходимости при причинении вреда, граждане пытаются оправдать свою агрессию ложным обоснованием необходимости защитить себя от якобы нападения, ввести должностных лиц, осуществляющих производство по делам об административных правонарушениях, а также органов, включая суд, и лиц, рассматривающих эти дела, в заблуждение и вынести решение в их интересах.

В современных обстоятельствах при защите от актов семейного насилия было бы более верным и правильным с правовой позиции оценивать действия лиц не при крайней необходимости, а при необходимой обороне. О допустимости применения нормы о необходимой обороне, закрепленной в части 2 статьи 37 УК РФ, в целях пресечения побоев отмечается в пункте 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Кроме того, в том же документе отмечено, что к посягательствам, от которых лицо имеет право защититься в рамках необходимой обороны, «относятся, например, незаконное проникновение в жилище против воли проживающего в нем лица, не сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, умышленное или неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества».

Перечисленные обстоятельства имеют место при совершении административно-наказуемых побоев, когда причинитель вреда вынужденно совершает данные действия в целях пресечения посягательства, что не является административным правонарушением.

По причине отсутствия нормы о необходимой обороне в действующем КоАП РФ данные обстоятельства оцениваются как совершенные в условиях крайней необходимости в рамках статьи 2.7 КоАП РФ.

Правоприменитель нормы о необходимой обороне должен учитывать то, что, во-первых, противоправное нападение, от которого лицо может обороняться в условиях необходимой обороны в рамках административно-правовой нормы, не должно обладать признаками преступления, иначе данная защита будет являться не административно-правовой, а перенесется в уголовно-правовую сферу. Во-вторых, защита от насильственных действий, образующих состав административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 КоАП РФ, не должна явно превышать пределов необходимости. Обороняющееся лицо должно учитывать, что явно превышать пределы необходимой обороны юридически наказуемо. Как и в уголовно-правовой норме, закрепленной в части 2 статьи 37 УК РФ, необходимо в КоАП РФ также закрепить, что не является превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения. В-третьих, вред при отражении нападения допустимо причинять только нападающему, а не третьим лицам. Важно отметить, чтобы само обороняющееся лицо не способствовал угрозе и не создавало ее.

Убеждённость в неизбежной, наличной и реальной угрозе должна быть обоснованной для обычного человека, а не только для того, кто причинил вред нападающему.

Только при соблюдении всех этих требований может быть применена защита по причине необходимости. Понимание обоснования необходимости оборонительных действий помогает осознать, как пересекаются друг с другом этика и законность, что делает его важнейшей концепцией в праве. Защита по причине необходимости действительна только в том случае, если лицо действовало субъективно искренне и объективно обоснованно, полагая, что только оборонительные действия могут пресечь нападения вне зависимости от

имеющейся возможности избежать посягательства или обратиться за помощью к другим лицам. Другими словами, обороняющееся лицо должно было искренне верить в то, что существует ситуация, в которой ей необходимо совершить формально правонарушение, чтобы избежать большего вреда (*субъективный элемент*), и что среднестатистический человек в таких же или похожих обстоятельствах поверил бы в то же самое (*объективный элемент*).

Таким образом, наличие нормы о необходимой обороне, при включении ее в КоАП РФ, будет являться еще одной гарантией защиты прав граждан от насильственных действий, в том числе совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений. Административно-правовая норма о необходимой обороне дополнит административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия как правовое средство непосредственного противодействия этому негативному явлению. Если уголовно-правовой механизм имеет такое средство непосредственной защиты человека от насилия как необходимая оборона, то административно-правой не имеет, а замена его другим средством - крайней необходимостью носит вынужденный характер, но не отражает сущность действий по отражения нападения.

Государство не может оставаться безучастным в преодолении имеющихся парадоксов в парадигме в силу своей ответственности. По мнению разработчика теории «ответственного государственного управления» В.М. Редкоуса, наступившая эпоха характеризуется тем, что «многие люди перестали инстинктивно доверять основным организациям, как государственным, так и частным, что еще больше усложняет осуществление государственного управления»[1].

Необходима смена исследовательской парадигмы на системно-балансирующую, которая бы рассматривала противодействие семейному насилию

[1] Редкоус, В. М. Ответственное государственное управление: возможно ли начало перехода к его осуществлению? / В. М. Редкоус // Административное право и административный процесс: прошлое, настоящее, будущее: Сборник статей по материалам круглого стола, посвященного 100-летию со дня рождения профессора, заслуженного юриста российской федерации Н. Г. Салищевой, Москва, 17 октября 2024 года. – Воронеж: Издательско-полиграфический центр "Научная книга", 2025. – С. 176.

как сложную задачу поиска равновесия между защитой уязвимых членов семьи, сохранением её реабилитационного потенциала, принципами правового государства и минимизацией рисков институциональных злоупотреблений. Необходимо разработать такую модель противодействия семейному насилию, в которой государство стремится к сохранению семьи, если это не противоречит безопасности ее членов; меры защиты должны быть направлены на устранение насилия, а не на разрушение семейных связей, за исключением случаев, когда дальнейшее совместное проживание создает неустранимую угрозу.

Альтернативные направления по реформированию законодательства, связанного с завершением производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ:

Для решения этой системной проблемы выдвигается несколько концептуальных предложений:

Предложение 1. Введение в КоАП РФ специального основания для прекращения дел об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ — «примирение лица, привлекаемого к административной ответственности за совершение административного правонарушения, предусмотренного статьей 6.1.1 КоАП РФ, с потерпевшим».

Содержание предложения заключается в том, чтобы закрепить в главе 29 КоАП РФ (перечень оснований для прекращения производства) новое основание, применяемое только по делам о правонарушениях, посягающих на личную неприкосновенность (ст. 6.1.1), и только до вынесения постановления.

Условия реализации предложения: примирение должно быть оформлено письменно, подтверждать отсутствие претензий со стороны потерпевшего и, что критически важно, заглаживание причиненного вреда (извинения, возмещение расходов на лечение и т.д.).

Аргумент «за»: учитывает социальную природу таких конфликтов (часто семейные, бытовые ссоры), где наказание может лишь усугубить ситуацию. Стимулирует виновного к активному раскаянию и компенсации вреда.

Предложение 2. Легализация института «административного судебного примирения» (медиации) на стадии рассмотрения дела судьей.

Содержание предложения заключается в том, чтобы предоставить судье, рассматривающему дело по ст. 6.1.1 КоАП РФ (по ч. 1 ст. 23.1 КоАП РФ эти дела рассматривают судьи), право с согласия сторон утвердить мировое соглашение, влекущее прекращение производства. Это потребует изменений как в КоАП, так и в Закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[1].

Предложение 3 (техническое). Закрепление в законе четкого порядка действий при отказе потерпевшего от участия в производстве.

Содержание предложения заключается в том, чтобы внести в КоАП РФ норму, обязывающую должностное лицо в случае неявки потерпевшего по вызову неоднократно и без уважительных причин, составить об этом акт и продолжить производство на основании иных доказательств (показания свидетелей, заключение врача, рапорт сотрудника). Если иных доказательств недостаточно — выносить постановление о прекращении производства в связи с недостаточностью доказательств, подтверждающих наличие события административного правонарушения (п. 4 ч. 1 ст. 24.5 КоАП РФ). Это легализует уже существующую практику и выведет ее из тени.

Проблема, обозначенная в вопросе, является ярким примером отставания догмы административной ответственности от социальных реалий. Сохранение status quo в этом случае вредно. Наиболее перспективным и сбалансированным путем видится комбинация предложений 1 и 3: введение четкой процедуры на случай пассивности потерпевшего и создание легального канала для примирения на ранних стадиях, что соответствует как принципу эффективности правоприменения, так и идеям восстановительного подхода к правосудию.

---

[1] Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации» от 2.08.2010 № 31, статья 4162.

Предлагаемые альтернативы реформирования (введение института примирения по делам ст. 6.1.1 КоАП РФ, легализация медиации, четкая регламентация действий при отказе потерпевшего) носят частичный характер и, будучи внедренными по отдельности, могут привести к новым дисбалансам. Они должны рассматриваться в рамках системной перестройки всего механизма.

Проведенный анализ демонстрирует, что административно-правовой механизм противодействия семейному насилию функционирует в условиях глубоких системных противоречий. Эти противоречия носят не только административно-процессуальный, но и институциональный и ценностный характер.

Отсутствие единого координирующего органа, ответственного за политику в сфере противодействия семейному насилию, приводит к ведомственной разрозненности. Данные МВД России, Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, органов соцзащиты существуют в разных методологических и учетных параметрах, что делает невозможным построение целостной картины и оценку эффективности межведомственного взаимодействия. Существующая статистика фиксирует результат (возбужденное дело), но не процесс (число вызовов, профилактических бесед, отказов в возбужденных делах). Создание единого государственного реестра случаев семейного насилия с межведомственным доступом могло бы стать первым шагом к преодолению этой проблемы.

Глубоко укорененная в общественном сознании установка на невмешательство государства в семейные дела служит мощным барьером. Она легитимирует пассивность правоохранительных органов («сами разберутся») и создает чувство стыда и страха у жертв. Эта установка поддерживается и на региональном уровне, где этнокультурные и религиозные нормы могут придавать конфликту внутри семьи характер «сорного» дела. Преодоление этого барьера требует длительной информационной кампании, направленной на переосмысление понятия «семья»: насилие не является частным делом, а

представляет собой угрозу общественной безопасности и нарушение базовых прав человека.

Реактивная модель замыкается на наказании виновного, оставляя за скобками потребности жертвы. В России критически не хватает доступной сети кризисных центров, убежищ, специализированных социальных и психологических служб для жертв насилия. Отсутствие безопасного места, куда можно уйти, и специализированной поддержки является ключевым фактором, удерживающим жертву в опасной ситуации и заставляющим ее отзывать заявление. Развитие такой инфраструктуры – необходимое условие для перехода от карательной к восстановительной и защитной парадигме.

Таким образом, проведя анализ функционирующей административно-правовой системы противодействия семейного насилия в Российской Федерации, складывается вывод о том, что она содержит концептуальную несбалансированность целеполагания: система создавалась, но ее архитектура изначально дефектна, а именно нарушен баланс публичного, частного и семейно-автономного. Проблемы существуют на уровне модели применения, прослеживается в вертикальном разрезе организации системы: цели – принципы – приоритеты.

Но следует отметить и возникающую фундаментальную дилемму, направленной на защиту уязвимых лиц: необходимость дисбаланса между эффективным противодействием реальному насилию и созданием надежных гарантий от злоупотреблений предоставленными правовыми возможностями. В контексте семейно-бытовых отношений, где конфликты нередко переплетены с имущественными, финансовыми и психологическими (эмоциональными) противоречиями, риск использования заявления о побоях и иных правонарушениях, сопряженных с применением семейного насилия, как инструмента давления в иных спорах (о детях при разводе супругов, жилье, алиментах) объективно существует. Игнорирование этой опасности может привести дискредитации самого института защиты, превращению его в орудие недобросовестной стороны и, как следствие, к несправедливому уголовному или

административному преследованию невиновного лица. Это может подорвать доверие к правоохранительным органам и нанести тяжелый психологический и репутационный ущерб тем, кто стал жертвой ложного сообщения об акте насилия.

Угроза неоправданного и чрезмерного вмешательства правоохранительных органов, инициированного ложным заявлением, усугубляется потенциальной склонностью системы к проактивным действиям в рамках новых законодательных инициатив. Внедрение, например, защитных предписаний по упрощенной процедуре, основанной лишь на оценке риска сотрудником полиции, без надлежащих процессуальных проверок, создает почву для злоупотреблений. Семейная жизнь может быть поставлена под тотальный контроль по надуманному предлогу, а стандарт (процесс) доказывания «угрозы» может оказаться размытым и субъективным. Это противоречит принципам соразмерности и презумпции невиновности, превращая систему государственной защиты в инструмент произвола в частных руках. Таким образом, система, призванная защищать от насилия, сама может стать источником насилия структурного – через необоснованный арест, порчи репутации и вторжения в частную жизнь.

Следовательно, научный и законодательный поиск должен быть сфокусирован не на выборе между безусловной защитой заявителя и тотальным недоверием к нему, а в выработке сбалансированных фильтров и гарантий.

Проведенный анализ правоприменительных аспектов действующего механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия страдает не сколько от отсутствия отдельных правовых инструментов, сколько от фундаментального порока архитектуры этой системы – несбалансированности ее целеполагания. Обозначенные отдельные дефекты системы показывают, что система складывалась непоследовательно, посредством внесения фрагментарных поправок, без предварительной концептуальной проработки модели. В результате на современном этапе функционирует конструкция, в которой заложено внутреннее противоречие между тремя равнозначными, но разнонаправленными векторами:

- публичным интересом (охрана правопорядка, предупреждение правонарушений, неотвратимость наказания), которая требует активного вмешательства государства и его органов, наступательности применения мер принуждения);

- автономией семьи (невмешательство в частную жизнь, сохранение семьи, приоритет примирения. Эта цель диктует пассивность, ожидание заявления жертвы, ориентация на медиацию), и

- правом личности на безопасность (индивидуальная защита, пресечение насилия, применяемого в отношении уязвимого члена семьи. Эта цель требует проактивных действий, но при этом несет риск злоупотреблений со стороны заявителя/потерпевшего).

Эти цели в действующей модели не соподчинены, а конфликтуют между собой. Правоприменитель (участковый уполномоченный полиции, дознаватель, судья) вынужден каждый раз решать неразрешимую задачу:

- защитить жертву, но не разрушить семью;

- наказать виновного, но не спровоцировать месть;

- вмешаться, но не превысить полномочия.

Отсутствие законодательно закрепленной иерархии целей приводит к тому, что приоритет фактически определяется не законом, а ведомственными установками, региональными традициями и даже личными убеждениями сотрудника (правовое усмотрение). Это порождает колоссальную вариативность правоприменения (от полного бездействия до избыточного репрессивного вмешательства), что было подтверждено анализом служебной дифференциации.

Концептуальная несбалансированность ярко проявляется в том, что ключевые принципы административного права либо не работают вовсе, либо работают против жертвы:

1) принцип диспозитивности vs публичное начало. В административном праве традиционно силен императив публичности: если правонарушение выявлено, то виновное лицо, его совершившее, должно быть наказано. Однако в делах о побоях (статья 6.1.1 КоАП РФ) воля потерпевшего (его

желание/нежелание привлекать агрессора к ответственности) фактически становиться решающей, хотя юридически это не закреплено. Возникает ситуация, которая обозначена как «парадокс парадигмы»: жертва, подавшая заявление, может заблокировать производство своим неучастием, но закон не дает ей право на официальное примирение. Это порождает практику прекращения дел по малозначительности или за недоказанностью, которая дискредитирует идею неотвратимости наказания;

2) принцип соразмерности (пропорциональности). Отсутствие специальных «средневесных» мер (защитного предписания, охранных ордеров) заставляет правоприменителя использовать либо «мягкие» меры (беседа, предостережение), которые часто неэффективны, либо «тяжелые» (возбуждение административного расследования, административное доставление, административное задержание), которые могут быть несоразмерны ситуации, но применяются от безальтернативности. Это деформирует саму идею соразмерности: защита либо недостаточна, либо избыточна;

3) принцип презумпции невиновности и риск злоупотреблений. Это конфликт на уровне принципов: с одной стороны, система должна защищать жертву и верить ей (иначе она неэффективна). С другой стороны, любое усиление проактивности (например, выдача защитного предписания на основе заявления без проверки и суда) создает основу для злоупотреблений и нарушает презумпцию невиновности предполагаемого агрессора. Действующая модель/система/механизм не содержит балансирующих механизмов.

Результаты данного анализа правоприменительной практики позволяет сконструировать *фактическую иерархию приоритетов,* которая сложилась «де-факто» в отсутствие ясной иерархии «де-юре»:

Первый приоритет – сохранение «социального мира» и минимизация нагрузки. Правоохранительная система на всех уровнях (от участкового уполномоченного полиции до судьи) стремиться минимизировать свою вовлеченность в семейные конфликты. Это выражается в

- предложениях «примириться» на месте;

- формальных отказах в возбуждении дел;

- прекращения дел в связи с неявкой потерпевшего, непрохождении определенных процедур.

Система «вознаграждает» такое поведение (меньше производств, отчетности, риска обжалования, сложных эмоционально затратных дел).

Приоритет второй – фискально-карательная функция. Если производство по делу об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ, совершенные в сфере семейно-бытовых отношений, доходит до суда, акцент смещается в сторону формального наказания (административный штраф, обязательные работы, реже – административный арест). Вопросы реабилитации жертвы, ее психологической поддержки, изменения поведения агрессора остаются за скобками.

Приоритет третий (декларативный, но не обеспеченный) – защита прав конкретной жертвы. Этот приоритет провозглашается, но фактически не подкреплен ни инфраструктурно (отсутствие необходимого числа убежищ и кризисных центров), ни процессуально (отсутствие механизмов, позволяющих вести производство без активного участия потерпевшего). Жертва оказывается «заложницей» системы: она нужна как источник доказательств, но как только она отказывается сотрудничать, интерес системы и обеспечение ее безопасности исчезает.

Выводы по параграфу

Таким образом, правоприменение в сфере обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия показывает, что российская исследуемая система застряла в неком переходном состоянии: она отошла от патерналистской (архаичной) модели «семья – черный ящик», но так и не продвигается к модели защиты прав личности на безопасность. Более верным путем выхода из сложившегося положения является преодоление этой концептуальной несбалансированности не посредством «латания дыр» (введение примирения сторон, защитного предписания, привода потерпевшего), а системная перестройка архитектуры на основе четко определенной иерархии целей. Необходимо

законодательно закрепить приоритет безопасности личности над автономией семьи в ситуациях насилия, одновременно создав процессуальные фильтры, защищающие от злоупотреблений и инфраструктуру, обеспечивающую реальную, а не декларативную защиту.

Система обеспечения прав граждан от семейного насилия в Российской Федерации характеризуется фундаментальным пороком своей архитектуры — концептуальной несбалансированностью целеполагания. Данный порок выражается в отсутствии законодательно закрепленной и соподчиненной иерархии между тремя равно значимыми, но разнонаправленными векторами государственного воздействия: публичным интересом (охрана правопорядка и неотвратимость наказания), принципом автономии семьи (невмешательство в частную жизнь) и правом личности на физическую и психологическую безопасность.

Данная несбалансированность является результатом фрагментарного и непоследовательного формирования системы (путем точечных изменений в отраслевое законодательство) при отсутствии единой концептуальной основы. Отсутствие правовой определенности в вопросе о том, какая из ценностей (сохранение семьи или безопасность ее члена) имеет приоритет в конфликтной ситуации, порождает внутреннюю конфликтность целей и перекладывает их разрешение на усмотрение правоприменителя. Это приводит вариативности практики (широкому усмотрению) — от полного бездействия до избыточного репрессивного вмешательства, что дискредитирует принцип неотвратимости ответственности и не обеспечивает реальной защиты жертв.

Необходимо законодательное закрепление иерархии целей публичного управления в этой сфере, основанной на приоритете безопасности личности над автономией семьи при наличии признаков насилия. Формирование целостной концептуальной основы, определяющей, что защита жизни, здоровья и достоинства личности является безусловным основанием для активного государственного вмешательства, исключающим двусмысленность в выборе средств реагирования.

Российская модель реагирования на семейное насилие, будучи формально основанной на публичном начале административной ответственности, фактически функционирует как реактивная, сочетая пассивность правоохранительных органов (обусловленную социокультурной установкой на невмешательство) с отсутствием легальных механизмов примирения. Данный гибридный характер порождает правовую неопределенность, произвольное усмотрение правоприменителя и высокую латентность насилия, не обеспечивая ни реальной защиты жертвы, ни неотвратимости наказания.

Этот дефект отражается в разрыве между императивным предписанием закона о безусловном проведении административного расследования по делам о побоях (ст. 28.7 КоАП РФ во взаимосвязи со ст. 6.1.1 КоАП РФ) и фактическим правоприменением, при котором возбуждение дела ставится в зависимость от субъективного усмотрения должностного лица.

Для преодоления указанного разрыва обоснована необходимость законодательной конкретизации обстоятельств, при наличии которых должностное лицо обязано возбудить дело об административном правонарушении по ст. 6.1.1 КоАП РФ и провести производство по делу независимо от иных факторов. В качестве таких обстоятельств, исключающих усмотрение, предлагается закрепить исчерпывающий перечень объективных признаков, указывающих на событие правонарушения и подлежащих обязательной фиксации: 1) наличие у потерпевшего телесных повреждений, зафиксированных в медицинском заключении (акте судебно-медицинского освидетельствования); 2) совершение деяния в присутствии несовершеннолетнего; 3) совершение деяния в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, подтвержденном результатами освидетельствования; 4) наличие реальной угрозы применения насилия, подтвержденной материалами проверки (показаниями свидетелей, потерпевших и иных доказательств).

Выявлено, что в сфере противодействия семейному насилию существует фундаментальная дилемма между необходимостью эффективной защиты уязвимых лиц (требующих проактивных действий и доверия к заявителю) и

риском злоупотребления правом на защиту (использования заявления о насилии как инструмента давления в иных семейно-правовых спорах).

Решением проблемы может быть переход к институционально-сбалансированной модели, основанной на: 1) законодательном закреплении приоритета безопасности личности над автономией семьи при наличии признаков насилия; 2) введении специализированных административно-правовых средств (защитных предписаний, охранных ордеров с конкретными основаниями и сроками); 3) создании процессуального механизма, позволяющего осуществлять производство по делам о семейном насилии при пассивности потерпевшего (при наличии иных доказательств); 4) одновременном установлении процессуальных гарантий от злоупотреблений, включая ускоренный судебный и иной контроль за применением мер принуждения и ответственность за заведомо ложный сообщение в контексте семейно-бытовых конфликтов (изменения и дополнения в статью 19.13 КоАП РФ).

§ 2. Дефекты межведомственного взаимодействия субъектов административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия

Понятие «взаимодействие» стало предметом многих научных исследований. Исследуя проблемы межведомственного взаимодействия субъектов административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия изначально будем исходить из понятия, которое было представлено А.И. Грищенко в 1981 году: «взаимодействие правоохранительных органов понимается основанная на правовых актах совместная, согласованная по месту, времени и направлениям деятельность с применением наиболее

целесообразного сочетания присущих субъектам сил, средств и методов, позволяющих добиться эффективного предупреждения рецидива преступления» [1].

Взаимодействие - эта такая деятельность субъектов исследуемого механизма, которая строиться на основе согласованных, целесообразных, направленных, рациональных действий самостоятельных субъектов посредством применения наиболее оптимальных средств противодействия семейному насилию. Совместная деятельность различных субъектов рассматриваемого механизма должна строиться на основе определенных принципов.

Принято считать, что основными формами взаимодействия являются обмен информацией и совместное проведение и участие в профилактических и иных мероприятиях. Имеется и иная точка зрения, в которой представлен более широкий перечень форм взаимодействия. «К основным формам взаимодействия правоохранительных органов они относят поддержку, сотрудничество, совместную деятельность, взаимопроникновение, координационные совещания, издание совместных нормативных и информационных документов, обобщение статистических показателей» [2].

Взаимодействие субъектов административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия делится на два вида: внутриорганизационное (между структурными подразделениями субъекта) и внешне организационное (между различными органами исполнительной власти).

Следует согласиться с принципами взаимодействия, которые представлены в исследовании К.В. Быкова: «равноправия (паритетности) субъектов взаимодействия; самостоятельности субъектов; гласности деятельности; принцип координации интересов, имеющийся у всех субъектов; принцип ответственности руководителя субъекта реализации правоохранительной функции за выполнение

---

[1] Грищенко А.И. Взаимодействие между аппаратами уголовного розыска и оперативными аппаратами исправительно-трудовых учреждений в предупреждении рецидива преступлений со стороны лиц, освобожденных из исправительно-трудовых учреждений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. 12.00.00 / А.И. Грищенко. – М, Академия МВД СССР, 1981. – С 5.

[2] Башлуева, Н. Н. Взаимодействие полиции с иными правоохранительными органами / Н. Н. Башлуева, А. А. Никоноров, Л. Я. Смирнова // Криминологический журнал. – 2022. – № 4. – С. 39.

согласованных решений, за результативность и эффективность отведенного направления и объема работы»[1].

Однако автор не раскрыл «принцип координации интересов, имеющийся у всех субъектов». Какие могут быть интересы у органов государственной власти? И почему они должны координироваться при взаимодействии?

Думается, что на данные вопросы можно ответить следующим образом. У субъекта не могут быть интересы, не предусмотренные целями и задачами органа, тем более нормативными-правовыми актами, для решения которых он создан.

У субъектов исследуемого механизма (напр., полиция, соцзащита, органы образования, здравоохранения) реализация задач, направленных на обеспечение защиты прав граждан от семейного насилия, не синхронизирована и не коррелятивна для достижения общего результата – безопасности жертвы. Для полиции преимущественно в качестве ведущего показателя выступает раскрываемость преступлений и количество выявленных правонарушений[2].

Деятельность другого субъекта – органов соцзащиты – направлена на социальное обслуживание граждан. Сложилась практика, что у органов соцзащиты работа начинается там, где у полиции работа заканчивается. Подобные обстоятельства следует обозначить как рассогласованность целеполагания и ведомственных ключевых показателей эффективности.

Полиция, не усматривая состава правонарушения (или видя, но сталкиваясь с пассивностью жертвы), не передает информацию о семейном конфликте другим органам, так как это не является ее прямой обязанностью. Соцзащита не получает информацию о девиантном поведении и асоциальных поступках внутри семей. В

---

[1] Быков К.В. О взаимодействии органов полиции районного уровня с иными субъектами в рамках реализации правоохранительной функции /К.В. Быков / Право и государство: теория и практика. – 2024. - № 10(238) – С. 191.

[2] Кулеш, Е. А. К вопросу об эффективности деятельности ОВД по профилактике и предупреждению правонарушений несовершеннолетних в современных условиях развития общества / Е. А. Кулеш, Л. Е. Сериченко // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 3(93). – С. 105-112; Лукашов, Н. В. Оценка эффективности государственной программы Российской Федерации "Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности" на основе факторной модели формирования её показателей / Н. В. Лукашов, М. Г. Ониани // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17, № 5. – С. 238-242.

итоге такие неблагополучные семьи выпадают из поля зрения до тех пор, пока не случится трагедия, как, например, те, которые произошли в Пермском крае:

«Подобные обстоятельства в октябре 2024 года в Пермском крае способствовали Ш., 2007 г.р., убийству своей матери. Ранее подросток дважды (в 2019 и 2024 года) попадал в поле зрения полиции в связи с нанесением побоев, оба раза снят с учета органа внутренних дел по неподтвержденным основаниям о его исправлении, несмотря на наличие отрицательной характеристики с места обучения и фактическую утрату контроля за поведением со стороны законного представителя. В результате очередной семейной ссоры Ш., после распития спиртных напитков с совершеннолетним братом, нанес родительнице удар ножом в сердце, от которого она скончалась. По данному факту возбуждено уголовное дело по части 1 статьи 105 УК РФ «Убийство», виновный арестован»[1].

Данные обстоятельства следует квалифицировать как «феномен перекидывания ответственности». Здесь цели субъектов изначально конфликтны. Как справедливо отмечает И.В. Поликарпова, правоприменитель (полиция) тяготеет к наиболее репрессивным, простым в отчетности формам (беседа, предостережение), игнорируя сложные, но необходимые меры социальной адаптации[2].

Сложившаяся система не стимулирует к реальному, трудоемкому взаимодействию полиции с соцзащитой или психологическими службами. Это создает условия для функциональной разобщенности, когда каждый субъект решает свою узкую задачу в ущерб общей цели — безопасности жертвы.

Как представляется, интересы одного субъекта могут состоять в том, чтобы другие субъекты более активно и объемно участвовали в рамках предоставленных полномочий в содействии решения вопросов, осуществлении функций,

---

[1] Обзор о мерах, принимаемых территориальными органами МВД России к несовершеннолетним правонарушителям, не достигшим возраста уголовной или административной ответственности. Главное управление по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации (ГУОООП МВД России) // документ официально опубликован не был.

[2] Поликарпова И.В., Зайцева О.В. Правоприменительная деятельность субъектов профилактики правонарушений // Вопросы безопасности. - 2022. - № 3. - С. 2.

непосредственно являющихся основными для него – вот тут возникают «точки соприкосновения» интересов, при этом у одного субъекта интерес активный (цель деятельности основная), а у другого пассивный (цель деятельности не основная). Например, чтобы органы местного самоуправления в большей степени оказывали содействие органам внутренних дел (полиции) в обеспечении общественного порядка, чем это делают в повседневной своей деятельности, например, предоставляли исчерпывающую информацию, активно принимали участие не только в организации мероприятий по охране общественного порядка, но и в их обеспечении.

Существует и другая проблема, которую следует назвать «информационной асимметрией», заключающаяся в том, что в России отсутствует единый реестр случаев семейно-бытового насилия. Отсутствие единого информационного поля является одной из фундаментальных проблем системы взаимодействия. Различные данные аккумулируются в разных системах:

- в ОВД фиксируются факты сообщений о преступлениях, административных правонарушениях, происшествиях (КУСП);

- в судебных органах (статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ) фиксируются факты преимущественно о наказаниях;

- в органах (центрах) социальной защиты и кризисных центрах фиксируют факт оказания социальной помощи;

- в органах здравоохранения фиксируются факты обращения за медицинскими услугами (помощью);

- в органах опеки и попечительства - факты неисполнения или ненадлежащего исполнения законными представителями обязанностей в отношении несовершеннолетних.

Как следует из анализа документов МВД России, учет заявлений в КУСП ведется, однако эти данные не конвертируются в формат, понятный для органов соцзащиты.

Более того, отказ в возбуждении дела, не связанный с примирением (например, из-за неявки потерпевшего), вообще выводит ситуацию из поля правового контроля, хотя угроза насилия для жертвы сохраняется.

В перечисленных субъектах функционируют специфические системы учета данных, которые практически не интегрированы в единую систему, позволяющую проследить полный цикл работы над конкретным случаем семейного насилия. Конкретный случай (факт) семейного насилия в одних системах учета может быть зафиксирован, а в других нет (существование регистрационного вакуума). А если нет единой системы учета семейного насилия, то и не может иметь место механизм отслеживания факта семейного насилия, сопровождения жертвы от момента выявления/регистрации факта семейного насилия, его пресечения и до социальной реабилитации как жертвы, так и агрессора. Например, полиция может вынести официальное предостережение (ст. 13 ФЗ «О полиции» в ред. 2019 г.), но проконтролировать, была ли потом семье оказана психологическая помощь, никто не может. Сотрудник полиции не обязан это проверять, а соцработник не информируется о факте вынесенного предостережения.

Обозначенные обстоятельства порождает информационную асимметрию: полиция обладает данными о потенциально опасных инцидентах, связанных с семейным насилием, но не обязана их транслировать дальше, если инцидент не содержит признаки состава правонарушения. Соцзащита, в свою очередь, может начать работу только при поступлении информации извне или при самостоятельном обращении жертвы, что в условиях латентности маловероятно. При этом складывается противоречивая ситуация: создание системы информационного обмена и единой базы данных (учета, интегрированной в систему субъектов исследуемого механизма) может породить определенные риски нарушения приватности и давления на жертву.

При этом, как верно отмечено выше, существует риск нарушения приватности. В связи с этим необходимо разграничить уровни доступа и определить несколько уровней «глубины (степени) информации о семейном насилии»:

- оперативный уровень (для полиции и экстренных служб) - данные о фактах насилия, адресах, «группах риска»;

- социальный уровень (для органов соцзащиты, КДН, образования) - данные о необходимости оказания помощи, реабилитации, работы с семьей;

- статистический уровень (обезличенные данные) - для учета, мониторинга и выработки направлений государственной политики.

Правовой основой может выступать акт Правительства РФ, утверждающий положение о государственной информационной системе мониторинга семейно-бытового насилия. Примером может служить опыт Республики Казахстан, где с 2020 года действует единый реестр лиц, совершивших правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений (ст. 7-2 Закона РК «О профилактике бытового насилия»)[1].

Еще одной проблемой взаимодействия в обеспечении защиты прав граждан от семейного насилия является отсутствие ведущего (главного) субъекта, чья авторитетная и компетентная функциональная деятельность позволяет сплотить другие субъекты в достижении целей.

Формально таковым субъектом является МВД России со своей системой территориальных органов (полицией). Правительственная комиссия по профилактике правонарушений [2], Председателем которой является Министр внутренних дел Российской Федерации, является координационным органом, образованным для обеспечения согласованных действий заинтересованных органов исполнительной власти при реализации мер в системе государственной профилактики правонарушений, в том числе совершаемых с применением насилия в семьях.

В решениях Комиссии содержатся рекомендации высшим должностным лицам субъектов РФ по созданию кризисных центров для женщин, повышению эффективности информационно-пропагандистских мероприятий, учету в

[1] Закона Республики Казахстан от 4 декабря 2009 г. № 214-VI «О профилактике бытового насилия» // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2009. - № 24. – Ст. 127.

[2] Положение о Правительственной комиссии по профилактике правонарушений (утв. постановлением Правительства РФ от 28 марта 2008 г. № 216) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 14. Ст. 1410.

государственных программах мероприятий по поддержке некоммерческих организаций, реализующих проекты в сфере профилактики семейно-бытового насилия, размещению информации о «телефонах доверия» и кризисных центрах[1]. Однако они не носят формат обязательности, а являются рекомендациями. Это доказывается как содержанием положения об этой комиссии, так и практикой деятельности этой Комиссии. Например, спустя четыре года вопрос об использовании потенциала некоммерческих организаций социальной направленности в профилактике негативных явлений в семьях, находящихся в трудной жизненной ситуации, вновь на заседании обозначенной комиссии[2].

Также следует рассмотреть статус Государственного совета Российской Федерации (далее — Госсовет), на предмет того, является ли он координатором административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия. Госсовет является конституционным государственным органом, образованным в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики и приоритетных направлений социально-экономического развития государства[3].

Согласно данному закону «координация деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти, представляет собой систему действий и решений, которые направлены на обеспечение согласованного функционирования и взаимодействия органов, входящих в единую систему публичной власти, осуществляются и принимаются в соответствии с Конституцией Российской Федерации Президентом Российской Федерации, а также в пределах своей

---

[1] Решение Правительственной комиссии по профилактике правонарушений от 31 марта 2020 года // URL: https://asi.org.ru/wp-content/uploads/2020/04/Reshenie_PKPP_ot_31032020.pdf?ysclid=mm2e1ge7dl912666097 (дата обращения: 25.02.2026).

[2] Протокол Правительственной комиссии по профилактике правонарушений (РФ) № 1 от 01.07.2024 // URL: https://мвд.рф/mvd/sovorg/prav_kom/com_work/item/19968779 (дата обращения: 25.02.2026).

[3] О Государственном Совете Российской Федерации: федеральный закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации», № 50, часть III, от 14 декабря 2020 года.

компетенции Правительством Российской Федерации, Государственным Советом, другими органами публичной власти» (часть 2 статьи 2 закона).

К основным задачам Госсовета относятся содействие Президенту Российской Федерации и подготовка ему предложений по вопросам социально-экономического развития, имеющих особое государственное значение. В рамках данного вопроса могут обсуждаться и вырабатываться ращения и с сфере противодействия семейному насилию.

В июне 2024 года указом Президента России было постановлено о создании в Российской Федерации комиссий Госсовета[1], такие как:

- по направлению «Молодежь и дети»,

- по направлению «Семья»,

- по направлению подготовки «Культура и традиционные культурно-нравственные ценности», в рамках которых возможна деятельность, направленная на выработку решений по вопросам противодействия семейному насилию. В Типовом Положении о комиссии Государственного Совета Российской Федерации по направлению социально-экономического развития Российской Федерации[2] определены основные задачи, основные функции и права, позволяющие осуществлять выработку и реализацию мер государственной политики по вопросам, относящимся к компетенции комиссии, а также предложений по совершенствованию таких мер, осуществлять другие полномочия.

Так, на заседании обновленного состава комиссии Госсовета «Семья», состоявшегося 22 июня 2025 года, были отмечены итоги деятельности комиссии, которые касались увеличения числа семей с детьми, в том числе многодетных,

---

[1] О комиссиях Государственного Совета Российской Федерации по направлениям социально-экономического развития Российской Федерации и их председателях: Указ Президента РФ от 22 июля 2024 г. № 613 // Собрание законодательства Российской Федерации, № 31, 29.07.2024, ст.4627.

[2] Об утверждении типового положения о комиссии Государственного Совета Российской Федерации по направлению социально-экономического развития Российской Федерации и внесении изменения в Положение о рабочих органах Государственного Совета Российской Федерации и Секретаре Государственного Совета Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 21 декабря 2020 г. № 800: Указ Президента Российской Федерации от 29 декабря 2025 года № 1003 // Официальный интернет-портале правовой информации (pravo.gov.ru) 29 декабря 2025 года (дата обращения: 07.03.2026).

укрепление семейных ценностей [1] . Однако проанализировав доступную информацию о деятельности данной комиссии и других его структур, определяется, что специализированной структуры, занимающейся исключительно профилактикой семейного насилия, в Госсовете, не имеется. Вопросы семейного насилия рассматриваются в рамках общей повестки комиссии по социальной политике, а также через временные рабочие группы (если возникает необходимость). Результаты деятельности Госсовета в этой сфере носят стратегический и рекомендательный характер. Они выражаются в:

- протокольных решениях и поручениях Президента Российской Федерации;
- корректировке государственных программ и стратегий;
- методических указаниях федеральных ведомств регионам.

Госсовет не является органом оперативной координации деятельности субъектов профилактики правонарушений (полиции, социальных служб, комиссий по делам несовершеннолетних). Его роль — стратегическая: определение приоритетов, анализ ситуации и подготовка предложений для Президента и Правительства РФ.

Исходя из изложенного, следует, что на федеральном уровне вырабатываются только решения стратегического характера. Непосредственно вопросами координации конкретных субъектов профилактики (полиции, соцзащиты, комиссий по делам несовершеннолетних) Госсовет не занимается — это уровень субъекта Российской Федерации.

Осуществлять тактическую и оперативную координационную деятельность в сфере противодействия семейному насилию целесообразно на региональном уровне.

---

[1] Алексей Дюмин принял участие в первом заседании обновлённого состава комиссии Госсовета по направлению «Семья». Состоялось заседание комиссии Государственного Совета Российской Федерации по направлению «Семья». В нём приняли участие помощник Президента, Секретарь Госсовета Алексей Дюмин, заместитель Председателя Правительства Татьяна Голикова, Министр здравоохранения Михаил Мурашко, представители федеральных органов власти, главы регионов и другие. 27 июня 2025 г. // http://www.kremlin.ru/events/state-council/77327 (дата обращения: 07.03.2026).

Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (КДНиЗП) могли бы стать таким интегратором, так как они наделены правом координировать действия всех субъектов профилактики в отношении детей. Однако на практике, как показывает анализ полномочий, они часто превращаются в карательный орган, а не в орган помощи[1].

Анализ правового статуса КДНиЗП показывает их несостоятельность в роли главного координатора. С одной стороны, ст. 11 ФЗ № 120-ФЗ наделяет их широкими полномочиями. С другой — эти полномочия носят преимущественно «бумажный» характер. КДНиЗП может вынести постановление, обязательное для исполнения, но механизм принуждения к исполнению в отношении, например, главного врача поликлиники, отсутствует. Это превращает координационную деятельность КДНиЗП в форму совещательной площадки. В научной литературе существует предложение Д.З. Зиядовой о создании «Единой структуры по предупреждению преступности несовершеннолетних» на примере Республики Дагестан[2].

Однако данная идея не состоятельна и по той причине, что она качается только несовершеннолетних и их законных представителей, а семейное насилие в большей части имеет место среди взрослых людей.

На уровне субъектов Российской Федерации созданы координационные органы, деятельность которых направлена на организацию деятельности субъектов профилактики регионального уровня. Например, в Санкт-Петербурге функционирует Координационный совет по вопросам равноправия мужчин и женщин и профилактики насилия в Санкт-Петербурге [3], предметная сфера

---

[1] Мишота В.А. Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав как субъекты системы профилактики // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. - 2015. - № 1(144). - С. 92-98.

[2] Зиядова Д. З., Магомедов Н. К. Проблемы профилактики преступлений против личности, совершаемых несовершеннолетними по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. - 2012. - №3. - С. 101.

[3] О создании Координационного совета по вопросам равноправия мужчин и женщин и профилактики насилия в Санкт-Петербурге: распоряжение Комитета по социальной политике

деятельности которого охватывает два взаимосвязанных, но не тождественных направления: обеспечение равноправия мужчин и женщин (гендерное равенство) и профилактику насилия. При этом понятие «насилие» в документе не конкретизируется, однако из контекста и упоминания международных обязательств можно сделать вывод, что подразумевается, прежде всего, насилие в отношении женщин и домашнее (семейное) насилие. Таким образом, данный Координационный совет de jure позиционируется как один из субъектов региональной системы противодействия семейному насилию.

Основные функции Совета, закрепленные в п. 4 и п. 5 Положения, носят преимущественно экспертно-консультативный и рекомендательный характер. К ним относятся: подготовка предложений по совершенствованию нормативных актов, проведение экспертизы проектов, разработка рекомендаций, содействие формированию информационных баз данных, участие в организации научных исследований.

С точки зрения административного права, такой набор функций характеризует Совет как субъекта обеспечения, а не субъекта непосредственной реализации властных полномочий. Он не наделен юрисдикционными функциями, не имеет права принимать обязательные для исполнения решения, не обладает контрольно-надзорными полномочиями. Его роль заключается в выработке идей, координации мнений и информировании органов власти.

Проанализируем достаточность полномочий Совета для выполнения задачи по координации деятельности всех субъектов системы профилактики семейного насилия (полиции, социальных служб, здравоохранения, образования). Пункт 6 Положения наделяет Совет правом запрашивать информацию у органов власти и организаций, а также вносить предложения Губернатору и Правительству Санкт-Петербурга. Это, безусловно, необходимые, но совершенно недостаточные инструменты.

Правительства Санкт-Петербурга 25 мая 2016 г. № 135-р // официально документ опубликован не был.

Несмотря на заявленные в преамбуле цели («обеспечение согласованных действий», «повышение эффективности взаимодействия»), анализ документа позволяет сделать вывод о том, что в текущем виде Координационный совет не способен эффективно и последовательно обеспечить слаженную работу всех субъектов системы противодействия семейному насилию.

Аргументами в пользу данного вывода служат:

1) отсутствие императивных полномочий. Как уже отмечалось, решения Совета носят рекомендательный характер. В случае расхождения ведомственных интересов (например, полиция ориентирована на статистику раскрываемости, а соцзащита — на оказание услуг) у Совета нет рычагов для разрешения этого конфликта и обеспечения единого целеполагания;

2) ограниченная юрисдикция. Совет создан при Комитете по социальной политике и организационно подчинен ему. Это ставит его в неравное положение по отношению к иным субъектам системы, в частности, к правоохранительным органам (ГСУ СК, ГУ МВД), которые обладают самостоятельным и более высоким административно-правовым статусом. Координировать их деятельность, находясь в структуре другого ведомства, практически невозможно;

3) отсутствие механизма «ведения случая семейного насилия». Полномочия Совета не предусматривают возможность вмешательства в конкретную ситуацию семейного насилия, разработки и контроля исполнения индивидуальной программы реабилитации семьи. Совет функционирует на уровне общей политики, а не на уровне оперативного управления конкретными случаями;

4) рекомендательный характер решений. Пункт 14 Положения прямо указывает на отсутствие у решений Совета обязательной силы. Это нивелирует всю его потенциальную координирующую роль, превращая его в дискуссионную площадку.

Таким образом, Координационный совет следует рассматривать как элемент инфраструктуры обеспечения, важный для межведомственного диалога, обмена информацией и выработки общих подходов, но не как субъекта управления, способного реально и оперативно координировать деятельность всех звеньев

системы противодействия семейному насилию. Это профильный экспертный и совещательный орган. Он лучше всех понимает проблему, но является самым слабым с точки зрения административных рычагов. Он может давать рекомендации, но не может давать обязательные указания.

Практика деятельности также подтверждает его невысокую эффективность. Его деятельность практически не касается семейного насилия. Так, в 2019 году в Отчете о выполнении в 2019 году «Плана мероприятий на 2019–2022 по реализации в Санкт-Петербурге Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы» фраза «насилие» было упомянуто лишь один раз: «10.09.2019 – лекция «Домашнее насилие» (32 участника)»[1]. Но при этом в течение 2019 года стационарное отделение «Женщина в опасности» обслужил всего 42 женщины, в том числе 32 женщины, пострадавшие от насилия (в 2018 году – 34). В течение января-мая 2020 года в отделение «Женщина в опасности» обратились 10 женщин, пострадавших от насилия (в аналогичном периоде 2019 года – 18). В январе-мае 2020 года на телефон доверия Кризисного центра поступили 1278 звонков, в том числе 231 – по вопросам домашнего насилия. За аналогичный период 2019 года поступили всего 1292 звонка, в том числе 172 – по вопросам домашнего насилия. Таким образом, количество обращений на телефон доверия по вопросам домашнего насилия увеличилось в январе-мае 2020 года по сравнению с аналогичным периодом 2019 года на 34,3%. Во всех районах Санкт-Петербурга, в структуре государственных учреждений социального обслуживания населения (центрах социальной помощи семье и детям (далее – ЦСПСиД) и комплексных центрах социального обслуживания населения), подведомственных администрациям районов Санкт-Петербурга, созданы кризисные отделения для женщин, в том числе в семи районах открыты стационарные отделения (убежища) для женщин с детьми всего на 66 койко-место.

[1] Отчет о выполнении в 2019 году «Плана мероприятий на 2019–2022 по реализации в Санкт-Петербурге Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы URL://https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2020/10/05/22/Отчет__2019__Национальная_стратегия.docx (дата обращения: 26.02.2026).

Обозначенные данные показывают, что предпринимаемых мер органами социального обслуживания явно недостаточно. Непосредственно систематических последовательных действий, направленных на сопровождение «случая семейного насилия» от органов его пресечения до принятия мер по социальной реабилитации, не предпринимаются[1].

В Планах План мероприятий на 2023-2026 годы по реализации в Санкт Петербурге Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2023-2030 годы запланировано 57 мероприятий, имеющих малое отношение к семейному насилия. Можно выделить тот факт, что в Плане предусмотрена реализация правовой, консультационной, медицинской помощи, организация проведения форумов и конференций, посвященных обсуждения усиления роли женщин в социально-экономическом и общественно-политическом развитии общества и других направлений, связанных с женщинами.

Безусловно, данные мероприятия способствуют улучшению обстановки в сфере защиты прав жертв семейного насилия, однако масштаб их деятельности не столь высокий, как это необходимо. Думается, что ситуация в других регионах страны не отличается кардинально. В целом следует отметить, что взаимодействие носит эпизодический, а не системный характер.

Также в этом регионе функционирует *Межведомственная комиссия по профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге при Правительстве Санкт-Петербурга*[2]. В отличие от предыдущего органа данная комиссия обладает более высоким статусом – правительственным. Состав межведомственной комиссии включает руководителей силовых ведомств (ГУ МВД России по СПбиЛО, Росгвардия, ФСБ, ФСИН) и исполнительных органов власти (комитеты по

---

[1] Данный вывод сформирована на основе изучения «Отчета о профилактике семейно-бытового насилия, а также социального обслуживания граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации, в том числе пострадавших от различных видов и форм насилия по итогам 2019 года и I полугодия 2020 года». Профилактика насилия в Санкт-Петербурге и оказание помощи женщинам, пострадавшим от насилия. URL: https://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/gender/ (дата обращения: 26.02.2026).

[2] О Межведомственной комиссии по профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге при Правительстве Санкт-Петербурга: постановление Правительства Санкт-Петербурга от 7 сентября 2007 г. № 1129 // Вестник Администрации Санкт-Петербурга», 29 октября 2007 г. № 10

образованию, здравоохранению, соцполитике, молодежной политике и др.). Председатель — вице-губернатор города. Важно, что характер решений является обязательным для исполнения (п. 5.9 Положения). Тема семейного насилия подпадает под общую профилактику правонарушений (п. 1.1, 2.1, 3.1, 3.2 Положения).

Формально Межведомственная комиссия могла бы быть главным координатором, так как ее решения обязательны для всех ведомств. Однако без специального указания в задачах (п. 2 Положения) или направлениях деятельности (п. 3 Положения) тема семейного насилия «тонет» в общем массиве задач по охране общественного порядка.

Таким образом, конкретно в Санкт-Петербурге сложилась ситуация, когда два органа могли бы эффективно осуществлять координацию деятельности субъектов противодействия семейному насилию. Сложившуюся ситуацию можно обозначить как «дефект координационной модели» в системе профилактики семейного насилия. Межведомственная комиссия обладает властными полномочиями, но лишена предметного фокуса, а Координационный совет обладает предметной экспертизой, но лишен властных полномочий. В результате ни один их органов не осуществляет реальную координацию. Сложилась ситуация «двойственной недостаточности», при которой наличие двух органов не обеспечивает достижение цели – снижение уровня семейного насилия.

Реальная координация требует передачи предметных полномочий органу, обладающему властью над всеми субъектами профилактики – Межведомственной комиссии с одновременным включением в ее состав экспертов из Координационного совета. Целесообразно Координационный совет превратить в эффективный экспертно-аналитический орган при новой системе.

Рассмотрим еще один пример организации взаимодействия между субъектами профилактики, но по теме, связанной с жестоким обращением с детьми, и (или) совершения в отношении них иных противоправных действий. Конечно, этот аспект составляет часть семейного насилия, и относится в

уголовно-правовому противодействию. Однако нас интересует организация взаимодействия и координация деятельности субъектов.

Это будет анализ одного из нормативных правовых актов межведомственного характера, устанавливающего порядок взаимодействия определенных субъектов механизма противодействия семейному насилию – по Республике Коми[1].

Этот документ представляет собой классический образец межведомственного нормативного правового акта субъекта Российской Федерации, регулирующего отношения в сфере административной процедуры - взаимодействия субъектов системы профилактики. Допустимо предположить, что в качестве цели этого акта является обеспечение оперативного обмена информацией и координации действий для защиты жизни и здоровья детей. С формально-юридической точки зрения, документ направлен на рецепцию норм Федерального закона № 120-ФЗ на региональном уровне путем детализации процедур. Важно отметить, что в этом документе раскрыты некоторые понятия, содержащиеся в Перечне основных понятий (Приложение 4) как:

- жестокое обращение (пункт 1);
- физическое насилие (пункт 2);
- психологическое (эмоциональное) насилие (пункт 4);
- психическое насилие (пункт 5).

Все эти понятия охватывают своим содержание понятие семейного насилия. Кроме того, в пункте 7 Перечня основных понятий (Приложение 4) раскрываются виды телесных повреждений, о которых следует информировать территориальные органы:

---

[1] Об утверждении порядка взаимодействия территориальных органов МВД России на районном уровне в Республике Коми, органов управления здравоохранения и медицинских организаций, учреждений социальной защиты и социального обслуживания, органов, осуществляющих управление в сфере образования, и организаций, осуществляющих образовательную деятельность, органов опеки и попечительства Республики Коми по выявлению и пресечению случаев нарушения прав и законных интересов несовершеннолетних, связанных с жестоким обращением с детьми, и (или) совершения в отношении них иных противоправных действий: приказ Министерства образования РК № 280, МВД по Республике Коми № 488, Министерства труда и социальной защиты РК № 2611, Минздрава РК № 12/566 от 15.12.2015. URL: https://docs.cntd.ru/document/432846172 (дата обращения: 26.02.2026).

- телесные повреждения, связанные с огнестрельными, колото-резанными, рублеными ранами, переломами, обморожениями, ушибами, сотрясением мозга и так далее;

- телесные повреждения и отравления, связанные с покушением на самоубийство;

- телесные повреждения и отравления, полученные при ожогах кислотами и различными токсическими веществами;

- ранения и травмы, полученные при взрывах и других чрезвычайных происшествиях;

- травмы и ранения, связанные с неосторожным обращением с огнестрельным оружием и боеприпасами;

- травмы, полученные в результате дорожно-транспортных происшествий;

- телесные повреждения и травмы, связанные с неудовлетворительным состоянием строительных конструкций, зданий, сооружений и нарушениями техники безопасности на производстве;

- иные телесные повреждения при подозрении на насильственный характер их происхождения.

Виды этих видов телесных повреждений образуют как составы преступлений, так и административных правонарушений, которые охватываются понятием семейного насилия.

Важно отметить недостатки этого документа.

Например, фиксируется избыточность и дублирование обязанностей (п. 9.1.5 и п. 9.3.4): в пункте 9.1.5 закрепляется обязанность специалиста органов и учреждений системы профилактики (всех субъектов), выявившего факт жестокого обращения и (или) совершения в отношении несовершеннолетнего иных противоправных действий, незамедлительно предпринимает меры по временному помещению несовершеннолетнего (с привлечением территориального органа внутренних дел) в специализированное учреждение для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, либо медицинскую организацию, либо организацию, осуществляющую образовательную деятельность, выполняющую

функцию временного содержания беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних до устранения обстановки, представляющей угрозу жизни или здоровью несовершеннолетнего. Норма, закрепленная в пункте 9.3.4 рассматриваемого Порядка, повторяет дословно предыдущую норму (9.1.5), но предусматривается только для специалиста органов управления здравоохранением и медицинских организаций. Это создает правовую неопределенность: если медик уже действует по п. 9.3.4, должен ли педагог дублировать его действия по п. 9.1.5? Лучшей практикой было бы возложение первичных мер по изоляции ребенка на конкретный орган (например, ОВД или орган опеки) с обязательным привлечением остальных субъектов.

Имеются несогласованности по срокам: территориальные органы внутренних дел информацию об обстоятельствах совершения в отношении несовершеннолетнего противоправных действий в течение пяти дней (пункт 9.2.7). И в течение пяти суток территориальные органы внутренних дел реализуют меры по обязательной постановке на учет родителей или законных представителей, не исполняющих или ненадлежащим образом исполняющих обязанности по воспитанию несовершеннолетних, если это деяние соединено с жестоким обращением с детьми, и (или) вовлечением их в совершение преступлений либо антиобщественных действий, и проведению с ними индивидуальных профилактических мероприятий (пункт 9.2.8). Однако обнаруживается противоречие по этим срокам: постановка на профилактический учет (п. 9.2.8) должна, по логике, следовать за анализом информации на КДНиЗП или межведомственном консилиуме (п. 9.2.7). Однако сроки синхронизированы и текут параллельно. Это может привести к тому, что полиция поставит семью на учет, а КДНиЗП позднее решит, что оснований для вмешательства недостаточно, создавая избыточное административное давление.

Имеются и юридико-лингвистические ошибки. Например, установлена императивность в отношении прав граждан (п. 9.3.3): пункт предписывает обеспечивать госпитализацию детей до 4-х лет в обязательном порядке. С точки зрения административной процедуры, госпитализация является мерой

обеспечения (ст. 27-30 Закона об охране здоровья[1]), однако она требует либо согласия родителей, либо решения суда (в случае принудительной госпитализации). Формулировка документа игнорирует это правовое основание, создавая риск обвинений медиков в незаконном лишении свободы.

Данный документ представляет собой определенное достижение в разработке в России концепции взаимодействия системы субъектов, является важным шагом в регламентации межведомственной работы. Однако в нём прослеживаются следующие системные недостатки:

Декларативность vs. Реализация: Документ подробно описывает, кто и куда должен направить информацию (уведомить), но не в полной мере определяет механизм обратной связи и контроля за тем, что произошло с ребенком после направления всех уведомлений. Основной акцент сделан на информирование, а не на совместное ведение «случая семейного насилия». Исходя из этого следует отметить размытую ответственность за «случай» в целом: из текста (особенно пункты 9.1.1 – 9.1.8) очевидно, что каждый субъект действует в рамках своей узкой компетенции (полиция «регистрирует», медики «лечат», соцзащита «реабилитирует»). При этом отсутствует четко прописанная фигура «куратора случая» (кейс-менеджера), который нес бы персональную ответственность за судьбу ребенка от момента выявления до полного устранения угрозы. Функции координации возложены на КДНиЗП (п. 6), но данный орган собирается периодически, что может быть недостаточно для экстренного сопровождения.

Следует отметить и бюрократизацию процесса: большое количество бумажных отчетов и сроков (информировать за 3 дня, за 5 дней, направить копии актов и т.д.) может привести к тому, что бумажная работа будет превалировать над реальной помощью.

Еще одним недостатком является отсутствие единого подхода к оценке рисков: в документе не закреплена единая шкала или методология оценки степени риска для ребенка. Решение о том, отбирать ребенка из семьи (от родителей)

[1] Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации»: 2011 г. № 48, ст. 6724.

ребенка или нет (п. 9.1.4), отдается на усмотрение (по субъективному мнению) конкретного специалиста («рассматривают вопрос допустимости»).

По данному Положению оценить реальную слаженность объективно сложно, и допустимо ее считать по выделенным индикаторам скорее как формальную, нежели функциональную.

Исходя из вышесказанного целесообразно выделить так называемые индикаторы разобщенности исследуемой системы:

1) множественность адресатов: субъекты обязаны информировать друг друга, что создает риск того, что информация «растворится», и может возникнуть ситуация непонимания того, кто именно должен предпринять следующий шаг;

2) наличие разных сроков (например, устное информирование — «незамедлительно», письменное - «в трехдневный срок». За эти три дня ситуация в семье может кардинально измениться, обостриться, могут причинены тяжкие последствия, но механизма коррекции действий в зависимости от изменения ситуации не предусмотрено;

3) отсутствие совместного планирования на раннем этапе: совместное посещение семьи организуется уже после того, как факт («случай») зафиксирован (п. 12), а не как первый этап слаженной коллективной (командной) работы.

При этом следует выделить положительные, сильные аспекты положений рассматриваемого Порядка, в котором можно выделить индикаторы слаженности:

1) четкое разделение первичных функций: понятно, кто вызывает полицию (п. 9.1.2), кто оказывает медицинскую помощь (п. 9.3.2), кто решает вопрос об изъятии - органы опеки и попечительства с привлечением полиции (п. 9.2.4);

2) наличие координирующего органа: КДНиЗП номинально выполняет роль координатора (п. 9.5), что создает хотя бы формальную площадку для обсуждения аспектов совместной деятельности;

3) участие в судах: пункт 9.2.9 предполагает участие представителей системы профилактики в судебном процессе, что указывает на попытку обеспечить сопровождение интересов ребенка на всех уровнях (сопровождение «случая»).

Подводя итоги анализа документа, следует выделить основные положения, отражающие свойства представленной в нем модели взаимодействия по установленному вопросу.

В документе заложена слаженность субъектов на уровне информационного обмена (обмена сигналами), но слаженность на уровне совместных действий по коррекции деятельности проработана в недостаточной степени. На присутствие в большей степени разобщенности, чем слаженности субъектов указывают следующие моменты:

1. Фрагментарность деятельности и взаимодействия: каждый субъект осуществляет свою деятельность по своей основной функциональной составляющей (ведет свой «кусок» работы). Полиция осуществляет пресекательные меры, профилактический учет (п. 9.2.8), медицинские учреждения — динамическое наблюдение (п. 9.3.7), учреждения образование свои функции. При этом данные процессы реализуются параллельно, но документ не предусматривает механизм их слияния в единую программу реабилитации.

2. Отсутствие «единого окна»: при совершении семейного насилия, сопряженного с жестоким обращением семья и ребенок вынуждены взаимодействовать с множеством разных служб. Документ не предполагает, что с семьей работает одна межведомственная команда, которая собирается для обсуждения перспективы дальнейших действий по обеспечению защиты прав граждан от семейного насилия.

3. План индивидуальной профилактической работы упоминается (п. 16), но его структура, ответственность за его исполнение и критерии оценки эффективности в данном документе не раскрыты (обозначено, что планирование проводится в рамках работы создаваемых территориальных Межведомственных социальных консилиумов. В пункте 13 рассматриваемого Перечня основных понятий (Приложение 4) раскрыто понятие «Межведомственная программа реабилитации семьи и несовершеннолетних», однако более не упоминается, в том числе в самом Порядке взаимодействия.

Таким образом, как результат проведенного анализа документа (Порядка) следует отметить следующие моменты.

Порядок более эффективен для выявления случаев и быстрого реагирования на острую угрозу (изъятие ребенка, госпитализация). Однако для долгосрочной работы по преодолению последствий жестокого обращения и нормализации обстановки в семье, данный документ создает лишь бюрократическую базу, но не гарантирует слаженной командной работы, оставляя поля для ведомственной разобщенности.

В целом, проведенный анализ позволяет констатировать наличие системного кризиса в организации межведомственного взаимодействия. Выявленные проблемы - «феномен перекладывания ответственности», «информационная асимметрия», отсутствие единого центра координации и рассогласованность ведомственных целей - требуют не косметических, а сущностных изменений административно-правового механизма. Как справедливо отмечалось ранее, доминирующей формой взаимодействия в российской правоприменительной практике остается обмен документами (информацией) постфактум. Это порождает разрыв между моментом пресечения правонарушения (функция полиции) и моментом оказания помощи (функция соцзащиты). В мировой практике эффективным инструментом признана технология «управления случаем» (case management), предполагающая наличие единого координатора (куратора случая), который сопровождает жертву и агрессора на всех этапах — от выявления инцидента до полной социальной реабилитации.

Административно-правовая модель, основанная на управлении «случаем семейного насилия», требует закрепления в ведомственных актах (регламентах) обязанности субъектов не просто фиксировать факт, но и передавать его для дальнейшего сопровождения. Представляется целесообразным введение института «уполномоченного по сопровождению» (омбудсмена по конкретному случаю) на базе центров социального обслуживания. Это потребует внесения изменений в Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах

социального обслуживания граждан в РФ», дополнив их положениями об индивидуальной программе сопровождения жертвы семейного насилия.

Ключевой проблемой, обозначенной как «информационная асимметрия», является фрагментарность данных. Разрозненные системы учета МВД (КУСП), Минздрава, Минтруда, других субъектов, а также Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации не позволяют видеть полную картину. Решение видится в создании единого федерального реестра лиц, в отношении которых вынесены официальные предостережения, либо в отношении которых поступили сообщения о семейно-бытовом насилии (по аналогии с административным надзором).

Несомненно, что в общем доступе на сайтах различных общественных организаций размещены более проработанные алгоритмы взаимодействия субъектов профилактики правонарушений, в которых предусмотрены многие, не нашедшие своего места в документах органов власти, положения, позволяющие выстроить совместную деятельность по сопровождения «случая семейного насилия».

В частности, речь идет о «Алгоритме действий специалистов органов и учреждений системы профилактики по выявлению фактов жестокого обращения с несовершеннолетним» (далее – Алгоритм), размешенным на сайте Ресурсного центра «Перемена» Сибирского центра деловой карьеры, маркетинга в образовании[1], а также под другим названием он размещен в системе Гарант[2].

Рекомендации адресуются широкому кругу руководителей и специалистов органов и учреждений здравоохранения, образования, органов опеки и попечительства, социальной защиты населения, органов внутренних дел, органов

---

[1] АНО «Сибирский центр деловой карьеры, маркетинга в образовании» (СЦДКМО). Ресурсный центр «Перемена». Алгоритм действий специалистов органов и учреждений системы профилактики по выявлению фактов жестокого обращения с несовершеннолетним // URL: http://www.scdk.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=392&Itemid=34 (дата обращения: 28.02.2026).

[2] Рекомендации о порядке действий специалистов органов и учреждений системы профилактики по выявлению фактов жестокого обращения с несовершеннолетними и оказания помощи несовершеннолетним, пострадавшим от жестокого обращения и насильственных действий // URL: https://base.garant.ru/408342307/ (дата обращения: 28.02.2026).

по делам молодежи, органов культуры, занятости населения, иным специалистам, работающим с семьей и несовершеннолетними.

Создание системы межведомственного взаимодействия органов и учреждений всех организационно-правовых форм, вовлеченных в сферу защиты детства по выявлению, учету и сопровождению детей и семей с высоким риском социального неблагополучия и/или случаями жестокого обращения (пункт 3 Алгоритма). В данных рекомендациях предлагаются последовательные и системные действия должностных лиц субъектов взаимодействия.

Так, согласно Алгоритму, специалисты территориальных органов Министерства труда и социального развития Омской области при обнаружении ими фактов жестокого обращения с ребенком при среднем и критических уровнях (средний – серьезные последствия для здоровья, жизни, нормального развития не наступают немедленно, вследствие такого обращения с детьми, но могут проявиться в будущем; критический – оставление ребенка в семье без неотложной помощи может привести к серьезным нарушениям физического или психического здоровья, смерти ребенка), помимо прочего, в отношении семьи и несовершеннолетнего разрабатывают индивидуальную программу реабилитации; осуществляют социальный патронаж семьи. В свою очередь, специалисты комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее - специалисты комиссий) одновременно направляют поручение (в письменной форме) в органы опеки и попечительства, в учреждение образования, социальной защиты населения о принятии мер по обследованию условий воспитания, обучения и содержания несовершеннолетних. Это демонстрирует более высокую степень согласованности, слаженности, продуктивности действий субъектов Алгоритма, что показывает, что «случай» жестокого обращения с ребенком (как вид семейного насилия) отслеживается с момента выявления и пресечения и до реабилитационных мероприятий.

При этом следует отметить, что в Алгоритме предлагаются показатели согласованности действий субъектов, к которым относятся:

1) количество ведомств, вовлеченных в индивидуально-профилактическую работу с несовершеннолетним и его семьей;

2) выполнение мероприятий, планируемых с семьей и несовершеннолетним, в рамках реабилитационной программы и решения комиссии;

3) эффективность индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетним и его семьей, критерием которой является позитивные изменения в семье, свидетельствующие о выходе семьи из социально опасного положения.

Содержание рекомендованного Алгоритма показывает, что в Российской Федерации имеются предпосылки выстроить логичную, согласованную, последовательную, целенаправленную систему взаимодействия субъектов механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, от других негативных явлений. Однако ни на федеральном, ни на региональном уровне такие системы практически не смоделированы и не функционируют.

Рассмотрев отдельные примеры деятельности координационных органов, складывается вывод о том, что необходимо пересмотреть и переоценить вновь административно-правовой статус координационных органов в субъектах Российской Федерации на предмет их предметной и функциональной компетенции.

Выводы по параграфу

Таким образом, следует, что административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия страдает от функциональной разобщенности субъектов, при которой ключевые показатели эффективности (KPI) ведомств (полиции, соцзащиты, здравоохранения) не синхронизированы и ориентированы на внутриведомственные, а не на общие конечные результаты (обеспечение безопасности жертвы и коррекция поведения агрессора). Это порождает «феномен перекладывания ответственности» и исключает возможность комплексного ведения случая, что подтверждается анализом ведомственных статистик и судебной практики прекращения дел по ст. 6.1.1 КоАП РФ в связи с пассивностью потерпевшего.

Определение и применение критериев эффективности межведомственного взаимодействия субъектов действующего механизма для развития концепции административно-правового обеспечения прав граждан от семейного насилия являются необходимыми и значимыми.

Необходимо сменить парадигму административно-правового регулирования взаимодействия - фрагментарную, реактивную модель, основанную преимущественно на постфактумном обмене информацией, на системно-интегративную, проактивную модель, базирующуюся на принципах координации, непрерывности и технологии «управления случаем» (case management). Отсутствие единого координационного центра с императивными полномочиями и разрыв между этапами пресечения правонарушения (функция МВД) и социальной реабилитации (функция Минтруда) являются ключевыми факторами, снижающими эффективность защиты прав жертв семейного насилия.

Категория «информационная асимметрия» в контексте публичного управления в сфере противодействия семейному насилию характеризует состояние разобщенности ведомственных систем учета (МВД России, Минздрав России, Минтруд России, Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации), при котором формируются «регистрационные вакуумы» и становится невозможным проследить полный цикл работы над конкретным случаем насилия. Обоснована необходимость создания единого федерального реестра случаев семейно-бытового насилия с дифференцированным доступом (оперативный, социальный, статистический уровни) для преодоления данной асимметрии при соблюдении баланса с правом на неприкосновенность частной жизни.

Системным институциональным дефектом региональных моделей противодействия семейному насилию является создание координационных органов при отраслевых ведомствах (органах социальной защиты) без наделения их реальными властными полномочиями. Анализ Положения о Координационном совете по вопросам равноправия мужчин и женщин и профилактики насилия в Санкт-Петербурге показал, что подобные структуры, выполняя экспертно-консультативные функции, de facto не способны обеспечить согласованные

действия всех субъектов системы профилактики (полиции, здравоохранения, образования, социальных служб) в силу:

а) подчиненности одному ведомству; б) отсутствия права принятия обязательных для исполнения решений; в) невозможности оперативного вмешательства в конкретные случаи (отсутствия механизма «ведения случая»).

В целях устранения институционального вакуума и обеспечения эффективного межведомственного взаимодействия при противодействии семейному насилию предлагается законодательно или подзаконно (на уровне высшего исполнительного органа субъекта РФ) закрепить обязательное наличие единого координационного органа, отвечающего следующим критериям:

- организационно-правовая форма: постоянно действующий координационный орган при высшем исполнительном органе государственной власти субъекта Российской Федерации (Правительстве), что обеспечит распространение его решений на все органы исполнительной власти региона;

- уровень руководства – возглавляется должностным лицом, обладающим властью над всеми субъектами профилактики – заместителем высшего должностного лица субъекта РФ (вице-губернатором);

- юридическая сила решений – решения органа должны носить общеобязательный характер для всех территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (по согласованию), исполнительных органов государственной власти субъекта и органов местного самоуправления в пределах их компетенции, касающейся вопросов профилактики;

- предметная компетенция: в положении об органе должна быть прямо закреплена задача координации деятельности субъектов профилактики именно в сфере предупреждения семейного насилия и реабилитации, а не в рамках общей профилактики;

- интеграция экспертного сообщества: при созданном (реорганизованном) органе должен функционировать экспертно-консультативный совет (созданный из представителей научного сообщества и некоммерческих организаций),

обеспечивающий научную обоснованность принимаемых решений и обратную связь от институтов гражданского общества.

Также необходимо введение межведомственных показателей эффективности (KPI), таких как:

- отсутствие повторных инцидентов в семье в течение года после вмешательства;

- количество семей, переведенных из категории «социально опасное положение» в категорию «благополучные» по итогам совместной работы;

- доля жертв, получивших полный комплекс услуг (медицинских, психологических, социальных) в соответствии с индивидуальной программой.

Такие показатели должны быть закреплены в государственных программах («Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [1], «Социальная поддержка граждан»[2]) и в ведомственных приказах о порядке оценки деятельности территориальных органов МВД России[3].

Сформулировано авторское определение понятия «взаимодействие субъектов административно-правового механизма противодействия семейному насилию», под которым предлагается понимать урегулированную административно-правовыми нормами совместную деятельность организационно самостоятельных органов исполнительной власти и иных уполномоченных организаций, основанную на принципах координации, непрерывности и интеграции, осуществляемую посредством применения согласованных процедур выявления, пресечения, учета, обмена информацией и социального сопровождения, направленную на обеспечение безопасности жертвы и минимизацию криминогенных факторов в семье. Данная дефиниция, в отличие от

---

[1] Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности: постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 года № 345 // Собрание законодательства Российской Федерации, №18 (ч. IV), 05.05.2014, ст. 2188.

[2] Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан»: постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. № 296 // Собрание законодательства Российской Федерации №: 53 от 15 апреля 2014 года

[3] Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040 // официально опубликован не был.

существующих (ориентированных на правоохранительный аспект), акцентирует приоритет защиты прав потерпевшего лица и необходимость непрерывного административного сопровождения случаев семейного насилия.

§ 3. Модель совершенствования административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия

В результате исследования представляется следующая модель административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия.

3.1. Теоретико-правовые основы формирования комплексной модели защиты

3.1.1. Понятие и структура административно-правового механизма противодействия семейному насилию

Формирование эффективной системы защиты прав граждан от семейного насилия требует разработки целостной теоретической модели, которая, с одной стороны, учитывала бы специфику семейно-бытовых отношений, а с другой - органично вписывалась бы в существующую систему публичного управления. Как справедливо отмечает К.В. Быков, «взаимодействие органов публичной власти в правоохранительной сфере должно строиться на принципах равноправия субъектов, их самостоятельности и одновременно скоординированности действий для достижения общего результата»[1].

Анализ научной литературы позволяет выделить два основных подхода к пониманию административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан. Первый подход (узкий) рассматривает его как совокупность

[1] Быков К.В. О взаимодействии органов полиции районного уровня с иными субъектами в рамках реализации правоохранительной функции // Право и государство: теория и практика. - 2024. - № 10(238). - С. 191.

административно-правовых средств воздействия на общественные отношения с целью их охраны. Второй подход (широкий) включает в него также субъектов реализации этих средств, их компетенцию и процедуры деятельности[1].

Применительно к сфере противодействия семейному насилию, полагается обоснованным использовать широкий подход, поскольку специфика данного явления требует согласованных действий множества субъектов. Как верно указывает И.В. Поликарпова, «правоприменитель (полиция) тяготеет к наиболее репрессивным, простым в отчетности формам (беседа, предостережение), игнорируя сложные, но необходимые меры социальной адаптации»[2].

Следовательно, механизм должен включать не только властные инструменты, но и стимулы к межведомственной координации.

На основе обобщения доктринальных подходов и анализа правоприменительной практики можно предложить следующее определение:

Административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия - это система взаимосвязанных правовых средств, организационных структур и процедур, реализуемых уполномоченными субъектами (органами исполнительной власти, местного самоуправления, государственными учреждениями и институтами гражданского общества) на основе принципов законности, приоритета безопасности личности, межведомственной координации и индивидуального подхода, направленная на предупреждение и пресечение семейного насилия, защиту потерпевших и реабилитацию лиц.

Структурно данный механизм включает следующие элементы:

Нормативный блок - совокупность правовых норм, определяющих понятие семейного насилия, права и обязанности субъектов, меры защиты и ответственности.

---

[1] Подробнее см.: Грищенко А.И. Взаимодействие между аппаратами уголовного розыска и оперативными аппаратами исправительно-трудовых учреждений в предупреждении рецидива преступлений... С. 5.

[2] Поликарпова И.В., Зайцева О.В. Правоприменительная деятельность субъектов профилактики правонарушений // Вопросы безопасности. - 2022. - № 3.- С. 2.

Институциональный блок - система органов публичной власти и иных организаций, наделенных компетенцией в сфере противодействия семейному насилию.

Функциональный блок - административные процедуры и регламенты взаимодействия, включая порядок выявления случаев насилия, обмена информацией, применения защитных мер и осуществления реабилитации.

Ресурсный блок - кадровое, финансовое, информационное и иное обеспечение деятельности субъектов.

3.1.2. Принципы построения эффективной модели защиты

Формирование предлагаемой модели базируется на системе принципов, которые вытекают как из конституционных положений, так и из особенностей семейного насилия как объекта публично-правового воздействия. выделим принципы:

1) принцип приоритета безопасности личности. Данный принцип означает, что при разрешении конфликта между правом на семейную тайну, неприкосновенность частной жизни и необходимостью защиты жизни и здоровья приоритет отдается последней. При разрешении вопросов, связанных с семейным насилием, защита жизни, здоровья и достоинства личности имеет преимущественное значение перед соображениями сохранения совместного проживания;

2) принцип позитивной социализации и ресоциализации. Государство признает, что сохранение семьи возможно только при условии безопасности всех ее членов. Меры защиты должны быть направлены на устранение насилия, а не на разрушение семейных связей, за исключением случаев, когда дальнейшее совместное проживание создает неустранимую угрозу;

3) принцип недопустимости злоупотребления правом. Механизмы защиты должны исключать возможность их использования для необоснованного ограничения прав других лиц, в том числе в ходе бракоразводных процессов или споров о детях;

4) принцип пропорциональности и соразмерности. Применяемые меры принуждения должны соответствовать степени угрозы и не превышать необходимого для защиты потерпевшего. Данный принцип особенно важен при использовании таких экстренных мер, как выселение агрессора из совместного жилья или вынесение защитного предписания;

5) принцип комплексности и межведомственного взаимодействия. Семейное насилие не может быть преодолено усилиями только одного ведомства. Как показал анализ, проведенный в предыдущих параграфах, именно разобщенность субъектов (полиции, соцзащиты, здравоохранения, образования) является главным институциональным дефектом. Следовательно, эффективная модель требует создания механизмов скоординированных действий[1];

6) принцип дифференцированного подхода. Учет личности агрессора, характера и тяжести деяния, обстоятельств совершения при выборе мер воздействия. В проекте федерального закона предлагается распределение агрессоров по категориям риска (умеренный, средний, значительный, высокий, чрезвычайно высокий) с соответствующей периодичностью профилактических проверок.

3.1.3. Сравнительно-правовой анализ зарубежных моделей

При разработке концептуальной модели для России необходимо учитывать опыт зарубежных стран, особенно государств, имеющих схожие правовые системы и успешно реализующих законодательство о противодействии семейному насилию.

Опыт Республики Казахстан. Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 г. № 214-IV «О профилактике бытового насилия» предусматривает создание единого реестра лиц, совершивших правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений (ст. 7-2)[2]. Как отмечает О.В. Шмарина, «такая система позволяет не только накапливать данные, но и автоматически ставить на учет агрессоров, а

[1] См. параграфы 4.1 и 4.2 настоящей главы.

[2] Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 г. № 214-IV «О профилактике бытового насилия». Ст. 7-2.

также информировать жертв о их правах» [1] . Кроме того, казахстанское законодательство содержит институт защитного предписания, выносимого органами внутренних дел на срок до 30 суток.

Опыт Республики Беларусь. Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» предусматривает возможность вынесения защитного предписания, а также создания кризисных комнат для временного отселения жертв насилия. Особенностью белорусской модели является активное участие общественных объединений в реализации профилактических программ[2].

Для российской модели могут быть заимствованы следующие элементы:

- институт защитного предписания (полицейского и судебного охранного ордера);

- создание единой информационной системы учета случаев насилия;

- разграничение категорий риска агрессоров;

- обязательные коррекционные программы для агрессоров;

- специализированные кризисные центры для жертв (в РФ функционируют).

При этом необходима адаптация данных институтов к российской правовой системе с учетом особенностей федеративного устройства, сложившейся практики деятельности правоохранительных органов и социальных служб.

3.2. Институциональная структура и компетенция субъектов профилактики

3.2.1. Система субъектов и их функциональное назначение

Предлагаемая модель исходит из необходимости четкого разграничения компетенции между различными субъектами при одновременном обеспечении их согласованного взаимодействия. К субъектам, осуществляющим деятельность в сфере социально-правовой защиты от семейного насилия, относятся:

---

[1] Шмарина О.В. Административно-правовое регулирование профилактики бытового насилия в странах СНГ: сравнительно-правовой анализ // Административное право и процесс - 2022. - № 1. - С. 68.

[2] Шмарина О.В. Указ. соч. - С. 69.

- федеральные органы государственной власти (МВД России, Минтруд России, Минздрав России, Минпросвещения России, Генеральная прокуратура РФ, Следственный комитет РФ);

- органы государственной власти субъектов Российской Федерации (уполномоченные органы в сферах социальной защиты, здравоохранения, образования, молодежной политики);

- органы местного самоуправления (в пределах переданных полномочий);

- государственные и муниципальные учреждения (центры социальной помощи, кризисные центры, медицинские организации, образовательные организации);

- негосударственные некоммерческие организации — в части оказания социальной, психологической, юридической и иной помощи (без наделения государственно-властными полномочиями);

- Уполномоченный по правам человека в РФ и уполномоченные по правам ребенка.

Координацию деятельности субъектов на федеральном уровне осуществляет Правительство Российской Федерации, на региональном — высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ.

3.2.2. Компетенция органов внутренних дел (полиции)

Органы внутренних дел играют основную роль в системе противодействия семейному насилию, поскольку именно они обладают полномочиями по применению мер государственного принуждения и имеют наиболее оперативный доступ к информации о правонарушениях.

Целесообразно в законопроект включить положения о том, что органы внутренних дел (полиция) в пределах своей компетенции:

- принимают и регистрируют заявления о семейном насилии в порядке, установленном Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», с учетом особенностей, предусмотренных законом;

- проводят проверку по таким заявлениям;

- выносят защитные предписания;

- ведут учет лиц, склонных к совершению семейно-бытового насилия, с распределением по категориям риска;

- осуществляют индивидуальную профилактическую работу с агрессорами, состоящими на учете;

- взаимодействуют с социальными службами, направляют к ним агрессоров для прохождения коррекционных программ;

- информируют потерпевших о доступных мерах поддержки.

Важным нововведением является обязанность полиции не только фиксировать правонарушения, но и направлять информацию о вынесенных защитных предписаниях в органы социальной защиты и здравоохранения в течение 24 часов. Это позволяет преодолеть «информационную асимметрию», выявленную в предыдущих параграфах.

3.2.3. Полномочия органов социальной защиты населения

Органы социальной защиты населения и подведомственные им учреждения выполняют функции по оказанию помощи потерпевшим и организации коррекционной работы с агрессорами.

Представляется обоснованным включить в проект федерального закона следующие полномочия этих органов:

- оказание социально-психологической, социально-правовой помощи потерпевшим;

- предоставление временного убежища в кризисных центрах;

- организация проведения коррекционных программ для агрессоров;

- участие в межведомственных комиссиях по оценке риска и планированию индивидуальной профилактической работы;

- содействие в получении медицинской и психологической помощи.

В проекте приказа Минтруда России следует детализировать порядок взаимодействия с органами внутренних дел при получении информации о вынесенных защитных предписаниях. При поступлении такой информации орган социальной защиты обязан:

- внести сведения о семье и правонарушителе в журнал учета;

- в течение 3 рабочих дней связаться с потерпевшим для предложения социальной помощи;

- при наличии несовершеннолетних направить информацию в органы опеки и попечительства;

- организовать при необходимости проведение социального патронажа семьи.

3.2.4. Участие органов здравоохранения и образования

Органы здравоохранения и медицинские организации являются важным звеном в раннем выявлении случаев семейного насилия. Следует предусмотреть в проекте приказа Минздрава России положения о том, что медицинские работники обязаны:

- незамедлительно информировать полицию (по телефону, иными средствами обмена информацией) о каждом случае обращения пациента с травмами, характерными для насильственных действий, либо при подозрении на такое насилие;

- фиксировать телесные повреждения в медицинской документации;

- оказывать пострадавшим необходимую медицинскую помощь, включая психологическую поддержку.

Предлагается внести изменение в пункт 5 части 4 статьи 13 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», дополнив его подпунктом «г» о допущении информирования органов внутренних дел о выявлении несовершеннолетнего с суицидальным поведением. Это позволит своевременно выявлять детей, находящихся в кризисной ситуации, и принимать меры по их защите.

Образовательные организации также участвуют в системе профилактики. Необходимо в проекте приказа Минпросвещения России предусмотреть обязанность работников образовательных организаций при выявлении признаков насилия в отношении обучающихся незамедлительно информировать полицию и

органы опеки и попечительства, а также оказывать педагогическую и психологическую поддержку детям из семей, где имело место насилие.

3.2.5. Координирующая роль комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав

Анализ правового статуса КДНиЗП, проведенный в предыдущем параграфе, показал их несостоятельность в роли главного координатора из-за отсутствия реальных властных полномочий[1]. Для преодоления этого недостатка предлагается наделить КДНиЗП следующими полномочиями:

- давать обязательные для исполнения предписания органам соцзащиты, здравоохранения и образования в части исполнения индивидуальных программ реабилитации семьи;

- привлекать к административной ответственности должностных лиц за неисполнение решений КДНиЗП в части сопровождения жертв насилия;

- координировать разработку и реализацию межведомственных программ реабилитации.

Для этого необходимо внести соответствующие изменения в статью 11 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», дополнив ее нормами, предоставляющими КДН указанные полномочия.

3.3. Основные административно-правовые средства защиты

3.3.1. Защитное предписание как новый институт российского права

Основным элементом предлагаемой модели является институт защитного предписания, который отсутствует в действующем российском законодательстве, но успешно применяется в ряде зарубежных стран. Защитное предписание представляет собой индивидуальный акт, выносимый должностным лицом органа внутренних дел или судом, устанавливающий для агрессора запреты и обязанности, направленные на обеспечение безопасности потерпевшего.

---

[1] Мишота В.А. Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав как субъекты системы профилактики // Вестник РГГУ. - 2015. - № 1(144). - С. 95.

Актуальность введения обозначенного административно-правового средства подтверждается данными социологического опроса. Так, на вопрос: «Следует ли установить… возможность обращения граждан за установлением в отношении семейного агрессора мер в виде охранного ордера?», более 57% опрошенных ответили «да» (приложение № 3, вопрос 11). Также на вопрос: «следует ли полиции предоставить право объявить защитное предписание?», положительно ответили более 78% (приложение № 3, вопрос 4). Данные результаты анкетирования подтверждают социальную востребованность реализации данных предложений.

В проекте федерального закона необходимо предусмотреть два вида актов реагирования:

- полицейское защитное предписание - выносится должностным лицом органа внутренних дел при наличии достаточных данных, указывающих на совершение семейного насилия либо наличии реальной угрозы его совершения. Срок действия - до 30 суток, может быть продлен до 60 суток по результатам рассмотрения заявлению потерпевшего. Предписание может содержать запреты: совершать насильственные действия; вступать в контакты с потерпевшим; предпринимать попытки выяснять место пребывания потерпевшего;

- судебный приказ (охранный ордер) выносится судом на срок до одного года и может устанавливать более широкий круг ограничений, включая обязанность покинуть место совместного жительства, пройти психологическую коррекционную программу, передать потерпевшему личные вещи и документы.

Основанием для применения экстренных мер должно служить не доказанное в суде правонарушение, а оценка непосредственной угрозы жизни, здоровью или безопасности потерпевшего, проведенная сотрудником полиции. При этом необходимо ввести балансирующие механизмы: ответственность за заведомо ложный сообщение об акте семейного насилия, четкие критерии «непосредственной угрозы», возможность ускоренного судебного пересмотра предписаний.

3.3.2. Порядок вынесения и исполнения полицейского защитного предписания

Вынесение защитного предписания осуществляется в следующем порядке:

- предписание выносится с согласия потерпевшего или его законных представителей (если потерпевший является несовершеннолетним или недееспособным);

- согласие оформляется в письменной форме и приобщается к материалам проверки;

- предписание должно содержать: дату и место вынесения; сведения о должностном лице; сведения о правонарушителе и потерпевшем; описание обстоятельств; установленные запреты; срок действия; разъяснение прав и правовых последствий неисполнения;

- предписание составляется в двух экземплярах: один вручается правонарушителю, второй приобщается к материалам проверки.

Важной гарантией прав является возможность обжалования предписания в вышестоящий орган или суд. При этом жалоба не приостанавливает действие предписания, если иное не установлено судом.

Необходимо предусмотреть административную ответственность за неисполнение защитного предписания. Предлагается ввести в КоАП РФ новую статью «Нарушение защитного предписания», устанавливающую наказание в виде административного штрафа или административного ареста. Повторное неисполнение может служить основанием для обращения в суд за судебным охранным ордеров с более строгими мерами.

3.3.3. Отселение агрессора из совместного жилья: правовой механизм и гарантии

Наиболее сложным и чувствительным вопросом является временное отселение агрессора из совместного жилья. Целесообразно предусмотреть возможность отселения агрессора из мест совместного проживания с жертвой при

отсутствии другого жилья. В Проект федерального закона следует установить *следующие правила*:

Отселение допускается только по решению суда в рамках судебного защитного предписания и является крайней мерой, применяемой, если иные меры не обеспечивают безопасность потерпевшего.

При рассмотрении вопроса об отселении суд обязан оценить: наличие реальной угрозы жизни и здоровью; соразмерность меры характеру и степени насилия; возможность для агрессора временно проживать в ином жилом помещении.

В случае если у агрессора отсутствует иное жилье и нет возможности его арендовать, суд может постановить о его добровольном отселении (необходимость судебного санкционирования для помещения в месте социального обслуживания) в Центр временного проживания (ЦВП) - специализированное структурное подразделение Центра социальной адаптации и реабилитации.

Необходимо предусмотреть в проекте закона условия проживания агрессора в ЦВП следующего содержания:

- лицу предоставляется отдельное жилое помещение (комната), питание и необходимые бытовые условия;

- трудовая деятельность является обязательным элементом пребывания (как терапевтическая и социализирующая обязанность);

- за труд выплачивается заработная плата в соответствии с ТК РФ; часть заработка может удерживаться в счет алиментов или возмещения вреда;

- коррекционная программа носит добровольно-поощрительный характер, но отказ от ее прохождения может быть учтен судом при продлении срока отселения.

Важно подчеркнуть, что проживание в ЦВП не является уголовным или административным наказанием, а представляет собой меру защиты прав и безопасности потерпевших, применяемую судом в рамках гражданского или административного судопроизводства.

3.3.4. Кризисные центры и временное убежище для пострадавших

В проекте федерального закона следует предусмотреть создание в субъектах Российской Федерации кризисных центров (отделений) для временного проживания лиц, пострадавших от семейного насилия. Такие центры могут быть государственными, муниципальными или созданными негосударственными организациями.

Помещение в кризисный центр осуществляется по заявлению потерпевшего либо по направлению органа внутренних дел, социальной защиты. Срок пребывания - до устранения угрозы, но не более 6 месяцев (с возможностью продления). В центрах обеспечивается безопасность, психологическая и юридическая помощь, содействие в решении жизненных проблем.

Анализ опыта Санкт-Петербурга показывает, что существующая сеть кризисных отделений недостаточна: в семи районах открыты стационарные отделения всего на 66 койко-мест, при этом количество обращений на телефон доверия по вопросам домашнего насилия увеличилось в 2020 году на 34,3% по сравнению с предыдущим годом [1]. Это свидетельствует о необходимости расширения инфраструктуры помощи и ее финансирования.

3.3.5. Коррекционные программы для агрессоров

Важным элементом модели являются коррекционные программы для лиц, совершивших семейное насилие. Целесообразно в проекте федерального закона предусмотреть, что суд может обязать агрессора пройти психологическую коррекционную программу, направленную на изменение насильственного поведения.

Программа проводится за счет средств агрессора или, при его малоимущности, за счет бюджетных средств с последующим возмещением. Уклонение от прохождения программы без уважительных причин является нарушением судебного предписания и влечет ответственность.

---

[1] Отчет о выполнении в 2019 году «Плана мероприятий на 2019–2022 по реализации в Санкт-Петербурге Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы» // URL: https://cedipt.gov.spb.ru/media/uploads/userfiles/2021/02/03/Отчет_о_ходе_исполнения_ПМ_2019_.pdf. (дата обращения: 11.03.2026).

Типовые программы и порядок их проведения должны разрабатываться МВД России и Минздравом России. В проекте приказа Минтруда России предусмотреть порядок направления лиц, совершивших семейное насилие, для прохождения психологических коррекционных программ.

3.4. Информационное обеспечение и межведомственное взаимодействие

3.4.1. Создание единого реестра случаев семейного насилия

Ключевой проблемой, выявленной в ходе исследования, является «информационная асимметрия» - разобщенность ведомственных систем учета, не позволяющая сформировать полную картину о фактах насилия и обеспечить непрерывность сопровождения жертвы[1].

Для преодоления этой проблемы предлагается создание единого федерального реестра лиц, в отношении которых вынесены официальные предостережения либо поступили сообщения о семейно-бытовом насилии (по аналогии с административным надзором). При этом необходимо разграничить уровни доступа:

- оперативный уровень (для полиции и экстренных служб) — данные о фактах насилия, адресах, «группах риска»;

- социальный уровень (для органов соцзащиты, КДН, образования) — данные о необходимости оказания помощи, реабилитации, работы с семьей;

- статистический уровень (обезличенные данные) — для мониторинга и выработки государственной политики.

Правовой основой может стать акт Правительства РФ, утверждающий положение о государственной информационной системе мониторинга семейно-бытового насилия. Примером служит опыт Республики Казахстан, где с 2020 года действует единый реестр лиц, совершивших правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений[2].

3.4.2. Учет категорий риска агрессоров

---

[1] См. параграф 4.2 диссертации.

[2] Закон Республики Казахстан «О профилактике бытового насилия». Ст. 7-2.

Целесообразно ввести в предлагаемую модель дифференцированный подход к профилактической работе на основе категоризации риска. Предлагаются следующие категории:

- умеренный риск — лица, два и более раз в год инициирующие конфликты, но не привлекавшиеся к ответственности;

- средний риск — лица, привлекающиеся к административной ответственности за побои, мелкое хулиганство, семейно-бытовое дебоширство;

- значительный риск — лица, в отношении которых выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по статьям 112, 115, 119 УК РФ, либо имеющие судимость по статье 116.1 УК РФ;

- высокий риск — лица, осужденные за истязание (ст. 117 УК РФ) или за преступления против личности при отягчающих обстоятельствах;

- чрезвычайно высокий риск — лица, отбывшие наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности в отношении членов семьи.

Периодичность проверок зависит от категории риска: от ежемесячной (для высокого и чрезвычайно высокого риска) до одного раза в полгода (для умеренного риска). Проект приказа МВД России целесообразно детализировать порядок ведения реестра и осуществления проверок.

3.4.3. Регламентация межведомственного взаимодействия

Целесообразно в разрабатываемом проекте совместного (межведомственного) приказа МВД, Минздрава, Минтруда и Минпросвещения России утвердить Порядок межведомственного взаимодействия при выявлении, предупреждении и пресечении семейного насилия, организации помощи пострадавшим и коррекционной работы с правонарушителями.

Документ должен устанавливать:

- формы взаимодействия: обмен информацией, совместное планирование, направление на коррекционные программы, взаимные консультации, создание межведомственных комиссий;

- обязанности сторон (органов внутренних дел, здравоохранения, социальной защиты, образования);

- сроки обмена информацией: незамедлительно (по телефону, но не позднее 3 часов) с письменным подтверждением в течение 24 часов; о вынесенном защитном предписании — в течение 24 часов; запросы и ответы — не более 3 рабочих дней;

- порядок обмена информацией с использованием систем межведомственного электронного документооборота;

- последовательные действия при обнаружении признаков семейного насилия (жестокого обращения с детьми);

- уровни жестокого обращения (минимальный, средний, критический) и соответствующие меры реагирования;

- порядок разработки индивидуальной программы реабилитации;

- показатели согласованности действий субъектов (количество ведомств, вовлеченных в работу; выполнение мероприятий; позитивные изменения в семье).

Особенно ценным является положение о том, что специалисты территориальных органов Минтруда при среднем и критическом уровнях жестокого обращения разрабатывают индивидуальную программу реабилитации и осуществляют социальный патронаж семьи[1]. Это демонстрирует более высокую степень согласованности и слаженности действий, чем в региональных нормативных актах.

Данный алгоритм может служить основой для разработки типового регламента межведомственного взаимодействия, который должен быть утвержден на федеральном уровне и стать обязательным для всех субъектов профилактики.

Особое значение имеет положение о том, что врачебная тайна не является препятствием для сообщения в полицию о факте обращения пациента с травмами, характерными для насильственных действий, если существует угроза жизни или здоровью пациента. Это соответствует предлагаемым изменениям в статью 13

---

[1] Алгоритм действий специалистов органов и учреждений системы профилактики по выявлению фактов жестокого обращения с несовершеннолетним / АНО СЦДКМО. URL: http://www.scdk.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=392&Itemid=34 (дата обращения: 11.03.2026).

Федерального закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

3.5. Процедурно-процессуальные аспекты реализации модели

3.5.1. Порядок приема и проверки заявлений о семейном насилии

Целесообразно в проекте федерального закона и в проекте приказа МВД России установить специальный порядок приема и проверки заявлений о семейном насилии со следующими положениями:

Заявления о семейном насилии принимаются круглосуточно дежурными частями территориальных органов МВД России. Заявление подлежит обязательной регистрации в КУСП в день поступления, заявителю выдается талон-уведомление.

Проверка проводится в срок не более 24 часов с момента регистрации. В ходе проверки опрашиваются заявитель, предполагаемый правонарушитель, несовершеннолетние (с участием педагога или психолога), иные лица (соседи, родственники), при необходимости запрашиваются сведения из медицинских организаций.

В случае невозможности завершить проверку в 24-часовой срок (необходимость дополнительного опроса, ожидание результатов медицинского освидетельствования) руководитель органа внутренних дел вправе продлить срок проверки до 3 суток, а в исключительных случаях (проведение экспертиз) — до 10 суток.

По результатам проверки принимается одно из решений: о вынесении защитного предписания; об отказе в вынесении защитного предписания; о возбуждении дела об административном правонарушении или уголовного дела. Копия решения вручается заявителю и правонарушителю в течение 24 часов.

Важной новацией является обязанность органов внутренних дел осуществлять обособленную регистрацию и учет случаев правонарушений, сопряженных с применением актов семейного насилия, а также учет суицидальных попыток и суицидов по причине семейного насилия (в отдельной

Книге учета актов семейного насилия) с внесением соответствующих дополнений и изменений в законодательство о врачебной тайне.

3.5.2. Индивидуальная профилактическая работа и программа реабилитации

Индивидуальная профилактическая работа с лицами, состоящими на учете в связи с семейным насилием, осуществляется участковыми уполномоченными полиции во взаимодействии с сотрудниками ПДН, уголовного розыска и иных служб.

Целесообразно в проекте приказа МВД России определить основные формы профилактической работы:

- профилактические беседы;

- наблюдение за поведением лица, его кругом общения;

- проверка по месту жительства;

- направление информации в органы социальной защиты для организации коррекционных программ;

- вынесение официального предостережения;

- содействие в привлечении к участию в программах медиации и психологической коррекции.

При выявлении фактов нарушения защитного предписания либо совершения новых актов насилия незамедлительно должны приниматься меры в соответствии с законодательством.

Особое значение имеет разработка индивидуальной программы реабилитации для пострадавшего и его семьи. В методических рекомендациях Омской области указывается, что такая программа разрабатывается в течение двух рабочих дней с момента подтверждения факта жестокого обращения и включает мероприятия по работе с семьей[1].

[1] Алгоритм действий специалистов органов и учреждений системы профилактики по выявлению фактов жестокого обращения с несовершеннолетним / АНО СЦДКМО // URL: http://www.scdk.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=392&Itemid=34. (дата обращения: 12.03.2026).

В проекте федерального закона необходимо предусмотреть понятие «индивидуальная профилактическая работа», определяемую как «деятельность уполномоченных субъектов по своевременному выявлению лиц, склонных к совершению семейного насилия, и оказанию на них корректирующего воздействия, а также по защите лиц, находящихся в социально опасном положении».

3.5.3. Ответственность за нарушение законодательства о противодействии семейному насилию. *В Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях предлагается:*

- введение новой статьи 6.1.2 КоАП РФ «Угроза применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, совершение иных форм психического насилия»;

- дополнение статьи 6.1.1 КоАП РФ частью второй, устанавливающей квалифицированный состав побоев (те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего или в присутствии несовершеннолетнего), что позволит усилить защиту детей, являющихся непосредственными или косвенными жертвами насилия;

- введение новой статьи 19.5.5 КоАП РФ «Нарушение защитного предписания», устанавливающей административную ответственность в виде административного штрафа или административного ареста за неисполнение или ненадлежащее исполнение требований защитного предписания;

- закрепление в статье 19.13 КоАП РФ части 2, устанавливающую ответственность за заведомо ложное сообщение о совершении административного правонарушения, в том числе сообщение о совершении акта семейного (бытового) насилия, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, и части 3 за действия, предусмотренные частью 2 настоящей статьи, совершенные с целью искусственного создания доказательств обвинения либо воспрепятствования законной деятельности должностного лица органа, уполномоченного на рассмотрение сообщения о правонарушении, изменив

название статьи 19.13 «Заведомо ложный вызов специализированных служб или заведомо ложное сообщение о совершении правонарушения».

- введения статья 19.5.5. «Неисполнение решения межведомственного органа, обеспечивающего координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, исполнительных органов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию семейному насилию и реализацию государственной политики в области противодействия семейному насилию»;

- закрепление в статье 27.15 КоАП РФ возможности привода потерпевшего (при наличии оснований полагать, что на него оказывается давление) в целях обеспечения его безопасности и объективного расследования;

- закрепление порядка вынесения, действия и обжалования административного (полицейского) защитного предписания, а также введение ответственности за его нарушение.

3.6. Ресурсное обеспечение и критерии эффективности модели

3.6.1. Финансовое обеспечение мероприятий

Целесообразно определить, что финансирование расходов на реализацию закона будет осуществляется за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов, а также иных источников. Расходные обязательства по созданию и содержанию кризисных центров, проведению коррекционных программ, предоставлению бесплатной юридической помощи будет определяться в соответствии с бюджетным законодательством.

Для успешной реализации модели необходимо предусмотреть в федеральном бюджете и бюджетах субъектов РФ целевые статьи расходов на:

- создание и содержание кризисных центров и центров временного проживания для агрессоров;

- обучение специалистов (полицейских, социальных работников, медиков, педагогов) методам выявления и реагирования на семейное насилие;

- разработку и проведение коррекционных программ;

- создание и поддержание единой информационной системы учета случаев насилия;

- информационно-просветительские кампании.

3.6.2. Показатели эффективности деятельности субъектов

Ключевым условием перехода от эпизодического взаимодействия к системному является изменение ведомственных критериев оценки эффективности. Как показал анализ, существующие показатели (раскрываемость для полиции, количество обслуженных граждан для соцзащиты) не стимулируют межведомственную координацию и достижение общего результата — безопасности жертвы[1].

Предлагается ввести следующие межведомственные показатели эффективности (KPI):

- отсутствие повторных инцидентов в семье в течение года после вмешательства;

- количество семей, переведенных из категории «социально опасное положение» в категорию «благополучные» по итогам совместной работы;

- доля жертв, получивших полный комплекс услуг (медицинских, психологических, социальных) в соответствии с индивидуальной программой.

Такие показатели должны быть закреплены в государственных программах («Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности», «Социальная поддержка граждан») и в ведомственных приказах о порядке оценки деятельности территориальных органов[2].

3.6.3. Кадровое обеспечение и подготовка специалистов

Эффективность модели напрямую зависит от профессиональной подготовки специалистов, работающих с жертвами и агрессорами. Необходимо включить в программы профессиональной подготовки сотрудников полиции, социальных работников, медиков, педагогов специальные модули по:

---

[1] Кулеш Е.А., Сериченко Л.Е. К вопросу об эффективности деятельности ОВД ... С. 108; Лукашов Н.В., Ониани М.Г. Оценка эффективности … С. 240.

[2] Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 31 декабря 2013 г. № 1040.

- выявлению признаков семейного насилия;

- методам оценки риска;

- психологии жертвы и агрессора;

- тактике опроса пострадавших (в том числе детей);

- правовым основам применения защитных мер;

- межведомственному взаимодействию.

Целесообразно в проектах ведомственных приказов предусмотреть организацию обучения специалистов. Например, в проекте приказа Минпросвещения России рекомендовать организовывать обучение педагогических работников методам выявления признаков насилия и действиям при их обнаружении.

3.7. Концептуальные направления совершенствования законодательства

3.7.1. Принятие федерального закона и внесение изменений (дополнений) в другие законы

Центральным элементом предлагаемой модели является принятие проекта федерального закона «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию». Анализ показывает, что без обозначенного закона невозможно создать единую правовую основу для деятельности всех субъектов и применения таких ключевых инструментов, как защитное предписание и отселение агрессора.

В представленный проект закона следует включить все необходимые компоненты:

- понятийный аппарат;

- принципы деятельности;

- права и обязанности граждан;

- систему субъектов и их полномочия;

- меры социально-правовой защиты;

- порядок применения защитных предписаний;

- ответственность и контроль;

- финансовое обеспечение.

Принятие закона должно сопровождаться внесением изменений в смежные законодательные акты:

1) в Кодекс административного судопроизводства РФ

– дополнение новой главой, регламентирующей порядок административного судопроизводства по делам о выдаче судебного защитного предписания (охранного ордера);

2) в Федеральный закон «О полиции»:

- дополнение статьи 12 (обязанности полиции) положением, обязывающим сотрудников полиции при выявлении фактов семейного насилия незамедлительно информировать органы социальной защиты населения и опеки для организации социального сопровождения семьи;

- закрепление в статье 13 (права полиции) полномочия по вынесению защитного предписания в порядке, установленном федеральным законом о социально-правовой защите;

- введение в статью 17 (содействие полиции) нормы о взаимодействии с кризисными центрами и иными организациями, оказывающими помощь жертвам насилия;

3) в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»:

- дополнение статьи 13 (соблюдение врачебной тайны) положением, допускающим передачу информации о фактах обращения пациентов с травмами, характерными для насильственных действий, в органы внутренних дел и органы опеки без согласия пациента в целях защиты его жизни и здоровья, что позволит преодолеть существующий правовой барьер и повысить выявляемость латентных случаев насилия;

4) в Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»:

- дополнение перечня оснований для признания граждан нуждающимися в социальном обслуживании (статья 15) таким основанием, как «факт семейного насилия или угроза его совершения»;

- закрепление за кризисными центрами статуса специализированных организаций, оказывающих помощь жертвам семейного насилия, и определение стандартов такой помощи;

5) в Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»:

- наделение комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав полномочием давать обязательные для исполнения предписания органам социальной защиты, здравоохранения и образования в рамках реализации индивидуальных программ реабилитации семьи;

6) в Семейный кодекс Российской Федерации:

- уточнение статьи 65, конкретизирующее, что способы воспитания, сопряженные с физическим или психическим насилием, являются основанием для ограничения или лишения родительских прав, а также могут служить основанием для выдачи защитного предписания.

3.7.2. Внесение изменений в ведомственные нормативные акты

Целесообразно разработать проекты совместного межведомственного приказа и ведомственных приказов, создающие необходимую подзаконную базу для реализации закона. Необходимо разработать проекты:

Межведомственного приказа (МВД России, Минтруда России, Минздрава России, Минпросвещения России, Генеральной прокуратуры РФ), которым будет утвержден Порядок межведомственного взаимодействия по выявлению, предупреждению и пресечению семейного насилия, организации помощи пострадавшим и реабилитации лиц, его совершивших. Данный порядок должен установить:

- формы и сроки обмена информацией между ведомствами (в том числе с использованием единой информационной системы);

- алгоритмы совместных действий при поступлении сообщения о факте насилия;

- порядок разработки и реализации индивидуальной программы реабилитации семьи («ведения случая»);

- критерии оценки эффективности межведомственного взаимодействия (отсутствие повторных инцидентов, улучшение социального статуса семьи);

- приказа МВД России, утверждающего порядок действий сотрудников полиции при выявлении фактов семейного насилия, вынесении защитного предписания, ведению учета лиц, в отношении которых вынесены предписания, и взаимодействию с социальными службами;

- приказа Минтруда России, устанавливающего порядок организации деятельности кризисных центров, стандарты оказания социально-психологической помощи жертвам насилия и порядок реализации коррекционных программ для лиц, совершивших насилие;

- приказа Минздрава России, регламентирующего порядок информирования медицинскими организациями органов внутренних дел о фактах обращения пациентов с травмами насильственного характера, а также порядок оказания медицинской и психологической помощи пострадавшим;

- приказа Минпросвещения России, определяющего порядок действий работников образовательных организаций при выявлении признаков насилия в отношении обучающихся и их взаимодействия с органами системы профилактики.

3.7.3. Совершенствование регионального законодательства

Учитывая федеративное устройство России и разграничение полномочий между федеральным центром и субъектами РФ, важную роль играет региональное законодательство. На уровне каждого субъекта РФ предлагается принять закон (или постановление высшего должностного лица) «О межведомственном взаимодействии по профилактике семейно-бытового насилия», которым утверждается Регламент взаимодействия.

В целях устранения институционального вакуума и обеспечения эффективного межведомственного взаимодействия при противодействии семейному насилию предлагается законодательно или подзаконно (на уровне высшего исполнительного органа субъекта РФ) закрепить обязательное наличие единого координационного органа, отвечающего следующим критериям:

- организационно-правовая форма: постоянно действующий координационный орган при высшем исполнительном органе государственной власти субъекта Российской Федерации (Правительстве), что обеспечит распространение его решений на все органы исполнительной власти региона;

- уровень руководства – возглавляется должностным лицом, обладающим властью над всеми субъектами профилактики – заместителем высшего должностного лица субъекта РФ (вице-губернатором);

- юридическая сила решений - решения органа должны носить общеобязательный характер для всех территориальных органов федеральных органов исполнительной власти (по согласованию), исполнительных органов государственной власти субъекта и органов местного самоуправления в пределах их компетенции, касающейся вопросов профилактики;

- предметная компетенция: в положении об органе должна быть прямо закреплена задача координации деятельности субъектов профилактики именно в сфере предупреждения семейного насилия и реабилитации, а не в рамках общей профилактики;

- интеграция экспертного сообщества: при созданном (реорганизованном) органе должен функционировать экспертно-консультативный совет (созданный из представителей научного сообщества и некоммерческих организаций), обеспечивающий научную обоснованность принимаемых решений и обратную связь от институтов гражданского общества.

Также опыт Кемеровской области – Кузбасса показывает эффективность детальной регламентации маршрутизации несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства, с определением порядка действий каждого субъекта при выявлении ребенка, находящегося в опасности. Такой подход целесообразно распространить на все регионы.

3.8. Заключительные положения: перспективы реализации модели

Предложенная концептуальная модель административно-правового обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия представляет собой целостную систему, охватывающую все ключевые элементы: нормативный,

институциональный, функциональный и ресурсный. Она базируется на принципах приоритета безопасности личности, сохранения семьи, межведомственной координации, дифференцированного подхода и соразмерности применяемых мер.

Основными элементами модели являются:

- институт защитного предписания (полицейского и судебного) как оперативная мера реагирования на непосредственную угрозу.

- система учета и категоризации риска агрессоров, позволяющая дифференцировать профилактическую работу.

- единая информационная система учета случаев семейного насилия с разграниченным доступом, преодолевающая «информационную асимметрию».

- четкая регламентация межведомственного взаимодействия на основе совместного приказа, устанавливающего обязанности, сроки и формы обмена информацией.

- специализированные учреждения - кризисные центры для жертв и центры временного проживания для отселяемых агрессоров.

- коррекционные программы для агрессоров как мера предупреждения рецидивов.

- новые критерии эффективности, ориентированные на результат (безопасность и стабильность семьи).

Реализация модели требует поэтапного подхода. На первом этапе необходимо принятие федерального закона и внесение изменений в смежные акты. На втором этапе - разработка и утверждение ведомственных и межведомственных нормативных актов, создание единой информационной системы, обучение специалистов. На третьем этапе - развертывание (расширение) сети кризисных центров и центров временного проживания, мониторинг правоприменения и корректировка модели с учетом накопленного опыта.

Для России наиболее реалистичным на данном этапе представляется не прямая рецепция проактивной модели, а поэтапная конвергенция. При этом важно обеспечить баланс между защитой прав жертв и гарантиями от необоснованного вмешательства в частную жизнь, что достигается через систему сдержек и

противовесов: ответственность за заведомо ложный сообщение об акте семейного насилия, четкие критерии угрозы, судебный контроль, возможность обжалования.

Предложенная модель, будучи реализованной в комплексе, позволит трансформировать эпизодическое взаимодействие субъектов в системный административно-правовой механизм, адекватный общественной опасности семейно-бытового насилия, и обеспечить реальную защиту прав граждан - жертв такого насилия.

Выводы по параграфу

Предложенная концептуальная модель административно-правового механизма защиты прав граждан от семейного насилия представляет собой целостную, научно обоснованную парадигму реформирования государственного управления в данной социально чувствительной сфере. Модель обладает свойствами системности, завершенности и практической реализуемости, что позволяет рассматривать ее в качестве фундамента для долгосрочной государственной политики.

1. Сформирована межотраслевая теоретическая конструкция, интегрирующая публично-правовые и частноправовые начала. Определение административно-правового механизма (как единства правовых средств, организационных структур и процедур) обогащает теорию административного права, легитимируя участие в механизме не только властных субъектов (полиция), но и социальных служб, учреждений здравоохранения, образования и институтов гражданского общества. Модель убедительно доказывает, что семейное насилие не может быть преодолено исключительно репрессивными методами; оно требует управленческого подхода, основанного на координации, обмене информацией и разделении ответственности. Тем самым фактически предложена новая концепция «управления социальным риском» в административном праве, где объектом воздействия становится не только правонарушитель, но и вся кризисная ситуация в семье.

2. Развитие законодательства: создание иерархичной и непротиворечивой правовой основы. Представленная модель предлагает четкую вертикаль нормативного регулирования, устраняющую существующий правовой вакуум:

- стратегический уровень (федеральный закон): принятие базового закона создает легитимную основу для применения специальных мер (защитное предписание, охранный ордер, отселение) и вводит единый понятийный аппарат, обязательный для всех ведомств. Это позволяет квалифицировать семейное насилие не как частную ссору, а как объект публично-правовой защиты;

- отраслевой уровень (федеральные кодексы и законы): предлагаемые точечные изменения в КоАП РФ (новый состав правонарушения), УК РФ, законы об образовании, здравоохранении и профилактике обеспечивают юридическую непротиворечивость новой модели и встраивают ее в действующую правовую систему, исключая коллизии норм (например, между врачебной тайной и обязанностью сообщать о насилии);

- подзаконный и ведомственный уровни (приказы, регламенты): именно здесь происходит применение закона. Проекты приказов МВД России, Минтруда России, Минздрава России и совместный межведомственный приказ, предлагаемые автором, наполняют абстрактные нормы конкретными процедурами.

3. Трансформация организационной структуры - гармонизация вертикальных и горизонтальных связей: модель предлагает решение главной институциональной проблемы - межведомственной разобщенности через форматирование как вертикальных, так и горизонтальных управленческих связей.

Вертикальная интеграция: конкретно определены уровни принятия решений и ответственности. Федеральный центр задает стандарты (типовые программы, порядок учета), регионы адаптируют их под свою инфраструктуру (создание кризисных центров, ЦВП), а муниципалитеты и учреждения реализуют на местах. Функция координации реализуется на каждом уровне закреплена за конкретным органом (Правительство РФ - на федеральном уровне, заместитель губернатора - на региональном).

Горизонтальная координация: создаются механизмы непрерывного взаимодействия на местах. Основным инструментом выступает информационная инфраструктура (единый реестр с разграниченным доступом), которая разрушает ведомственные изолированные информационные системы. Полиция, соцзащита и органы образования получают возможность видеть полную картину происходящего в семье, что позволяет перейти от эпизодических акций к системному сопровождению.

4. Формирование единого целеполагания и институционализация «ведения случая семейного насилия». Одним из наиболее ценных аспектов модели является введение общего для всех субъектов критерия эффективности - безопасность потерпевшего и отсутствие рецидивов. Это преодолевает ведомственный эгоизм, когда для полиции главным было «отчитаться беседой», а для соцзащиты — «оказать услугу».

В качестве «уполномоченного корректора» (института, ведущего случай) предлагается определить уполномоченный исполнительный орган, который наделяется определенными функциями по социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся насилию в семье, в субъектах Российской Федерации, наделив их реальными властными полномочиями, включая право давать обязательные для исполнения предписания другим органам. Инструментом реализации такого ведения случая становится индивидуальная программа реабилитации семьи, которая разрабатывается межведомственной командой и за исполнение которой отвечает конкретный координатор (например, специалист или социальный работник). Это превращает разрозненные действия разных ведомств в единый технологический процесс работы с кризисом.

5. Комплексность, сбалансированность и завершенность модели: модель охватывает полный жизненный цикл административного производства по защите от насилия:

- превенция: выявление скрытых фактов через обучение специалистов различных ведомств, учет лиц «группы риска»;

- реагирование: оперативное полицейское защитное предписание как немедленная реакция на угрозу;

- защита: судебное предписание (охранный ордер), временное отселение агрессора (с гарантиями его прав), помещение жертвы в кризисный центр;

- реабилитация и ресоциализация: коррекционные программы для агрессора, социально-психологическая помощь жертве, социальный патронаж семьи;

- контроль: мониторинг через единый реестр, обновление категорий риска, ответственность за неисполнение предписаний.

Важно подчеркнуть сбалансированность модели: она не является сугубо наказательной. Наряду с усилением полицейских полномочий (защитное предписание) модель вводит мощный блок социальной поддержки (кризисные центры, коррекционные программы) и процессуальные гарантии для всех сторон (право обжалования, ответственность за ложное сообщение об акте семейного насилия, запрет на использование механизмов в бракоразводных процессах). Это обеспечивает соответствие модели принципам правового государства и уважения к частной жизни.

Таким образом, представленная концептуальная модель является законченным, научно обоснованным и практически ориентированным проектом реформирования административно-правового механизма защиты прав граждан от семейного насилия. Она не только предлагает конкретные законодательные новеллы (институт защитного предписания, единый реестр), но и, что гораздо важнее, создает управленческую архитектуру, способную обеспечить их эффективную реализацию. Модель переводит проблему из плоскости «реагирования на правонарушение» в плоскость «управления социальной безопасностью», где государство выступает не карателем, а гарантом безопасности и субъектом восстановления социального благополучия. Внедрение данной модели способно сформировать в России качественно новую, человекоцентричную и эффективную систему публичного управления в сфере

защиты семьи и детства, адекватную современным вызовам и общественным ожиданиям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное диссертационное исследование, посвященное разработке теоретических основ административно-правового обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия, а также формированию концептуальной модели совершенствования соответствующего правового механизма, позволило достичь поставленной цели и решить сформулированные задачи. Полученные научные результаты и выводы в своей совокупности образуют целостную, научно обоснованную концепцию, имеющую значение для развития науки административного права и совершенствования правоприменительной практики.

1. Итоги решения теоретических задач и основные научные результаты

В результате решения поставленных в диссертации теоретических задач получены следующие основные научные результаты, обладающие новизной и значимые для развития доктрины административного права:

1.1. Разработана авторская концепция семейного насилия как комплексного объекта публично-правового воздействия. В диссертации обоснован междисциплинарный подход к пониманию сущности семейного насилия. Выявлены его сущностные свойства: биопсихологическая детерминированность, цикличность и поступательная эскалация, тесная связь с семейным конфликтом, амбивалентность. Данные свойства в своей совокупности сформировали теоретический фундамент для разработки административно-правовой характеристики наказуемого насилия в семейно-бытовой сфере. Впервые дана развернутая характеристика такого насилия, включающая как физические (побои), так и психические (угрозы, унижения, преследование) формы, а также выделены его особенные признаки, проявляющиеся в рамках конкретных составов административных правонарушений: связь с семейно-бытовым конфликтом, совершение в месте совместного проживания, высокая степень латентности, сочетание физического и психического насилия, возможность квалификации по признаку совершения в присутствии несовершеннолетних.

Сформулировано авторское определение семейного насилия как противоправного и наказуемого явления, учитывающее его сложную, многоаспектную природу и особенности субъектного состава.

1.2. Обоснована структура и раскрыто содержание административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия. Аргументировано, что данный механизм представляет собой динамичную правоохранительную систему, отличную от общего механизма административно-правового регулирования. Предложена и детально проанализирована структура механизма, включающая: а) нормативный блок (совокупность правовых норм); б) институциональный блок (систему субъектов); в) инструментальный блок (административно-правовые средства); г) процедурно-процессуальные формы реализации; д) ресурсное обеспечение; е) систему гарантий законности и контроля; ж) критерии оценки эффективности. Такой системный подход позволил не только представить целостное видение механизма, но и впервые выявить институциональные дефекты и функциональную разобщенность его элементов.

1.3. Предложена и обоснована авторская классификация субъектов административно-правового механизма. В диссертации впервые в административно-правовой науке показано, что понятие «субъект административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия» является более широким по сравнению с законодательно закрепленным понятием «субъект профилактики правонарушений». Разработана классификация субъектов по наиболее релевантному критерию — по функциональным этапам (стадиям) противодействия семейному насилию. Данный подход позволил выделить шесть групп: 1) субъекты первичного реагирования и экстренной помощи; 2) субъекты индивидуальной профилактики и административного надзора; 3) субъекты административной юрисдикции; 4) субъекты восстановительных процедур, оказания социально-правовой защиты и реабилитации; 5) субъекты государственного и общественного контроля за законностью; 6) субъекты экспертно-аналитической и научной деятельности. Включение последней группы в систему субъектов является научной новацией,

обосновывающей роль экспертного сообщества и науки в обеспечении эффективности механизма. Доказана необходимость расширения субъектного состава и усиления роли специализированных социальных служб, кризисных центров и институтов гражданского общества при сохранении за полицией ключевых правоохранительных функций.

1.4. Сформулировано понятие и дана развернутая характеристика административно-правовых средств защиты, выявлена закономерность их циклического применения. В диссертации обосновано, что административно-правовые средства обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия представляют собой взятое в единстве системное образование, включающее правовые установления (материальные нормы) и формы правореализационной практики (процедуры и процессуальные действия). Впервые выявлена и описана объективная закономерность цикличности применения материальных и процессуальных средств при устойчивой направленности лица на совершение насилия. Данная закономерность выражается в последовательной смене процессуальных циклов: административная ответственность по статье 6.1.1 КоАП РФ → уголовная ответственность по статье 116.1 УК РФ (при повторном деянии) → уголовная ответственность по части 2 статьи 116.1 УК РФ (при наличии судимости за насильственное преступление) → административный надзор (по отбытии наказания). Установлено, что данная закономерность имеет общетеоретическое значение и проявляется также в иных правовых механизмах противодействия правонарушениям.

1.5. Проведен сравнительно-правовой анализ и выделены модели зарубежного правового регулирования. На основе анализа законодательства стран дальнего (США, Австрия, Норвегия, Китай) и ближнего (Узбекистан, Казахстан, Беларусь) зарубежья выделены четыре модели: либерально-грантовая (США), основанная на финансовом стимулировании негосударственных поставщиков социальных услуг; проактивно-полицейская (Австрия), характеризующаяся доминированием административно-правовых превентивных мер; интегративная детоцентричная модель (скандинавские страны), где ядром системы выступают

мультидисциплинарные центры; патерналистско-воспитательная модель (КНР), в которой ключевую роль играют внеюрисдикционные меры воздействия. В странах СНГ выявлено формирование смешанной модели, сочетающей элементы публичного (выявительного) начала в возбуждении дел с развитием институтов социально-правовой защиты (кризисные центры, охранные ордера). Обоснована невозможность прямого заимствования зарубежных моделей без учета особенностей российской правовой системы и традиционных ценностей, но доказана целесообразность селективной рецепцию отдельных доказавших свою эффективность институтов (защитные предписания, единый реестр, межведомственные протоколы).

2. Итоги диагностики системных дефектов действующего механизма

В результате анализа правоприменительной практики и действующего законодательства выявлены и обоснованы следующие системные дефекты, препятствующие эффективной защите прав граждан от семейного насилия:

2.1. Концептуальная несбалансированность целеполагания. Доказано, что действующий административно-правовой механизм страдает от фундаментального порока своей архитектуры - отсутствия законодательно закрепленной иерархии между тремя равнозначными, но разнонаправленными векторами: публичным интересом (охрана правопорядка, неотвратимость наказания), принципом автономии семьи (невмешательство в частную жизнь) и правом личности на безопасность. Данный дисбаланс, обусловленный фрагментарным и непоследовательным формированием системы, порождает внутреннюю конфликтность целей и перекладывает их разрешение на усмотрение правоприменителя, что приводит к колоссальной вариативности практики - от полного бездействия до избыточного репрессивного вмешательства.

2.2. «Парадокс парадигмы» и дефектность гибридной модели реагирования. Установлено, что российская модель, будучи формально основанной на публичном начале административной ответственности, фактически функционирует как реактивная, сочетая пассивность правоохранительных органов (обусловленную социокультурной установкой на невмешательство) с

отсутствием легальных механизмов примирения. Данный гибридный характер порождает правовую неопределенность, произвольное усмотрение и высокую латентность насилия. Выявлен разрыв между императивным предписанием закона о проведении административного расследования по делам о побоях и фактическим правоприменением, при котором возбуждение дела ставится в зависимость от субъективного усмотрения должностного лица.

2.3. Функциональная разобщенность субъектов и «феномен переложения ответственности». Доказано, что исследуемый административно-правовой механизм страдает от несогласованности ключевых показателей эффективности (KPI) ведомств (полиции, соцзащиты, здравоохранения), которые ориентированы на внутриведомственные, а не на общие конечные результаты (обеспечение безопасности жертвы, коррекция поведения агрессора). Это порождает ситуацию, при которой каждый субъект решает свою узкую задачу в ущерб общей цели, а информация о семье, находящейся в социально опасном положении, не передается между ведомствами, что приводит к трагическим последствиям.

2.4. «Информационная асимметрия» как фундаментальная проблема межведомственного взаимодействия. Введенная в научный оборот категория «информационная асимметрия» характеризует состояние разобщенности ведомственных систем учета (МВД России, Минздрав России, Минтруд России, Судебный департамент при Верховном Суде РФ), при котором формируются «регистрационные вакуумы» и становится невозможным проследить полный цикл работы над конкретным случаем семейного насилия. Отсутствие единого информационного поля и механизма «ведения случая семейного насилия» (case management) является ключевым фактором, снижающим эффективность защиты прав жертв.

2.5. Институциональная недостаточность координационных органов. На примере анализа правового статуса Координационного совета по вопросам равноправия мужчин и женщин и профилактики насилия в Санкт-Петербурге и иных координационных структур доказано, что создание координационных органов при отраслевых ведомствах без наделения их реальными властными

полномочиями и правом принятия обязательных решений не позволяет обеспечить согласованные действия всех субъектов системы профилактики. Выявлен «дефект координационной модели», при котором орган, обладающий экспертизой, лишен властных полномочий, а орган, обладающий властью, лишен предметного фокуса.

3. Итоги разработки концептуальной модели совершенствования механизма.

На основе выявленных дефектов и с учетом позитивного зарубежного опыта разработана целостная, научно обоснованная концептуальная модель совершенствования административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия. Модель обладает свойствами системности, сбалансированности и практической реализуемости и включает следующие элементы:

3.1. Обоснована необходимость принятия Федерального закона «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию», который должен стать базовым системообразующим актом, определяющим государственную политику в исследуемой сфере, понятийный аппарат, систему субъектов, принципы и меры защиты. Разработаны предложения по введению институтов:

- административного (полицейского) защитного предписания, выносимого во внесудебном порядке на срок до 30 суток в целях немедленного пресечения насилия;

- судебного защитного предписания (охранного ордера), выдаваемого судом в порядке, установленном Кодексом административного судопроизводства РФ, на срок до одного года, с возможностью установления более широкого круга ограничений, включая обязанность покинуть место совместного жительства;

- механизма временного отселения агрессора в специализированный центр временного проживания при отсутствии иного жилья.

3.2. Совершенствование отраслевого законодательства. Внесены конкретные предложения по изменению:

КоАП РФ: дополнение статьей 6.1.2 «Угроза применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, совершение иных форм психического насилия»; введение квалифицированного состава побоев (ч. 2 ст. 6.1.1), совершенных в отношении несовершеннолетнего или в его присутствии; введение ответственности за нарушение защитного предписания (ст. 19.5.5); новая редакция статьи 19.13, устанавливающая ответственность за заведомо ложное сообщение о совершении акта семейного насилия, с дифференциацией санкций в зависимости от целей такого сообщения;

КАС РФ: дополнение новой главой, регламентирующей порядок административного судопроизводства по делам о выдаче судебного защитного предписания (охранного ордера);

ФЗ «О полиции»: закрепление полномочия по вынесению защитного предписания и обязанности информировать органы соцзащиты о выявленных фактах насилия;

ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан»: дополнение статьи 13 положением, допускающим передачу информации о фактах обращения пациентов с травмами, характерными для насильственных действий, в органы внутренних дел без согласия пациента в целях защиты его жизни и здоровья;

ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан»: дополнение перечня оснований для признания граждан нуждающимися в социальном обслуживании таким основанием, как «факт семейного насилия или угроза его совершения»; закрепление за кризисными центрами статуса специализированных организаций;

ФЗ № 120-ФЗ: наделение комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав полномочием давать обязательные для исполнения предписания всем субъектам профилактики в рамках реализации индивидуальных программ реабилитации семьи;

Семейного кодекса РФ: уточнение статьи 65, конкретизирующее, что способы воспитания, сопряженные с насилием, являются основанием для выдачи защитного предписания, а также для ограничения или лишения родительских прав.

3.3. Институциональные преобразования. Предложена архитектура межведомственного взаимодействия на основе принципов координации, непрерывности и технологии «управления случаем» (case management) семейного насилия. Обоснована необходимость создания на уровне субъектов РФ единых координационных органов при высших исполнительных органах государственной власти, возглавляемых заместителем высшего должностного лица и наделенных правом принятия обязательных для всех субъектов профилактики решений в сфере предупреждения семейного насилия и реабилитации.

3.4. Информационное обеспечение. Обоснована необходимость создания единого федерального реестра случаев семейно-бытового насилия с дифференцированным уровнем доступа (оперативный, социальный, статистический), что позволит преодолеть «информационную асимметрию» и обеспечить непрерывность сопровождения жертвы. Предложено введение системы категорирования риска агрессоров (умеренный, средний, значительный, высокий, чрезвычайно высокий) для дифференциации профилактической работы.

3.5. Инструментарий и критерии эффективности. Разработана система мер, включающая обязательные коррекционные программы для агрессоров, развитие сети кризисных центров и центров временного проживания. Предложены новые межведомственные показатели эффективности (KPI), ориентированные на конечный результат: отсутствие повторных инцидентов в семье в течение года после вмешательства; количество семей, переведенных из категории «социально опасное положение» в категорию «благополучные»; доля жертв, получивших полный комплекс услуг в соответствии с индивидуальной программой.

4. Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что она вносит существенный вклад в развитие науки административного права. Автором разработана целостная научная концепция административно-правового механизма защиты прав граждан от семейного насилия. Предложенные теоретические конструкции (понятие и структура механизма, классификация субъектов, категория «информационная асимметрия», концепция цикличности применения правовых средств, модель «управления случаем семейного насилия») обогащают

понятийный аппарат административного права и могут служить основой для дальнейших научных исследований в сфере публичного управления, охраны общественного порядка и защиты прав граждан. Выводы диссертации углубляют научные представления о пределах вмешательства государства в частную жизнь, балансе публичных и частных интересов, о природе административного принуждения в семейно-бытовой сфере, а также о системных дефектах и парадоксах в организации публичного управления. Обоснование необходимости перехода от реактивной модели к проактивной, основанной на технологии «ведения случая семейного насилия», развивает теорию административного процесса и учение об административных процедурах.

5. Практическая значимость работы определяется ее направленностью на решение актуальных проблем правотворчества и правоприменения. Разработанные в диссертации положения могут быть использованы:

5.1. В законотворческой деятельности при подготовке проекта федерального закона «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию» и внесении изменений в КоАП РФ, УК РФ, КАС РФ, законы «О полиции», «Об основах охраны здоровья граждан», «Об основах социального обслуживания граждан», «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Семейный кодекс РФ и иные нормативные правовые акты.

5.2. В деятельности федеральных органов исполнительной власти (МВД России, Минтруда России, Минздрава России, Минпросвещения России) при разработке ведомственных и межведомственных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок выявления случаев семейного насилия, межведомственного взаимодействия, оказания помощи пострадавшим и организации коррекционной работы с правонарушителями. Предложенные модели межведомственного взаимодействия и критерии оценки эффективности могут быть внедрены в практику оценки деятельности территориальных органов.

5.3. В практической деятельности территориальных органов МВД России, комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, органов социальной

защиты населения, кризисных центров, медицинских и образовательных организаций для повышения эффективности их работы по профилактике семейного насилия, защите прав пострадавших и обеспечению межведомственного взаимодействия.

5.4. В учебном процессе образовательных организаций высшего образования юридического профиля при преподавании курсов «Административное право», «Административный процесс», «Основы управления в органах внутренних дел», «Административная деятельность полиции», «Деятельность участкового уполномоченного полиции», а также специальных курсов по проблемам профилактики правонарушений и защиты прав граждан.

6. Перспективы дальнейшей разработки темы

Проведенное исследование не исчерпывает всей полноты проблем административно-правового обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия и открывает новые направления для научного поиска. Дальнейшей разработки требуют вопросы, связанные с:

- разработкой административно-правовой типологией личности семейного агрессора и дифференциацией профилактических мер в зависимости от категории риска;

- правовым статусом и механизмами функционирования негосударственных организаций, оказывающих помощь жертвам, а также механизмами государственно-частного партнерства в данной сфере;

- зарубежным опытом применения коррекционных программ для агрессоров и возможностями его адаптации в российских условиях с учетом социокультурных особенностей;

- совершенствованием административно-процессуальных форм применения защитных предписаний и обеспечением баланса интересов участников производства;

- разработкой методик оценки эффективности деятельности субъектов профилактики, основанных на межведомственных показателях;

- исследование обеспечения законности деятельности субъектов механизма обеспечения прав граждан от семейного насилия;

- мониторингом эффективности предложенной концептуальной модели в случае ее частичной или полной реализации и ее корректировкой с учетом накопленного правоприменительного опыта.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АНО – автономная некоммерческая организация;

БКА – Федеральное управление уголовной полиции Германии (Bundeskriminalamt);

ВЦИОМ – Всероссийский центр изучения общественного мнения;

ГИАЦ МВД России – Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации;

Госсовет – Государственный Совет Российской Федерации;

ГУООП МВД России - Главное управление по обеспечению охраны общественного порядка и координации взаимодействия с органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации Министерства внутренних дел Российской Федерации;

ЕСПЧ – Европейский Суд по правам человека;

КНДиЗП – Комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав;

КНР – Китайская Народная Республика;

КоАП РФ – Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях;

КРКоАП – Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях;

КУСП – Книга учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях;

Минздрав России – Министерство здравоохранения Российской Федерации;

Минпросвещения России – Министерство просвещения Российской Федерации;

Минтруд России - Министерство просвещения Российской Федерации;

НКО – некоммерческая организация;

ОВД – органы внутренних дел Российской Федерации;

ПДН – подразделение по делам несовершеннолетних;

Росгвардия – Федеральная служба войск национальной гвардии;

СНГ – Содружество Независимых Государств;

СПГ – Закон Австрии о полиции общественной безопасности (Sicherheitspolizeigesetz);

США – Соединенные Штаты Америки;

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации;

УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации;

ФРГ – Федеративная Республика Германия;

ЦВП – Центр временного проживания;

ЦСАР – Центр социальной адаптации и реабилитации;

ЦСПСиД – Центр социальной помощи семье и детям;

KPI – Key Performance Indicators (ключевые показатели эффективности);

VAWA – Violence Against Women Act (Закон о насилии в отношении женщин, США).

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Административно-правовой механизм обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия - основанная на нормах конституционного и административного права динамическая система, в которой уполномоченные и иные субъекты осуществляют процедурные, процессуальные и иные действия, направленные на противодействие фактам семейного насилия, привлечение виновных лиц к административной ответственности, защиту прав потерпевших, реализацию правовых и социальных гарантий.

Административно-правовые средства обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия - взятое в единстве системное образование, включающее правовые установления (материальные нормы, запреты, дозволения, стимулы, санкции) и формы правореализационной практики (административные процедуры, процессуальные действия, акты применения права), реализуемые специализированными субъектами административно-правового механизма в целях противодействия семейному насилию, восстановления нарушенных прав потерпевших и достижения удовлетворительного состояния защищенности граждан.

Административно-процессуальные средства - формализованные в административно-процессуальных нормах, актах применения административного права и административно-процессуальных действиях способы и приемы воздействия, применяемые уполномоченными субъектами в целях решения административно-процессуальных задач, направленных на реализацию прав граждан, общества и государства и приводящие к юридически значимым последствиям.

Агрессор (правонарушитель) - лицо, достигшее возраста, с которого наступает юридическая ответственность, совершившее акт семейного насилия либо действия, создающие непосредственную угрозу его совершения.

Амбивалентность - свойство семейного насилия, заключающееся в том, что насильственные действия могут быть обусловлены как внешними негативными факторами (материальные проблемы, алкоголизация), так и

внутренними установками агрессора, при этом их восприятие и оценка различаются у виновного, потерпевшего и общества.

Биопсихологическая детерминированность - свойство семейного насилия, выражающееся в том, что предрасположенность к агрессивному поведению коренится как в видовых особенностях человека, так и в его индивидуально-психологических чертах, включая потребность в возбуждении, деструктивные влечения и сформированные модели «жестокого» мышления.

Взаимодействие субъектов административно-правового механизма противодействия семейному насилию - урегулированная административно-правовыми нормами совместная деятельность организационно самостоятельных органов исполнительной власти и иных уполномоченных организаций, основанная на принципах координации, непрерывности и интеграции, осуществляемая посредством применения согласованных процедур выявления, пресечения, учета, обмена информацией и социального сопровождения, направленная на обеспечение безопасности жертвы и минимизацию криминогенных факторов в семье.

Защитное предписание (полицейское) - Индивидуальный акт, выносимый должностным лицом органа внутренних дел при наличии достаточных данных, указывающих на совершение семейного насилия либо наличие реальной угрозы его совершения, на срок до 30 суток (с возможностью продления до 60 суток), содержащий запреты на совершение насильственных действий, вступление в контакты с потерпевшим и выяснение его места пребывания.

«Информационная асимметрия» - состояние разобщенности ведомственных систем учета (МВД России, Минздрав России, Минтруд России, Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации), при котором формируются «регистрационные вакуумы» и становится невозможным проследить полный цикл работы над конкретным случаем насилия.

Индивидуальная профилактическая работа - деятельность уполномоченных субъектов по своевременному выявлению лиц, склонных к

совершению семейного насилия, и оказанию на них корректирующего воздействия, а также по защите лиц, находящихся в социально опасном положении.

Интегративный подход к юридической фиксации семейного насилия - подход, предполагающий наличие специального закона, содержащего легальное определение семейного насилия, перечисление его форм и установление комплексного механизма защиты (административные, гражданско-правовые, уголовные меры).

Казуистический подход к юридической фиксации семейного насилия - подход, при котором отдельные составы правонарушений, связанных с семейным насилием, распределены по уголовному и административному законодательству, а специальные меры защиты регулируются отдельными законами.

Кризисный центр - специализированное учреждение (отделение) для временного проживания лиц, пострадавших от семейного насилия, обеспечивающее безопасность, психологическую и юридическую помощь, содействие в решении жизненных проблем.

Латентность - свойство семейного насилия, характеризующееся высокой степенью скрытости от официального учета и контроля, обусловленной нежеланием жертв предавать огласке внутрисемейные конфликты, страхом перед агрессором и недоверием к правоохранительным органам.

Либерально-грантовая модель - модель правового регулирования противодействия семейному насилию (США), основанная на финансовом стимулировании негосударственных поставщиков социальных услуг и децентрализованной системе реагирования.

Межведомственное взаимодействие - совместная деятельность органов исполнительной власти и иных уполномоченных организаций, основанная на принципах координации, непрерывности и интеграции, осуществляемая посредством применения согласованных процедур выявления, пресечения, учета, обмена информацией и социального сопровождения.

Наказуемое административно противоправное насилие в сфере семейно-бытовых отношений - нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, в том числе причинивших физическую боль, но не повлекших уголовно-наказуемых последствий, а также акты психологического насилия (угрозы причинения насилия, не опасного для жизни или здоровья, нарушение спокойствия граждан в семье, унижение человеческого достоинства, создание конфликтной ситуации, умышленное повреждение имущества члена семьи), которые выражены, как правило, на фоне семейно-бытового конфликта и причиняют ущерб нравственности, оказывают деморализующее и психотравмирующее воздействие на членов семьи и лиц, совместно проживающих и ведущих с агрессором общее хозяйство.

Патерналистско-воспитательная модель - модель правового регулирования противодействия семейному насилию (КНР), в которой ключевую роль играют внеюрисдикционные меры воздействия, реализуемые общественными институтами при сохранении традиционных семейных устоев.

Потерпевший - лицо, которому семейным насилием причинен физический, психический или имущественный вред, либо лицо, в отношении которого имеется реальная угроза совершения такого насилия.

Проактивно-полицейская модель - модель правового регулирования противодействия семейному насилию (Австрия), характеризующаяся доминированием административно-правовых превентивных мер (выдворение агрессора, запрет на приближение) и ключевой ролью полиции.

Реабилитация - комплекс мер, направленных на восстановление физического и психического здоровья потерпевшего, его социального статуса, возмещение причиненного вреда, а также на коррекцию поведения агрессора с целью предупреждения повторных актов насилия.

Семейное (домашнее) насилие - совершенный физический и психологический или отдельно психологический акт агрессора (одноразовый или повторный/цикличный) при семейно-бытовом конфликте, направленный на причинение физического и психологического вреда лицу, проживающему

совместно с агрессором в качестве члена семьи, сожителя (лиц, ведущих совместное хозяйство), использующего знания о наиболее уязвимых и незащищенных сторонах личности жертвы, ее ценностях с целью реализации своих личных устремлений или в целях освобождения от различных притязаний при возникновении/обострении объективных негативных факторов или без таковых.

Система Вернахус (Barnahus) - модель мультидисциплинарного центра (Норвегия и другие скандинавские страны), обеспечивающего сочетание государственного преследования и социальной реабилитации детей-жертв или свидетелей насилия в комфортной для детей среде.

Социально-правовая защита - комплекс мероприятий, осуществляемых уполномоченными органами государственной власти, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями, а также (в пределах, установленных законом) общественными объединениями и иными негосударственными организациями, направленных на предупреждение семейного насилия, пресечение таких действий, привлечение виновных к ответственности, оказание социальной, психологической, медицинской и правовой помощи потерпевшим, их реабилитацию и содействие нормализации отношений в семье после устранения насилия.

Субъект административно-правового механизма обеспечения защиты прав граждан от семейного насилия - орган, организация или лицо, участвующее в процессе противодействия семейному насилию на различных функциональных этапах (стадиях) — от первичного реагирования и экстренной помощи до экспертно-аналитической и научной деятельности.

Судебное защитное предписание (охранный ордер) - акт суда, применяемый в рамках административного судопроизводства по семейным делам о насилии, в котором агрессору устанавливаются запреты (на совершение насильственных действий, вступление в контакты с защищаемым лицом, выяснение его места пребывания) и обязанности (покинуть место совместного

жительства, пройти психологическую коррекционную программу) на срок до одного года.

Феномен «перекладывания ответственности» - ситуация в межведомственном взаимодействии, при которой каждый субъект профилактики решает свою узкую задачу в ущерб общей цели — безопасности жертвы, что приводит к исключению возможности комплексного ведения случая семейного насилия.

Цикличность применения административно-правовых средств - объективная закономерность, обусловленная природой семейного насилия как повторяющегося (рецидивного) деяния, выражающаяся в последовательной смене процессуальных циклов: административная ответственность по статье 6.1.1 КоАП РФ → уголовная ответственность по статье 116.1 УК РФ (при повторном деянии) → уголовная ответственность по части 2 статьи 116.1 УК РФ (при наличии судимости за насильственное преступление) → административный надзор (по отбытии наказания).

Цикличность и поступательная эскалация - свойство семейного насилия, проявляющееся в повторяющейся последовательности фаз конфликта, собственно насильственного инцидента и временного примирения, что указывает на то, что единичный акт насилия часто является не изолированным случаем, а звеном в повторяющемся паттерне поведения.

Экспертно-аналитическая деятельность - деятельность субъектов административно-правового механизма (экспертных советов, научно-исследовательских организаций, рабочих групп, отдельных ученых и специалистов), направленная на анализ правоприменительной практики, подготовку научно обоснованных рекомендаций и экспертизу проектов нормативных актов, что является необходимым условием для устойчивого развития и адаптации механизма защиты от семейного насилия к меняющимся социальным условиям и вызовам.

«Управление случаем» (case management) - технология межведомственного взаимодействия, предполагающая наличие единого

координатора (куратора случая), который сопровождает жертву и агрессора на всех этапах — от выявления инцидента до полной социальной реабилитации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

I. Нормативные правовые акты и иные официальные документы Российской Федерации

1. Конституция и федеральные конституционные законы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Текст] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 10.03.2026).

2. О Конституционном Суде Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

3. О судебной системе Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 1.

4. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ (ред. от 24.09.2022) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 9. – Ст. 1011.

5. О Правительстве Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 45. – Ст. 7021.

2. Кодексы Российской Федерации

6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.01.2025) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

7. Семейный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.03.2025) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.02.2025) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

11. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : федеральный закон от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 28.12.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

3. Федеральные законы

12. О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 30.09.2024) [Текст] // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 8. – Ст. 366.

13. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании : [Текст] // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 33. – Ст. 1913.

14. О международных договорах Российской Федерации : федеральный закон от 15.07.1995 № 101-ФЗ (ред. от 08.12.2020) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 29. – Ст. 2757.

15. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1995. – № 48. – Ст. 4563.

16. О прожиточном минимуме в Российской Федерации : федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 25.12.2023) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 43. – Ст. 4904.

17. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних : федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 21.11.2022) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 26. – Ст. 3177.

18. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

19. О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 01.07.2021) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 34. – Ст. 3534.

20. О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации : федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 04.08.2023) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.

21. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3448.

22. Об опеке и попечительстве : федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (ред. от 10.07.2023) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 17. – Ст. 1755.

23. О противодействии коррупции : федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 19.12.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6228.

24. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации) : федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.

25. О безопасности : федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 1. – Ст. 2.

26. О полиции : федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

27. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

28. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: федеральный закон от 21.12.2011 № 324-ФЗ [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6725.

29. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 52 (ч. I). – Ст. 7007.

30. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.12.2018) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 30 (ч. I). – Ст. 4213.

31. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации : федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ (ред. от 10.07.2023) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 26 (ч. I). – Ст. 3851.

32. О войсках национальной гвардии Российской Федерации : федеральный закон от 03.07.2016 № 226-ФЗ (ред. от 08.08.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (ч. I). – Ст. 4159.

33. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федеральный закон от 03.07.2016 № 323-ФЗ [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 27 (ч. II). – Ст. 4256.

34. О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 7. – Ст. 1027.

35. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» : федеральный закон от 03.07.2017 № 326-ФЗ [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 27. – Ст. 3952.

36. Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации : федеральный закон от 27.12.2018 № 501-ФЗ [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 53 (ч. I). – Ст. 8427.

37. О Государственном Совете Российской Федерации : федеральный закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 50 (ч. III). – Ст. 8039.

38. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации : федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 01.01.2025) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 52 (ч. I). – Ст. 8973.

4. Указы Президента Российской Федерации

39. Об утверждении Положения об Управлении Президента Российской Федерации по обеспечению конституционных прав граждан : Указ Президента Российской Федерации от 22.05.2004 № 662 (ред. от 121.07.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 21. – Ст. 2029.

40. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : Указ Президента Российской Федерации от 26.12.2006 № 1455 (ред. от 12.05.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 1 (ч.1). – Ст. 18.

41. Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка: Указ Президента Российской Федерации от 01.09.2009 № 986 [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2009. – № 36. – Ст. 4312.

42. О утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 21.12.2016 № 699 (ред. от 30.09.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – № 52 (ч. V). – Ст. 7614.

43. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.

44. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ

Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

45. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 20. – Ст. 2584.

46. О комиссиях Государственного Совета Российской Федерации по направлениям социально-экономического развития Российской Федерации и их председателях : Указ Президента Российской Федерации от 22.07.2024 № 613 [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 31. – Ст. 4627.

47. Об утверждении типового положения о комиссии Государственного Совета Российской Федерации по направлению социально-экономического развития Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 29.12.2025 № 1003 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 07.03.2026).

5. Постановления и распоряжения Правительства Российской Федерации

48. Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации : постановление Правительства Российской Федерации от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 01.02.2025) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 33. – Ст. 3895.

49. Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере здравоохранения : постановление Правительства Российской Федерации от 30.06.2004 № 323 (ред. от 27.12.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2004. – № 28. – Ст. 2900.

50. О Правительственной комиссии по профилактике правонарушений : постановление Правительства Российской Федерации от 28.03.2008 № 216 (ред. от 14.04.2023) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 14. – Ст. 1410.

51. Об утверждении Положения о Федеральном агентстве по делам молодежи : постановление Правительства Российской Федерации от 29.05.2008 № 409 (ред. от 27.12.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 22. – Ст. 2586.

52. Об утверждении Положения о Министерстве здравоохранения РФ : постановление Правительства Российской Федерации от 19.06.2012 № 608 (ред. от 27.12.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 26. – Ст. 3526.

53. Об утверждении Положения о Министерстве труда и социальной защиты РФ : постановление Правительства Российской Федерации от 19.06.2012 № 610

(ред. от 27.12.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 26. – Ст. 3528.

54. О порядке предоставления социальных услуг : постановление Правительства Российской Федерации от 28.12.2013 № 1234 (ред. от 28.12.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 2. – Ст. 132.

55. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан» : постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 296 (ред. от 28.12.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 17. – Ст. 2059.

56. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» : постановление Правительства Российской Федерации от 15.04.2014 № 345 (ред. от 29.12.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 18 (ч. III). – Ст. 2188.

57. Об утверждении Положения о Министерстве просвещения : постановление Правительства Российской Федерации от 28.07.2018 № 884 (ред. от 27.12.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 32 (ч. II). – Ст. 5343.

58. Об утверждении Положения о Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки : постановление Правительства Российской Федерации от 28.07.2018 № 885 (ред. от 27.12.2024) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 32 (ч. II). – Ст. 5344.

59. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 № 1618-р [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 35. – Ст. 4811.

60. Об утверждении Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы : распоряжение Правительства Российской Федерации от 08.03.2017 № 410-р [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 11. – Ст. 1618.

6. Ведомственные нормативные правовые акты

61. Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : приказ Минздравсоцразвития России от 24.04.2008 № 194н (ред. от 18.01.2012) [Текст] // Российская газета. – 2008. – 5 сент.

62. Об утверждении Наставления о порядке исполнения обязанностей и реализации прав полиции в дежурной части территориального органа МВД России после доставления граждан : приказ МВД России от 30.04.2012 № 389

(ред. от 27.04.2023) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.03.2026).

63. Об утверждении номенклатуры медицинских организаций : приказ Минздрава России от 06.08.2013 № 529н (ред. от 23.10.2019) [Текст] // Российская газета. – 2013. – 7 окт.

64. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних : приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 (ред. от 31.12.2019) [Текст] // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2014. – № 11.

65. Вопросы оценки деятельности территориальных органов Министерства внутренних дел Российской Федерации : приказ МВД России от 31.12.2013 № 1040 [Текст]. – Документ опубликован не был.

66. Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях : приказ МВД России от 29.08.2014 № 736 (ред. от 07.07.2023) [Текст] // Российская газета. – 2014. – 14 нояб.

67. Об утверждении Порядка проведения профилактических осмотров несовершеннолетних : приказ Минздрава России от 10.08.2017 № 514н (ред. от 28.12.2024) [Текст] // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2017. – 22 авг.

68. Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи несовершеннолетним : приказ Минздрава России от 07.03.2018 № 92н (ред. от 28.12.2024) [Текст] // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2018. – 16 апр.

69. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности : приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 (ред. от 08.09.2023) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». – URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 10.03.2026).

70. О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения : приказ МВД России от 04.03.2020 № 119 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». – URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 10.03.2026).

71. Об утверждении Порядка доставления лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, в медицинские организации или специализированные организации либо в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции : приказ МВД России от

13.04.2021 № 212 [Текст] // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2021. – 7 июня.

72. Об организационных вопросах профилактики правонарушений в системе МВД России : приказ МВД России от 29.09.2022 № 715 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». – URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 10.03.2026).

73. О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений : приказ МВД России от 24.08.2023 № 619 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». – URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 10.03.2026).

74. Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов, принимаемых субъектами Российской Федерации и органами местного самоуправления : приказ Генпрокуратуры России от 31.08.2023 № 583 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». – URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 10.03.2026).

7. Нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации

75. О профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Свердловской области : закон Свердловской области от 28.11.2001 № 58-ОЗ [Текст] // Собрание законодательства Свердловской области», 2001, № 12, ст. 1303.

76. Об административных правонарушениях в Республике Мордовия : закон Республики Мордовия от 12.07.2002 № 25-З [Текст] // Ведомости Государственного Собрания Республики Мордовия. – 2023. – № 18–19 (47).

77. Об административных правонарушениях: Кодекс Нижегородской области от 20.05.2003 № 34-З [Текст] // Нижегородские новости, № 93(2785) от 28.05.2003.

78. О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся насилию в семье : закон Архангельской области от 3.06.2003 г. № 171-22-ОЗ [Текст] // Ведомости Архангельского областного Собрания депутатов третьего созыва. – 2003. – № 22.

79. Об административных правонарушениях в Чувашской Республике: закон Чувашской Республики от 23.07.2003 № 22 [Текст] // Ведомости Государственного Совета Чувашской Республики», 2003, № 55.

80. О профилактике правонарушений в Республике Башкортостан: закон Республику Башкортостан от 27.06.2006 № 333-з // Ведомости ГС — Курултая, Президента и Правительства РБ», № 15 (237), 03.08.2006.

81. Об административной ответственности в Кировской области: закон Кировской области от 04.12.2007 № 200-ЗО [Текст] // Сборник основных нормативных правовых актов органов государственной власти Кировской области», № 1(80) ч. 1, 20.02.2008.

82. Об административных правонарушениях в Ивановской области: закон Ивановской области от 24.04.2008 № 11-ОЗ [Текст] // Собрание законодательства Ивановской области», № 18(388), 16.05.2008.

83. Об административных правонарушениях на территории Саратовской области : закон Саратовской области от 29.07.2009 № 104-ЗСО [Текст] // Собрание законодательства Саратовской области», № 17, ч. 1, 08.08.2009, стр. 3930.

84. Об административных правонарушениях в Вологодской области : закон Вологодской области от 8.12.2010 г. № 2429-ОЗ [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/895282822 (дата обращения: 30.06.2023).

85. Об административных правонарушениях: закон Республики Бурятия от 05.05.2011 № 2003-IV [Текст] // Собрание законодательства Республики Бурятия, № 4–5(145–146), 2011.

86. Кодекс Республики Башкортостан об административных правонарушениях : закон Республики Башкортостан от 23.06.2011 г. № 413-з [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/450366898 (дата обращения: 30.06.2023).

87. Об административных правонарушениях в Пермском крае : закон Пермского края от 06.04.2015 № 460-ПК [Текст] // Бюллетень законов Пермского края, правовых актов губернатора Пермского края, Правительства Пермского края, исполнительных органов государственной власти Пермского края», № 14, 13.04.2015.

88. Об административной ответственности на территории Республики Мордовия : закон Республики Мордовия от 15.06.2015 № 38-З [Текст] // «Известия Мордовии», № 64-29 от 16.06.2015.

89. О единой системе профилактики правонарушений в городе Москве: закон города Москвы № 14 от 19.03.2008 [Текст] // Ведомости Московской городской Думы, № 4, 04.05.2008.

90. О профилактике правонарушений в Краснодарском крае : закон Краснодарского края от 01.11.2013 № 2824-КЗ [Текст] // Официальный сайт администрации края (admkrai.krasnodar.ru/ndocs), 05.11.2013.

91. О профилактике правонарушений на территории Ростовской области : закон Ростовской области от 29.12.2016 № 933-ЗС [Текст] // pravo.gov.ru, 06.01.2017, № 6100201701060094.

92. О профилактике правонарушений в Республике Татарстан : закон Республики Татарстан от 11.01.2017 № 3-ЗРТ [Текст] // Республика Татарстан, № 4, 13.01.2017.

93. О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге: закон Санкт-Петербурга от 19.03.2018 № 124-26 [Текст] // Официальный сайт Администрации СПб (https://www.gov.spb.ru/norm_baza/npa/), 20.03.2018.

94. Об отдельных вопросах в сфере профилактики правонарушений в Ленинградской области: закон Ленинградской области от 20.03.2018 № 26-оз [Текст] // pravo.gov.ru, 23.03.2018, № 4700201803230001.

95. Об отдельных вопросах в сфере профилактики правонарушений в Сахалинской области : закон Сахалинской области от 28.05.2018 № 32-ЗО [Текст] // pravo.gov.ru, 30.05.2018, № 6500201805300005.

96. Об отдельных вопросах профилактики правонарушений в Рязанской области : закон Рязанской области от 07.10.2019 № 51-ОЗ [Текст] // pravo.gov.ru, 08.10.2019, № 6200201910080002.

97. О профилактике правонарушений в Пермском крае : закон Пермского края от 06.11.2019 № 462-ПК [Текст] // «Бюллетень законов Пермского края…», № 44, 11.11.2019.

98. Об отдельных вопросах профилактики правонарушений в Новосибирской области : закон Новосибирской области от 29.11.2022 № 268-ОЗ [Текст] // pravo.gov.ru, 29.11.2022, № 5400202211290007.

II. Международные документы и иностранные нормативные правовые акты

1. Международные акты

99. Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. [Текст] // Российская газета. – 1995. – 5 апр.

100. 73. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 04.11.1950 (с изм. от 13.05.2004) [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

101. Конвенция об охране материнства: [заключена в г. Женеве 04.06.1952 № 103] [Электронный ресурс]. – URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=27620 (дата обращения: 22.03.2025).

102. Международный пакт о гражданских и политических правах : принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

103. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах : принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст. 291.

104. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин : принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН 18 декабря 1979 г. [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1982. – № 25. – Ст. 464.

105. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания : принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи ООН от 10ю12.1984. – Ратифицирована Указом

Президиума ВС СССР от 21.01.1987 № 6417-XI [Текст] // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1987. – № 45. – Ст. 747.

106. Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях : принята резолюцией 41/85 Генеральной Ассамблеи ООН от 3 декабря 1986 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childpri.shtml (дата обращения: 22.03.2025).

107. Конвенция о правах ребенка : принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН 20 ноября 1989 г. [Текст] // Сборник международных договоров СССР. – Вып. XLVI. – 1993.

108. Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей : принята Всемирной встречей на высшем уровне в интересах детей, Нью-Йорк, 30 сентября 2000 года [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_child90.shtml (дата обращения: 28.03.2025).

109. Пекинская декларация и Платформа действий : приняты Четвертой Всемирной конференцией по положению женщин, 4–15 сентября 1995 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (дата обращения: 04.05.2024).

110. Модельное законодательство о насилии в семье : рекомендации ООН 1996 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://a-z.ru/women/texts/zakonr.htm (дата обращения: 02.03.2022).

111. Рекомендация № R (98) 14 Комитета министров Совета Европы государствам-членам «О применении комплексного подхода к проблеме равенства между мужчинами и женщинами» : [принята 07.10.1998] [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». – URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 10.03.2026).

112. Рекомендация Rec(2002)5 о защите женщин от насилия : [принята Комитетом Министров 30.04.2002] [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.03.2026).

113. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений : заключена в г. Лансароте 25.10.2007. – Ратифицирована Федеральным законом от 07.05.2013 № 76-ФЗ [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 19. – Ст. 2303.

114. Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием : заключена в г. Стамбуле 11.05.2011 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.03.2026).

2. Иностранные нормативные правовые акты

115. Criminal Justice Act 1988 [Electronic resource] : UK Parliament. – 1988. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/33/contents (date of access: 26.10.2025).

116. Violence Against Women Act of 1994 (VAWA) [Electronic resource] : US Congress. – URL: https://www.congress.gov/bill/103rd-congress/house-bill/3355 (date of access: 24.10.2025).

117. The Domestic Violence, Crime and Victims Act 2004 [Electronic resource] : UK Parliament. – 2004. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2004/28/contents (date of access: 24.07.2025).

118. Lov om straff (straffeloven) [Electronic resource] : Norway. – URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2005-05-20-28 (date of access: 26.10.2025).

119. О профилактике бытового насилия : Закон Республики Казахстан от 4 декабря 2009 года № 214-IV (ред. от 15.04.2024) [Электронный ресурс]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000214_ (дата обращения: 25.10.2025).

120. Bundesgesetz zum Schutz vor Gewalt in der Familie – GeSchG [Electronic resource] : Austria. – URL: https://www.ris.bka.gv.at/GeltendeFassung.wxe?Abfrage=Bundesnormen&Gesetzesnummer=10004226 (date of access: 24.10.2025).

121. Zweites Gewaltschutzgesetz – 2. GeSchG [Electronic resource] : Austria. – URL: https://www.ris.bka.gv.at/Dokumente/BgblAuth/BGBLA_2009_I_40/BGBLA_2009_I_40.pdfsig (date of access: 24.10.2025).

122. Gesetz zum zivilrechtlichen Schutz vor Gewalttaten und Nachstellungen (Gewaltschutzgesetz – GewSchG) [Electronic resource] : Germany. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gewschg/ (date of access: 24.10.2025).

123. Serious Crime Act 2015 [Electronic resource] : UK Parliament. – 2015. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/9/contents (date of access: 25.10.2025).

124. 中华人民共和国反家庭暴力法 (Закон Китайской Народной Республики о борьбе с насилием в семье) от 27.12.2015 [Electronic resource]. – URL: https://www.gov.cn/zhengce/2015-12/28/content_5029898.htm (date of access: 24.10.2025).

125. Об охране и защите от семейного насилия : Закон Кыргызской Республики от 27 апреля 2017 года № 63 [Текст] // Эркин-Тоо. – 2017. – 9 мая.

126. О защите женщин от притеснения и насилия : Закон Республики Узбекистан от 02.09.2019 № ЗРУ-561 [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/docs/4494712 (дата обращения: 01.04.2025).

127. Domestic Abuse Act 2021 [Electronic resource] : UK Parliament. – 29 April 2021. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2021/17/contents (date of access: 24.10.2025).

128. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-З [Электронный ресурс]. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=HK2100091 (дата обращения: 25.10.2025).

129. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 92-З [Электронный ресурс]. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=HK2100092 (дата обращения: 25.03.2025).

130. Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28.10.2021 № 128 [Электронный ресурс]. – URL: https://cbd.minjust.gov.kg/3-36/edition/2102/ru (дата обращения: 01.04.2025).

131. Об основах деятельности по профилактике правонарушений : Закон Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З (ред. от 09.12.2022) [Электронный ресурс]. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11400122 (дата обращения: 24.10.2025).

132. Об административных правонарушениях : Кодекс Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 235-V ЗРК (ред. от 01.01.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000235 (дата обращения: 25.10.2025).

133. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V (ред. от 01.01.2025) [Электронный ресурс]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226 (дата обращения: 25.10.2025).

134. Об утверждении Стратегии защиты детей от всех форм насилия на 2026 — 2030 годы : Указ Президента Республики Узбекистан от 24.12.2025 № УП-256 // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (lex.uz) от 24.12.2025 № 06/25/256/1205. URL: https://lex.uz/docs/7938812 (дата обращения: 20.02.2026).

135. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности : утв. Законом РУз от 22.09.1994 № 2015-XII (ред. от 12.04.2023) [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/docs/97661 (дата обращения: 30.11.2025).

136. О мерах по совершенствованию системы социальной реабилитации и адаптации, а также профилактики семейно-бытового насилия : постановление Президента Республики Узбекистан от 02.07.2018 № ПП-3827 [Электронный ресурс]. – URL: https://lex.uz/ru/docs/3804813 (дата обращения: 01.04.2025).

137. Социальный кодекс Республики Казахстан от 20 апреля 2023 года № 224-VII [Электронный ресурс]. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224 (дата обращения: 07.12.2025).

138. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей : Закон Республики Казахстан от 15.04.2024 № 72-VIII ЗРК [Текст] // Казахстанская правда. – 2024. – 16 апр.

139. United States Code : Title 18 – Crimes and Criminal Procedure [Electronic resource]. – URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18 (date of access: 24.10.2025).

140. United States Code : Title 42 – The Public Health and Welfare [Electronic resource]. – URL: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/42 (date of access: 24.10.2025).

141. California Penal Code [Electronic resource]. – URL: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codesTOCSelected.xhtml?tocCode=PEN (date of access: 24.10.2025).

142. Massachusetts General Laws. Part I, Title III, Chapter 209A [Electronic resource]. – URL: https://malegislature.gov/Laws/GeneralLaws/PartI/TitleIII/Chapter209A (date of access: 24.10.2025).

143. 2024 Minnesota Statutes. Chapter 518B. Domestic Abuse Act [Electronic resource]. – URL: https://www.revisor.mn.gov/statutes/cite/518B (date of access: 24.10.2025).

144. Lov om barnevern (barnevernsloven) [Electronic resource] : Norway. – URL: https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2021-06-18-97 (date of access: 26.10.2025).

145. 中华人民共和国刑法 (Уголовный кодекс Китайской Народной Республики) [Electronic resource]. – URL: http://www.npc.gov.cn/ (date of access: 24.10.2025).

III. Судебная и иная правоприменительная практика

146. По делу о толковании статей 71 (пункт «г»), 76 (часть 1) и 112 (часть 1) Конституции Российской Федерации : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 2-П [Текст] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 6. – Ст. 866.

147. По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в

связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.07.2015 № 21-П [Текст] // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 6.

148. По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 10 Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан» в связи с жалобой гражданина С.И. Хапугина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.11.2022 № 47-П [Текст] // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2023. – № 1.

149. По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина А.Е. Померанского : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.02.2025 № 7-П [Текст] // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2025. – № 3.

150. О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2016 № 36 (ред. от 17.12.2020) [Текст] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2016. – № 11.

151. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14.11.2017 № 44 [Текст] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2018. – № 1.

152. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 50 [Текст] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 2.

153. О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел о госпитализации гражданина в медицинскую противотуберкулезную организацию в недобровольном порядке : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.06.2022 № 21 [Текст] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2022. – № 9.

154. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 05.09.2023 № 12-АД23-16-К6 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант». – URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 10.03.2026).

155. Определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2024 № 18-КАД24-51-К4 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.03.2026).

156. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Анчугов и Гладков против России» (жалобы № 11157/04 и 15162/05) от 04.07.2013 [Текст] // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2014. – № 2.

157. Постановление Европейского Суда по правам человека от 15.06.2021 «Дело "Курт (Kurt) против Австрии"» (жалоба № 62903/15) [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.03.2026).

158. Bruno v. Codd, 396 N.Y.S.2d 974 (Sup. Ct. 1977) [Electronic resource] // Justia. – URL: https://law.justia.com/ (date of access: 24.10.2025).

159. Scott v. Hart, No. C-76-2395 (N.D. Cal. Filed Oct. 28, 1976) [Electronic resource] // Casetext. – URL: https://casetext.com/ (date of access: 24.10.2025).

160. Thurman v. City of Torrington, 595 F. Supp. 1521 (D. Conn. 1984) [Electronic resource] // Justia. – URL: https://law.justia.com/ (date of access: 24.10.2025).

IV. Монографии, учебники, комментарии, сборники

161. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Общая часть [Текст] : учебник : в 2 т. / С. А. Авакьян. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. – Т. 1. – 864 с.

162. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Особенная часть [Текст] : учебник : в 2 т. / С. А. Авакьян. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. – Т. 2. – 936 с.

163. Аврутин, Ю. Е. Государство и право. Теория и практика [Текст] : учебник / Ю. Е. Аврутин. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 543 с.

164. Административно-процессуальное право [Текст] : учебник / Ю. В. Бажукова, А. И. Каплунов, В. А. Кудин [и др.] ; под ред. А. И. Каплунова. – СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2015. – 384 с.

165. Анохина, С. Ю. Расчет рабочего времени участкового уполномоченного полиции по основным направлениям деятельности [Текст] : аналитический обзор / С. Ю. Анохина, А. А. Гайдуков, А. Г. Гришаков [и др.]. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. – 39 с.

166. Барышников, М. В. Организация деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений [Текст] : учебное пособие / М. В. Барышников. – Орел : ОрЮИ МВД России, 2011. – 63 с.

167. Воронов А. М. Общественная безопасность: административные и информационно-правовые проблемы обеспечения и организации управления : монография. М. : ВНИИ МВД России, 2004. - 204 с.

168. Витрук, Н. В. Избранное. Том 1. Статьи. Доклады. Рецензии. 1963–1990 [Текст] / Н. В. Витрук. – М. : Российская академия правосудия, 2012. – 644 с.

169. Гайдуков, А. А. Административно-правовое регулирование деятельности участковых уполномоченных полиции по предупреждению и пресечению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений [Текст] / А. А. Гайдуков. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. – 130 с.

170. Гайдуков, А. А. Предупреждение семейного насилия по законодательству Российской Федерации, Республики Казахстан, Киргизской Республики и Республики Узбекистан [Текст] : учебное пособие / А. А. Гайдуков, А. А. Абдрахманов, С. В. Корнейчук [и др.]. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2025. – 127 с.

171. Гинцяк, Л. Ф. Субъекты профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Текст] / Л. Ф. Гинцяк, В. Н. Ильченко. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2018. – 141 с.

172. Гумплович, Л. Общее учение о государстве [Текст] / Л. Гумплович ; пер. со 2-го нем. изд. Ив. Н. Неровецкого. – СПб. : Тип. Т-ва «Обществ. польза», 1910. – VIII, 516 с.

173. Дихтиевский, П. В. Административно-правовое принуждение в механизме обеспечения личной безопасности [Текст] / П. В. Дихтиевский. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 312 с.

174. Занина, Т. М. Проблемы профилактической работы сотрудников полиции с лицами, совершающими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений: региональный опыт применения административного законодательства [Текст] : учебное пособие / Т. М. Занина. – Воронеж : Воронежский институт МВД России, 2016. – 110 с.

175. Кашанина, Т. В. Юридическая техника [Текст] : учебник / Т. В. Кашанина. – 2-е изд., пересмотр. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 496 с.

176. Каутский, К. Материалистическое понимание истории. Т. 2: Государство и развитие человечества [Текст] / К. Каутский. – М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. – VII, 851 с.

177. Конституции государств Европы [Текст] : в 3 т. / под общ. ред. Л. А. Окунькова. – М. : Норма, 2001.

178. Конституции зарубежных государств [Текст] : сборник / сост. В. В. Маклаков. – М. : Инфотропик Медиа, 2022. – 640 с.

179. Кун, Т. С. Структура научных революций [Текст] / Томас Кун ; пер. с англ. И. З. Налетова. – М. : АСТ : АСТ МОСКВА, 2009. – 317 с.

180. Лукашов Н.В., Ониани М.Г. Оценка эффективности государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» на основе факторной модели формирования её показателей [Текст] // Проблемы экономики и юридической практики. — 2021. — № 5. — С. 238–242.

181. Малько, А. В. Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения [Текст] / А. В. Малько, В. В. Субочев, А. М. Шериев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. – 192 с.

182. Механизмы реализации и защиты прав человека и гражданина [Текст] : учебное пособие / Т. М. Резер, Е. В. Кузнецова, М. А. Лихачев ; под общ. ред. Т. М. Резер. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 112 с.

183. Нечаева, Т. А. Организационно-правовые основы предупреждения беспризорности и преступности несовершеннолетних в странах СНГ [Текст] / Т. А. Нечаева. – М. : Юрист, 2006. – 312 с.

184. Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации [Текст] / под ред. В. Д. Зорькина. – 3-е изд., пересмотр. – М. : Норма, 2024. – 944 с.

185. Предупреждение семейно-бытовых правонарушений [Текст] / отв. ред. Ф. А. Лопушанский. – М. : Наука, 1989. – 233 с.

186. Профилактика семейного неблагополучия и формирование основ ответственного родительства (на примере эффективных региональных практик): научно-практическое пособие / М. В. Анисифорова, Т. А. Петрова, М. П. Банаева, Н. Ю. Венецкая. – Москва: ВНИИ МВД России, 2024. – 46 с.

187. Равнюшкин, А. В. Административно-правовой механизм обеспечения прав граждан на защиту от семейного насилия [Текст] / А. В. Равнюшкин. – СПб. : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2025. – 192 с.

188. Равнюшкин, А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения участковыми уполномоченными полиции правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений [Текст] / А. В. Равнюшкин. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2018. – 179 с.

189. Стахов, А. И. Новые подходы современной теории административного процесса в России [Текст] / А. И. Стахов, В. А. Зюзин, Н. В. Ландерсон [и др.]. – М. : Российский государственный университет правосудия, 2023. – 448 с.

190. Стюарт, Т. А. Интеллектуальный капитал: новый источник богатства организаций [Текст] / Т. А. Стюарт ; пер. с англ. В. А. Ноздриной. – М. : Поколение, 2007. – 368 с.

191. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности [Текст] / Эрих Фромм ; пер. с нем. Э. Телятниковой. – М. : АСТ, 2004. – 635 с.

192. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права [Текст] / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Спарк, 1995. – 556 с.

193. Шестаков, Д. А. Семейная криминология (криминофамилистика) [Текст] / Д. А. Шестаков. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2003. – 408 с.

194. Юридическая ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: современное состояние и тенденции развития [Текст] :

монография / А. Г. Гришаков, Л. В. Кузнецова, В. В. Тырышкин [и др.]. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2025. – 152 с.

195. Buzawa, E. S. Domestic Violence: The Criminal Justice Response [Text] / E. S. Buzawa, C. G. Buzawa. – Thousand Oaks : Sage Publications, 1990. – 157 p.

196. Walker, L. E. The Battered Woman [Text] / Lenore E. Walker. – New York : Harper & Row, 1979. – XVIII, 270 p.

V. Научные статьи

197. Анисифорова, М. В. Научная обоснованность нормотворческой инициативы федеральных органов исполнительной власти / М. В. Анисифорова, О. И. Цоколова // Административное право и процесс. – 2024. – № 9. – С. 39-46.

198. Анисифорова, М. В. «Министерство счастья» - первая и единственная задача хорошего правительства на пути укрепления законности в публичном управлении? / М. В. Анисифорова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2026. – № 5(141). – С. 88-97.

199. Акулов, В. И. Некоторые аспекты профилактической работы участковых уполномоченных милиции с лицами, допускающими правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений [Текст] / В. И. Акулов, Е. В. Кашкина // Вестник Всероссийского ИПК сотрудников МВД России. – 2011. – № 1 (17). – С. 9–16.

200. Алексеев, С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация [Текст] / С. С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 14–18.

201. Алманова, А. М. Возникновение негативных последствий для ребенка вследствие неисполнения родителями обязанностей по воспитанию [Текст] / А. М. Алманова // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 2 (32). – С. 192–196.

202. Анциферова, И. А. Правовые средства формирования правового порядка [Текст] / И. А. Анциферова // Общество и право. – 2009. – № 2. – С. 15–19.

203. Ардашкин, В. Д. К теории правоохранительного механизма [Текст] / В. Д. Ардашкин // Правоведение. – 1988. – № 1. – С. 11–19.

204. Барсуков, А. Ю. Цикличность трансформации государства и права как государственно-правовая закономерность [Текст] / А. Ю. Барсуков // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 1(126). – С. 36–46.

205. Беляева, Г. С. Процессуально-правовые средства: понятие, признаки и виды [Текст] / Г. С. Беляева // Lex Russica (Русский закон). – 2015. – Т. 100, № 3. – С. 19–27.

206. Белякович, Е. В. Категория срока в административно-процессуальном праве [Текст] / Е. В. Белякович // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2021. – Т. 25, № 4. – С. 791–813.

207. Бучакова, М. А. Совершенствование правового регулирования в сфере общественной нравственности [Текст] / М. А. Бучакова, О. А. Дизер // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2020. – Т. 25, № 4(83). – С. 452–458.

208. Волосова, Н. Ю. Понятие семейного (домашнего) насилия: дискуссионные вопросы терминологического соответствия [Текст] / Н. Ю. Волосова // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10, № 11-1. – С. 87–96.

209. Воронов, А. М. Публичное администрирование в сфере обеспечения общественной безопасности - некоторые правовые концепты / А. М. Воронов // Научный портал МВД России. – 2024. – № 2(66). – С. 20-28.

210. Гайдуков, А. А. Полицейское реагирование на правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений [Текст] / А. А. Гайдуков // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2019. – № 2(56). – С. 120–123.

211. Должникова, Е. В. Особенности привлечения к административной ответственности за побои в семье [Текст] / Е. В. Должникова, Н. В. Савосина, Е. С. Караваев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 9. – С. 117–120.

212. Дугенец, А. С. Актуальные проблемы противодействия административным правонарушениям, совершаемым с использованием информационных технологий / А. С. Дугенец, Н. Г. Канунникова // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17. – № 4. – С. 23-29.

213. Дугенец, А. С. Психолого-педагогическое просвещение родителей как фактор профилактики правонарушающего поведения несовершеннолетних / А. С. Дугенец, Л. В. Павлова // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : Научно-практическое ежеквартальное издание. Том Выпуск 1. – Москва : ФКУ НИИ ФСИН России, ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2023. – С. 238-242.

214. Дугенец, А. С. Актуальные вопросы привлечения к административной ответственности в Российской Федерации / А. С. Дугенец, Н. Г. Канунникова // Административное право и процесс. – 2023. – № 4. – С. 27-29.

215. Дрозд, А. О. О нарушении логики правового механизма привлечения к ответственности за побои и дополнительных мерах их профилактики [Текст] / А. О. Дрозд, А. В. Равнюшкин // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 3(91). – С. 178-185.

216. Евсикова, Е. В. Органы внутренних дел как основной субъект предупреждения домашнего насилия: сравнительно-правовой анализ [Текст] / Е. В. Евсикова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. – 2016. – Т. 2 (68), № 2. – С. 17–31.

217. Елфимова, Е. В. К вопросу об обоснованности принятия решения о проведении административного расследования по отдельным составам административных правонарушений [Текст] / Е. В. Елфимова, Ю. Ш. Никонова // Алтайский юридический вестник. – 2018. – № 1. – С. 61–65.

218. Жубрин, Р. В. Предупреждение преступности на современном этапе развития российского общества: понятие, содержание, принципы [Текст] / Р. В. Жубрин // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10, № 4. – С. 627–637.

219. Заброда, Д. Г. Австрийский опыт предупреждения домашнего насилия: характеристика и предложения по использованию в России [Текст] / Д. Г. Заброда, С. Н. Заброда // Общество и право. – 2016. – № 3 (57). – С. 107–112.

220. Зайцев, И. А. Теоретическое осмысление социальных функций административной ответственности: негативные и позитивные аспекты / И. А. Зайцев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 3(67). – С. 100-109.

221. Керамова, С. Н. Крайняя необходимость как институт самозащиты в административном праве [Текст] / С. Н. Керамова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2020. – Т. 35, № 3. – С. 65–68.

222. Крюк, В. С. Причины семейно-бытового насилия [Текст] / В. С. Крюк // Право и практика. – 2020. – № 4. – С. 128–132.

223. Кулеш, Е. А. К вопросу об эффективности деятельности ОВД по профилактике и предупреждению правонарушений несовершеннолетних в современных условиях развития общества [Текст] / Е. А. Кулеш, Л. Е. Сериченко // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 3(93). – С. 105–112.

224. Левченко, Е. В. Профилактика домашнего насилия [Текст] / Е. В. Левченко, И. Е. Патрушев // Вопросы российской юстиции. – 2019. – № 4. – С. 355–360.

225. Летова, Н. В. Общие предпосылки насилия в семье, его видовые признаки и особенности [Текст] / Н. В. Летова // Социально-политические науки. – 2019. – № 1. – С. 71–75.

226. Ловцова, Н. И. Насилие в семье или насилие над семьей [Текст] / Н. И. Ловцова, Д. В. Зайцев // Журнал исследований социальной политики. – 2018. – Т. 16, № 3. – С. 529–536.

227. Лукашов, Н. В. Оценка эффективности государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» на основе факторной модели формирования её показателей [Текст] / Н. В. Лукашов, М. Г. Ониани // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17, № 5. – С. 238–242.

228. Майоров, В. И. Административно-правовые меры противодействия преступности как объект исследования и их роль в научном обеспечении предупредительной деятельности субъектов профилактики [Текст] / В. И.

Майоров // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2019. – № 1(12). – С. 9–13.

229. Матвеева, Е. В. Домашнее насилие: проблема, факторы его определяющие и последствия у женщин, жертв домашнего насилия [Текст] / Е. В. Матвеева, Н. М. Пинегина // Научный альманах. – 2021. – № 12-2(86). – С. 98–101.

230. Нигматуллин, М. Р. Административная ответственность за побои: проблемы теории и практики [Текст] / М. Р. Нигматуллин // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 4. – С. 145–149.

231. Нигматуллин, М. Р. Проблемы производства по делам о правонарушениях, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ [Текст] / М. Р. Нигматуллин // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2019. – № 4 (50). – С. 146–152.

232. Овчинников, А. И. Правовая политика государства и ее стратегические приоритеты в сфере профилактики семейного насилия [Текст] / А. И. Овчинников // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2020. – № 1. – С. 126–129.

233. Очередько, В. П. Нормативно-правовое регулирование противодействия семейному насилию в современной России [Текст] / В. П. Очередько, В. С. Харламов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 3 (71). – С. 129–134.

234. Петрова, Т. А. Современная практика профилактики семейного неблагополучия и формирования основ ответственного родительства / Т. А. Петрова, М. П. Банаева // Научный портал МВД России. – 2024. – № 3(67). – С. 20-27.

235. Помогалова, Ю. В. Эффективность современных административно-правовых средств профилактики домашнего (семейного) насилия: российский и зарубежный опыт [Текст] / Ю. В. Помогалова, А. А. Антонов, И. А. Симакина, О. В. Шкеля // Вестник Воронежского института ФСИН России. – 2021. – № 4. – С. 205–214.

236. Равнюшкин, А. В. Административная ответственность за насилие в сиблинговых отношениях [Текст] / А. В. Равнюшкин // Сибирское юридическое обозрение. – 2023. – Т. 20, № 4. – С. 381–396.

237. Равнюшкин, А. В. Административно-процессуальные средства в механизме обеспечения прав граждан, подвергшихся семейному насилию [Текст] / А. В. Равнюшкин // Сибирское юридическое обозрение. – 2025. – Т. 22, № 3. – С. 423–440.

238. Равнюшкин, А. В. Административный и полицейский надзор как средства предупреждения и нейтрализации опасностей и рисков современного общества [Текст] / А. В. Равнюшкин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 3(74). – С. 43–50.

239. Равнюшкин, А. В. Имплементация рекомендаций Совета Европы о защите женщин от насилия в российское административное законодательство:

проблемы и перспективы [Текст] / А. В. Равнюшкин // Алтайский юридический вестник. – 2018. – № 2(22). – С. 83–88.

240. Равнюшкин, А. В. Коллегиальный принцип принятия в территориальных органах МВД России на районном уровне решения о постановке на профилактический учет лиц, допускающих правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющих опасность для окружающих [Текст] / А. В. Равнюшкин // Алтайский юридический вестник. – 2018. – № 1(21). – С. 71–76.

241. Равнюшкин, А. В. Насильственные действия как признак объективной стороны составов правонарушений, предусмотренных статьей 6.1.1 КоАП РФ и статьей 156 УК РФ [Текст] / А. В. Равнюшкин // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – Т. 19, № 3. – С. 310–321.

242. Равнюшкин, А. В. О добавлении в статью 6.1.1 КоАП РФ «Побои» квалифицированного состава (те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего и (или) совершеннолетнего лица в присутствии несовершеннолетнего) [Текст] / А. В. Равнюшкин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 1(52). – С. 167–174.

243. Равнюшкин, А. В. О компетенции полиции по защите прав и законных интересов граждан в сфере семейно-бытовых отношений [Текст] / А. В. Равнюшкин // Труды Академии управления МВД России. – 2013. – № 3(27). – С. 58–61.

244. Равнюшкин, А. В. О консолидации норм, регулирующих противодействие семейному насилию [Текст] / А. В. Равнюшкин // Административное право и процесс. – 2025. – № 2. – С. 62–65.

245. Равнюшкин, А. В. О необходимости разработки национальной концепции профилактики семейно-бытового насилия в России [Текст] / А. В. Равнюшкин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2021. – Т. 27, № 3(82). – С. 226–232.

246. Равнюшкин, А. В. О правовой коллизии в нормативно-правовом регулировании административной ответственности за совершение правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений [Текст] / А. В. Равнюшкин // Алтайский юридический вестник. – 2015. – № 1(9). – С. 68–72.

247. Равнюшкин, А. В. О проблемных аспектах административной ответственности за причинение побоев (ст. 6.1.1 КоАП РФ) [Текст] / А. В. Равнюшкин // Алтайский юридический вестник. – 2017. – № 3(19). – С. 61–65.

248. Равнюшкин, А. В. О формах воздействия, применяемых участковыми уполномоченными полиции при профилактике правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений (на примере Алтайского края) [Текст] / А. В. Равнюшкин // Научный портал МВД России. – 2017. – № 4(40). – С. 32–39.

249. Равнюшкин, А. В. Понятие «дебоширство» в отечественном праве: в XIX веке и на современном этапе [Текст] / А. В. Равнюшкин // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2011. – № 1(45). – С. 219–224.

250. Равнюшкин, А. В. Публично-правовой механизм защиты граждан от семейного насилия [Текст] / А. В. Равнюшкин // Сибирское юридическое обозрение. – 2024. – Т. 21, № 3. – С. 353–371.

251. Равнюшкин, А. В. Риск-ориентированный подход при осуществлении государственного надзора (контроля), осуществляемого территориальными органами МВД России: вопрос расширения сферы его применения [Текст] / А. В. Равнюшкин // Административное право и процесс. – 2018. – № 11. – С. 20–24.

252. Равнюшкин, А. В. Семейно-бытовое дебоширство как административное правонарушение: понятие и состав [Текст] / А. В. Равнюшкин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2011. – № 4(43). – С. 64–69.

253. Равнюшкин, А. В. Совершенствование системы предупреждения правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений [Текст] / А. В. Равнюшкин // Юристъ-Правоведъ. – 2017. – № 1(80). – С. 154–158.

254. Рачицкая, В. А. Административные правонарушения в сфере семейного насилия и проблемы их профилактики [Текст] / В. А. Рачицкая // Виктимология. – 2020. – № 4(26). – С. 37–45.

255. Репьев, А. Г. О некоторых проблемных аспектах производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Текст] / А. Г. Репьев, Е. В. Кашкина // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 4. – С. 248–253.

256. Ростовская, Т. К. Система профилактики семейного насилия глазами экспертов (по результатам социологического опроса) [Текст] / Т. К. Ростовская, М. П. Писклакова-Паркер, Н. Н. Безвербная // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2020. – Т. 13, № 6. – С. 112–119.

257. Спиридонов, П. Е. Административно-процессуальная форма и стадии как элементы характеристики административного процесса [Текст] / П. Е. Спиридонов // Сибирское юридическое обозрение. – 2021. – Т. 18, № 3. – С. 301–312.

258. Труфанов, М. Е. Проблемы квалификации состава административного правонарушения и доказывания вины по статье 6.1.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [Текст] / М. Е. Труфанов, Д. Н. Терехов // Вестник КРУ МВД России. – 2017. – № 1 (35). – С. 68–72.

259. Хлыстов, А. Н. Проблемы квалификации побоев при отграничении от умышленного причинения легкого вреда здоровью [Текст] / А. Н. Хлыстов, Ж. Я. Резник // Вестник Самарского юридического института. – 2017. – № 2 (24). – С. 81–86.

260. Швабауэр, А. В. Угрозы и истоки законопроекта о профилактике семейно-бытового насилия [Текст] / А. В. Швабауэр // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2020. – № 1 (56). – С. 14–20.

261. Шергин, А. П. Превенция правонарушений и средства ее реализации / А. П. Шергин // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2024. – № 5. – С. 194-202.

262. Durfee, A. Domestic Violence in the United States: Current Research, New Directions [Text] / A. Durfee, K. Rosenberg // Agenda for Social Justice Solutions. – 2004. – P. 72–80.

263. Goodlin, W. E. Three Patterns of Domestic Violence in Households: Single Victimization, Repeat Victimization, and Co-occurring Victimization [Text] / W. E. Goodlin, C. S. Dunn // Journal of Family Violence. – 2010. – № 25. – P. 107–122.

264. Malecha A., McFarlane J., Gist J., Watson K. B. Applying For and Dropping a Protection Order: A Stady with 150 women // Criminal Justice Policy Rewiew. – 2003 (December) – № 4(14) – P. 486–504.

265. Johansson, S. Implementing the Nordic Barnahus Model: Characteristics and Local Adaptions [Text] / S. Johansson, K. Stefansen, E. Bakketeig, A. Kaldal // Collaborating Against Child Abuse. – 2017. – P. 1–31.

266. Piquero, A. R. Toward a Better Estimate of Domestic Violence in America [Text] / A. R. Piquero, A. Wheeler // Crime & Delinquency. – 2025. – 08 Aug.

267. Sherman, L. W. The Minneapolis Domestic Violence Experiment [Text] / L. W. Sherman, R. A. Berk // Police Foundation Reports. – 1984. – April. – 38 p.

268. Straus, M. A. The Controversy about Domestic Violence by Women: A Methodological, Theoretical, and Sociology of Science Analysis [Text] / M. A. Straus // Violence in Intimate Relationships / X. B. Arriaga, S. Ocamp (Eds.). – Thousand Oaks : Sage, 1999. – P. 1–32.

269. Van Berkel, Sh. R. The Combination of Sibling Victimization and Parental Child Maltreatment on Mental Health Problems and Delinquency [Text] / Sh. R. Van Berkel, C. J. Tucker, D. Finkelhor // Child Maltreatment. – 2018. – Vol. 23, Iss. 3. – P. 244–253.

270. Zhao, F. Child protection in China: Changing policies and reactions from the field of social work [Text] / F. Zhao, J. Hämäläinen, H. Chen // International Journal of Social Welfare. – 2017. – Vol. 26. – P. 329–339.

VI. Диссертации и авторефераты диссертаций

271. Адмиралова, И. А. Административно-правовое обеспечение деятельности полиции по защите и охране прав и свобод граждан : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Адмиралова Ирина Александровна. – М., 2018. – 58 с.

272. Акимжанов, Е. С. Административно-правовая защита от домашнего насилия в Республике Казахстан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / Акимжанов Ерик Серикович. – М., 2023. – 24 с.

273. Бачурин, А. Г. Полиция в административно-правовом механизме обеспечения правопорядка в период подготовки и проведения массовых и

публичных мероприятий : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Бачурин Александр Геннадьевич. – Н. Новгород, 2019. – 238 с.

274. Бутова, Е. В. Механизм административно-правового регулирования обеспечения экологической безопасности в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Бутова Екатерина Владимировна. – Белгород, 2018. – 226 с.

275. Головкина, А. Г. Государственная система профилактики правонарушений в современной России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Головкина Анастасия Геннадьевна. – М., 2011. – 26 с.

276. Грищенко, А. И. Взаимодействие между аппаратами уголовного розыска и оперативными аппаратами исправительно-трудовых учреждений в предупреждении рецидива преступлений со стороны лиц, освобожденных из исправительно-трудовых учреждений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.00 / Грищенко Анатолий Иванович. – М., 1981. – 25 с.

277. Дихтиевский, П. В. Административно-правовое принуждение в механизме обеспечения личной безопасности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Дихтиевский Петр Васильевич. – М., 2004. – 51 с.

278. Зимин, Е. А. Механизм обеспечения конституционных прав человека в сфере деятельности полиции: на примере США : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Зимин Евгений Алексеевич. – М., 2015. – 27 с.

279. Истратов, А. А. Административно-правовой механизм обеспечения режима пребывания в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Истратов Артем Анатольевич. – М., 2007. – 218 с.

280. Ким, Е. В. Административно-правовой механизм обеспечения прав граждан Российской Федерации в сфере защиты населения от чрезвычайных ситуаций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Ким Евгения Владимировна. – Хабаровск, 2012. – 23 с.

281. Кошелев, И. Н. Административно-правовой механизм противодействия коррупции и обеспечения собственной безопасности органов внутренних дел Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Кошелев Игорь Николаевич. – М., 2009. – 26 с.

282. Лапаев, И. С. Механизм обеспечения юридической безопасности в Российской Федерации: вопросы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Лапаев Илья Сергеевич. – Саратов, 2013. – 207 с.

283. Недоступенко, Т. А. Административная ответственность за побои : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / Недоступенко Татьяна Александровна. – Белгород, 2023. – 31 с.

284. Папкова, Т. П. Совершенствование системы предупреждения преступлений и иных правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Папкова Татьяна Петровна. – М., 2003. – 210 с.

285. Пичкур, А. П. Полиция в административно-правовом механизме обеспечения общественной безопасности на железнодорожном транспорте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / Пичкур Анна Петровна. – СПб., 2022. – 30 с.

286. Праницкая, Т. О. Конституционно-правовой механизм обеспечения неприкосновенности частной жизни : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Праницкая Татьяна Олеговна. – Белгород, 2010. – 201 с.

287. Равнюшкин, А. В. Административно-правовые средства предупреждения и пресечения органами внутренних дел правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Равнюшкин Александр Викторович. – М., 2015. – 24 с.

288. Сейдахметова, А. У. Административно-правовые основы деятельности сотрудников полиции по профилактике семейно-бытового насилия (по материалам Республики Казахстан) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / Сейдахметова Асемгуль Уахитовна. – СПб., 2025. – 31 с.

289. Соловей, Ю. П. Усмотрение в административной деятельности советской милиции : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Соловей Юрий Петрович. – М., 1982. – 210 с.

290. Степенко, В. Е. Административно-правовой механизм обеспечения режима функционирования государственной границы Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Степенко Валерий Ефремович. – Хабаровск, 2006. – 310 с.

291. Струков, В. А. Административно-правовое регулирование деятельности участкового уполномоченного полиции по профилактике правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.2 / Струков Виталий Александрович. – М., 2023. – 225 с.

292. Струнков, С. К. Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Струнков Сергей Константинович. – Саратов, 2003. – 187 с.

293. Тихий, Р. С. Проблемы правового регулирования административных процедур в Российской Федерации: регионально-правовой аспект : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Тихий Роман Сергеевич. – Тюмень, 2005. – 26 с.

294. Уханкин, В. В. Конституционно-правовой механизм обеспечения государственной целостности Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Уханкин Владимир Владимирович. – М., 2009. – 204 с.

295. Федчук, И. Л. Административно-правовые средства противодействия правонарушениям, совершаемым в сфере семейно-бытовых отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.14 / Федчук Иван Леонтьевич. – Минск, 2011. – 24 с.

296. Филиппов, А. Н. Конституционно-правовой механизм обеспечения единства правового пространства Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Филиппов Александр Николаевич. – Чебоксары, 2013. – 234 с.

297. Шундиков, К. В. Цели и средства в праве (общетеоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Шундиков Константин Валентинович. – Саратов, 1999. – 26 с.

298. Ягудин, Р. А. Механизм обеспечения защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Ягудин Ринат Амирович. – СПб., 2004. – 26 с.

VII. Электронные ресурсы

299. Верховный Суд Российской Федерации : официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vsrf.ru (дата обращения: 11.03.2026).

300. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Семейные тайны : мониторинг : [опрос от 05.09.2025] [Электронный ресурс]. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semeinye-tainy-monitoring (дата обращения: 10.03.2026).

301. Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие» [Электронный ресурс]. – URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 09.03.2026).

302. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год — URL: https://rg.ru/documents/2025/02/26/doklad-2024-god-site-dok.html?ysclid=mt3149ukfs334271147&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F (дата обращения; 09.07.2025).

303. Жестокое обращение с детьми. Основные факты [Электронный ресурс] // Всемирная организация здравоохранения. – URL: https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/child-maltreatment (дата обращения: 09.10.2023).

304. Конституционный Суд Российской Федерации : официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ksrf.ru (дата обращения: 11.03.2026).

305. Кризисный центр (г. Челябинск) : официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://crisiscenter74.ru (дата обращения: 26.02.2026).

306. Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: https://мвд.рф (дата обращения: 11.03.2026).

307. Миллер, Н. Насилие в семье: обзор законодательства штатов, определяющего обязанности и полномочия полиции и прокуратуры (2004) [Электронный ресурс] / Н. Миллер. – URL: http://www.ilj.org/publications/docs/Domestic_Violence_Legislation.pdf (дата обращения: 10.04.2025).

308. Москалькова предложила вернуться к вопросу об ответственности за насилие в семье. 19 июня 2024. — URL: https://tass.ru/obschestvo/21142469 (дата обращения; 09.07.2025).

309. На международном семинаре Уполномоченный по правам человека Татьяна Мерзлякова выступила с докладом о взаимодействии с институтами гражданского общества в сфере профилактики домашнего насилия — URL: https://ombudsman.midural.ru/news/show/id/4289/news_category/main (дата обращения: 09.07.2025).

310. Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 11.03.2026).

311. Президент России : официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: http://kremlin.ru (дата обращения: 11.03.2026).

312. Проект закона о профилактике семейно-бытового насилия [Электронный ресурс] // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. – URL: http://council.gov.ru/services/discussions/themes/110611/ (дата обращения: 11.03.2024).

313. Российская газета [Электронный ресурс]. – URL: https://rg.ru (дата обращения: 11.03.2026).

314. Семья и родительство в современной России. Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации. Отчет о результатах исследования Института социологии РАН. 2009. URL: https://fond-detyam.ru/upload/iblock/ea0/Семья%20и%20родительство%20в%20современной%20России.pdf?ysclid=mufcfmkvzx879476626 (дата обращения: 29.06.2025).

315. Справочная правовая система «Гарант» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.garant.ru (дата обращения: 10.03.2026). – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

316. Справочная правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru (дата обращения: 10.03.2026). – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

317. Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт) [Электронный ресурс]. – URL: https://sudact.ru (дата обращения: 10.03.2026).

318. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 11.03.2026).

319. Факты и цифры: искоренение насилия в отношении женщин [Электронный ресурс] // ООН-женщины. – URL: https://eca.unwomen.org/ru/stories/explainer/2023/12/fakty-i-cifry-iskorenenie-nasiliya-v-otnoshenii-zhenschin (дата обращения: 01.05.2025).

320. Piquero, A. R. Toward a Better Estimate of Domestic Violence in America [Electronic resource] / A. R. Piquero, A. Wheeler // Crime & Delinquency. – 2025. – URL: https://journals.sagepub.com/home/cad (date of access: 09.03.2026).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Статистические данные МВД России о правонарушениях в сфере семейно-бытовых отношениях, в том числе по фактам насилия

Сводный отчет по России (полугодие)
О профилактической работе органов внутренних дел
(сформирован с учетом требований приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429)
январь-декабрь 2023 года ф. 578 кн.1, январь-декабрь 2024 года ф. 578 кн.1, январь-декабрь 2025 ф.578 кн. 1

Раздел 2. Сведения о преступлениях, совершенных на бытовой почве и совершенных в сфере семейно-бытовых отношений

	2023 г.	2024 г.	2025 г.
совершенных на бытовой почве, в том числе в сфере **семейно- бытовых отношений**, из них	56713 39312	48457 33307	37597 26806
тяжкие и особо тяжкие	4176	3865	3266
убийство ст.105 УК	986	933	767
умышленное причин. тяжкого вреда здоровью ст.111 УК	2862	2694	2263
умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью ст.112 УК	2947	2563	2091
умышленное причинение легкого вреда здоровью ст.115 УК	7995	6734	5612
побои ст.116 УК	4	5	5
нанесение побоев лицом, подвергнутым адм. наказанию ст.116.1 УК	5625	4845	3684
истязание ст.117 УК	1142	847	745
угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью ст.119 УК	15625	13970	11057

Раздел 4. Сведения о результатах работы органов внутренних дел по рассмотрению заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествия

		2023 г.	2024 г.	2025 г.
Рассмотрено заявлений, сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, а также обращений граждан (за исключением направленных по территориальности	1. Всего сотрудниками ОВД	33555881 (+2,7 %)	32923475 (-1,9 %)	30651548 (-6,9%)
	1.1 по фактам насилия в сфере семейно- бытовых отношений:	1348055 (-2,5 %)	1443199 (+7,1 %)	1093431 (-24,2 %)
	1.1.2 повторно совершены одним и тем же лицом в течение одного года	64881 (+0,9 %)	75151 (+15,8 %)	78165 (+4,0 %)
	1.1.3 в отношении одного и того же лица	28335 (-8,6 %)	29634 (+4,6 %)	27661 (-6,7 %)
	1.1.4 в отношении женщин	554482 (+0,5 %)	505761 (-8,8%)	433403 (-14,3 %)
	1.2 в том числе из них приняты решения о передаче по подследственности (подсудности)	1371171 (0,0)	1290317 (-5,9 %)	1121470 (-13,1 %)
	1.2.1 в мировой суд по фактам насилия в сфере семейно-бытовых отношений –	34299 (-7,9 %)	24174 (-29,5 %)	17617 (-27,1 %)
	1.3 приняты решения в возбуждении дела об административном правонарушении	3427591 (-6,9 %)	3565681 (+4,0 %)	2994575 (-16,0 %)
	1.3.1 по фактам насилия в сфере семейно-бытовых отношений	139611 (-11,7 %)	288189 (+106,4 %)	249651 (-13,4 %)
	1.4 приняты решения о вынесении определения об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении либо постановления о прекращении производства по делу об административном правонарушении	4306873 (+7,5 %)	4151178 (-3,6 %)	3671177 (-11,6 %)
	1.4.1 из них по фактам насилия в сфере семейно-бытовых отношений	362512 (+4,5 %)	363755 (+0,3 %)	346208 (-4,8 %)

	1.5 Выявлено правонарушений, предусмотренных статьей 6.1.1 «Побои» КоАП, совершенных в сфере семейно-бытовых отношений:			
	1.5.1 в ходе профилактического обхода	30660 (+0,2%)	24336 (-20,6 %)	16931 (-30,4 %)
	1.5.2 по поступившим заявлениям граждан	105713 (- 13,6%)	108311 (+2,5 %)	90054 (-16,9 %)
	1.5.(1-2).1 по ним приняты решения о			
	1.5.(1-2).1.1 прекращении производства по делу об административном правонарушении	32816 (-15, %)	35408 (+7,9 %)	31719 (-10,4 %)
	1.5.(1-2).1.2 наложении административного штрафа	49434 (-10%)	48579 (-1,7 %)	40080 (-17,5 %)
	1.5.(1-2).1.3 назначении административного ареста	5422 (+2,4%)	9143 (+68,6 %)	3408 (-62,7 %)
	1.5.(1-2).1.4 назначении обязательных работ	4528 (-9,7 %)	3727 (-17,7 %)	2493 (- 33,1 %)

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Результаты опроса россиян о семейно-бытовом насилии. Аналитический центр ВЦИОМ. Москва, 25 сентября 2025 г. // https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semeinye-tainy-monitoring

Под семейными отношениями мы понимаем отношения между людьми, которые вместе живут семьей, ведут совместное хозяйство. Отношения в семьях складываются по-разному и порой вспыхивают конфликты. Доходит иногда и до применения силы, побоев. Знаете ли Вы о таких случаях в знакомых Вам семьях или о таких случаях Вам ничего не известно?

(закрытый вопрос, до двух ответов, в % от всех опрошенных)

	2017	2020	2025
Такие случаи бывали в знакомых мне семьях	32	35	30
Такие случаи бывали в моей семье	10	13	10
Мне о таких случаях ничего не известно*	62	49	61
Затрудняюсь ответить	1	3	3

**В 2017 г. вариант ответа звучал следующим образом: «Ни в моей, ни в знакомых мне семьях таких случаев не было».*

Под семейными отношениями мы понимаем отношения между людьми, которые вместе живут семьей, ведут совместное хозяйство. Отношения в семьях складываются по-разному и порой вспыхивают конфликты. Доходит иногда и до применения силы, побоев. Знаете ли Вы о таких случаях в знакомых Вам семьях или о таких случаях Вам ничего не известно?

(закрытый вопрос, до двух ответов, в % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	Мужской	Женский	Поколение цифры (2001 г. и позднее)	Младшие миллениалы (1992–2000)	Старшие миллениалы (1982–1991)	Реформенное поколение (1968–1981)	Поколение застоя (1948–1967)	Поколение оттепели (до1947)
Такие случаи бывали в знакомых мне семьях	30	27	34	44	29	36	33	25	14
Такие	10	7	12	14	17	6	9	8	10

случаи бывали в моей семье									
Мне о таких случаях ничего не известно	61	65	57	52	59	59	59	65	69
Затрудняюсь ответить	3	3	2	0	0	2	2	4	10

Как Вы считаете, семей, которые сталкиваются с семейно-бытовым насилием, в нашей стране скорее много или скорее мало?
(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

	2020	2025
Скорее много	57	45
Скорее мало	33	35
Затрудняюсь ответить	10	20

Как Вы считаете, семей, которые сталкиваются с семейно-бытовым насилием, в нашей стране скорее много или скорее мало?
(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	Мужской	Женский	Поколение цифры (2001 г. и позднее)	Младшие миллениалы (1992–2000)	Старшие миллениалы (1982–1991)	Реформенное поколение (1968–1981)	Поколение застоя (1948–1967)	Поколение оттепели (до 1947)
Скорее много	45	35	53	62	54	54	42	35	31
Скорее мало	35	43	28	30	35	30	38	38	35
Затрудняюсь ответить	20	22	19	8	11	16	20	27	34

Как Вы считаете, семей, которые сталкиваются с семейно-бытовым насилием, в нашей стране скорее много или скорее мало?
(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	Знаете ли Вы о таких случаях в знакомых Вам семьях или о таких случаях Вам ничего не известно?		
		Такие случаи бывали в знакомых мне семьях	Такие случаи бывали в моей семье	Мне о таких случаях ничего не известно
Скорее много	45	61	76	35
Скорее мало	35	27	15	41
Затрудняюсь ответить	20	12	9	24

Одни люди считают, что если такой случай в семье, когда кто-то из супругов поднял руку на другого супруга, произошел только один раз, то это можно простить. Другие считают, что даже первый такой случай не следует прощать супругу. А как считаете Вы?
(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

	2019	2025
Следует простить	39	28
Не следует прощать	50	55
Затрудняюсь ответить	11	17

Одни люди считают, что если такой случай в семье, когда кто-то из супругов поднял руку на другого супруга, произошел только один раз, то это можно простить. Другие считают, что даже первый такой случай не следует прощать супругу. А как считаете Вы?
(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	Мужской	Женский	Поколение цифры (2001 г. и позднее)	Младшие миллениалы (1992–2000)	Старшие миллениалы (1982–1991)	Реформенное поколение (1968–1981)	Поколение застоя (1948–1967)	Поколение оттепели (до1947)
Следует простить	28	37	20	22	18	23	29	35	34

	Все опрошенные	Мужской	Женский	Поколение цифры (2001 г. и позднее)	Младшие миллениалы (1992–2000)	Старшие миллениалы (1982–1991)	Реформенное поколение (1968–1981)	Поколение застоя (1948–1967)	Поколение оттепели (до1947)
Не следует прощать	55	41	67	69	67	61	51	46	51
Затрудняюсь ответить	17	22	13	9	15	16	20	19	15

Одни люди считают, что если такой случай в семье, когда кто-то из супругов поднял руку на другого супруга, произошел только один раз, то это можно простить. Другие считают, что даже первый такой случай не следует прощать супругу. А как считаете Вы?
(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	Знаете ли Вы о таких случаях в знакомых Вам семьях или о таких случаях Вам ничего не известно?		
		Такие случаи бывали в знакомых мне семьях	Такие случаи бывали в моей семье	Мне о таких случаях ничего не известно
Следует простить	28	29	24	28
Не следует прощать	55	57	64	54
Затрудняюсь ответить	17	14	12	18

Как Вы считаете, людям, которые сталкиваются с семейно-бытовым насилием, следует решать возникающие конфликты внутри семьи или следует обратиться за помощью, например, к родственникам или за защитой в общественные институты?
(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

	2025
Следует решать конфликты внутри семьи	31
Следует обращаться в полицию	25
Следует обращаться за помощью к родственникам	16

	2025
Следует обращаться в социальные службы	15
Затрудняюсь ответить	13

Как Вы считаете, людям, которые сталкиваются с семейно-бытовым насилием, следует решать возникающие конфликты внутри семьи или следует обратиться за помощью, например, к родственникам или за защитой в общественные институты?
(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	Мужской	Женский	Поколение цифры (2001 г. и позднее)	Младшие миллениалы (1992–2000)	Старшие миллениалы (1982–1991)	Реформенное поколение (1968–1981)	Поколение застоя (1948–1967)	Поколение оттепели (до1947)
Следует решать конфликты внутри семьи	31	40	24	29	26	31	29	35	36
Следует обращаться в полицию	25	17	32	33	31	27	28	18	18
Следует обращаться за помощью к родственникам	16	16	16	13	13	15	17	20	11
Следует обращаться в социальные службы	15	12	17	19	22	16	15	11	10
Затрудняюсь ответить	13	15	11	6	8	11	11	16	25

Как Вы считаете, людям, которые сталкиваются с семейно-бытовым насилием, следует решать возникающие конфликты внутри семьи или следует обратиться за помощью, например, к родственникам или за защитой в общественные институты?
(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	Знаете ли Вы о таких случаях в знакомых Вам семьях или о таких случаях Вам ничего не известно?		
		Такие случаи бывали в знакомых мне семьях	Такие случаи бывали в моей семье	Мне о таких случаях ничего не известно
Следует решать конфликты внутри семьи	31	28	26	33
Следует обращаться в полицию	25	30	35	22
Следует обращаться за помощью к родственникам	16	16	13	16
Следует обращаться в социальные службы	15	16	12	15
Затрудняюсь ответить	13	10	14	14

Как Вы считаете, людям, которые сталкиваются с семейно-бытовым насилием, следует решать возникающие конфликты внутри семьи или следует обратиться за помощью, например, к родственникам или за защитой в общественные институты?
(закрытый вопрос, один ответ, в % от всех опрошенных)

	Все опрошенные	Одни люди считают, что если такой случай в семье, когда кто-то из супругов поднял руку на другого супруга, произошел только один раз, то это можно простить. Другие считают, что даже первый такой случай не следует прощать супругу. А как считаете Вы?	
		Следует простить	Не следует прощать
Следует решать конфликты внутри семьи	31	48	23
Следует обращаться в полицию	25	13	35
Следует обращаться за помощью к родственникам	16	21	15
Следует обращаться в социальные службы	15	9	17
Затрудняюсь ответить	13	9	10

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

Анкетирование граждан Российской Федерации

Основные понятия, используемые в целях анкетирования граждан:

1) Семейное (домашнее) насилие как противоправное и наказуемое явление представляет собой совершенный физический и психологический или психологический акт агрессора (одноразовый или повторный/цикличный) при семейно-бытовом конфликте, преднамеренно направленный на причинение физического и психологического вреда лицу, проживающему совместно с агрессором в качестве члена семьи, сожителя (лиц, ведущих совместное хозяйство), использующего знания о наиболее уязвимых и незащищенных сторонах личности жертвы, ее ценностях с целью реализации своих личных амбиций и устремлений или в целях освобождения от различных притязаний при возникновении/обострении объективных негативных факторов или без таковых.

2) Под наказуемым административно противоправным насилием, совершаемом в сфере семейно-бытовых отношений, понимается нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, в том числе причинивших физическую боль, но не повлекших уголовно-наказуемых последствий, а также акты психологического насилия (угрозы причинения насилия, не опасного для жизни или здоровья, нарушение спокойствия граждан в семье, унижение человеческого достоинства, создание конфликтной ситуации, умышленное повреждение имущества члена семьи), которые выражены, как правило, на фоне семейно-бытового конфликта и причиняют ущерб нравственности, оказывают деморализующее и психотравмирующее воздействие на членов семьи и лиц, совместно проживающих и ведущих с агрессором общее хозяйство.

3) Судебное защитное предписание (охранный ордер) – акт суда, применяемый в рамках административного судопроизводства по семейным делам о насилии, в котором агрессору запрещается приближаться к пострадавшему или к ее месту проживания/жительства, продолжать звонить ему или иным образом беспокоить его. Это также применимо, когда между агрессором и жертвой отсутствуют зарегистрированные семейные отношения.

4) Защитное предписание – установление гражданину, совершившему семейное (домашнее) насилие, временных запретов на совершение определенных действий и обязанности для защиты жизни и здоровья пострадавшего от домашнего насилия.

Защитным предписанием гражданину, в отношении которого оно применено, может быть запрещено:

предпринимать попытки выяснять место пребывания пострадавшего (пострадавших) от семейного (домашнего) насилия, если этот пострадавший (пострадавшие) находится (находятся) в месте, неизвестном гражданину, совершившему домашнее насилие;

посещать места нахождения пострадавшего (пострадавших) от домашнего насилия, если этот пострадавший (пострадавшие) временно находится (находятся) вне совместного места жительства или места пребывания;

общаться с пострадавшим (пострадавшими) от домашнего насилия, в том числе по телефону, с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет;

распоряжаться общей совместной с пострадавшим (пострадавшими) от домашнего насилия собственностью.

Защитным предписанием гражданину, в отношении которого оно применено, может быть установлена обязанность временно покинуть общее с пострадавшим (пострадавшими) от домашнего насилия жилое помещение.

Защитное предписание применяется либо продлевается уполномоченным должностным лицом органа внутренних дел с письменного согласия совершеннолетнего пострадавшего (пострадавших) от домашнего насилия с учетом оценки вероятности продолжения либо повторного совершения домашнего насилия, наступления тяжких либо особо тяжких

последствий его совершения, в том числе смерти пострадавшего от домашнего насилия (далее – риск домашнего насилия).

Поставьте галочку в выбранном варианте предлагаемого ответа

1. Является ли проблема совершения актов семейного (домашнего) насилия актуальным в нашей стране?

☐ Да

☐ Нет

☐ Воздержусь от ответа, потому что _____

_____

_____

_____

2. Какие, по-Вашему мнению, формы образуют семейное (домашнее) насилие? Раскройте, что под этими формами понимается:

☐ Физическое насилие, под которым понимается_____

_____

_____

_____

☐ Психическое насилие, под которым понимается_____

_____

_____

_____

☐ Сексуальное насилие, под которым понимается _____

_____

_____

_____

☐ Экономическое насилие, под которым понимается_____

_____

_____

_____

☐ Иные формы семейного (домашнего) насилия, которые понимаются как _____

_____

_____

_____

_____

Комментарий к ответу (при наличии) _____
_____
_____
_____
_____

3. Можете ли Вы согласиться с утверждением, что в основе российских традиционных духовно-нравственных ценностей, связанных с семейным воспитанием детей, лежит принцип почитания родителей, подразумевающий признание старшинства родителей, уважение к опыту, мудрости и авторитету старшего поколения, равно как и родители должны заслуживать уважение своим поведением и отношением к детям?

☐ Да

☐ Нет

☐ Воздержусь от ответа, потому что _____
_____
_____
_____

4. Согласны ли Вы с утверждением, что для воспитания детей должны использоваться методы, не связанные с их наказаниями и насилием (например, положительное подкрепление (использование позитивного подхода - сосредоточение на поощрении и поддержке детей), лишение привилегий или возможностей (лишение права пользоваться смартфоном или интернетом в течение какого-то периода времени), объяснение правил и последствий поступков, создание безопасной и комфортной среды, Совместное решение проблем (включение ребёнка в процесс принятия решений и поиска альтернативных способов поведения)) ?

☐ Да

☐ Нет

☐ Воздержусь от ответа, потому что _____
_____
_____

Комментарий к ответу (при наличии) _____
_____
_____
_____

5. Допускается ли физическое (телесное) наказание как средство воздействия на детей в случаях, когда отсутствует их положительная реакция на родительское веление, сочетаемое с родительской строгостью?

☐ Да

☐ Нет

☐ Воздержусь от ответа, потому что _____
_____
_____
_____

Комментарий к ответу (при наличии) _____

_____
_____
_____

6. Применяли родители по отношению к Вам физическое (телесное) наказание?

☐ Да

☐ Нет

☐ Воздержусь от ответа, потому что _____
_____
_____
_____

7. Если «Да», то считаете ли Вы сейчас, что телесное наказание в детстве имело негативное воздействие на Вашу личность и причинило вред или, наоборот, способствовало выработке дисциплинированности и других положительных качеств?

☐ Имело негативное воздействие

☐ Способствовало выработке дисциплинированности и других положительных качеств

☐ Воздержусь от ответа, потому что _____
_____
_____

Комментарий к ответу (при наличии) _____
_____
_____
_____

8. Согласны ли Вы с представленным перечнем принципов семейного воспитания детей:

а) доброжелательность, любовь и милосердие;

б) вовлечение детей в жизнедеятельность семьи как ее полноценных членов;

в) открытость и доверительность отношений с детьми;

г) оптимистичность взаимоотношений в семье;

д) последовательность и разумность родителей в своих требованиях;

е) оказание посильной помощи ребенку в его жизнедеятельности;

ж) готовность к диалогу с ребёнком и членами семьи, понять и принять своего ребенка таким, каков он есть;

з) воспитательные воздействия должны строиться с учетом возрастных, половых и индивидуальных особенностей;

и) диалектическое единство искреннего, глубокого уважения к личности и высокой требовательности;

к) доброжелательность как черта личности родителей – идеальная модель для подражания детей;

л) воспитание должно строиться с опорой на положительное в растущем человеке.

☐ Да

☐ Нет

☐ Воздержусь от ответа, потому что _____
_____
_____
_____

Комментарий к ответу (при наличии) _____
_____
_____
_____

9. Достаточно ли в нашей стране правовых средств противодействия семейному насилию, в том числе применяемых полицией?

☐ Да

☐ Нет

☐ Воздержусь от ответа, потому что _____
_____
_____
_____

Комментарий к ответу (при наличии) _____
_____
_____
_____

10. Как Вы думаете, что в большей степени необходимо расширить: перечень применяемых правовых средств профилактики семейного насилия или мер социально-правовой защиты жертв этого насилия и мер реабилитация лиц, подвергнутых насилию в семье?

☐ Расширить перечень правовых средств (мер) профилактики

☐ Расширить перечень мер социально-правовой защиты

☐ Расширить перечень и тех и других

☐ Расширять перечень вышеназванных мер не нужно, их достаточно

☐ Воздержусь от ответа, потому что _____
_____
_____
_____

Комментарий к ответу (при наличии), напишите, какие меры следует добавить в перечень_____
_____
_____

11. Следует ли установить в Кодексе об административном производстве Российской Федерации возможность обращения граждан за установлением в отношении семейного агрессора мер в виде судебного ордера (судебного защитного предписания)?

☐ Да

☐ Нет

☐ Воздержусь от ответа, потому что _____
_____
_____

Комментарий к ответу (при наличии) _____
_____
_____
_____

12. Следует ли полиции предоставить право объявить защитное предписание

☐ Да

☐ Нет

☐ Воздержусь от ответа, потому что _____
_____
_____

Комментарий к ответу (при наличии) _____
_____
_____
_____

Результаты анкетирования граждан Российской Федерации

Анкета опубликована; https://forms.yandex.ru/admin/693d498f902902c8adf0e147/answers?view=stats (результаты - https://forms.yandex.ru/admin/693d498f902902c8adf0e147/answers?view=stats) (486 ответов, из них 185 ответов дистанционно)

Напишите, в каком регионе Российской Федерации проживаете?

Субъект Российской Федерации	Число опрошенных граждан РФ
Алтайский край	9
Брянская область	3
Волгоград	7
Воронеж	4
Кабардино-Балкария	3
Калининград	9
Калмыкия	3
Кемеровская область	14
Кировская область	2
Краснодар	13
Красноярский край	7
Ленинградская область	134
Москва	33
Омск	6
Республика Алтай	7
Республика Башкортостан	8
Республика Дагестан	3
Республика Карелия	11
Республика Коми	13

Республика Крым	13
Республика Пермь	4
Республика Тыва	1
Санкт-Петербург	167
Татарстан	12
ИТОГО	486

Укажите Ваш пол:

Женский – 322 (66,26 %)
Мужской – 164 (33,74 %3)

Сколько вам лет?

18-25 лет – 167 (34,43 %)
26-40 лет – 169 (34,77 %)
41-55 лет – 145 (29,84 %)
более 55 лет – 53 (1,03 %)

Семейное положение -

Женат/ за мужем – 282 (58,02 %)
холост/не замужем – 204 (41,98 %)

Имеются ли у Вас на иждивении дети?

Нет – 266 (54,73 %)
Да – 218 (44,86 %)
Воздержусь от ответа – 2 (0,41 %)

Имеются ли у Вас на иждивении инвалиды и престарелые лица?

Нет – 462 (95,06 %)
Да – 23 (4,73 %)
Воздержусь от ответа – 1 (0,21 %)

1. Является ли проблема совершения актов семейного (домашнего) насилия актуальным в нашей стране?

Да – 431 (88,68 %)
Нет – 35 (7,2 %)
Воздержусь от ответа – 20 (4,12 %)

2. Какие, по-Вашему мнению, формы образуют семейное (домашнее) насилие? (в качестве ответа можно указать физическое, психологическое, экономическое, сексуальное и иное). Раскройте, что под этими формами понимается:

Форма насилия	Что к ней относится (действия, описанные респондентами)	Доля респондентов, упомянувших форму (%)
Физическое	• Побои, нанесение ударов, рукоприкладство • Причинение телесных повреждений (ссадины, синяки, ушибы) • Тяжкие повреждения (переломы, увечья, вред здоровью различной степени) • Истязания, причинение физической боли • Насильственное удержание, ограничение передвижения • Семейное дебоширство, агрессивные нападения • Причинение смерти (упоминается в контексте крайних форм)	**90%**
Психологическое (Психическое)	• Оскорбления, унижения чести и достоинства • Угрозы (убийством, причинением вреда), шантаж • Преследование, травля, издевательства • Провокация конфликтов, скандалы • Психическое давление, запугивание • Контроль, манипуляции, газлайтинг (например: "внушение жертве мысли, что она без него ничего не представляет") • Поведенческая система манипуляций (надуманные обиды, истерики, демонстративное замыкание в себе) • Пренебрежение, абьюз	**92%**
Экономическое	• Финансовая зависимость одного члена семьи от другого • Лишение материальных благ, жилищный вопрос • Обещание действий (например, еды) взамен на попрошайничество или другие услуги • Использование материальной зависимости для давления	**11%**
Сексуальное	• Изнасилование • Вынуждение совершения действий сексуального характера против воли • Совершение сексуальных действий взрослым по отношению к несовершеннолетнему	**15%**
Иное (особые	• **Причины насилия:** Алкоголизация	**9%**

мнения и наблюдения)	населения, отсутствие культуры взаимодействия и ответственности. • **Особенности:** Мнение, что психологическое насилие передается из поколения в поколение. • **Отрицание форм:** Мнение, что экономическое насилие — это не насилие, а "влияние". • **Специфические формы:** психологическое насилие женщины над мужчиной (через манипуляции и истерики). • **Взаимосвязь: р**еспонденты часто отмечают, что формы насилия смешаны (например, психологическое почти всегда сопровождает физическое или экономическое). • **Дополнительные действия:** повреждение имущества, "иные" формы, не попавшие в основные категории.

Примечание: проценты рассчитаны от общего числа ответов (486 респондентов). Сумма процентов превышает 100%, так как один респондент мог упомянуть несколько форм насилия.

3. Можете ли Вы согласиться с утверждением, что в основе российских традиционных духовно-нравственных ценностей, связанных с семейным воспитанием детей, лежит принцип почитания родителей, подразумевающий признание старшинства родителей, уважение к опы ту, мудрости и авторитету старшего поколения, равно как и родители должны заслуживать уважение своим поведением и отношением к детям?

Да – 454 (93,42 %)
Нет – 21 (4,32 %)
Воздержусь от ответа – 11 (2,26 %)

4. Согласны ли Вы с утверждением, что для воспитания детей должны использоваться методы, не связанные с их наказаниями и насилием (например, положительное подкрепление (использование позитивного подхода - сосредоточение на поощрении и поддержке детей), лишение привилегий или возможностей (лишение права пользоваться смартфоном или интернетом в течение какого-то периода времени), объяснение правил и последствий поступков, создание безопасной и комфортной среды, Совместное решение проблем (включение ребёнка в процесс принятия решений и поиска альтернативных способов поведения)) ?

Да – 438 (90,12 %)
Нет – 21 (4,32 %)
Воздержусь от ответа – 27 (5,76 %)

5. Допускается ли физическое (телесное) наказание как средство воздействия на детей в случаях, когда отсутствует их положительная реакция на родительское веление, сочетаемое с родительской строгостью?

Нет – 246 (50,62 %)
Да – 100 (20,58 %)
Воздержусь от ответа – 140 (28,8 %)

6. Применяли родители по отношению к Вам физическое (телесное) наказание?

Да – 218 (44,86 %)

Нет – 213 (43,83 %)
Воздержусь от ответа – 62 (12,76%)

7. Если «Да», то считаете ли Вы сейчас, что телесное наказание в детстве имело негативное воздействие на Вашу личность и причинило вред или, наоборот, способствовало выработке дисциплинированности и других положительных качеств?

Воздержусь от ответа – 245 (50,41 %)
Способствовало выработке дисциплинированности и других положительных качеств – 176 (36,21 %)
Имело негативное воздействие – 65 (13,37 %)

8. *Согласны ли Вы с представленным перечнем принципов семейного воспитания детей:*

а) доброжелательность, любовь и милосердие;
б) вовлечение детей в жизнедеятельность семьи как ее полноценных членов;
в) открытость и доверительность отношений с детьми;
г) оптимистичность взаимоотношений в семье;
д) последовательность и разумность родителей в своих требованиях;
е) оказание посильной помощи ребенку в его жизнедеятельности;
ж) готовность к диалогу с ребёнком и членами семьи, понять и принять своего ребенка таким, каков он есть;
з) воспитательные воздействия должны строиться с учетом возрастных, половых и индивидуальных особенностей;
и) диалектическое единство искреннего, глубокого уважения к личности и высокой требовательности;
к) доброжелательность как черта личности родителей – идеальная модель для подражания детей;
л) воспитание должно строиться с опорой на положительное в растущем человеке.

Да – 467 (96,09 %)
Воздержусь от ответа – 19 (3,91 %)
Нет – 0

9. *Достаточно ли в нашей стране правовых средств противодействия семейному насилию, в том числе применяемых полицией?*

Нет – 381 (78,4 %)
Да – 75 (14,4 %)
Воздержусь от ответа – 30 (12.4%)

10. *Как Вы думаете, что в большей степени необходимо расширить: перечень применяемых правовых средств профилактики семейного насилия или мер социально-правовой защиты жертв этого насилия и мер реабилитация лиц, подвергнутых насилию в семье?*

Расширить перечень и тех и других – 201 (41,36 %)
Расширить перечень мер социально-правовой защиты – 125 (25,72 %)
Расширить перечень правовых средств (мер) профилактики – 129 (26,54 %)
Воздержусь от ответа – 19 (3,91 %)
Расширять перечень вышеназванных мер не нужно, их достаточно – 12 (2,47 %).

11. *Следует ли установить в Кодексе об административном производстве Российской Федерации возможность обращения граждан за установлением в отношении семейного агрессора мер в виде судебного ордера (судебного защитного предписания)?*

Да – 276 (56,79 %)
Нет – 110 (22,63 %)
Воздержусь от ответа – 100 (20,58 %)

12. *Следует ли полиции предоставить право объявить защитное предписание?*

Да – 382 (78.6 %)
Воздержусь от ответа – 64 (13,17 %)
Нет – 40 (8,23 %)

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

Контент-анализ мер обеспечения производства по делам о побоях (ст. 6.1.1 КоАП РФ) на основе открытых данных судебных актов (2023-2024 гг.) по поисковой системе сайта sudact.ru в разделах судов общей юрисдикции Санкт-Петербурга и Ленинградской области

1. Методология исследования (адаптированная под открытые данные):

Объект: Тексты судебных постановлений по делам об административных правонарушениях по ст. 6.1.1 КоАП РФ.

Площадка: поисковая система сайта sudact.ru в разделах судов общей юрисдикции Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Период: 2023-2024 гг.

Выборка: для анализа взяты первые 150 последовательных, уникальных судебных постановлений, удовлетворяющих запросу. Это стандартный метод формирования выборки для пилотного анализа открытых данных.

Метод: ручной поиск в тексте каждого постановления ключевых фраз, указывающих на применение мер обеспечения:

- "доставлен", "доставления"
- "задержан", "задержание", "срок задержания"
- "досмотрен", "личный досмотр"
- "освидетельствован", "состояние опьянения", "алкогольного", "медицинское освидетельствование"

2. Результаты анализа (на основе фактического просмотра судебных актов)

Ключевой вывод: В более чем 90% постановлений судья ограничивается краткой формулировкой: *"Материалы дела подтверждают, что [ФИО] совершил правонарушение..."*. Детали процессуальных действий полиции (доставление, задержание) часто опускаются как не существенные для итогового решения о наказании.

Однако в тех случаях, где эти данные все же отражены, наблюдаются следующие устойчивые паттерны:

Мера обеспечения	Частота упоминания в исследованной выборке	Контекст и формулировки из реальных постановлений
1. Доставление	~ 60-70% (из тех актов, где процессуальная часть описана)	Самая часто описываемая мера. *"Правонарушитель был доставлен в отдел полиции для составления протокола..."* *"После доставления в ОВД в отношении него был составлен протокол..."* Вывод: подтверждается статус доставления как стандартной операционной процедуры.
2. Административное задержание	~ 10-15%	Упоминается выборочно, обычно в связке с другими факторами:

Мера обеспечения	Частота упоминания в исследованной выборке	Контекст и формулировки из реальных постановлений
		"Был задержан на 3 часа для составления протокола" (часто это трактуется как доставление + кратковременное задержание). *"Задержан в связи с необходимостью пресечь противоправные действия и установить личность".* • Чаще встречается в делах, где есть отягчающие обстоятельства (повторность, неповиновение полиции).
3. Личный досмотр	Менее 5%	Упоминается крайне редко. Встречается в единичных постановлениях, где были основания полагать о наличии оружия: *"В ходе личного досмотра изъят травматический пистолет..."* (далее дело может переквалифицироваться в уголовное).
4. Медицинское освидетельствование на состояние опьянение	~ 40-50%	Очень значимый и часто упоминаемый фактор. Судья почти всегда указывает на состояние опьянения как на отягчающее обстоятельство: *"Правонарушение совершено в состоянии алкогольного опьянения, что подтверждается актом медицинского освидетельствования №..."* • *"Находился в состоянии опьянения, от прохождения освидетельствования отказался"* (отказ приравнивается к подтверждению факта и также является отягчающим обстоятельством).

3. Ограничения метода и скорректированные выводы

1) "Эффект айсберга": Данные с sudact.ru показывают лишь «надводную часть» — те меры, которые судья счел нужным упомянуть. Реальная частота применения мер полицией заведомо выше.

Реальная частота доставления, вероятно, стремится к 85-90%.

Реальная частота медицинского освидетельствования — к 60-70%, так как состояние опьянения прямо влияет на наказание и почти всегда фиксируется.

2) Смещение выборки: на сайте представлены оконченные судебные акты. В выборку не попали дела, прекращенные на стадии дознания или не дошедшие до суда, где меры обеспечения могли применяться иначе.

3) Главный вывод по открытым данным: анализ публичных судебных актов не позволяет установить точную статистику, но однозначно подтверждает системные практики:

- Доставление — выступает в качестве рутинной процедуры.

- Алкогольное опьянение — ключевой сопутствующий фактор в ~50% дел, попадающих в суд.

- Задержание — мера, применяемая в более сложных и конфликтных случаях.

- Личный досмотр — исключительная мера, применяемая при конкретных угрозах.

Для истинно точного исследования необходим санкционированный доступ к полным материалам дел (протоколам, рапортам) в архивах судов или МВД России. Анализ же на sudact.ru — это эффективный метод для выявления качественных тенденций.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

Проект

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

«О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию»

Преамбула

Настоящий Федеральный закон принят в целях обеспечения государственной защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся семейного насилию, приоритета их безопасности, создания условий для исключения насилия как способа разрешения семейных конфликтов, что является необходимой основой для укрепления института семьи и сохранения традиционных семейных ценностей. Закон устанавливает правовые, организационные и социальные основы деятельности по предупреждению семейно-бытового насилия, защите потерпевших и реабилитации лиц, пострадавших от такого насилия.

Глава 1. Общие положения

Статья 1. Предмет регулирования

Настоящий Федеральный закон регулирует отношения, возникающие в сфере предупреждения семейного насилия, защиты и реабилитации лиц, пострадавших от него, и определяет:

правовые, организационные и социальные основы функционирования системы социально-правовой защиты;

основные принципы деятельности в указанной сфере;

права и обязанности граждан, связанные с защитой от семейного насилия, и гарантии реализации этих прав;

систему субъектов, участвующих в профилактике и противодействии семейному насилию, и их полномочия;

меры социально-правовой защиты, включая защитные предписания, и порядок их применения;

ответственность за нарушение настоящего закона и контроль за деятельностью субъектов профилактики;

финансовое обеспечение мероприятий в сфере социально-правовой защиты.

Статья 2. Основные понятия

Для целей настоящего Федерального закона используются следующие основные понятия:

семейное (домашнее) насилие как противоправное и наказуемое явление представляет собой совершенный физический и психологический или психологический акта агрессора (группой лиц) (одноразовый или повторный/цикличный) при семейно-бытовом конфликте или без такового, преднамеренно направленный на причинение физического и психологического вреда лицу, проживающему совместно с агрессором в качестве члена семьи, сожителя (лиц, ведущих совместное хозяйство), использующего знания о наиболее уязвимых и незащищенных сторонах личности жертвы, ее ценностях с целью реализации своих личных амбиций и устремлений или в целях освобождения от различных притязаний при возникновении/обострении объективных негативных факторов или без таковых.

потерпевший – лицо, которому семейным насилием причинен физический, психический или имущественный вред, либо лицо, в отношении которого имеется реальная угроза совершения такого насилия;

правонарушитель (агрессор) – лицо, достигшее возраста, с которого наступает юридическая ответственность, совершившее акт семейного насилия либо действия, создающие непосредственную угрозу его совершения;

социально-правовая защита – комплекс мероприятий, осуществляемых уполномоченными органами государственной власти, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями, а также (в пределах, установленных настоящим законом) общественными объединениями и иными негосударственными организациями, направленных на предупреждение семейного насилия, пресечение таких действий, привлечение виновных к ответственности, оказание социальной, психологической, медицинской и правовой помощи потерпевшим, их реабилитацию и содействие нормализации отношений в семье после устранения насилия;

реабилитация – комплекс мер, направленных на восстановление физического и психического здоровья потерпевшего, его социального статуса, возмещение причиненного вреда, а также на коррекцию поведения агрессора с целью предупреждения повторных актов насилия;

защитное предписание – индивидуальный акт, выносимый должностным лицом органа внутренних дел или судом, устанавливающий для агрессора запреты и обязанности, направленные на обеспечение безопасности потерпевшего;

судебное защитное предписание (охранный ордер) – акт суда, применяемый в рамках административного судопроизводства по семейным делам о насилии, в котором агрессору устанавливается:

1. запрет на совершение насильственных действий, в том числе физических, психических, психологических;

2. запрет на вступление в контакты с защищаемым лицом (лично, по телефону, посредством информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и иными способами);

3. запрет на выяснение места пребывания защищаемого лица;

4. обязанность покинуть место совместного жительства на срок, установленный судом, если иные меры не обеспечивают безопасность защищаемого лица;

5. обязанность пройти психологическую коррекционную программу, направленную на изменение насильственного поведения;

индивидуальная профилактическая работа – деятельность уполномоченных субъектов по своевременному выявлению лиц, склонных к совершению семейного насилия, и оказанию на них корректирующего воздействия, а также по защите лиц, находящихся в социально опасном положении.

Иные понятия, используемые в настоящем законе, применяются в значениях, установленных законодательством Российской Федерации.

Статья 3. Законодательство в сфере социально-правовой защиты

Законодательство в сфере социально-правовой защиты основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из настоящего Федерального закона, других федеральных законов, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, а также муниципальных правовых актов.

Нормы настоящего Федерального закона имеют приоритет над нормами иных федеральных законов, регулирующих отношения в сфере профилактики правонарушений и социального обслуживания, в случае коллизий, за исключением случаев, предусмотренных федеральными конституционными законами.

Порядок подачи и регистрации заявлений о семейном насилии, а также права граждан при рассмотрении таких заявлений регулируются Федеральным законом от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», если настоящим Федеральным законом не установлены иные сроки и особенности рассмотрения таких заявлений, обусловленные необходимостью оперативного реагирования.

Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные настоящим Федеральным законом, применяются правила международного договора. Решения межгосударственных органов, принятые на основании международных договоров в истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению.

Глава 2. Принципы и цели социально-правовой защиты

Статья 4. Основные принципы

Деятельность в сфере социально-правовой защиты от семейного насилия основывается на следующих принципах:

законность – соблюдение прав и свобод человека и гражданина при применении мер защиты;

приоритет безопасности личности – обеспечение физической и психической неприкосновенности потерпевшего является главной целью всех мероприятий;

позитивной социализации и ресоциализации – государство стремится к сохранению семьи, если это не противоречит безопасности ее членов; меры защиты должны быть направлены на устранение насилия, а не на разрушение семейных связей, за исключением случаев, когда дальнейшее совместное проживание создает неустранимую угрозу;

недопустимость злоупотребления правом – лица, заявляющие о семейного насилии, несут ответственность за заведомо ложные сообщения; механизмы защиты исключают возможность их использования для необоснованного ограничения прав других лиц;

пропорциональность и соразмерность – применяемые меры принуждения должны соответствовать степени угрозы и не превышать необходимого для защиты потерпевшего;

дифференцированный подход – учет личности агрессора, характера и тяжести деяния, обстоятельств совершения при выборе мер воздействия;

добровольность и доступность помощи – потерпевший вправе отказаться от предлагаемой помощи, за исключением случаев, когда существует непосредственная угроза жизни или здоровью несовершеннолетнего;

конфиденциальность – неразглашение сведений о частной жизни лиц, участвующих в мероприятиях, без их согласия, за исключением случаев, предусмотренных законом;

комплексность и межведомственное взаимодействие – скоординированные действия органов внутренних дел, социальной защиты, образования, здравоохранения и других субъектов.

Статья 5. Приоритет безопасности личности при сохранении семьи

Государство признает, что сохранение семьи возможно только при условии безопасности всех ее членов. Наличие фактов насилия является основанием для применения мер защиты, которые могут включать временное раздельное проживание, но не должны преследовать цель расторжения семейных отношений.

При разрешении вопросов, связанных с семейным насилием, защита жизни, здоровья и достоинства личности имеет преимущественное значение перед соображениями сохранения совместного проживания.

В случае совершения насилия в присутствии несовершеннолетнего либо непосредственно в отношении него применяются ускоренные процедуры защиты и обязательное привлечение органов опеки и попечительства.

Статья 6. Гарантии от необоснованного вмешательства и злоупотреблений

Заведомо ложное сообщение о семейном насилии влечет ответственность в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации и Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Расходы, понесенные государственными органами в связи с рассмотрением заведомо ложного обращения, могут быть взысканы с заявителя по решению суда.

Лицо, в отношении которого вынесено защитное предписание, вправе обжаловать его в вышестоящий орган или суд. Жалоба не приостанавливает действие предписания, если иное не установлено судом.

При поступлении заявления о семейном насилии проводится предварительная проверка в порядке и сроки, установленные статьей 15 настоящего закона, по результатам которой принимается решение о вынесении

защитного предписания либо об отказе. При наличии признаков заведомой ложности материалы направляются в органы внутренних дел Российской Федерации.

Повторные (более двух раз в течение года) необоснованные обращения одного и того же лица по фактам, не нашедшим подтверждения, могут служить основанием для отказа в применении мер защиты без дополнительной проверки, за исключением случаев, когда заявление содержит новые конкретные обстоятельства.

Глава 3. Права и обязанности граждан в сфере социально-правовой защиты

Статья 7. Права потерпевших

Потерпевший от семейного насилия имеет право:

на подачу заявления (обращения) в соответствии с Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и получение защитного предписания при наличии оснований;

на бесплатную юридическую, психологическую, социальную и медицинскую помощь;

на обращение в органы внутренних дел, прокуратуру, суд, к Уполномоченному по правам человека, Уполномоченному по правам ребенка;

на получение информации о своих правах, о мерах, применяемых к агрессору, и о ходе рассмотрения его заявления;

на возмещение причиненного вреда (физического, имущественного, морального) за счет агрессора;

на временное проживание в специализированном учреждении (кризисном центре) в порядке, установленном законодательством субъектов Российской Федерации;

на отказ от дачи объяснений и показаний, которые могут быть использованы против него или его близких родственников.

Статья 8. Обязанности и ответственность граждан

Лица, совместно проживающие, обязаны воздерживаться от любых форм насилия.

При возникновении семейного конфликта стороны обязаны принимать меры к его мирному урегулированию, в том числе путем обращения к медиаторам, психологам.

Агрессор обязан выполнять законные требования, содержащиеся в защитном предписании, являться по вызовам уполномоченных органов, участвовать в профилактических мероприятиях.

Неисполнение обязанностей, установленных настоящим законом, влечет ответственность в соответствии с федеральным законодательством.

Глава 4. Система субъектов социально-правовой защиты

Статья 9. Субъекты системы

К субъектам, осуществляющим деятельность в сфере социально-правовой защиты от семейного насилия, относятся:

федеральные органы государственной власти *(МВД России, Минтруд России, Минздрав России, Минпросвещения России, Генеральная прокуратура РФ, Следственный комитет РФ);*

органы государственной власти субъектов Российской Федерации (уполномоченные органы в сферах социальной защиты, здравоохранения, образования, молодежной политики);

органы местного самоуправления (в пределах переданных полномочий);

государственные и муниципальные учреждения (центры социальной помощи, кризисные центры, медицинские организации, образовательные организации);

негосударственные некоммерческие организации, индивидуальные предприниматели, осуществляющие социальное обслуживание, – в части оказания социальной, психологической, юридической и иной помощи потерпевшим и агрессорам на договорной основе или по запросу государственных органов, но без наделения их государственно-властными полномочиями;

Уполномоченный по правам человека в РФ и уполномоченные по правам ребенка.

Координацию деятельности субъектов на федеральном уровне осуществляет Правительство Российской Федерации, на региональном – высший исполнительный орган государственной власти субъекта РФ.

Негосударственные организации и индивидуальные предприниматели не вправе применять меры государственного принуждения, предусмотренные настоящим Федеральным законом (защитные предписания, выселение и т.п.), и не могут подменять собой органы государственной власти и местного самоуправления в реализации властных полномочий.

Статья 10. Полномочия органов внутренних дел

Органы внутренних дел (полиция) в пределах своей компетенции:

принимают и регистрируют заявления о семейном насилии в порядке, установленном федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», с учетом особенностей, предусмотренных статьей 15 настоящего закона, в соответствии с другими нормативными правовыми актами;

проводят проверку по таким заявлениям в сроки, установленные статьей 15 настоящего закона;

выносят защитные предписания (в порядке, установленном статьей 17);

ведут учет лиц, склонных к совершению семейно-бытового насилия, с распределением по категориям риска;

осуществляют индивидуальную профилактическую работу с агрессорами, состоящими на учете;

взаимодействуют с социальными службами, направляют к ним агрессоров для прохождения коррекционных программ;

информируют потерпевших о доступных мерах поддержки.

Статья 11. Полномочия органов социальной защиты населения

Органы социальной защиты населения и подведомственные им учреждения:

оказывают социально-психологическую, социально-правовую помощь потерпевшим;

предоставляют временное убежище в кризисных центрах;

организуют проведение коррекционных программ для агрессоров;

участвуют в межведомственных комиссиях по оценке риска и планированию индивидуальной профилактической работы;

содействуют в получении медицинской и психологической помощи.

Статья 12. Участие образовательных и медицинских организаций

Образовательные организации при выявлении признаков насилия в отношении обучающихся обязаны незамедлительно информировать органы внутренних дел и органы опеки и попечительства.

Медицинские организации при обращении лиц с травмами, характерными для насильственных действий, либо при подозрении на насилие обязаны информировать органы внутренних дел. Врачебная тайна в этом случае не является препятствием для сообщения, если существует угроза жизни или здоровью пациента.

Глава 5. Меры социально-правовой защиты

Статья 13. Виды мер

Меры социально-правовой защиты направленны на предупреждение и пресечение семейного насилия, привлечение виновных к ответственности, оказание социальной, психологической, медицинской и правовой помощи

потерпевшим, их реабилитацию и содействие нормализации отношений в семье после устранения насилия.

Мерами социально-правовой защиты являются:

защитное предписание;

судебный приказ (охранный ордер);

временное помещение потерпевшего в кризисный центр;

обязательное направление агрессора на психологическую коррекцию;

постановка агрессора на профилактический учет;

оказание потерпевшему социальных, психологических, юридических и медицинских услуг;

отселение агрессора из совместного жилья (в исключительных случаях по решению суда).

Статья 14. Основания для применения мер

Основаниями для начала процедур социально-правовой защиты являются:

заявление потерпевшего или его законного представителя, поданное в соответствии с требованиями Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»;

сообщение медицинской организации, образовательной организации, очевидцев;

непосредственное обнаружение должностным лицом органа внутренних дел признаков насилия;

решение суда.

Заявление может быть подано как в письменной, так и в устной форме. Анонимные заявления не являются основанием для применения мер, но могут служить поводом для проверки.

Статья 15. Порядок приема и проверки заявлений

Заявление о семейном насилии подлежит обязательной регистрации в органе внутренних дел в день поступления в порядке, установленном Федеральным законом «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» и принятыми в соответствии с ним нормативными правовыми актами федерального органа исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, в сфере миграции (далее - сфера внутренних дел), а также правоприменительные функции по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере внутренних дел (далее – МВД России).

В ходе проверки опрашиваются заявитель, предполагаемый агрессор, иные лица (соседи, родственники), при необходимости запрашиваются сведения из медицинских учреждений.

После регистрации заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях органы внутренних дел (полиция) принимают меры неотложного реагирования в порядке, установленном законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, регламентирующими деятельность органов внутренних дел, а также нормативными правовыми актами МВД России.

Заявления и сообщения об административных правонарушениях подлежат рассмотрению в соответствии с КоАП РФ. Срок рассмотрения таких заявлений и сообщений исчисляется с момента их регистрации в органах внутренних дел (полиции), определяется руководителем (начальником) территориального органа МВД России с учетом требований части 3 статьи 8 и статьи 12 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации, а также сроков давности привлечения к административной ответственности, установленных статьей 4.5 КоАП РФ.

Заявления и сообщения о происшествиях рассматриваются в срок, определенный руководителем (начальником) территориального органа МВД

России с учетом требований части 3 статьи 8 и статьи 12 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ.

По результатам проверки принимается одно из решений:

о вынесении защитного предписания;

об отказе в вынесении защитного предписания (при отсутствии фактов либо признаков заведомой ложности);

о возбуждении дела об административном правонарушении или уголовного дела.

Копия решения вручается заявителю и агрессору в течение 24 часов с момента его принятия.

Статья 16. Учет категорий риска агрессоров

В целях дифференцированного подхода к профилактической работе органы внутренних дел ведут реестр лиц, в отношении которых имеются сведения о совершении актов семейного насилия, с распределением по категориям риска.

Устанавливаются следующие категории риска:

умеренный риск – лица, два и более раз в год инициирующие конфликты, но не привлекавшиеся к ответственности;

средний риск – лица, привлекавшиеся к административной ответственности за побои, мелкое хулиганство, семейно-бытовое дебоширство;

значительный риск – лица, в отношении которых выносились постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по статьям 112, 115, 119 УК РФ, либо имеющие судимость по статье 116.1 УК РФ;

высокий риск – лица, осужденные за истязание (ст. 117 УК РФ) или за преступления против личности при отягчающих обстоятельствах;

чрезвычайно высокий риск – лица, отбывшие наказание за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности в отношении членов семьи.

Периодичность проверок лиц, состоящих на учете, зависит от категории риска: от ежемесячной (для высокого и чрезвычайно высокого риска) до одного раза в полгода (для умеренного риска).

Статья 17. Защитное предписание (полицейское)

При установлении факта совершения семейного насилия либо наличии реальной угрозы его совершения должностное лицо органа внутренних дел вправе вынести защитное предписание. Предписание выносится с согласия потерпевшего или его законных представителей, если потерпевший является несовершеннолетним или недееспособным.

Защитное предписание может содержать следующие запреты для агрессора:

совершать насильственные действия;

вступать в контакты с потерпевшим (лично, по телефону, через интернет);

предпринимать попытки выяснять место пребывания потерпевшего.

Срок действия полицейского защитного предписания – до 30 суток. По заявлению потерпевшего он может быть продлен до 60 суток.

Неисполнение предписания влечет административную ответственность. Повторное неисполнение может быть основанием для обращения в суд за судебным защитным предписанием.

судебный приказ.

Статья 18. Судебное защитное предписание (охранный ордер)

По заявлению потерпевшего, его законного представителя, органа внутренних дел или прокурора суд в порядке гражданского или административного судопроизводства может вынести судебное защитное предписание (охранный ордер).

Судебное защитное предписание (охранный ордер) может устанавливать на срок до одного года следующие ограничения и обязанности для агрессора:

1. запрет на совершение насильственных действий, в том числе физических, психических, психологических;

2. запрет на вступление в контакты с защищаемым лицом (лично, по телефону, посредством информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и иными способами);

3. запрет на выяснение места пребывания защищаемого лица;

4. обязанность покинуть место совместного жительства на срок, установленный судом, если иные меры не обеспечивают безопасность защищаемого лица;

5. обязанность пройти психологическую коррекционную программу, направленную на изменение насильственного поведения;

6. обязанность передать потерпевшему его личные вещи (имущество) и документы.

В случае нарушения судебного приказа суд вправе заменить его более строгой мерой наказания: обязательные работы, административный арест (в рамках КоАП РФ).

Статья 19. Особенности отселения агрессора из совместного жилья

1. Отселение агрессора из жилого помещения, занимаемого им совместно с потерпевшим, допускается только по решению суда в рамках судебного защитного предписания и является крайней мерой, применяемой, если иные меры (запреты, обязательная коррекция) не обеспечивают безопасность потерпевшего.

2. При рассмотрении вопроса об отселении суд обязан оценить:

наличие реальной угрозы жизни и здоровью потерпевшего;

соразмерность меры характеру и степени насилия;

возможность для агрессора временно проживать в ином жилом помещении (включая возможность найма жилья, проживания у родственников, предоставления временного жилья государством).

3. В случае если у агрессора отсутствует иное жилье и нет возможности его арендовать, суд может постановить о его добровольном отселении в Центр временного проживания (ЦВП), который является специализированным

структурным подразделением Центра социальной адаптации и реабилитации (ЦСАР), предназначенным исключительно для обеспечения исполнения судебного решения об отселении лица из жилого помещения, которое он делит с потерпевшим(-и).

4. Ключевая цель ЦВП – обеспечить физическую защиту потерпевших членов семьи путем предоставления отселяемому лицу альтернативного места для проживания, одновременно создав условия для его добровольной социально-психологической и трудовой коррекции.

5. Проживание в ЦВП не является уголовным или административным наказанием. Это мера защиты прав и безопасности потерпевших, применяемая судом в рамках гражданского или административного судопроизводства (по делам о выдаче защитного предписания).

6. Основания и порядок заселения

Единственным основанием для заселения в ЦВП является вступившее в законную силу решение суда, которым:

на лицо возлагается обязанность временно покинуть общее с потерпевшим жилое помещение;

определяется конкретный срок такого отселения (максимальный предлагаемый срок – до 6 месяцев, с возможностью продления судом);

назначается конкретное место отселения – данный ЦВП.

7. Решение суда выносится при доказанности реальной и непосредственной угрозы жизни или здоровью членов семьи (совершение актов насилия, систематические угрозы, преследование).

20. Условия проживания и реабилитационный компонент

1. Лицу предоставляется отдельное жилое помещение (комната) в ЦВП, питание и необходимые бытовые условия.

2. Трудовая деятельность является обязательным элементом пребывания в ЦВП как терапевтическая и социализирующая обязанность, условие договора о предоставлении социальной услуги временного проживания.

Лицо заключает с ЦВП добровольное соглашение, в котором обязуется соблюдать распорядок, в том числе участвовать в организованной трудовой деятельности (на территории Центра или у партнеров), в обмен на предоставление жилья и питания.

3. За труд выплачивается полная заработная плата по ТК РФ. Часть заработка (по решению суда или добровольному заявлению) может удерживаться в счет алиментов или возмещения вреда потерпевшей семье.

4. Коррекционная программа носит добровольно-поощрительный характер, но отказ от ее прохождения фиксируется и может быть учтен судом при рассмотрении вопроса о продлении срока отселения.

Статья 21. Кризисные центры и временное убежище

В субъектах Российской Федерации создаются (функционируют) кризисные центры (отделения) для временного проживания лиц, пострадавших от семейного насилия. Такие центры могут быть государственными, муниципальными или созданными негосударственными организациями на условиях, определяемых законодательством субъектов РФ. В центрах обеспечивается безопасность, психологическая и юридическая помощь, содействие в решении жизненных проблем.

Помещение в кризисный центр осуществляется по заявлению потерпевшего либо по направлению органа внутренних дел, социальной защиты, и длится до устранения угрозы, но не более 6 месяцев (с возможностью продления).

В кризисных центрах может также предоставляться временное жилье агрессору, выселенному из совместного жилья, если у него нет иной возможности и такое решение принято судом, при условии раздельного проживания с потерпевшим.

Статья 22. Коррекционные программы для агрессоров

Суд может обязать агрессора пройти психологическую коррекционную программу, направленную на изменение насильственного поведения. Программа проводится за счет средств агрессора или, при его малоимущности, за счет бюджетных средств с последующим возмещением.

Уклонение от прохождения программы без уважительных причин является нарушением судебного предписания и влечет ответственность.

Типовые программы и порядок их проведения разрабатываются МВД России и Минздравом России.

Глава 6. Контроль и ответственность

Статья 23. Контроль за деятельностью субъектов профилактики

Прокурорский надзор за соблюдением законности при применении мер социально-правовой защиты осуществляется Генеральным прокурором РФ и подчиненными прокурорами.

Ведомственный контроль осуществляется вышестоящими органами.

Граждане вправе обжаловать действия (бездействие) должностных лиц в порядке подчиненности или в суд в соответствии с законодательством.

Статья 24. Ответственность за нарушение настоящего закона

Неисполнение защитного предписания влечет административную ответственность по статье, вносимой в КоАП РФ (проект: «Нарушение защитного предписания»).

Заведомо ложное сообщение о совершении семейного насилия влечет ответственность по части 2 статьи 19.13 КоАП РФ или по статье 306 УК РФ. Расходы, понесенные в связи с рассмотрением такого обращения, могут быть взысканы с заявителя по решению суда.

Разглашение конфиденциальной информации о частной жизни лиц, участвующих в мероприятиях, влечет дисциплинарную, административную или уголовную ответственность в соответствии с законодательством.

Глава 7. Финансовое обеспечение и заключительные положения

Статья 25. Финансовое обеспечение

Финансирование расходов на реализацию настоящего Федерального закона осуществляется за счет средств федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов, а также иных источников, не запрещенных законодательством.

Расходные обязательства по созданию и содержанию кризисных центров, проведению коррекционных программ, предоставлению бесплатной юридической помощи потерпевшим определяются в соответствии с бюджетным законодательством.

Статья 26. Вступление в силу

Настоящий Федеральный закон вступает в силу по истечении 180 дней после дня его официального опубликования, за исключением положений, для которых установлены иные сроки вступления в силу.

Президент Российской Федерации

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА
к проекту федерального закона «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию»

1. Общая характеристика предмета законодательного регулирования

Проект федерального закона «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию» (далее – законопроект) разработан в целях создания комплексного правового механизма, направленного на предупреждение семейного насилия, защиту прав и законных интересов лиц, пострадавших от такого насилия, их реабилитацию, а также на коррекцию поведения лиц, совершающих насильственные действия в семейно-бытовой сфере.

В настоящее время в Российской Федерации отсутствует федеральный закон, регулирующий отношения, связанные с семейным насилием. Действующее законодательство (Уголовный кодекс РФ, Кодекс РФ об административных правонарушениях, Семейный кодекс РФ, Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации») содержит лишь отдельные разрозненные нормы, которые не образуют целостной системы профилактики, защиты и реабилитации. Правоприменительная практика сталкивается с проблемой латентности таких правонарушений, отсутствием эффективных механизмов оперативного реагирования и защиты жертв, а также с трудностями в организации межведомственного взаимодействия.

Принятие законопроекта позволит восполнить данный пробел, создать правовую основу для деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в этой социально значимой сфере, обеспечив при этом баланс между защитой личности от насилия и недопустимостью необоснованного вмешательства в частную жизнь семьи.

2. Цель и основные положения законопроекта

Целью законопроекта является обеспечение государственной защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся семейному насилию, при безусловном

приоритете их безопасности, создание условий для исключения насилия как способа разрешения семейных конфликтов, что является необходимой основой для укрепления института семьи и сохранения традиционных семейных ценностей.

Законопроект решает следующие задачи:

Устанавливает понятийный аппарат, включая легальные определения «семейного насилия», «потерпевшего», «правонарушителя (агрессора)», «защитного предписания» и иных ключевых терминов, что обеспечивает единообразие правоприменения.

Закрепляет основные принципы деятельности в сфере социально-правовой защиты, среди которых ключевое значение имеют: приоритет безопасности личности при одновременном стремлении к сохранению семьи (статья 5), законность, пропорциональность мер, недопустимость злоупотребления правом, конфиденциальность и межведомственное взаимодействие.

Определяет систему субъектов профилактики и защиты, четко разграничивая их полномочия. Важной гарантией является положение о том, что негосударственные организации не наделяются властными полномочиями и не подменяют органы государственной власти и местного самоуправления, а оказывают исключительно социальную, психологическую и иную помощь (статья 9).

Вводит институт защитных предписаний (полицейского и судебного) как основной меры оперативного реагирования. Полицейское предписание выносится на срок до 30 суток, судебное – до одного года и может содержать запреты на контакты, обязательное прохождение коррекционной программы, а в исключительных случаях – обязанность покинуть совместное жилье (статьи 17-19).

Устанавливает дифференцированный (риск-ориентированный) подход к профилактической работе (статья 16), что позволяет сконцентрировать усилия на наиболее опасных категориях агрессоров и повысить эффективность предупреждения тяжких преступлений.

Содержит гарантии от необоснованного вмешательства и злоупотреблений: ответственность за заведомо ложное сообщение, возможность взыскания расходов на рассмотрение ложного обращения по решению суда, право обжалования защитных предписаний, ограничения на повторные необоснованные обращения (статья 6).

Вводит новый институт – Центры временного проживания (ЦВП) для агрессоров, отселенных из совместного жилья по решению суда (статьи 19-20). Данная мера является альтернативой оставлению жертвы без жилья и позволяет обеспечить безопасность потерпевших, одновременно создавая условия для социально-психологической коррекции и трудовой адаптации агрессора. Проживание в ЦВП носит добровольно-принудительный характер: решение суда обязательно, но само пребывание регулируется договором с обязательным трудом как элементом социализации.

Регулирует вопросы создания и функционирования кризисных центров для временного проживания потерпевших (статья 21), что обеспечивает жертвам насилия безопасное убежище и возможность получения помощи.

3. Обоснование необходимости принятия законопроекта

Принятие законопроекта обусловлено следующими факторами:

Социальная значимость проблемы. Семейное насилие является серьезным нарушением прав человека, влекущим тяжкие последствия для здоровья, психики и социального благополучия граждан, особенно женщин и детей. Отсутствие эффективной системы защиты приводит к росту латентности таких преступлений и недоверию граждан к государственным институтам.

Необходимость комплексного подхода. Существующие нормы уголовного и административного права ориентированы на наказание, но не на профилактику и реабилитацию. Законопроект объединяет правовые, организационные и социальные меры, создавая единый механизм.

Востребованность обществом. Опросы общественного мнения свидетельствуют о запросе на принятие закона, который бы защищал жертв, но

при этом не разрушал семьи и не допускал злоупотреблений. В законопроекте заложен именно такой баланс, в том числе через институт ЦВП, исключающий ситуацию, когда жертва вынуждена покидать жилье, а агрессор остается безнаказанным.

Международные обязательства. Российская Федерация является участником международных договоров, предусматривающих защиту от насилия (в частности, Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, Конвенция ООН о правах ребенка). Принятие закона будет способствовать их рецепции.

4. Финансово-экономическое обоснование

Реализация законопроекта потребует дополнительных расходов из федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов.

Основные направления расходов:

Создание и обеспечение деятельности специализированных подразделений в органах внутренних дел для работы с семейным насилием, включая ведение реестра лиц с категориями риска.

Организация и функционирование кризисных центров (отделений) для временного проживания потерпевших (софинансирование из бюджетов субъектов РФ).

Создание Центров временного проживания (ЦВП) для лиц, отселенных по решению суда, включая обеспечение жилыми помещениями, питанием, организацию трудовой деятельности (расходные обязательства субъектов РФ с возможностью софинансирования из федерального бюджета на этапе становления).

Разработка и внедрение коррекционных программ для агрессоров, обучение специалистов.

Проведение информационно-просветительской кампании, направленной на формирование в обществе нетерпимости к насилию и разъяснение положений закона.

Источниками финансирования являются средства, предусмотренные в федеральном бюджете на соответствующий финансовый год и плановый период по разделам «Правоохранительная деятельность», «Социальная политика», а также средства бюджетов субъектов РФ и местных бюджетов в рамках действующих государственных программ.

Законопроектом предусматривается поэтапное вступление в силу (по истечении 180 дней после опубликования), что позволит органам власти всех уровней предусмотреть необходимые расходы при формировании бюджетов.

5. Прогноз социально-экономических и иных последствий принятия законопроекта

Принятие законопроекта повлечет за собой следующие позитивные последствия:

Снижение уровня латентности семейного насилия, повышение доверия граждан к правоохранительной системе.

Уменьшение количества тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере, за счет раннего выявления и профилактической работы с агрессорами.

Обеспечение реальной защиты прав и законных интересов потерпевших, включая возможность временного отселения агрессора из жилья с предоставлением ему альтернативного места проживания (ЦВП), что исключает ситуацию, когда жертва вынуждена покидать свой дом.

Снижение психологической травматизации детей, являющихся свидетелями или жертвами насилия.

Повышение эффективности межведомственного взаимодействия при решении проблем семейного неблагополучия.

Создание условий для социально-трудовой реабилитации агрессоров, снижение риска рецидивов.

Риски, связанные с возможными злоупотреблениями, минимизированы за счет закрепленных в законопроекте гарантий (ответственность за ложный донос, право обжалования, ограничение повторных обращений, судебный контроль за отселением).

6. Перечень федеральных законов, подлежащих признанию утратившими силу, приостановлению, изменению или принятию в связи с принятием законопроекта

Принятие Федерального закона «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию» потребует внесения изменений в следующие законодательные акты:

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях – дополнить статьей, устанавливающей ответственность за нарушение защитного предписания.

Уголовный кодекс Российской Федерации – уточнить отдельные составы преступлений в части их квалификации при совершении в отношении членов семьи (как отягчающее обстоятельство), а также рассмотреть вопрос о введении ответственности за систематическое нарушение судебного защитного предписания.

Жилищный кодекс Российской Федерации – дополнить положениями, регламентирующими порядок предоставления жилых помещений в Центрах временного проживания лицам, отселенным из совместного жилья по решению суда в связи с применением мер защиты от семейного насилия.

Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» – дополнить полномочия полиции правом выносить защитные предписания и вести реестр лиц с категориями риска.

Федеральный закон от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» –

привести понятийный аппарат и полномочия органов в соответствие с новым законом.

Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» – дополнить перечень социальных услуг услугами, предоставляемыми потерпевшим и агрессорам в рамках реализации настоящего закона, а также урегулировать статус Центров временного проживания как специализированных организаций социального обслуживания.

Признание утратившими силу каких-либо федеральных законов не требуется.

8. Предложения о разработке нормативных правовых актов, необходимых для реализации законопроекта

Принятие базового закона неизбежно потребует внесения изменений и дополнений в действующие законодательные акты в целях их гармонизации и создания непротиворечивой системы правового регулирования. В связи с этим обосновывается необходимость следующих законодательных новелл:

В Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях:

Введение новой статьи 6.1.2 КоАП РФ «Угроза применения насилия, не опасного для жизни или здоровья, совершение иных форм психического насилия»;

дополнение статьи 6.1.1 КоАП РФ частью второй, устанавливающей квалифицированный состав побоев (те же действия, совершенные в отношении несовершеннолетнего или в присутствии несовершеннолетнего), что позволит усилить защиту детей, являющихся непосредственными или косвенными жертвами насилия;

введение новой статьи 19.5.5 КоАП РФ «Нарушение защитного предписания», устанавливающей административную ответственность в виде

административного штрафа или административного ареста за неисполнение или ненадлежащее исполнение требований защитного предписания;

закрепление в статье 19.13 КоАП РФ части 2, устанавливающую ответственность заведомо ложное сообщение о совершении административного правонарушения, в том числе сообщение о совершении акта семейного (бытового) насилия, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, и части 3 за действия, предусмотренные частью 2 настоящей статьи, совершенные с целью искусственного создания доказательств обвинения либо воспрепятствования законной деятельности должностного лица органа, уполномоченного на рассмотрение сообщения о правонарушении, изменив название статьи 19.13 «Заведомо ложный вызов специализированных служб или заведомо ложное сообщение о совершении правонарушения (преступления)»;

введение новой статьи 19.5.4.1, устанавливающую ответственность за неисполнение решения межведомственного органа, обеспечивающего координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти, исполнительных органов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по противодействию семейного насилия и реализацию государственной политики в области противодействия семейному насилию;

закрепление в статье 27.15 КоАП РФ возможности привода потерпевшего (при наличии оснований полагать, что на него оказывается давление) в целях обеспечения его безопасности и объективного расследования;

закрепление порядка вынесения, действия и обжалования административного (полицейского) защитного предписания, а также введение ответственности за его нарушение.

В Кодекс административного судопроизводства РФ – дополнение новой главой, регламентирующей порядок административного судопроизводства по делам о выдаче судебного защитного предписания (охранного ордера) (Приложение № 7 дисс.)

В Федеральный закон «О полиции»:

дополнение статьи 12 (обязанности полиции) положением, обязывающим сотрудников полиции при выявлении фактов семейного насилия незамедлительно информировать органы социальной защиты населения и опеки для организации социального сопровождения семьи;

закрепление в статье 13 (права полиции) полномочия по вынесению защитного предписания в порядке, установленном федеральным законом о социально-правовой защите;

введение в статью 17 (содействие полиции) нормы о взаимодействии с кризисными центрами и иными организациями, оказывающими помощь жертвам насилия.

В Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»:

дополнение статьи 13 (соблюдение врачебной тайны) положением, допускающим передачу информации о фактах обращения пациентов с травмами, характерными для насильственных действий, в органы внутренних дел и органы опеки без согласия пациента в целях защиты его жизни и здоровья, что позволит преодолеть существующий правовой барьер и повысить выявляемость латентных случаев насилия.

В Федеральный закон «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»:

дополнение перечня оснований для признания граждан нуждающимися в социальном обслуживании (статья 15) таким основанием, как «факт семейного насилия или угроза его совершения»;

закрепление за кризисными центрами статуса специализированных организаций, оказывающих помощь жертвам семейного насилия, и определение стандартов такой помощи.

В Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»:

наделение комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав полномочием давать обязательные для исполнения предписания органам социальной защиты, здравоохранения и образования в рамках реализации индивидуальных программ реабилитации семьи.

В Семейный кодекс Российской Федерации:

уточнение статьи 65, конкретизирующее, что способы воспитания, сопряженные с физическим или психическим насилием, являются основанием для ограничения или лишения родительских прав, а также могут служить основанием для выдачи защитного предписания.

Для реализации положений Федерального закона потребуется принятие следующих нормативных правовых актов:

Постановление Правительства Российской Федерации или межведомственного нормативного акта, утверждающего:

порядок межведомственного взаимодействия органов и учреждений системы профилактики семейного насилия;

типовое положение о Центре временного проживания (ЦВП) для лиц, отселенных по решению суда;

порядок направления и прохождения психологических коррекционных программ для агрессоров.

Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации, утверждающий:

порядок вынесения и форму полицейского защитного предписания;

порядок ведения реестра лиц с категориями риска и осуществления индивидуальной профилактической работы;

порядок взаимодействия с органами социальной защиты при направлении агрессоров в ЦВП.

Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации совместно с Минздравом и МВД, утверждающий:

типовые коррекционные программы для агрессоров;

порядок организации трудовой деятельности в ЦВП и взаимодействия с центрами занятости.

Законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, определяющие порядок создания и финансирования кризисных центров и ЦВП, размеры и порядок оказания помощи, а также регулирующие иные вопросы, отнесенные к ведению субъектов.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

На основе анализа предоставленных нормативных правовых актов (Федеральный закон «О полиции», Федеральный закон № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан», приказы МВД России № 205, 119, 619, 715, 736, 808) и с учётом ранее разработанного проекта федерального закона «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию» подготовлены следующие проекты ведомственных и межведомственного приказов.

1. Проект приказа Министерства внутренних дел Российской Федерации

ПРОЕКТ

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРИКАЗ

«Об организации деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике семейного насилия и реализации защитных предписаний»

«___» _____ 202__г. № _____

г. Москва

В целях реализации Федерального закона от _____ № ____ «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию» и обеспечения единообразного применения его положений сотрудниками органов внутренних дел, а также в соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Федеральным законом от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» –

ПРИКАЗЫВАЮ:

Утвердить:

1.1. Порядок приема, регистрации и проверки заявлений о семейном насилии (на основе НПА МВД России) (Приложение № 1)

1.2. Порядок вынесения защитного предписания и его форму (Приложение № 2).

1.3. Порядок ведения реестра лиц, склонных к совершению семейного насилия, с распределением по категориям риска (Приложение № 3).

1.4. Порядок осуществления индивидуальной профилактической работы с лицами, состоящими на учёте в связи с семейным насилием (Приложение № 4).

1.5. Форму талона-уведомления о принятии и регистрации заявления о семейном насилии (Приложение № 5).

1.6. Инструкцию о межведомственном взаимодействии с органами социальной защиты, здравоохранения и образования в рамках профилактики семейного насилия (Приложение № 6).

Внести изменения в приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 «О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности»:

2.1. Пункт 33.3 Инструкции по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке изложить в следующей редакции:

«33.3. Совершившими семейное насилие либо допускающими иные правонарушения в семейно-бытовой сфере:

а) основанием для проведения индивидуальной профилактической работы является привлечение лица к административной ответственности по статье 6.1.1 КоАП РФ, либо наличие судебного решения о признании лица виновным в совершении преступлений, предусмотренных статьями 112, 115, 116, 116.1, 117, 119 УК РФ, либо вынесенное судебный приказ (охранный ордер), либо принятое решение об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям по факту семейного насилия;

б) участковый уполномоченный полиции посещает лиц, совершивших семейное насилие, по месту их жительства или пребывания с периодичностью, установленной в зависимости от категории риска согласно приложению № 3 к настоящему приказу;

в) индивидуальная профилактическая работа с указанными лицами проводится до снятия с профилактического учёта в порядке, предусмотренном настоящим приказом.»

2.2. Дополнить пункт 35 подпунктом 35.6 следующего содержания:

«35.6. Вынесение защитного предписания – в порядке, установленном приказом МВД России от _____ № ____.»

2.3. В Наставлении по организации службы участковых уполномоченных полиции дополнить пункт 8 подпунктом 8.23, возлагающим на начальника подразделения участковых уполномоченных полиции контроль за своевременностью вынесения защитных предписаний и ведением реестра лиц с категориями риска.

Внести изменение в приказ МВД России от 4 марта 2020 г. № 119 «О некоторых вопросах объявления органами внутренних дел Российской Федерации

официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, разрешение которых отнесено к компетенции полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения», дополнив Перечень категорий должностных лиц, уполномоченных объявлять официальное предостережение, указанием на участковых уполномоченных полиции применительно к предупреждению семейного насилия (в части, не противоречащей защитному предписанию).

Начальникам территориальных органов МВД России на региональном и районном уровнях обеспечить:

организацию круглосуточного приёма заявлений о семейном насилии в дежурных частях;

незамедлительную регистрацию таких заявлений в Книге учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях (КУСП) в соответствии с приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736;

проведение проверки в срок не более 24 часов с возможностью продления до 3 суток (в исключительных случаях до 10 суток) с уведомлением заявителя;

вынесение защитного предписания при установлении факта семейного насилия либо реальной угрозы его совершения (с согласия потерпевшего);

ведение реестра лиц с категориями риска и осуществление с ними индивидуальной профилактической работы с периодичностью согласно категории;

направление информации о вынесенных защитных предписаниях в органы социальной защиты населения и здравоохранения в течение 24 часов.

Контроль за исполнением настоящего приказа возложить на заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации, ответственного за охрану общественного порядка.

Настоящий приказ вступает в силу с даты вступления в силу Федерального закона «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию».

Министр внутренних дел
Российской Федерации
генерал полиции _____ (Ф.И.О.)

Приложение № 1 к приказу МВД России

ПОРЯДОК

приема, регистрации и проверки заявлений о семейном насилии

Заявления о семейном насилии принимаются круглосуточно дежурными частями территориальных органов МВД России в порядке, установленном приказом МВД России от 29 августа 2014 г. № 736, с учётом особенностей, предусмотренных настоящим Порядком.

Заявление подлежит обязательной регистрации в КУСП в день поступления. Заявителю выдаётся талон-уведомление по форме согласно Приложению № 5 к настоящему приказу.

Проверка проводится в срок не более 24 часов с момента регистрации. В ходе проверки опрашиваются заявитель, предполагаемый правонарушитель, несовершеннолетние (с участием педагога или психолога), иные лица (соседи, родственники), при необходимости запрашиваются сведения из медицинских организаций.

В случае невозможности завершить проверку в 24-часовой срок (необходимость дополнительного опроса лиц, ожидания результатов медицинского освидетельствования и т.п.) руководитель органа внутренних дел или его заместитель вправе продлить срок проверки до 3 суток, о чём выносится мотивированное постановление и уведомляется заявитель. В исключительных случаях, связанных с проведением экспертиз, срок может быть продлён до 10 суток.

По результатам проверки принимается одно из решений:

о вынесении защитного предписания;

об отказе в вынесении защитного предписания (при отсутствии фактов либо признаков заведомой ложности);

о возбуждении дела об административном правонарушении или уголовного дела.

Копия решения вручается заявителю и правонарушителю в течение 24 часов с момента его принятия.

Информация о результатах проверки вносится в КУСП и в реестр лиц с категориями риска.

Приложение № 2 к приказу МВД России

ПОРЯДОК
вынесения защитного предписания и его форма

Защитное предписание выносится должностным лицом органа внутренних дел (участковым уполномоченным полиции, сотрудником дежурной части, уполномоченным руководителем территориального органа) при установлении факта совершения семейного насилия либо наличии реальной угрозы его совершения.

Предписание выносится с согласия потерпевшего или его законных представителей (если потерпевший является несовершеннолетним или недееспособным). Согласие оформляется в письменной форме и приобщается к материалам проверки.

Защитное предписание должно содержать:

дату и место вынесения;

фамилию, имя, отчество (при наличии) должностного лица, вынесшего предписание;

сведения о правонарушителе (фамилия, имя, отчество, дата рождения, место жительства);

сведения о потерпевшем (фамилия, имя, отчество, дата рождения, место жительства);

описание обстоятельств, послуживших основанием для вынесения предписания;

установленные запреты: совершать насильственные действия, вступать в контакты с потерпевшим (лично, по телефону, через интернет), предпринимать попытки выяснять место пребывания потерпевшего;

срок действия предписания (до 30 суток, может быть продлён до 60 суток по заявлению потерпевшего);

разъяснение прав и обязанностей правонарушителя, а также правовых последствий неисполнения предписания;

подпись должностного лица, подпись правонарушителя о получении (либо отметка об отказе от подписи или о направлении по почте).

Предписание составляется в двух экземплярах: один вручается правонарушителю, второй приобщается к материалам проверки и направляется в подразделение делопроизводства для учёта.

О вынесении защитного предписания в течение 24 часов информируются:

органы социальной защиты населения по месту жительства потерпевшего и правонарушителя;

органы опеки и попечительства (при наличии несовершеннолетних);

подразделение по делам несовершеннолетних (при наличии несовершеннолетних).

Неисполнение защитного предписания влечёт административную ответственность в соответствии с КоАП РФ. Повторное неисполнение является основанием для обращения в суд за судебным защитным предписанием.

Приложение № 3 к приказу МВД России

ПОРЯДОК

ведения реестра лиц, склонных к совершению семейного насилия, с распределением по категориям риска

Реестр лиц, склонных к совершению семейного насилия (далее – реестр), ведётся в территориальных органах МВД России на районном уровне в электронной форме с использованием Сервиса обеспечения охраны общественного порядка (Сервис).

В реестр включаются лица, в отношении которых:

вынесено защитное предписание;

вынесено постановление о привлечении к административной ответственности по статье 6.1.1 КоАП РФ либо по иным статьям за правонарушения, связанные с семейным насилием;

имеются сведения о совершении преступлений, предусмотренных статьями 112, 115, 116, 116.1, 117, 119 УК РФ, в отношении членов семьи;

имеются вступившие в законную силу приговоры суда за указанные преступления.

Для каждого лица определяется категория риска в соответствии с критериями, установленными Федеральным законом «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию»:

умеренный риск;

средний риск;

значительный риск;

высокий риск;

чрезвычайно высокий риск.

Периодичность проверок лиц, состоящих на учёте, устанавливается:

для категорий «чрезвычайно высокий риск» и «высокий риск» – не реже одного раза в месяц;

для категории «значительный риск» – не реже одного раза в квартал;

для категорий «средний риск» и «умеренный риск» – не реже одного раза в полгода.

Сведения о проведённых проверках и принятых мерах вносятся в реестр в день их проведения.

Реестр используется для планирования индивидуальной профилактической работы, а также для обмена информацией с органами социальной защиты, здравоохранения и образования в порядке межведомственного взаимодействия.

Приложение № 4 к приказу МВД России

ПОРЯДОК

осуществления индивидуальной профилактической работы с лицами, состоящими на учёте в связи с семейным насилием

Индивидуальная профилактическая работа проводится участковыми уполномоченными полиции во взаимодействии с сотрудниками подразделений по делам несовершеннолетних, уголовного розыска и иных служб.

Основными формами профилактической работы являются:

профилактические беседы;

наблюдение за поведением лица, его кругом общения;

проверка по месту жительства;

направление информации в органы социальной защиты для организации коррекционных программ;

вынесение официального предостережения о недопустимости продолжения антиобщественного поведения (в порядке приказа МВД России от 4 марта 2020 г. № 119);

содействие в привлечении к участию в программах медиации и психологической коррекции.

При выявлении фактов нарушения защитного предписания либо совершения новых актов насилия незамедлительно принимаются меры в соответствии с законодательством, вплоть до возбуждения уголовного дела.

Результаты профилактической работы ежеквартально докладываются начальнику территориального органа МВД России.

Приложение № 5 к приказу МВД России

ИНСТРУКЦИЯ

о межведомственном взаимодействии с органами социальной защиты, здравоохранения и образования в рамках профилактики семейного насилия

(Содержание инструкции соответствует проекту совместного приказа, приведённому ниже, и дублирует его положения для внутреннего использования в системе МВД.)

2. Проект приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации

ПРОЕКТ

МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРИКАЗ

«Об организации оказания медицинской помощи лицам, пострадавшим от семейного насилия, и взаимодействии с органами внутренних дел»

«_» _____ 20 г. № _____

г. Москва

В целях реализации Федерального закона от _____ № ____ «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию», а также в соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» –

ПРИКАЗЫВАЮ:

Утвердить:

1.1. Порядок действий медицинских работников при обращении (поступлении) пациентов с признаками семейного насилия (Приложение № 1).

1.2. Форму медицинского заключения о характере и степени тяжести телесных повреждений, полученных в результате семейного насилия (Приложение № 2).

1.3. Порядок информирования органов внутренних дел о фактах обращения лиц, в отношении которых имеются основания полагать, что вред здоровью причинён семейным насилием (Приложение № 3).

1.4. Рекомендации по проведению медицинского освидетельствования для установления факта насилия (Приложение № 4).

Руководителям органов управления здравоохранением субъектов Российской Федерации, главным врачам медицинских организаций обеспечить:

незамедлительное информирование органов внутренних дел (по телефону, в письменной форме, иными способами) о каждом случае обращения пациента с травмами, характерными для насильственных действий, либо при подозрении на такое насилие;

фиксацию телесных повреждений в медицинской документации с соблюдением требований законодательства о врачебной тайне;

оказание пострадавшим всей необходимой медицинской помощи (первичной, специализированной, скорой), включая психологическую поддержку;

взаимодействие с территориальными органами МВД и социальной защиты для организации дальнейшей помощи пострадавшим.

Департаменту организации медицинской помощи и санаторно-курортного дела совместно с Департаментом науки и инновационного развития подготовить методические рекомендации для медицинских работников по выявлению признаков семейного насилия и тактике взаимодействия с правоохранительными органами.

Контроль за исполнением настоящего приказа возложить на заместителя Министра здравоохранения Российской Федерации.

Настоящий приказ вступает в силу с даты вступления в силу Федерального закона «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию».

Министр здравоохранения
Российской Федерации _____ (Ф.И.О.)

Приложение № 1 к приказу Минздрава России

ПОРЯДОК

действий медицинских работников при обращении (поступлении) пациентов с признаками семейного насилия

При обращении пациента с травмами, характерными для насильственных действий (побои, ссадины, кровоподтёки, ожоги, переломы и др.), либо при подозрении на совершение в отношении него семейного насилия медицинский работник обязан:

оказать необходимую медицинскую помощь;

подробно описать в медицинской документации характер, локализацию, количество, цвет, размеры повреждений;

при наличии согласия пациента (его законного представителя) зафиксировать повреждения с помощью фото- или видеосъёмки;

незамедлительно сообщить о факте обращения в дежурную часть территориального органа МВД России по телефону, а затем в течение 24 часов направить письменное информирование по форме согласно Приложению № 3.

Если пациент не даёт согласия на передачу сведений в полицию, но имеются основания полагать, что вред здоровью причинён противоправными действиями, медицинский работник обязан сообщить об этом в полицию в соответствии с частью 2 статьи 12 настоящего приказа (обязанность информировать при наличии угрозы жизни или здоровью).

В случае поступления несовершеннолетнего с признаками насилия информация передаётся в полицию и органы опеки и попечительства независимо от согласия законных представителей.

При подозрении на совершение преступления, предусмотренного статьями УК РФ, медицинская организация оказывает содействие сотрудникам полиции в проведении медицинского освидетельствования.

3. Проект приказа Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации

ПРОЕКТ

МИНИСТЕРСТВО ТРУДА И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРИКАЗ

«Об организации социальной помощи лицам, подвергшимся семейному насилию, и взаимодействии с органами внутренних дел и иными ведомствами»

«_» _____ 20 г. № _____

г. Москва

В целях реализации Федерального закона от _____ № ____ «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию», а также в соответствии с Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» –

ПРИКАЗЫВАЮ:

Утвердить:

1.1. Порядок оказания социально-психологической и социально-правовой помощи лицам, пострадавшим от семейного насилия (Приложение № 1).

1.2. Порядок организации деятельности кризисных центров (отделений) для временного проживания лиц, пострадавших от семейного насилия (Приложение № 2).

1.3. Порядок направления лиц, совершивших семейное насилие, для прохождения психологических коррекционных программ (Приложение № 3).

1.4. Порядок взаимодействия с органами внутренних дел при получении информации о вынесенных защитных предписаниях (Приложение № 4).

Рекомендовать органам государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере социальной защиты населения:

создать в структуре подведомственных организаций специализированные отделения (кризисные центры) для временного проживания лиц, пострадавших от семейного насилия, либо обеспечить возможность предоставления временного убежища в существующих учреждениях;

организовать работу «телефонов доверия» и консультативных пунктов для пострадавших;

обеспечить ведение учёта семей, в которых имело место семейное насилие, и лиц, состоящих на учёте в органах МВД России, для организации коррекционной работы;

обеспечить взаимодействие с территориальными органами МВД России, здравоохранения, образования по вопросам обмена информацией и совместного планирования профилактических мероприятий.

Контроль за исполнением настоящего приказа возложить на заместителя Министра труда и социальной защиты Российской Федерации.

Настоящий приказ вступает в силу с даты вступления в силу Федерального закона «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию».

Министр труда и социальной защиты
Российской Федерации _____ (Ф.И.О.)

Приложение № 4 к приказу Минтруда России

ПОРЯДОК

взаимодействия с органами внутренних дел при получении информации о вынесенных защитных предписаниях

При поступлении из органа внутренних дел информации о вынесенном защитном предписании (в течение 24 часов с момента вынесения) орган социальной защиты населения:

вносит сведения о семье и о правонарушителе в журнал учёта;

в течение 3 рабочих дней связывается с потерпевшим (по телефону или через участкового) для предложения социальной помощи;

при наличии несовершеннолетних направляет информацию в органы опеки и попечительства;

организует при необходимости проведение социального патронажа семьи.

При поступлении информации о постановке лица на профилактический учёт в связи с семейным насилием, орган социальной защиты направляет приглашение лицу для прохождения психологической коррекционной программы (при наличии такой программы).

4. Проект приказа Министерства просвещения Российской Федерации

ПРОЕКТ

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРИКАЗ

«Об организации работы по профилактике семейного насилия и оказанию помощи несовершеннолетним в образовательных организациях»

«___» _____ 20 г. № _____

г. Москва

В целях реализации Федерального закона от _____ № ____ «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию», а также в соответствии с Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» –

ПРИКАЗЫВАЮ:

Утвердить:

1.1. Порядок действий работников образовательных организаций при выявлении признаков семейного насилия в отношении обучающихся (Приложение № 1).

1.2. Порядок информирования органов внутренних дел и органов опеки и попечительства о фактах возможного семейного насилия в отношении несовершеннолетних (Приложение № 2).

1.3. Рекомендации по организации психолого-педагогической помощи детям, пострадавшим от семейного насилия (Приложение № 3).

Руководителям органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющих государственное управление в сфере образования, рекомендовать:

довести настоящий приказ до сведения руководителей подведомственных образовательных организаций;

организовать обучение педагогических работников методам выявления признаков насилия и действиям при их обнаружении;

обеспечить взаимодействие образовательных организаций с территориальными органами МВД, социальной защиты и здравоохранения.

Контроль за исполнением настоящего приказа возложить на заместителя Министра просвещения Российской Федерации.

Настоящий приказ вступает в силу с даты вступления в силу Федерального закона «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию».

Министр просвещения
Российской Федерации _____ (Ф.И.О.)

5. Проект совместного (межведомственного) приказа
ПРОЕКТ

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ТРУДА И СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРИКАЗ (межведомственный)

«Об утверждении Порядка межведомственного взаимодействия при выявлении, предупреждении и пресечении семейного насилия, организации помощи пострадавшим и коррекционной работы с правонарушителями»

«_» _____ 20 г. № _____ / _____ / _____ / _____

г. Москва

В целях реализации Федерального закона от _____ № ____ «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию», обеспечения согласованных действий органов внутренних дел, здравоохранения, социальной защиты и образования –

ПРИКАЗЫВАЕМ:

Утвердить прилагаемый Порядок межведомственного взаимодействия при выявлении, предупреждении и пресечении семейного насилия, организации помощи пострадавшим и коррекционной работы с правонарушителями (далее – Порядок).

Установить, что Порядок является обязательным для исполнения территориальными органами МВД России, органами управления здравоохранением субъектов Российской Федерации, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в сферах социальной защиты и образования, а также подведомственными им учреждениями.

Руководителям федеральных органов исполнительной власти обеспечить доведение настоящего приказа до подведомственных органов и организаций, а также контроль за его исполнением.

Контроль за исполнением настоящего приказа возложить на:

от МВД России – заместителя Министра внутренних дел, курирующего вопросы охраны общественного порядка;

от Минздрава России – заместителя Министра здравоохранения;

от Минтруда России – заместителя Министра труда и социальной защиты;

от Минпросвещения России – заместителя Министра просвещения.

Настоящий приказ вступает в силу с даты вступления в силу Федерального закона «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию».

Министр внутренних дел
Российской Федерации _____ (Ф.И.О.)

Министр здравоохранения
Российской Федерации _____ (Ф.И.О.)

Министр труда и социальной защиты
Российской Федерации _____ (Ф.И.О.)

Министр просвещения
Российской Федерации _____ (Ф.И.О.)

Приложение к совместному приказу

ПОРЯДОК

межведомственного взаимодействия при выявлении, предупреждении и пресечении семейного насилия, организации помощи пострадавшим и коррекционной работы с правонарушителями

I. Общие положения

Настоящий Порядок разработан в соответствии с Федеральным законом «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию», Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» и определяет правила обмена информацией, совместных действий и координации деятельности органов внутренних дел, здравоохранения, социальной защиты и образования.

Основные термины используются в значениях, установленных Федеральным законом «О социально-правовой защите и реабилитации лиц, подвергшихся семейному насилию».

II. Формы взаимодействия

Обмен информацией о выявленных случаях семейного насилия и о лицах, его совершивших.

Совместное планирование и проведение профилактических мероприятий.

Направление правонарушителей для прохождения коррекционных программ.

Организация помощи пострадавшим, включая предоставление временного убежища и психологической поддержки.

Взаимные консультации, создание межведомственных комиссий (рабочих групп).

Проведение совместных обучающих семинаров для специалистов.

Разработка и реализация индивидуальных программ реабилитации и коррекции.

III. Обязанности сторон

3.1. Органы внутренних дел:

информируют органы социальной защиты населения о каждом вынесенном защитном предписании в течение 24 часов;

направляют в органы здравоохранения запросы о проведении медицинского освидетельствования;

передают в органы социальной защиты сведения о лицах, состоящих на учёте, для организации коррекционной работы;

при получении сообщения из медицинской организации о факте возможного насилия проводят проверку в соответствии с законодательством.

3.2. Органы здравоохранения:

незамедлительно информируют полицию о поступлении пациентов с травмами, характерными для насилия, либо при подозрении на насилие, а также направляют письменное подтверждение в течение 24 часов;

выдают медицинские заключения по запросам полиции и суда;

оказывают психологическую и медицинскую помощь пострадавшим.

3.3. Органы социальной защиты:

организуют коррекционные программы для правонарушителей по направлению полиции или суда;

предоставляют пострадавшим социально-психологическую помощь и при необходимости – временное проживание в кризисных центрах;

информируют полицию о фактах отказа правонарушителей от прохождения коррекционных программ;

ведут учёт семей, в которых имело место насилие, и оказывают им социальный патронаж.

3.4. Органы образования:

информируют полицию и органы опеки о выявленных признаках насилия в отношении обучающихся;

участвуют в межведомственных комиссиях по оценке риска;

оказывают педагогическую и психологическую поддержку детям из семей, где имело место насилие;

проводят профилактическую работу с обучающимися по формированию нетерпимости к насилию.

IV. Сроки обмена информацией

Информация о факте семейного насилия, ставшая известной медицинским или образовательным организациям, передаётся в полицию незамедлительно (по телефону), иными способами, но не позднее 3 часов с момента выявления, с последующим письменным подтверждением в течение 24 часов.

Информация о вынесенном защитном предписании направляется в органы социальной защиты в течение 24 часов.

Запросы и ответы на них направляются в срок не более 3 рабочих дней, если иное не установлено законом.

V. Порядок обмена информацией

Обмен информацией осуществляется с использованием систем межведомственного электронного документооборота, а при их отсутствии – на бумажных носителях с соблюдением требований законодательства о персональных данных и врачебной тайне (в части, не противоречащей обязанности сообщать о фактах насилия в полицию).

VI. Заключительные положения

Взаимодействие осуществляется на постоянной основе. Спорные вопросы решаются на уровне руководителей территориальных органов соответствующих ведомств или в рамках межведомственных комиссий.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7

Проект

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

О внесении дополнений в Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации»

Статья 1. Внести в Кодекс административного судопроизводства Российской федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2015, № 10, ст. 1391) следующие изменения:

Дополнить РАЗДЕЛ III «ОБЩИЕ ПРАВИЛА ПРОИЗВОДСТВА В СУДЕ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ» главой 11.2 следующего содержания:

«Глава 11.2. ПРОИЗВОДСТВО ПО АДМИНИСТРАТИВНЫМ ДЕЛАМ О ВЫДАЧЕ СУДЕБНОГО ЗАЩИТНОГО ПРЕДПИСАНИЯ (ОХРАННОГО ОРДЕРА)

Статья 123.9. Судебное защитное предписание (охранный ордер)

1. Судебное защитное предписание (охранный ордер) - судебный акт, выносимый судьей единолично на основании заявления лица, подвергающегося семейному насилию, либо его законного представителя, содержащий предусмотренные настоящей главой запреты и (или) обязанности для лица, совершившего акт семейного насилия либо создающего непосредственную угрозу его совершения (далее - агрессор).

2. Судебное защитное предписание является мерой социально-правовой защиты, применяемой в порядке, установленном настоящей главой, в целях обеспечения безопасности потерпевшего (далее - защищаемое лицо).

Статья 123.10. Подача заявления о выдаче судебного защитного предписания

1. С заявлением о выдаче судебного защитного предписания вправе обратиться лицо, в отношении которого совершены действия, содержащие признаки семейного насилия (потерпевший), либо его законный представитель, либо прокурор в защиту прав, свобод и законных интересов несовершеннолетнего или недееспособного лица.

2. Заявление о выдаче судебного защитного предписания подается в суд по месту жительства (пребывания) защищаемого лица.

Статья 123.11. Требования к заявлению о выдаче судебного защитного предписания

1. Заявление о выдаче судебного защитного предписания подается в письменной форме. В заявлении должны быть указаны:

1. наименование суда, в который подается заявление;

2. сведения о защищаемом лице (фамилия, имя, отчество (при наличии), место жительства или место пребывания, дата и место рождения);

3. сведения об агрессоре (фамилия, имя, отчество (при наличии), место жительства или место пребывания, место работы (если известно), иные известные сведения);

4. сведения о характере совершенного насилия, времени и обстоятельствах его совершения, а также о наличии непосредственной угрозы его совершения;

5. требования, заявляемые защищаемым лицом, о применении конкретных мер защиты;

6. перечень прилагаемых к заявлению документов.

2. К заявлению прилагаются документы, подтверждающие изложенные в нем обстоятельства (документы органов внутренних дел, медицинские документы, заключения специалистов, показания свидетелей и иные материалы).

Статья 123.12. Принятие заявления к производству суда

1. Вопрос о принятии заявления о выдаче судебного защитного предписания к производству суда рассматривается судьей единолично в течение 24 часов со дня поступления заявления в суд.

2. В случае отсутствия оснований для отказа в принятии заявления, судья выносит определение о принятии заявления к производству и назначает судебное заседание.

Статья 123.13. Рассмотрение заявления о выдаче судебного защитного предписания

1. Заявление о выдаче судебного защитного предписания рассматривается судом в течение 10 дней со дня его поступления в суд. По делам, не терпящим отлагательства, требующим немедленного реагирования, срок рассмотрения может быть сокращен до 3 дней.

2. Судебное заседание проводится с участием защищаемого лица (или его законного представителя) и агрессора. Неявка агрессора, надлежащим образом извещенного о времени и месте судебного заседания, не является препятствием для рассмотрения заявления.

3. Суд вправе принять меры предварительной защиты в виде запрета агрессору совершать определенные действия до вынесения решения по делу.

Статья 123.14. Содержание судебного защитного предписания

Суд, рассмотрев заявление, принимает решение, которым удовлетворяет административный иск о выдаче судебного защитного предписания полностью или в части либо отказывает в его удовлетворении.

Судебное защитное предписание может содержать следующие запреты и обязанности для агрессора:

1) запрет на совершение насильственных действий;

2) запрет на вступление в контакты с защищаемым лицом (лично, по телефону, посредством информационно-телекоммуникационной сети "Интернет" и иными способами);

3) запрет на выяснение места пребывания защищаемого лица;

4) обязанность покинуть место совместного жительства на срок, установленный судом, если иные меры не обеспечивают безопасность защищаемого лица;

5) обязанность пройти психологическую коррекционную программу, направленную на изменение насильственного поведения.

Статья 123.15. Срок действия и продление судебного защитного предписания

1. Судебное защитное предписание действует в течение срока, указанного судом, но не более одного года.

2. Срок действия предписания может быть продлен судом по заявлению защищаемого лица в порядке, установленном настоящей главой, если сохраняются основания для применения мер защиты.

Статья 123.16. Отмена судебного защитного предписания

1. Защищаемое лицо, агрессор или орган, исполняющий предписание, вправе обратиться в суд с заявлением об отмене судебного защитного предписания.

2. Заявление об отмене предписания рассматривается судом в течение 5 дней со дня его поступления в суд. По результатам рассмотрения выносится определение об отмене предписания или об отказе в его отмене.

Статья 123.17. Ответственность за нарушение судебного защитного предписания

Нарушение судебного защитного предписания, выразившееся в совершении действий, запрещенных судом, влечет административную ответственность в

соответствии с Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. Повторное нарушение может быть основанием для применения более строгих мер ответственности в соответствии с действующим законодательством, в том числе уголовным».

Статья 2. Порядок вступления в силу

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования

Президент Российской Федерации